

78

Валерий Яковлевич Брюсов

Том 3. Стихотворения 1918-1924

(Собрание сочинений в семи томах #3)

Настоящее собрание сочинений В.Я. Брюсова — первое его собрание сочинений. Оно объединяет все наиболее значительное из литературного наследия Брюсова. Построено собрание сочинений по жанрово-хронологическому принципу.

Третий том составляют стихотворения 1917–1924 гг. (сборники: «Последние мечты», «В такие дни», «Миг», «Дали», «Меа» и поэтические произведения 1892–1924 гг., не вошедшие в авторские сборники.

<http://ruslit.traumlibrary.net>

Содержание

Последние мечты (1917–1919)	0019
Душа истаивает	0019
Жить на воле	0029
Единое счастье — работа!	0040
Образы святые	0046
Это все — кошмар!	0057
Маленькие дети	0066
Сонеты	0072
В такие дни (1919–1920)	0080
В зареве пожара	0080
Над мировым костром	0100
Шаги Афродиты	0111
Завес веков	0128
Приветствия	0140
А здесь, в уме	0150
Миг (1920–1921)	0165
Кругозор	0165
Из прежде в теперь	0175
Просверк	0182
Тень света	0191
Дом видений	0201
Дали (1922)	0223
Века и пространства	0223
Минуты	0239
Чуть сквозь улыбку	0253

Стихи о голоде	0263
Меа (1922–1924)	0268
В наши дни	0268
В мировом масштабе	0284
В деревне	0297
Из книг	0309
Мысленно	0322
Наедине с собой	0332
Бреды	0346
Стихотворения, не включавшиеся в сборники (1891–1924)	0357
Поэзия («Ты знаешь, чью любовь мы изливаем в звуки...»)	0357
Поэзия («Поэзия везде. Вокруг, во всей природе...»)	0358
«Я за то свою мысль ненавижу...»	0359
При посылке П. Верлену перевода «Романсов без слов»	0360
Тема предчувствий	0360
«Здесь же, в театре, когда-то с тобой...»	0361
«Чужда мне красота раскинутых степей...»	0362
«Гнутся высокие лотосы...»	0363
«У друга на груди забылася она...»	0364
«Что за тени: ты ли, греза?...»	0365
«Печален был туманный взор...»	0366
«Сегодня мертвые цветы...»	0367
«Мне дорог весь мир...»	0368

Кучи свезенного снега	0369
«Слово бросает на камни одни бестелесные тени...»	0371
В библиотеке	0371
«Призрак луны непонятен глазам...»	0373
«Светлым гаснущим закатом...»	0374
«Умрем в объятиях полночной тишины!..»	0375
«Белеет ночь. Деревья сквера...»	0376
«Небо задернула бледная пленка...»	0377
«За годами год, девятнадцатый год...»	0378
«Грезы быстрые, как чайки...»	0379
«Вся жизнь моя — бесформенная греза...»	0380
Ранняя весна	0381
«На самом дне мучительной темницы...»	0382
«Без обоев бревна и тес...»	0383
«Я свечку погасил — и прямо под окном...»	0384
Спинозианы	0385
«Я люблю у застав переулки Москвы...»	0386
«Я часто размышлял о сущности вещей...»	0387
К ветрам	0388
Два мака	0390
Весталка	0391
Слишком	0392
«Торжественно-больное беспокойство...»	0393
«Полно, не во сне ли видел я вчера...»	0395

«Иду но бульвару. В померкшей листве...»	
0396	
Охота за кабаном	0398
«В глуби пустыни, в безвестном оазе...»	0399
«Дрожащие листья на бледные щеки...»	0402
А.М. Добролюбову	0403
Стихи о любви	0404
Подземные растения (Лилейно-сосновый сонет)	0406
К солнцу	0407
Песня («Во мгле ночной...»)	0408
Однострочные стихотворения	0409
Эпиталама	0410
«Сквозь разноцветные стекла закат...»	0411
«Женский голос — он прозрачен...»	0413
«Не говори мне, что ты любишь меня!...»	0414
«Последним отблеском овейанный...»	0415
Я люблю другого	0416
«Я угадал за яркой сменой...»	0417
«Дальний шум фонтана...»	0418
Летний праздник	0418
«Отвращенье...»	0419
«Есть одно, о чем плачу я горько...»	0420
«Черный лес луной пронизан...»	0421
«Речи несмелых признаний...»	0422
К прошлому	0423
«В последний раз пропел петух...»	0424
«Люблю я вспоминать утраченные дни...»	

0425

Поликрат	0426
«Если мне суждено умереть...»	0427
«Мы гордо людей презираем...»	0428
«Твои стихи — как луч случайный...»	0428
Весенняя поэма	0429
Вступления к поэме «Атлантида»	0431
Отрывок	0433
Пифия	0434
Полнолуние	0435
Встреча («Еще мы чужие в мгновенье при встрече...»)	0436
«Ветер уныло летает над палубой...»	0437
Сестре	0438
К Бальмонту	0439
Перепевы Бальмонта	0440
«Костей, бутылок продавать!..»	0441
«Засияла моя стена...»	0442
Сонет, посвященный поэту П.Д. Бутурлину	0443

0443

Рондо («Не смею все мечты вложить я в стих...»)	0444
Дома	0445
«Я в высокой узкой башне...»	0446
На заданную тему у Случевского	0447
Сонет о поэте	0448
Железный путь	0449
На осуждение Дрейфуса (29 августа 1899)	0450

За пределами сказок («Под навесом темной ели...»)	0452
«Я люблю в твоих стихах...»	0453
«А сколько радости и неги...»	0454
«Будущий век...»	0455
Матери на именины	0456
Из детской книжки	0457
«Есть слова волшебства. Вы всесильны...»	0458
«Я от стыда закрыл лицо...»	0459
«Заботы дня, как псы, меня бесславно травят...»	0460
За городом	0460
«Люблю я имя Анна...»	0462
«Я жду у ветхого забора...»	0463
«Кто ты? — Я — чувство, я — любовь...»	0464
«Настали дни печальные, как воды...»	0465
«Вы неисполненных надежд...»	0466
«Я жизнью пьян. Напиток жгучий...»	0467
«Торжествовать! какие звуки!..»	0468
«В глуби тайные вселенной...»	0469
«Хорошо бы нам додуматься...»	0469
Мона Лиза	0470
Братья бездомные	0471
«Так это будет летом. Кисея...»	0473
«Вот брошен я какой-то силой...»	0474
«Нет душе покою...»	0475
«Непересказанные думы...»	0476
«Я снова одинок, как десять лет назад...»	0477

«Все бездонней, все безмерней...»	0478
«Надо струны перестроить...»	0479
«Неужели это была ты...»	0480
«Я много лгал и лицемерил...»	0485
Sub specie aeternitatis	0486
«Я путешественник случайный...»	0488
«Да, в нашей жизни есть кумир для всех единый...»	0488
«Дивный генуэзец! как нам стали понятны...»	0490
«Пусть лобзает меня — он лобзаньем своим!...»	0492
«Влачась по дням, при новой встрече...» .	0494
«Прими послание, о Виктор!...»	0495
«И вдруг все станет так понятно...»	0496
«Над бредом наших разных ликов...»	0497
Орфей	0498
«Дитя, скажи мне, что любовь?...»	0501
Сфинкс	0502
«Есть поразительная белость...»	0504
«Скорпиону» и «Грифу»	0505
Максимилиану Шикю	0506
«Я не видал таинственных лесов...»	0507
«Царил над миром рифм когда-то...»	0509
«На площади, полной смятеньем...»	0510
К народу	0511
«Ужель доселе не довольно?...»	0514
Весы качнулись	0515

Близким	0516
Предание	0518
Плач Лаодамии	0523
Под утро	0524
Остров	0525
Нить	0526
«Встав, прошумят и сгинут города...»	0527
«Все ближе, все ближе, все ближе...»	0528
«Я безволен, я покорен...»	0529
Балаганы	0530
Жигули	0532
«Трубите в траурные трубы...»	0533
Сходные решения	0533
У вагонного окна	0534
Я и кот	0536
«Я знал тебя, Москва, еще невзрачно- скромной...»	0538
«Здесь раннего посева всходы...»	0540
Кладбище	0541
Ветреный вечер	0542
Вечер в поле	0543
Одинокая ель	0544
Рабы	0546
«Желанье, ужасу подобное...»	0549
«Не так же ль годы, годы прежде...»	0550
«С пестрым мешком за плечами татарин...»	0551
«Душа томится надеждой тщетной...»	0552

«Я видел много городов...»	0554
«Озими зеленые, оголенный лес...»	0555
«Так повелел всесильный Демиург...»	0557
«Двадцать лет назад ты умерла...»	0558
«Как ангел тьмы и ангел света...»	0559
«Уже оваянная тенями...»	0561
«Давно, среди всех соблазнов мира...»	0562
«Нет тебе на свете равных...»	0563
«Прости мой стих, безумьем гневный...»	0565
«Солнце! Солнце! Снова! Снова ты со мной!..»	0566
«Чуть видные слова седого манускрипта...»	0567
«Я мальчиком мечтал, читая Жюль Верна...»	0568
«Зыблются полосы света...»	0571
«Три женщины — белая, черная, алая —...»	0572
«Сердце утомленное хочет одного...»	0574
«Как струны оборвавшейся жалобный звук...»	0575
«Любовь, как властный недруг, вяжет...»	0577
«Безумец! думал плыть ты по...»	0578
«Огни! лучи! сверканья! светы!..»	0579
Ребенок Сонет	0580
«Всем душам нежным и сердцам влюбленным...»	0581
«Речи медной, когда-то звучавшей на форуме	

Римском...»	0583
«День красочный, день ярко-пестрый...»	0584
«Разбегаются снова поля за окном...»	0585
«Строго и молча, без слов, без угроз...»	0587
«Мне кажется, что в саване я...»	0589
«После долгих скитаний тебя я обрел, моя девочка!...»	0590
«Три змеи, три кольца, окружили меня...»	0591
«Как из коры точит желтеющую камедь...»	0593
«Когда я, юношей, в твоих стихах мятежных...»	0594
«Проходит день, как смена отражений —...»	0595
«Я в море не искал таинственных Утопий...»	0596
«Опять мой посох приготовлен...»	0602
«Плохо приходится старому лешему...»	0604
«Ступени разрушенной лестницы...»	0605
Эллису	0606
Листок, спрятанный в коре	0607
«Не как молния, смерти стрела...»	0609
Последний путь...	0610
Всхождение	0612
«Когда смотрю в декабрьский сумрак ночи...»	0614
Два врага	0616
Больше никогда	0617

Германия (Отрывки)	0619
Семейная картинка (Аллегория)	0621
Витраж — триптих	0624
«Да, я безумец! я не спорю!..»	0629
«Мелькали мимо снежные поляны...»	0630
Майский дождь	0631
«Я устал от светов электрических...»	0632
«Ночью ужас беспричинный...»	0634
Польша есть! В ответ Эдуарду Слонскому	0635
«Я прошел пути и перепутья...»	0637
Завет Святослава	0639
К стальным птицам	0641
Зов старинный	0643
Загробный призыв	0644
«Ты приходишь из страны безвестной...»	0645
В альбом («Многое можно прощать...»)	0647
Все краски радуги	0648
«Волны волос упали...»	0649
«Из Венка сонетов»	0650
«С волнением касаюсь я пера...»	0652
«Пришли рассеяния годы...»	0654
Верные лире	0656
Лев и свинья Басня по Ф. Достоевскому	0658
«Иногда хорошо и отрадно...»	0660
Молитва («Отче! полмира объемлешь ты тенью...»)	0662
«В круженье жизни многошумной...»	0663
«Рдяность померкла за очерком гор...»	0664

«Закат ударил в окна красные...»	0665
Баллада	0666
Вечерние пеоны	0668
Римляне в Китае (166 г. Н.А.)	0670
«В том сером доме, в этом переулке...»	0671
«Еще недолгий срок тебе рыдать, река...»	0673
После неудачи	0675
Косцы в «Сфере огня»	0677
Via appia	0678
«Тот облик вековой огромных городов...»	0679
В ночь под Новый год	0681
Краткий дифирамб	0683
Голос города («Ру-ру, ру-ру, трах, рк-ру-ру...»)	0684
«На дальней полке мирным строем стоя...»	0685
Табакерка	0687
Скользящая терцина (наброски)	0689
«Я — междумирок. Равен первым...»	0692
«Народные вожди! вы — вал, взметенный бурей...»	0694
«Слепой циклон, опустошив...»	0696
Вешние воды (импровизация)	0697
«Парки бабье лепетанье...»	0701
Томные грезы (вариация)	0703
«Ночное небо даль ревниво сжало...»	0704
Сонет	0705
Октавы	0707

«В тихом блеске дремлет леска...»	0711
После сенокоса	0712
Светоч мысли Венок сонетов	0713
«Пора! Склоняю взор усталый...»	0729
Вступление	0731
Праздник труда Гимн Первого мая 1919 года	0732
Труд	0735
Первый привет	0737
«Что день, то сердце все устaley...»	0738
У цели	0740
«Сложив стихи, их на год спрятать в стол...»	0741
«Мелькают дни, и с каждым новым годом...»	0744
Знакомый стих	0745
Набросок	0747
«Я доживаю полстолетья...»	0748
«Я выросал в глухое время...»	0750
«Пусть вечно милы посевы, скаты...»	0751
Бессонная ночь	0754
«Гордись! я свой корабль в Египет...»	0756
Уныние («Уныние! твой берег скал безлесных...»)	0758
Паломничество в века	0760
«Не лги, мечта! бывшего жгуче жаль...»	0763
Дворец Центромашин	0764
«Когда над городом сквозь пыль поют...»	0767

Бунт	0768
«Мечта, внимай! Здесь, в полночи бездонной...»	0769
«Когда стоишь ты в звездном свете...»	0772
«Современность грохочет, грозит, негодует...»	0773
«Не довольно ль вы прошлое не жили...»	0775
«С тех пор как я долго в немом ожидании...»	0776
«Снова сумрак леса зелен...»	0778
Всадник в городе	0779
В вагоне («Душно, тесно, в окна валит...»)	0781
Болезнь	0783
Возвращаясь	0784
«Дни для меня незамысловатые фокусы...»	0786
«Еще раз, может быть, в последний...»	0788
«В священной бездне мглы архангел мне предстал...»	0789
«Эй, рабочие мира! ложь — все то сладкопенье!..»	0793
А.К. Глазунову	0794
«Странствующий рыцарь, Дон Кихот!..»	0795
«Быть может, у египетских жрецов...»	0796
«Люблю в закатном замираньи...»	0799
Ультиматум весны	0800
Республика последних снов	0802
«Развертывается скатерть, как в рассказе о	

Савле...»	0804
Шарманка	0806
Германии 1923	0807
На смерть вождя	0811
Реквием На смерть В.И. Ленина	0813
«Свет обмер, тени наклонились...»	0814
«Трава весенняя допела...»	0815
Dolce far niente	0817
«Краткими складками взморщи...»	0818
Максимилиану Волошину	0820
Портрет женщины	0822
Соломон	0823
Крым	0825
«Вот я — обвязан, окован...»	0826
Египетские ночи (Обработка и окончание поэмы А. Пушкина)	0828
Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам (1912–1918)	0855
Предисловия	0855
Опыты по метрике и ритмике (размеры и напевы)	0903
Опыты по евфонии (звукопись и созвучия)	0939
Опыты по строфике (строфы и формы)	0978
Примечания	1033

Валерий Яковлевич Брюсов
Собрание сочинений в семи
томах
Том 3. Стихотворения 1918-
1924

Последние мечты (1917–1919)

Душа истаивает...

В горнем свете

*Я сознаю, что постепенно
Душа истаивает. Мгла
Ложится в ней. Но, неизменно,
Мечта свободная — светла!*

*Бывало, жизнь мutilи страсти,
Как черный вихрь морскую гладь;
Я, у враждебных чувств во вла-
сти,
То жаждал мстить, то мог ры-
дать.*

*Но, как орел в горах Кавказа,
За кругом круг, уходит ввысь,
Чтоб скрыться от людского гла-
за, —
Желанья выше вознеслись!*

*Я больше дольних смут не вижу,
Ничьих восторгов не делю;
Я никого не ненавижу
И — страшно мыслить — не люб-*

лю!

Но, с высоты полета, бездны
Открыты мне — былых веков:
Судьбы мне вняттен ход железный
И вопль умолкших голосов.

Прошедшее, как дно морское,
Узором стелется вдали;
Там баснословных дней герои
Идут, как строем корабли.

Вникая в смысл тысячелетий,
В заветы презренных наук,
Я словно слышу, в горнем свете,
Планетных сфер певучий звук;

И, прежнему призыванью верен,
Тот звук переливаю в стих,
Чтоб он, отчетлив и размерен,
Пел правду новых снов моих!

Июль 1918

Пророчества весны

В дни отрочества, я пророче-
ствам
Весны восторженно внимал:
За первым праздничным подснеж-

ником,
Блажен пьянящим одиночеством,
В лесу, еще сыром, блуждал.

Как арка, небо над мятежником
Синело майской глубиной,
И в каждом шорохе и шелесте,
Ступая вольно по валежникам,
Я слышал голос над собой:

Все пело, полно вешней прелести;
«Живи! люби! иди вперед!
Ищи борьбы, душа крылатая,
И, как Самсон из львиной челю-
сти,
Добудь из грозной жизни — мед!»

И вновь весна, но — сорок пятая...
Все тот же вешний блеск вокруг:
Все так же глубь небес — божес-
твенна;
Все та ж листва, никем не смя-
тая;
Как прежде, свеж и зелен луг!

Весна во всем осталась девствен-
ной;
Что для земли десятки лет!

Лишь я принес тоску случайную
На праздник радости естествен-
ной, —
Лишь я — иной, под гнетом лет!

Что ж! Пусть не мед, а горечь
тайную
Собрал я в чашу бытия!
Сквозь боль души весну привет-
ствую
И на призыв земли отвечаю,
Как прежде, светлой песней я!

1⁹¹⁸

При свете луны

Как всплывает алый щит над мо-
рем,
Издавна знакомый лунный щит,
—
Юность жизни, с радостью и го-
рем
Давних лет, над памятью стоит.

Море — змеи светов гибких жа-
лят
И, сплетясь, уходят вглубь, на
дно.
Память снова нежат и печалят

Дни и сны, изжитые давно.

*Сколько ликов манят зноем ласки,
Сколько сцен, томящих вздохом
грудь!
Словно взор склонен к страницам
сказки,
И мечта с Синдбадом держит
путь.*

*Жжет еще огонь былой отравы.
Мучит стыд неосторожных
слов...
Улыбаюсь детской жажде славы,
Клеветам забытых мной врагов...*

*Но не жаль всех пережитых бред-
ней,
Дерзких дум и гибельных стра-
стей:
Все мечты приемлю до последней,
—
Каждый стон и стих, как мать —
детей.*

*Лучший жребий взял я в мире
этом:*

Тайн искать в познаныи и любви,
Быть мечтателем и быть по-
этом,
Признавать один завет: «Живи!»

И, начнись все вновь, я вновь про-
шел бы
Те ж дороги, жизнь — за мигом
миг:
Верил бы улыбкам, бросив колбы,
Рвался б из объятий к пыли книг!

Шел бы к мукам вновь, большим
и малым,
Чтоб всегда лишь дрожью доро-
жить,
Чтоб стоять, как здесь я жду, —
усталым,
Но готовым вновь — страдать и
жить!

З января 1918

Ученик Орфея

Я всюду цепи строф лелеял,
Я ветру вслух твердил стихи,
Чтоб он в степи их, взвив, развеял,
Где спят, снам веря, пастухи;

Просил у эхо рифм ответных,
В ущельях гор, в тиши яйлы;
Искал черед венков сонетных
В прибое, бьющем в мол валы;

Ловил в немолчном шуме моря
Метр тех своих живых баллад,
Где ласку счастья, жгучесть горя
Вложить в античный миф был
рад;

В столичном грозном гуле тоже,
Когда, гремя, звеня, стуча,
Играет Город в жизнь, — прохо-
жий,
Я брел, напев стихов шепча;

Гудки авто, звонки трамвая,
Стук, топот, ропот, бег колес, —
В поэмы страсти, в песни мая
Вливали смутный лепет грез.

Все звуки жизни и природы
Я облекать в размер привык:
Плеск речек, гром, свист непого-
ды,
Треск ружей, баррикадный крик.

*Везде я шел, незримо лиру
Держа, и властью струн храним,
Свой новый гимн готовя миру,
Но сам богат и счастлив им.*

*Орфей, сын бога, мой учитель,
Меж тигров так когда-то пел...
Я с песней в адову обитель,
Как он, сошел бы, горд и смел.*

*Но диким криком гимн Менады
Покрыли, сбили лавр венца;
Взвив тирсы, рвали без пощады
Грудь в ад сходившего певца.*

*Так мне ль осилить взвизг трам-
вайный.
Моторов вопль, рев толп люд-
ских?
Жду, на какой строфе случайной
Я, с жизнью, оборву свой стих.*

20^{/7} февраля 1918

Сорок пятый раз

*Весенней ночью встречу звон пас-
хальный
Я сорок пятый раз...
И вот мечта, вскрывая сумрак*

дальний,
Лепечет свой рассказ.

Об том, как в детстве золоти-
лись нежно
Все праздничные дни;
Как в юности огнем любви мя-
тежно
Томили дух они;

Как позже, злобно напали змеи
Безумства и страстей,
В весенний праздник выползая
злее
Со всех моих путей...

Вновь вижу: двое, в звоне коло-
кольном,
Укрылись в темноту,
А на окне, пред взором богомоль-
ным,
Ветвь яблони в цвету...

Вновь вижу поле дальнее... раке-
та,
Взлетя, прожгла эфир...
И с перезвоном робким слился
где-то

Рёв пушек и мортир.

*Вновь вижу ночь семнадцатого
года.*

*Прекрасна и светла;
Толпу пасхальную ведет Свобода,
Раскинув два крыла...*

*Что ж принесет мне праздник со-
рок пятый?*

*О если б глубь небес
Родному краю крикнула трикра-
ты:*

«Воистину воскрес!»

Жить на воле...

Зов автомобиля

*Призыв протяжный и двухнотный
Автомобильного гудка...
И снова манит безотчетно
К далеким странствиям — тоска.*

*То лесом, то в полях открытых
Лететь, бросая версты вспять;
У станций старых, позабытых,
Раскинув лагерь, отдохнуть!*

*Когда в дороге лопнет шина,
Стоять в таинственном лесу,
Где сосны, да кусты, да глина,
А солнце серебрит росу.*

*А в холод в поле незнакомом,
От ветра кроясь за стеклом,
Смотреть, как вихрь над буреломом
Бросает новый бурелом.*

Иль ночью, в дерзостном разбеге,

Прорезывая мглу полей,
Без мысли об ином ночлеге,
Дремать под трепет фонарей!

Скользя, как метеор, деревней,
Миг жизни видеть невзначай,
И встречным прогудеть напевней,
Чем голос девушки: «Прощай!»

И, смелые виражи в поле
Срезая, вновь взлетать на склон,
И вновь гудеть, и жить на воле
Кентавром сказочных времен!

Сентябрь 1917

Лунная ночь

— Банально, как лунная ночь...

Juvenilia

Смотрю, дыша травой и мятой,
Как стали тени туч белей,
Как льется свет, чуть синеватый,
В лиловый мрак ночных полей.

Закат погас в бесцветной вспышке,
И, прежде алый, шар луны,

Как бледный страж небесной
вышки,
Стоит, лучом лелея сны.

Былинки живы свежим блеском,
Лес ожил, и живет ручей,
Бросая искры каждым всплеском,
—
Змей — лента водяных лучей.

Час волшебством мечты пропитан, —
Лука, деревья, воздух, даль...
Сердца томит он, мысль пьянит
он:
Везде — восторг, во всем — печаль!

И, лунной ночи полня чары,
Вливает песню в тишь ветвей
(Банальный гимн, как зов гитары!)
Друг всех влюбленных, соловей.

1⁹¹⁷

Солнцеворот

Была зима; лежали плотно
Снега над взрытостью полей.

*Над зыбкой глубиной болотной
Скользили, выводя изгибы,
Полозья ровные саней.*

*Была зима; и спали рыбы
Под твердым, неподвижным
льдом.
И даже вихри не смогли бы,
В зерне замерзшем и холодном,
Жизнь пробудить своим бичом!*

*Час пробил; Чудом очередным,
Сквозь смерть, о мае вспомнил
год.
Над миром белым и бесплодным
Шепнул какой-то нежный голос;
«Опять пришел солнцеворот!»*

*И под землю, зерна, чуя
Грядущей жизни благодать,
Очнулись, нежась и тоскуя,
И вновь готов безвестный колос
Расти, цвести и умирать!*

17 октября 1917

Благовесть весеннего утра

*Утро. Душа умиленно
Благовесть солнечный слышит,*

Звоны весенних лучей,
Всё отвечает созвонно:
Липы, что ветер колышет,
Луг, что ромашками вышит,
Звучно-журчащий ручей...
Воздух отзвучьями дышит
Где-то стучащих мечей.

Гулко зовя богомольца,
Звоны со звонами спорят.
Солнце гудит, как набат,
В травах бренчат колокольца.
Им колокольчики вторят,
Тучки, что небо узорят,
В сто бубенцов говорят.
Зов звонари то ускорят,
То, замедляя, звонят.

Солнце восходит все выше.
Ярче, ясней, полновесней
Голос наставшего дня.
Гулы набата все тише,
Бой перезвонов чудесней:
Скрыты серебряной песней
Медные гуды огня.
Небо взывает: «Воскресни»,
Миру лазурью звеня.

Апрельский хмель

Лиловые тени легли по последне-
му снегу,
Журча, по наклонам сбежали ру-
чьями сугробы,
Развеял по воздуху вечер истому и
негу,
Апрель над зимой торжествует
без гнева и злобы.
Апрель! Но вокруг все объято
предчувствием мая,
И ночь обещает быть ясной, и
теплой, и звездной...
Ах, тысячи юношей, нежно подру-
гу сжимая,
Свой взор наклоняют теперь над
обманчивой бездной.
Весна их пьянит, как пьянила и в
глубях столетий,
В жестокие темные годы пещер-
ного века,
Когда первобытные люди играли,
как дети,
И мамонт бродячий был грозным
врагом человека.
Быть может, вот здесь, где дли-
неют лиловые тени,

Наш пращур суровый, в любовном
восторженном хмеле,
На тающий снег преклоняя нагие
колени,
К возлюбленной девушке ник, в
тихий вечер, в апреле!
Вот солнце краснеет, скользя за
черту кругозора,
Под ласковым ветром дрожат
заалевшие ветки...
Вы, девы и юноши! май нас обра-
дует скоро:
Дышите весной, как дышали дале-
кие предки.

26 апреля 1919

Веснянка

Лишь на севере мы ценим
Весь восторг весны, —
Вешней неги не обменим
На иные сны.

После долгой ночи зимней
Нежен вешний день,
Ткани мглы гостеприимней
Расстилает тень.

Там, где землю крыл по склонам

Одноцветный снег,
Жжет глаза в лесу, зеленый
Молодой побег!

В душу к нам глядит подснежник
Взором голубым;
Даже, старый хлам, валежник
Кажется живым!

Мы весной живем, как дети,
Словно бредим вслух;
В свежих красках, в ясном свете
Оживает дух!

Каждый маю стал союзник
И врагом зимы,
Каждый счастлив, словно узник,
Выйдя из тюрьмы!

1⁹¹⁸

Перед маем

Под землей, под слоем снега,
Верит сонное зерно,
Что весной воде, с разбега,
Разбудить поля дано;

Что рассветной песней птицы
Снова станут славить лес;

И, в ночной игре, зарницы
Раскрывают узор небес;

Что зеленых трав изгибы
Запах мяты разольют,
И, хвостом виляя, рыбы
Заколышут ближний пруд!

Спит зерно и грезит маем,
В мертвой мгле и в тишине...
Разве так же мы не знаем,
Что зима ведет к весне?

Так чего ж еще нам надо, —
Если всех любовно ждет
Майских радостей награда
За тоску и белый гнет!

Как же может ночь печалить,
Будь она черна, долга,
Если утром нежно жалить
Должен алый луч снега.

Зерна верят. Будем верить
Златоцветным дням и мы!
И к чему бесплодно мерить
Сроки ночи и зимы?

*Пусть во мраке, — ты ли, я ли, —
Но дожждется кто-то дня:
Все мы видели, все знали
Шар свободного огня!*

*Трепет жизни, жажда воли
Им незримо в нас влита.
В миг конца не все равно ли
Май иль майская мечта!*

16 января. 1918

Тропическая ночь

*В снежной мгле угрюмы вопли
вьюги,
Всем сулят, с проклятьем, час
возмездий...*

*Та же ль ночь, в иных краях, на
юге,
Вся дрожит, надев убор созвездий?*

*Там, лучистым сферам дружно
вторя,
Снизу воды белым блеском све-
тят;
Легкой тенью режа фосфор моря,
Челны след чертой огнистой ме-
тят.*

Жарким ветром с пальм уснувших
веет,
Свежей дрожью с далей водных
тянет...
В звездных снах душа мечтать не
смеет,
Мыслей нет, но ум чудесно занят.

Вот — летят, сверкнув как пламя,
рыбы,
Вот — плеск весел пылью искр
осыпан;
Берег — ярок, в искрах — все изгибы,
Ясный мрак игрой лучей пропитан.

В небе, в море, в сердце — всюду
вспышки,
Мир — в огне не жгучем жив; во-
очью
Люди чудо видят... Там, в излишке
Счастья, смерть — желанна
этой ночью!

Челн застыл, горя в волшебном
круге;
Южный Крест царит в ряду со-

звездий...

Чу! вблизи глухие вопли вьюги,
Всем сулят, с проклятьем, час
возмездий.

17 января 1918

Единое счастье — работа!

Работа («Единое счастье — работа...»)

*Единое счастье — работа,
В полях, за станком, за столом,
—*

*Работа до жаркого пота,
Работа без лишнего счета, —
Часы за упорным трудом!*

*Иди неуклонно за плугом,
Рассчитывай взмахи косы,
Клонись к лошадиным подпругам,
Доколь не заблещут над лугом
Алмазы вечерней росы!*

*На фабрике в шуме стозвонном
Машии, и колес, и ремней
Заполни с лицом непреклонным
Свой день, в череду миллионном,
Рабочих, преемственных дней!*

Иль — согнут над белой страницей, —

Что сердце диктует, пиши;
Пусть небо зажжется денницей,

—
Всю ночь выводи вереницей
Заветные мысли души!

Посеянный хлеб разойдется
По миру; с гудящих станков
Поток животворный польется;
Печатная мысль отзовется
Во глуби бессчетных умов.

Работай! Незримо, чудесно
Работа, как сев, прорастет:
Что станет с плодами, — без-
вестно,
Но благостно, влагой небесной,
Труд всякий падет на народ!

Великая радость — работа,
В полях, за станком, за столом!
Работай до жаркого пота,
Работай без лишнего счета, —
Все счастье земли — за трудом!

18 сентября 1917

Пока есть небо

*Пока есть небо, будь доволен!
Пока есть море, счастлив будь!
Пока простор полей раздолен,
Мир славить песней не забудь!*

*Пока есть горы, те, что к небу
Возносят пик над пеньем струй,
Восторга высшего не требуй
И радость жизни торжествуй!*

*В лазури облака белеют
Иль туча темная плывет;
И зыби то челнок лелеют,
То клонят мощный пакетбот;*

*И небеса по серым скатам
То золотом зари горят,
То блещут пурпурным закатом
И лед вершинный багрянят;*

*Под ветром зыблемые нивы
Бессчетных отсветов полны,
И знают дивные отливы
Снега под отблеском луны.*

*Везде — торжественно и чудно,
Везде — сиянья красоты,
Весной стоцветно-изумрудной,*

Зимой — в раздольях пустоты;

*Как в поле, в городе мятежном
Все те же краски без числа
Струятся с высоты, что нежным
Лучом ласкает купола;*

*А вечером еще чудесней
Даль улиц, в блеске фонарей,
Все — зовы грез, все — зовы к пес-
не:
Лишь видеть и мечтать — умей.*

Октябрь 1917

Пусть пред окном моим...

*Пусть пред окном моим не взно-
сит
Юнгфрау купол вековой,
И знаю, что закат не бросит
Змей на лагуны предо мной;*

*Пусть нынче с гондол не оклик-
нут
Меня коварно, и в уют,
Где над палаткой пальмы ник-
нут,
Под вечер не помчит верблюду;*

Деревья чахлого бульвара
Да стены строгие домов, —
Вот сумрачно-немые чары
Всех наших дней, всех наших снов.

Но так же пламенны закаты,
И то же золото зари.
Там, где домами дали сжаты
И встали строем фонари;

И пляска радужных пылинок
В луче все та же — у окна;
И белые рои снежинок
Все так же серебрят луна;

Причудливо ползут туманы
Вдоль улиц, и ночная мгла
То множит странные обманы,
То, летом, призрачно бела.

Торжественно река струится,
Стучась в столицах о гранит,
И мир созвездий в ней глядится,
Храня величественный вид.

Над площадями полн величий
Колоколов ночной псалом,
А утром, в сквере, голос птичий

Так бодро-весел за окном.

1⁹¹⁷

Голос иных миров

Пусть мучит жизнь, и день, что
прожит,
Отзвучьем горьких дум трево-
жит,
И душу скорбь коварно гложет;
Взгляни в ночные небеса,
Где пала звездная роса,
Где Млечный Путь, как полоса,
Пролег и свет на светны множит;
Вглядись покорно в чудеса, —
И Вечность нежно уничтожит
В тебе земные голоса,
Бессонной памяти положит
Повязку мрака на глаза;
Застынет, не упав, слеза,
И миг в безбрежном изнеможет!

Целит священная безбрежность
Всю боль, всю алчность, всю мя-
тежность,
Смирять властно безнадежность
Мечтой иного бытия!
Ночь, тайн созданья не тая,
Бессчетных звезд лучи струя,

Гласит, что с нами рядом —
смежность
Других миров, что там — края,
Где тоже есть любовь и неж-
ность,
И смерть и жизнь, — кто знает,
чья?
Что небо — только порубеж-
ность
Планетных сфер, даль — колея,
Что сонмы солнц и наше «я»
Влечет в пространстве — Неиз-
бежность!

23 сентября 1917

Образы святые

Библия

*О, книга книг! Кто не изведал,
В своей изменчивой судьбе,
Как ты целишь того, кто предал
Свой утомленный дух — тебе!*

*В чреде видений неизменных,
Как совершенна и чиста —
Твоих страниц проникновенных
Младенческая простота!*

Не меркнут образы святые,
Однажды вызваны тобой:
Пред Евой — искушенье Змия,
С голубкой возвращенной — Ной!

Все, в страшный час, в горах, за-
стыли
Отец и сын, костер сложив;
Жив облик женственной Рахили,
Израиль-богоборец — жив!

И кто, житейское отбросив,
Не плакал, в детстве, прочитав,
Как братьев обнимал Иосиф
На высоте честей и слав!

Кто проникал, не пламенея,
Веков таинственную даль,
Познав сиянье Моисея,
С горы несущего скрижаль!

Резец, и карандаш, и кисти,
И струны, и певучий стих —
Еще светлей, еще лучистей
Творят ряд образов твоих!

Какой поэт, какой художник
К тебе не приходил, любя:

*Еврей, христианин, безбожник,
Все, все учились у тебя!*

*И сколько мыслей гениальных
С тобой невидимо слиты:
Сквозь блеск твоих страниц кри-
стальных
Нам светят гениев мечты.*

*Ты вечно новой, век за веком,
За годом год, за мигом миг,
Встаешь — алтарь пред челове-
ком,
О Библия! о книга книг!*

*Ты — правда тайны сокровенной,
Ты — откровенье, ты — завет,
Всевышним данный всей вселен-
ной
Для прошлых и грядущих лет!*

1⁹¹⁸

Три яблока

*Три яблока, излюбленных преда-
ньем,
Три символа земного мятежа,
В саду веков, воссозданном созна-
ньем,*

Они горят, под ветром грез дрожа.

Ты, яблоко губительное Евы!
Ты вырвало из глаз эдемский свет,
На нас обрушив божеские гневь,

—
Но было то — восстанье на запрет!

Другое — яблоко Вильгельма Телля, —
Свободы весть промчало над землей:
Одной стрелой в родного сына целя,
Стрелок в тиранов метился другой!

А третье — третье яблоко Ньютона;
Оно упало в час своей поры,
И понял ум незыблемость закона,
Что движет землю, небо и миры.

То третье яблоко вернуло рай нам,
Сравняло всех, владыку и раба,

Открыло нам дорогу к вечным
тайнам,
Чтоб не страшила больше — и
Судьба!

1⁹¹⁶

Ариадна
Жалоба Фессея

*Ариадна! Ариадна!
Ты, кого я на песке,
Где-то, в бездне беспощадной
Моря, бросил вдалеке!*

*Златоокая царевна!
Ты, кто мне вручила нить,
Чтобы путь во тьме бездневной
Лабиринта различить!*

*Дочь угрюмого Миноса!
Ты, кто ночью, во дворце,
Подошла — светловолосой
Тенью, с тайной на лице!*

*Дева мудрая и жрица
Мне неведомых богов,
В царстве вражьем, чья столица
На меня ковала ков!*

И — возлюбленная! тело,
Мне предавшая вполне,
В час, когда ладья летела
По зыбям, с волны к волне!

Где ты? С кем ты? Что сказала,
Видя пенную корму,
Что, качаясь, прорезала
Заревую полутьму?

Что подумала о друге,
Кто тебя, тобой спасен,
Предал — плата за услуги!—
Обманул твой мирный сон?

Стала ль ты добычей зверя
Иль змеей уязвлена, —
Страшной истине не веря,
Но поверить ей должна?

Ты клянешь иль кличешь, плача,
Жалко кудри теребя?
Или, — горькая удача!—
Принял бог лесной тебя?

Ах! ждала ль тебя могила,
Иль обжег тебя венец, —
За тебя Судьба отметила:

В море сгинул мой отец!

*Я с подругой нелюбимой
Дни влачу, но — решишь ты
Возле ложа, еле зримый
Призрак, в глубях темноты!*

*Мне покорствуют Афины;
Но отдать я был бы рад
Эту власть за твой единый
Поцелуй иль нежный взгляд!*

*Победитель Минотавра,
Славен я! Но мой висок
Осребрен: под сенью лавра
Жизнь я бросил на песок!*

*Бросил, дерзкий! и изменой
За спасенье заплатил...
Белый остров, белой пеной
Ты ль мне кудри убелил?*

1⁹¹⁷

Ариадна

*Во дворце Афинском, скорбно мрачен,
Спит Фессей и видит вещий сон:
В теми вод белеет Накс; прозра-*

чен

Воздух ночи; в звездах небосклон.

В страхе, встреча вокруг песок
прибрежий,

Чуть привстав, царица смотрит
вниз;

А над ней, прекрасен, светел —
свежий

Хмель меж кудрей — юный Дио-
нис.

Буйным сонмом попирая зелень,
Тигров холя, тирсы лентой свив,
Фавны, нимфы, люди виноделен
Ждут царя назад, в тени олив.

Он же, страстью вдруг обезору-
жен,

Раб восторга, к деве клонит лик...

Вот схватил ее венец жемчужин.

«Ты — небес достойна!» — слы-
шен вскрик.

В небо вскинут, вспыхнул, — семи-
звездье —

Там венец. Бог с девой слит. Пол-
на

Ночь их славой, — Горькое возмездье

Пьет Фессей во сне, и молит сна!

12^{/25} февраля 1918

Мировой кинематограф

*В годину бед, когда народной вере
Рок слишком много ставит испытаний, —*

В безмерном зале мировых преданий

Проходят призраки былых империй,

Как ряд картин на световом экране.

*По Нилу мчится барка Сына
Солнца;*

*До неба всходят башни Вавилона;
Перс возвещает землям волю с
трона, —*

*Но дерзко рушат рати Македонца
Престол Царя Царей и Фараона.*

*Выходят римляне, сурово-строги.
Под стук мечей куется их держава,*

И кесарских орлов не меркнет

слава.

Бегут в пустынях римские дороги,
Народы рабствуют в оковах пра-
ва.

Пирует Рим, льет вина, множит
яства...

Вдруг варвары, как буря, злы и ди-
ки,

Спадают с гор, крушат всё в яром
крике,

И, вновь пленен мечтой миродер-
жавства,

Свой трон в руинах висит Карл
Великий.

Потом, самумом пролетают в
мире

Арабы, славя свой Коран; монголы
Несметным сонмом топчут

высь и доли...

Над царством царства выраста-
ют шире...

Сверкает Бонапарта меч тяже-
лый...

Но, жив и волен, из глухих круше-
ний

*Выходит строй народов — грозно
длинный:*

*Армяне, эллины, германцы, фин-
ны,
Славяне, персы, италийцы, — те-
ни,
Восставшие, чтоб спеть свой
гимн старинный!*

*О, сколько царств, сжимавших
мир! Природа
Глядит с улыбкой на державства
эти:
Нет, не цари — ее родные дети!
Пусть гибнут троны, только б
дух народа,
Как феникс, ожил на костре сто-
летий!*

14 марта 1918

Это все — кошмар!

Кошмар («Есть в мире демон, с женственным лицом...»)

*Есть в мире демон, с женственным
лицом,
С когтями львицы, с телом сухо-
парым;
Садится к спящим он, согнут
кольцом,
На грудь, и мы — зовем его Кош-
маром.*

*Он давит нас, и вот, в тяжелом
сне,
Черед видений сумрачных прохо-
дит;
Дыханье стеснено, чело в огне,
И судорога тщетно пальцы сво-
дит.*

*Нам грезится ужасных ликов ряд:
Смеются дьяволы над всем завет-
ным,
Терзают близких, алтари сквер-
нят
И стонам вторят хохотом от-*

ветным.

Нельзя бороться и бежать нет сил:

*Оковы на ногах и руки в путах,
Повсюду вскрыты пропасти могил...*

*Блестят из мглы орудья пыток
лютых...*

И вдруг мы вспомним: это все — кошмар!

Рукой свободной призраков коснемся...

Все сгинет вмиг, исчезнут страхи чар,

И мы, дрожа от радости, — проснемся!

Затравленный зверь

*Олень затравленный напрасно
взор молящий*

*Обводит вкруг, дыша прерывно, —
смерть везде;*

*Собаки рвутся вслед, сверкают
ружья в чаще...*

И зверь, ища пути, бросается к воде.

Плывет, глотая пар, а сзади слышит глухо
Лай, крики, зов рогов; пес беспощадный, вновь
Врага догнав, ему вонзает зубы в ухо...
Окрасив зыбь реки, струей стекает кровь.

А лес кругом стоит роскошен, как бывало;
Меж камней и коряг, журча, бежит ручей;
Круг солнечный, горя торжественно и ало,
Сквозь изумруд ветвей кидает сноп лучей.

Слабея, смотрит зверь вверх, в небеса, откуда
Лилось тепло, и дождь, и свежесть вешних бур;
Защита с высоты не явится ли? Чудо
Не совершится ль? — Нет! Пуста, нема лазурь.

И стону слабому уже не вторит

эхо...

Сквозь радугу слезы так странны
берега...

Но всюду — взвизг собак, гром
криков, гулы смеха,

И, кроя все, поют охотничьи рога!

16 февраля 1918

Библиотеки

Власть, времени сильней, затаена
В рядах страниц, на полках библиотек:

Пылая факелом во мгле, она
Порой язвит, как ядовитый дро-
тик.

В былых столетьях чей-то ум за-
жег

Сверканье, — и оно доныне све-
тит!

Иль жилы тетивы напрячь воз-
мог, —

И в ту же цель стрела поныне ме-
тит!

Мы дышим светом отжитых ве-
ков,

Вскрывающих пред нами даль до-

роги,
Повсюду отблеск вдохновенных
слов, —
То солнце дня, то месяц, среброро-
гий!

Но нам дорожке золотой колчан,
Певучих стрел, завещанный в
страницах,
Оружие для всех времен и стран,
На всех путях, на всех земных гра-
ницах.

Во мгле, куда суд жизни не до-
стиг,
Где тени лжи извилисты и зыбки,
—
Там дротик мстительный бес-
смертных книг,
Веками изощрен, бьет без ошибки.

1⁹¹⁷

Наутро после шабаша

Чу! под окошком звенят коло-
кольчики,
Белые, синие, разных оправ;
Листья ольхи завиваются в коль-
чики,

Запахи веют с обрызганных трав;

Солнце ко мне проникает приветливо

*Длинным лучом, между ставень,
сквозь щель;
Где-то гудит, осторожно и сметливо,
К сладким цветам подлетающий
шмель;*

Все так знакомо... И песня не новая

*Сладко ласкает: «Ты дома, дитя!»
То напевает мне печь изразцовая,
Вторят ей стены, смеясь и шутя.*

В теле — истома. Я дома! Давно ли я

*Дерзко плясала, раздета, в кругу!
...В душу нисходит опять меланхолия.*

Нет! жизнью мирной я жить не могу!

1⁹¹⁹

Из наблюдений

Меж лун искусственных — луна,

Вися на небе, в перспективе,
Вздыхается, робка, бледна
И с каждым мигом боязливей.

Внизу, как буйственный бурун,
Прибой людей и экипажей,
И наглое блистанье лун,
Вдоль улиц выставленных стра-
жей;

Таксованных прелестниц смех,
Сухое грассованье франтов,
Боа невероятных мех
И перебои шляп и бантов;

В гостиницах белеет ряд
Оконный, — комнаты, где двое
Пародию любви творят,
Пороча таинство ночное...

А там, вверху, несмелых звезд
Чуть-чуть зубчатый свет — бе-
леет;
Туман, как туника невест,
Кой-где разорванная, веет.

И та ж безмолвная луна,
Свидетельница жертв Ашере,

*Висит, глядя, робка, бледна,
На буйства в оскверненном скве-
ре!*

Октябрь 1917

Перед электрической лампой

*Злобный змей, зигзагом длинным
Раздевавший темень туч,
Чтоб, гремя, в лесу пустынном
Иль на склоне горных круч,*

*Ветви, поднятые дубом,
Серным пламенем Зажечь,
И, ликуя, дымным клубом —
Смертным саваном — облечь!
Змей, сносивший с неба, древле,*

*Прометеев дар земле!
Что таишь ты, стыд ли, гнев ли,
Ныне замкнутый в стекле, —*

*Сгибы проволоки тонкой
Раскалять покорно там,
Подчинись руке ребенка,
Осужден — в угоду нам.*

*И, струя лучи из шара,
Ветром зыблем над толпой,*

Скрывшей ленту тротуара,
Пестрой, шумной и тупой, —

Чем ты занят? Иль, в причуде
Смутной грезы, веришь ты,
Что вокруг — вес те же люди,
Те же гулы суеты;

Что, как прежде было, сыты
Мясом мамонта, тебя
Славят пляской троглодиты,
Дико космы теребя?

В злобных лицах, в ярых взорах
Ты узнать бы ныне мог
Те же сонмы, для которых
Ты в былом сверкал, как бог.

Иль века виденье стерли,
И теперь, могуч и слаб,
Мыслишь ты: «Не на позор ли
Здесь я выставлен, как раб?»

И, без сил, влеком на угли
Длинным проводом, зигзаг
В небе помнишь ты, — нам друг
ли,
Иль, горящий мстью, враг?

Маленькие дети

Детская площадка

*В ярком летнем свете,
В сквере, в цветнике,
Маленькие дети
Возятся в песке:*

*Гречники готовят,
Катят колесо,
Неумело ловят
Палочкой серсо;*

*Говорят, смеются,
Плачут невпопад, —
В хоровод сплетутся,
Выстроятся в ряд;*

*Все, во всем — беспечны,
И, в пылу игры,
Все — добросердечны...
Ах! лишь до поры!*

*Сколько лет им, спросим.
Редкий даст ответ:
Тем — лет пять, тем — восемь,*

Старше в кругу нет.

*Но, как знать, быть может,
Здесь, в кругу детей, —
Тот, кто потревожит
Мглу грядущих дней, —*

*Будущий воитель,
Будущий мудрец,
Прав благовеститель,
Тайновед сердец;*

*Иль преступник некий,
Имя чье потом
Будет жить вовеки,
Облито стыдом...*

*Скрыты в шуме круга
Оба, может быть,
И сейчас друг друга
Погнались ловить;*

*И, смеясь затеям,
Вот несется вскачь
С будущим злодеем
Будущий палач!*

Маленькие дети!

*В этот летний час
Вся судьба столетий
Зиждется на вас!*

Июль 1918

Праздники

*Ждать в детстве воскресенья,
Дня пасхи, рождества,
Дня именин, рожденья
Иль просто торжества, —
Какое восхищенье,
Когда вся жизнь — нова!*

*Зажгут в сочельник елку,
Мы раньше, вечерком,
Ее подсмотрим в щелку!
И в масках мы потом
Запляшем, втихомолку
Пугая целый дом!*

*И будем мы, при бое
Часов, под Новый год,
Записывать простое
Желанье в свой черед...
Зато нам ангел вдвое
Подарков принесет!*

На масленой неделе

Кататься мы должны!
И утром чуть с постели, —
Вопрос: когда ж блины?
А голосом свирели
Поют ручьи весны.

Под пасху мать заставит
Нам волоса подстричь,
Но праздник все поправит...
Ах! пасха! ах! кулич!
Пусть вечером sluкавит,
Катя яйцо, Лукич!

Но не довольно ль, впрочем,
И именин простых.
Мы поутру бормочем
Свой именинный стих,
А целый день хохочем
Среди друзей своих!

И даже день воскресный,
Когда уроков нет, —
Сияет, как чудесный,
Небесный чистый свет!
Так после влаги пресной
Солдат вином согрет!

Вы, праздники меж будней, —

Как звезды в груди страз!
Чем рок был многотрудней,
Тем слаще вспомнить вас, —
Рубинной, изумрудной
Алмазной, чем алмаз!

16 марта 1918

Детская спевка

На веселой спевочке,
В роще, у реки,
Мальчик и две девочки
Говорят стихи.

Это — поздравление
Бабушке: она
Завтра день рождения
Праздновать должна.

Мальчик запевалою
Начинает так:
«Нашу лепту малую
Преданности в знак...»

И сестренки вдумчиво
Оглашают лес,
Вторя: «Детский ум чего
Просит у небес...»

Песенка нескладная
Стоит им труда...
А вблизи, прохладная,
Катится вода.

Рядом — ели острые,
Белизна берез;
Над цветами — пестрые
Крылышки стрекоз.

Реют однодневочки,
Бабочки весны...
Мальчик и две девочки,
Ах, как им смешны!

1⁹¹⁸

Колыбельная

Спи, мой мальчик! Птицы спят;
Накормили львицы львят;
Прислонясь к дубам, заснули
В роще робкие косули;
Дремлют рыбы под водой;
Почивает сом седой.

Только волки, только совы
По ночам гулять готовы,
Рыщут, ищут, где украсть,
Разевают клюв и пасть.

*Зажжена у нас лампадка.
Спи, мой мальчик, мирно, сладко.*

*Спи, как рыбы, птицы, львы,
Как жучки в кустах травы,
Как в берлогах, норах, гнездах
Звери, легшие на роздых...
Вой волков и крики сом,
Не тревожьте детских снов!*

1⁹¹⁹

Сонеты

Миги

*Бывают миги тягостных раздумий,
Когда душа скорбит, утомлена;
И в книжных тайнах, и в житейском шуме
Уже не слышит нового она.*

*И кажется, что выпит мной до
дна
Весь кубок счастья, горя и безумий.
Но, как Эгерия являлась Нуме, —
Мне нимфа предстает светла, ясна.*

Моей мечты создание, в эти миги
Она — живей, чем люди и чем
книги,
Ее слова доносятся извне.

И шепчет мне она: «Роптать по-
зорно.
Пусть эта жизнь подобна бездне
черной;
Есть жизнь иная в вечной выши-
не!»

1⁹¹⁸

Наряд весны

За годом год, ряды тысячелетий,
—

Нет! неисчетных миллионов лет,
Май, воскрешая луговины эти,
Их убирает в травянистый цвет.

Пытливыцы видят на иной плане-
те,
Что шар земной в зеленый блеск
одет;
Быть может, в гимне там поет
поэт:
«Как жизнь чудесна в изумрудном
свете!»

Лишь наш привычный взор, угрюм
и туп,
Обходит равнодушно зелень куп
И свежесть нив под возрожденной
новью;

Наряд весны, мы свыклись в мире
с ним;
И изумруд весенних трав багрим,
Во имя призрака, горячей кровью!

1⁹¹⁸

На полустанке

Гремя, прошел экспресс. У свет-
лых окон
Мелькнули шарфы, пледы, пижа-
ма;
Там — резкий блеск пенсне,
там — черный локон,
Там — нежный женский лик, меч-
та сама!

Лишь дым — за поездом; в снега
увлек он
Огни и образы; вокруг — снова
тьма...
Блестя в морозной мгле, уже да-
лек он,

*А здесь — безлюдье, холод, ночь —
нема.*

*Лишь тень одна стоит на полу-
станке
Под фонарем; вперед, должно
быть, взгляд
Во тьму, но грусть — в безжиз-
ненной осанке!*

*Жить? Для чего? — Встречать
товарных ряд,
Читать роман, где действует Аг-
несса,
Да снова ждать живых огней экс-
пресса!*

16 ноября 1917
**Максиму Горькому в июле 1917
года**

*В *** громили памятник Пушкина;
В *** артисты отказались играть «На
дне».
(Газетное сообщение 1917 г.)*

*Не в первый раз мы наблюдаем
это:
В толпе опять безумный шум воз-*

ник,
И вот она, подъявля буйный крик,
Заносит руку на кумир поэта.

Но неизменен, в новых бурях све-
та,
Его спокойный и прекрасный лик;
На вопль детей он не дает отве-
та,
Задумчив и божественно велик.

И тот же шум вокруг твоих со-
зданий, —
В толпе, забывшей гром рукоплес-
каний,
С каким она лелеяла «На дне».

И так же образы любимой дра-
мы,
Бессмертные, величественно-пря-
мы,
Стоят над нами в ясной вышине.

17 июля 1917

Беглецы

Стон роковой прошел по Риму:
«Канны!»
Там консул пал и войска лучший

цвет

Полег; в руках врагов — весь юг
просторный;

Идти на Город им — преграды
нет!

У кораблей, под гнетом горьких
бед,

В отчаяньи, в успех не веря бран-
ный,

Народ шумит: искать обетован-
ный

Край за морем — готов, судьбе в
ответ.

Но Публий Сципион и Анний Клав-
дий

Вдруг предстают, гласят о выс-
шей правде,

О славе тех, кто за отчизну пал.

Смутясь, внимают беглецы уко-
рам,

И с палуб сходят... Это — час, ко-
торым

Был побежден надменный Ганни-
бал!

24 сентября 1917

Memento mori[1]

Импровизация в кафе «Десятая муза» 14 мая 1918 г

*Ища забав, быть может, сатана
Является порой у нас в столице:
Одет изысканно, цветок в петлице,
Рубин в булавке, грудь надушена.*

*И улица шумит пред ним, пьяна;
Трамваи мчатся длинной вереницей...
По ней читает он, как по странице
Открытой книги, что вся
жизнь — гнусна.*

*Но встретится, в толпе шумливой-тесной,
Он с девушкой, наивной и прелестной,
В чьих взорах ярко светится любовь...*

И вспыхнет гнев у дьявола во взоре,

*И, исчезая из столицы вновь,
Прошепчет он одно: memento
mori!*

14 мая 1918

В такие дни (1919–1920)

В зареве пожара

России

*В стозарном зареве пожара,
Под ярый вопль вражды всемир-
ной,
В дыму неукрощенных бурь, —
Твой облик реет властной чарой:
Венец рубинный и сапфирный
Превыше туч пронзил лазурь.*

*Россия! в злые дни Батыея,
Кто, кто монгольскому потоку
Возвел плотину, как не ты?
Чья, в напряженной воле, выя,
За плату рабств, спасла Европу
От Чингис-хановой пяты?*

*Но из глухих глубин позора,
Из тьмы бессменных унижений,
Вдруг, ярким выкриком костра, —
Не ты ль, с палящей сталью взо-
ра,
Взнеслась к державности велений
В дни революции Петра?*

*И вновь, в час мировой расплаты,
Дыша сквозь пушечные дула,
Огня твоя хлебнула грудь, —
Всех впереди, страна вожатый,
Над мраком факел ты взметнула,
Народам озаряя путь.*

*Что ж нам пред этой страшной
силой?
Где ты, кто смеет прекословить?
Где ты, кто может ведать
страх?
Нам — лишь вершить, что ты ре-
шила,
Нам — быть с тобой, нам — сла-
вословить
Твое величие в веках!*

1⁹²⁰

Третья осень (1917–1920)

*Вой, ветер осени третьей,
Просторы России мети,
Пустые обшаривай клетки,
Нищих вали по пути;*

Догоняй поезда на уклонах,

Где в теплушках люди гурьбой
Ругаются, корчатся, стонут,
Дрожжа на мешках с крупой;

Насмехайся горестным плачем,
Глядя, как голод, твой брат,
То зерно в подземельях прячет,
То душит грудных ребят;

В городах, бесфонарных, беззабор-
ных,
Где пляшет Нужда в домах,
Покрутись в безлюдии черном,
Когда-то шумном, в огнях;

А там, на погнутых фронтах,
Куда толпы пришли на убой,
Дым расстилай к горизонтам,
Поднятый пьяной пальбой!

Эй, ветер с горячих взморий,
Где спит в олеандрах рай, —
Развевай наше русское горе,
Наши язвы огнем опаляй!

Но вслушайся: в гуле орудий,
Под проклятья, под вопли, под
гром,

*Не дружно ли, общею грудью,
Мы новые гимны поем?*

*Ты, летящий с морей на равнины,
С равнин к зазубринам гор,
Иль не видишь: под стягом еди-
ным
Вновь сомкнут древний простор!*

*Над нашим нищенским пиром
Свет небывалый зажжен,
Торопя над встревоженным ми-
ром
Золотую зарю времен.*

*Эй, ветер, ветер! поведай,
Что в распрях, в тоске, в нищете,
Идет к заповедным победам
Вся Россия, верна мечте;*

*Что прежняя сила жива в ней,
Что, уже торжествуя, она
За собой все властней, все держав-
ней
Земные ведет племена!*

7 октября 1920

К русской революции

Ломая кольцо блокады,
Бросая обломки ввысь,
Все вперед, за грань, за преграды
Алым всадником — мчись!

Сквозь жалобы, вопли и ропот
Трубным призывом встает
Твой торжествующий топот,
Над простертым миром полет.

Ты дробишь тяжелым копытом
Обветшалые стены веков,
И жуток по треснувшим плитам
Стук беспощадных подков,

Отважный! Яростно прынув,
Ты взвил потревоженный прах.
Оседают гряда туманов,
Кругозор в заревых янтарях.

И все, и пророк и незоркий,
Глаза обратив на восток, —
В Берлине, в Париже, в Нью-Йорке,
—
Видят твой огненный скок.

Там взыграв, там кляня свой
жеребий,

*Встречает в смятеньи земля
На рассветном пылающем небе
Красный призрак Кремля.*

4 декабря, 1920

Парки в Москве

*Ты постиг ли, ты почувствовал
ли,
Что, как звезды на заре,
Парки древние присутствовали
В день крестильный, в Октябре?*

*Нити длинные, свивавшиеся
От Ивана Калиты,
В тьме столетий затерявшиеся,
Были в узел завиты.*

*И, когда в Москве трагические
Залпы радовали слух,
Были жутки в ней — классические
Силуэты трех старух.*

*То народными пирожницами,
То крестьянками в лаптях,
Пробегали всюду — с ножницами
В дряхлых, скорченных руках.*

Их толкали, грубо стискивали,

Им пришлось и брань испить,
Но они в толпе выискивали
Всей народной жизни нить.

И на площади, — мне сказывали,
—
Там, где Кремль стоял как цель,
Нить разрезав, цепко связывали
К пряже — свежую кудель,

Чтоб страна, борьбой измучен-
ная,
Встать могла, бодра, легка,
И тянулась нить, рассученная
Вновь на долгие века!

5 октября 1920
**Весной («Не в первый раз твои
поля...»)**

Не в первый раз твои поля
Обозреваю я, Россия;
Чернеет взрытая земля,
Дрожат, клонясь, овсы тугие
И, тихо листья шевеля,
Берез извилины родные.

Вот косогор, а вот река,
За лесом — вышка колокольни;

Даль беспредельно широка,
Простор лугов, что шаг, раздоль-
ней;
Плывут неспешно облака,
Так высоко над жизнью дольней.

Вы неизменны, дали нив,
Где свежий колос нежно зреет!
Сон пашни новой, ты красив,
Тебя встающий день лелеет!
И с неба радостный призыв
Опять в весеннем ветре веет.

Да, много ты перенесла,
Россия, сумрачной невзгоды,
Пока, алея, не взошла
Заря сознанья и свободы.
Но сила творчества — светла
В глубоких тайниках природы.

Нет места для сомнений тут,
Где вольны дали, глуби сини,
Где васильки во ржи цветут,
Где запах мяты и полыни,
Где от начала бодрый Труд
Был торжествующей святыней!

7 июня 1920

Нам проба

Крестят нас огненной купелью,
Нам проба — голод, холод, тьма,
Жизнь вокруг свистит ледяной метелью,
День к дню жмет горло, как тесьма.

Что ж! Ставка — мир, вселенной судьбы!
Наш век с веками в бой вступил.
Тот враг, кто скажет: «Отдохнуть бы!»
Лжец, кто, дрожа, вздохнет:
«Нет сил!»

Кто слаб, в работе грозной гибни!
В прах, в кровь топчи любовь свою!
Чем крепче ветер, тем многозыбней
Понт в пристань пронесет ладью.

В час бури ропот — вопль измены,
Где смерч, там ядра кажут путь.
Стань, как гранит, влей пламя в вены,
Вдвинь сталь пружин, как сердце,
в грудь.

*Строг выбор: строй, рази — иль
падай!*

*Нам нужен — воин, кормчий,
страж!*

*В ком жажда нег, тех нам не на-
до,
Кто дремлет, медлит, тот не
наш!*

*Гордись, хоть миги жгли б как
плети,
Будь рад, хоть в снах ты изнемог,
Что, в свете молний, мир столе-
тий
Иных ты, смертный, видеть мог!*

1⁹²⁰

Товарищам интеллигентам Инвектива

*Еще недавно, всего охотней
Вы к новым сказкам клонили ли-
ца:*

*Уэллс, Джек Лондон, Леру и сотни
Других плели вам небылицы.*

*И вы дрожали, и вы внимали,
С испугом радостным, как дети,
Когда пред вами вскрывались дали*

Земле назначенных столетий.

*Вам были любы — трагизм и гибель
Иль ужас нового потопа,
И вы гадали: в огне ль, на дыбе ль
Погибнет старая Европа?*

*И вот свершилось. Рок принял грезы,
Вновь показал свою превратность:
Из круга жизни, из мира прозы
Мы вброшены в невероятность!*

*Нам слышны громы: то — вековые
Устои рушатся в провалы;
Над снежной ширью былой России
Рассвет сияет небывалый.*

*В обломках троны; над жалкой грудой
Народы видят надпись: «Бренность!»
И в новых ликах, живой причудой
Пред нами реет современность.*

То, что мелькало во сне далеко,
Воплощено в дыму и в гуле...
Что ж вы коситесь неверным
оком
В лесу испуганной косули?

Что ж не спешите вы в вихрь со-
бытий —
Упитесь бурей, грозно-странной?
И что ж в былое с тоской гляди-
те,
Как в некий край обетованный?

Иль вам, фантастам, иль вам, эс-
тетам,
Мечта была мила. как даль-
ность?
И только в книгах да в лад с по-
этом
Любили вы оригинальность?

Февраль и март 1919

Только русский

Только русский, знавший с дет-
ства
Тяжесть вечной духоты,
С жизнью ваявший, как наслед-
ство,

Дедов страстные мечты;

*Тот, кто выпил полной чашей
Нашей прошлой правды муть, —
Без притворства может к нашей
Новой вольности примкнуть!*

*Мы пугаем. Да, мы — дики,
Тесан грубо наш народ;
Ведь века над ним владыки
Простирали тяжкий гнет, —*

*Но когда в толпе шумливой,
Слышишь брань и буйный крик, —
Вникни думой терпеливой,
В новый, пламенный язык.*

*Ты расслышишь в нем, что
прежде
Не звучало нам вовек:
В нем теперь — простор надежде,
В нем — свободный человек!*

*Чьи-то цепи где-то пали,
Что-то взято навсегда,
Люди новые восстали
Здесь, в республике труда.*

Полюби ж в толпе вседневный
Шум ее, и гул, и гам, —
Даже грубый, даже гневный,
Даже с бранью пополам!

1⁹¹⁹

К Варшаве!

К Варшаве красноармейцы,
В Балтике английский флот.
Знамена красные, взвейтесь,
Трубите красный поход!

Пусть там, в Европе, смятенье,
Всплески испуганных рук.
На кинематографической ленте
Веков — новый круг.

Та Москва, где Иван Грозный
Плясал пред кровавым костром;
Где в безлюдьи, ночью морозной,
Варваров клял Наполеон;

Где — храмы, святыни, ковчеги,
Дворцы, особняки богачей, —
Сорвалась с тысячелетнего ме-
ста
И в пространствах, без меты,
В неистовом беге

Летит, ружье на плече.

*Над Тверской, над Садовой — са-
мумы,
Над Остоженкой — неистовый
вихрь:
Всей республики воплощенные шу-
мы,
Кремля громовые думы, —
Создавать, разрушать, творить.*

*Рушатся незыблемости зданий,
Новый Капитолий встает;
Водоворот,
Всех заарканив,
В багряном тумане,
В невероятность влечет.*

*Мы подняты на взбешенных вол-
нах,
На их гребень, как в седло, взмете-
ны,
Мы пьяны от брызг соленых,
Копьями звезд пригвождены.*

*Мы плывем в растущем потоке,
Все заливая кругом,
Пока в смятенной Европе*

Над нашим разгромом — стон!

*К Варшаве, красноармейцы!
Пусть в Балтике английский
флот!*

*Ликуйте, пляшите, смейтесь —
Над расплавленной яростью вод!*

1⁹²⁰

Мятеж
(памяти Эмиля Верхарна, как поэта и друга)

*В одежде красной и черной,
Исполин,
От земли к облакам
Восстающий упорно,
Властелин,
Диктующий волю векам
Необорно, —
Мятеж,
Ты проходишь по миру,
Всегда
Светел, свободен и свеж,
Как в горном потоке вода.*

*Возьми
Пламя пожара,
Взбежавшее яро,*

Как гигантскую лиру;
Греми
Грохотом рушимых зданий;
Аккомпанируй
В кровавом тумане
Реву толпы,
Сокрушая столпы,
Библиотек,
Фронтоны музеев,
Одрахлелых дворцов.

Ужас посеяв, —
Как отравленный дротик,
Кинь свой озлобленный зов:
«За рабов!
Против царей, вельмож, богачей,
цереев!
Против всех ставленных!
За подавленных!»

Не все равно ли,
Правда иль нет этот зов!
Ты полон дыханием воли,
Ты силен сознанием власти,
Ты — нов.

Пусть книги горят на кострах
дымно-сизых;

Пусть древние мраморы в тогах и
в ризах
Разбиты на части
(Заряды для новых орудий!),
Пусть люди,
Отдавшие жизнь за свободу наро-
да,
У входа
Опустелых темниц,
Расстреляны, падают ниц
С заглушенным криком: «Свобо-
да!»
Пусть в шуме
Растущих безумий,
Под победные крики, —
Вползает неслышно грабеж,
Бессмысленный, дикий, —
Насилье, бесстыдство и ложь.
Пусть!

Разрушается старое, значит, под-
нимется новое.
Разрываются цепи, значит, будет
свободнее.
Прочь — готовое,
Прошлогоднее,
То, что мы знаем давно наизусть!

Необорно,
В одежде красной и черной,
Ты проходишь,
Мятеж,
Ища свой рубеж,
Ты просторы обводишь
Глазами пронзительно-шарящи-
ми.

Тебе, чем другому кому,
Известней:
Над пожарищами,
Над развалинами,
Над людьми опечаленными,
Над красотой, обрекаемой тле-
нию, —
В огне и дыму, —
Новой песней,
Встанет новой жизни свет!
Разрушению —
Привет!

1⁹²⁰

Серп и молот

Пусть гнал нас временный ущерб
В тьму, в стужу, в пораженья, в
голод:
Нет, не случайно новый герб

Зажжен над миром — Серп и Молот!

*Мы землю вновь вспоим трудом,
Меч вражий будет вновь расколот:*

*Недаром мы, блестя серпом,
Взметнули дружно мощный молот.*

*Но смело, мысль, в такие дни,
Лети за грань, в планетный холод!*

*Вселенский серп, сев истин жни,
Толщъ тайн дробя, вселенский молот!*

*Мир долго жил! Довольно лжи!
Как в осень, плод неспелый золот.
В единый сноп, серп, нас вложи,
В единый цоколь скуй нас, молот!*

*Но вечно светом вешних верб
Дух человека свеж и молод!
Тоци для новой жатвы серп,
Храни для новой битвы молот!*

Над мировым костром

В такие дни

*Расплавлены устои жизни прежней,
Над мировым костром мы взлет
огня.
Еще безумней и опять мятежней,
Вихрь беспощадных искр, взметай
меня!*

*Мечту пронзили миллионы волей,
Мысль в зареве бесчисленных дум,
зорка, —
Ломая, строить новый Капитолий,
Класть цоколи стен, взмеченных
в века!*

*Не пламя ль влито в трепетные
жилы?
Мой каждый вздох не роковой ли
хмель?
Содружный труд упорно троит
силы,
Застлала мглу слепительная
цель.*

Но в эти дни все взнесено в без-
мерность,
Жизнь — от земли в зенит вере-
тено!
Желанья — смерч, стальная пла-
ха — верность,
Победный лавр и иглы пуль — од-
но!

В святом кругу приветствий и
проклятий,
Где жезл Судьбы сметает дни и
кровь,
Язвит целебней серп ночных объ-
ятий,
Уста к устам смертельней гнет
любовь!

1⁹²⁰

На высях

Жизнь трепетов любви не ста-
рит,
Где ближе гибель — зорче
страсть,
Так бред блаженств с Еленой Па-
рид
Знал в Пергамах, готовых пасть.

За сводом свод возносят годы
Аркады радуг в сто цветов;
Все жгучей синь, все круче всходы
По твердым зернам лунных
льдов.

Но в стуже лет, у горных срывов,
Где ветер в клочья рвет мечту,
Властней огонь в руках счастли-
вых,
Свой факел взнесших в высоту.

Что в долах, там, где тмин и мя-
та,
Пьянило дни, — мгновенный мед,
—
На высях, здесь, как пламя, свято,
Алтарный дым до звезд влечет.

Смыкайтесь, арки, в белом блес-
ке,
Над черной бездной, в вихре мча —
Сон Паоло и сон Франчески,
Что двух слепил под взвизг меча!

1⁹²⁰

Под гулы и взрывы

Вихри войны, кони гибели, не успо-

коены,
Роя просторы, опоры былого крушат;
В городе черны разломанных окон
пробоины,
Громко развалины вопят о днях
баррикад.

Ропотом моря вся жизнь вдохновенно
взволнована,
Вносит свой гребень встающая к
звездам волна:
В шторме, растущем безмерно,
стихия раскована,
Даль заполняет потоком победным
она.

В грозных разгромах, в гудящей
над миром мятежное,
В празднике бури, в неистовстве
молний, в громах,
Что же мы двое, с мечтой о
целительной нежности,
С трепетной песней о счастье
немом на устах?

Легкие листики, взвевяны в сумрачной
бурности,

Будем раздавлены, смяты, рас-
топтаны мы
Шагом народов к великой, к всеоб-
щей лазурности,
Ляжем, разъяты, — обломки рас-
сеянной тьмы?

Нет, в нашей страсти все тот
же порыв напряженности,
Отзвук циклона, влекущего мир
на свой суд!
Сладко нам реять над алым про-
валом бездонности,
Сладко под гулы и взрывы свой
строить уют.

С вами, кто рушат и зиждут, не
тайные нити ли
Вяжут нас, дерзких, в пожаре по-
ющих любовь?
В жизни, идущей на смену векам,
мы строители
Вечного храма надежд, восстаю-
щего вновь!

11 сентября 1920

Вещий ужас

Рук ласковых касанья; приближе-

нья
Губ страждущих; истома глаз
ночных;
Предчувствующий трепет дости-
женья;
Прерывный вздох за грань кругов
земных!

Вы, древние, проверенные чары!
Вопль троглодита в алой мгле
времен,
Бред элина во храме, гунна ярый
Восторг, Тристана и Изольды сон!

Вы, длящиеся в мертвых небо-
скребах,
Под скрежет революций, в дни
войны,
Вы в гибелях, вы в благостях, вы в
злобах,
Таящиеся вопли, бреды, сны!

Кто вырвет вас из мировых созна-
ний,
В костре куст лишний, чтоб не
тмился свет?
Тебя спалит, — одну сквозь сто
названий, —

Изида, Афродита, Аштарет!

*Мы — человечества всплеск,
мы — поэты,
В огне веков как можем не го-
реть?
Пусть гимны ночи в Атлантиде
петь, —
Нам страсти вещей ужас — веч-
но петь!*

8 сентября 1920

**Рассвет («Никнут тени,
обессилены...»)**

*Никнут тени, обессилены;
На стекле светлей извилины;
Мертвой тайны больше нет...
Не безумно, не стремительно, —
Скромно, с нежностью медли-
тельной
В мглу ночную входит свет.*

*Мгла, в истомном утомлении,
Спорит миг за мигом менее,
Властью ласк побеждена;
Воле дня перерожденного,
Новой жаждой опьяненного,
Отдает свой вздох она.*

Над безвольной, над поверженной
День взволнован в страсти сдержанной,
Шепчет вкрадчиво: «Молчи!..»
Полно длить предел обманчивый,
Казнь любовную заканчивай,
Кинь слепительно лучи!

4 сентября 1920

Заклятье Эроса

Проходя страду земную
Горьких лаек и сладких мук,
Помни, вверясь поцелую, —
Любит лишь мечту двойную
Эрос, туго гнущий лук.

Он решил, он повелел
Кроткой строгостью заклятий,
Чтоб восторг двух разных тел
Равным пламенем горел
На костре ночных распятий.

Богу ран животворящих
Ненавистен страстный вскрик,
Если он, во мглах крутящих,
В миг разъятий единящих,
Из одной груди возник.

Klassische Walpurgisnacht[2] (Гете, «Фауст», часть 2)

*Ночи, когда над городом
Дымы лесных пожаров,
А выше — эллинским мороком —
Гекаты проклятые чары, —*

*Все углы виденьями залили,
Закружив их дьявольским валь-
сом,
И четко судьбы сандалиш
Стучат по изрытым асфальтам;*

*Дыша этой явью отравленной,
Ловя в ней античные ритмы,
Губами безжалостно сдавливай
Двух голубков Афродиты.*

*Лот любви, моряк озадаченный,
Бросай в тревоге бессонных вахт,*

*—
Иль в Советской Москве назначе-
на
Klassische Walpurgisnacht?*

*Подползают на брюхе сфинксы,
Стимфалиды взмывают крылом,*

Чу! скачет сквозь мрак лабиринтский
Мудрый кентавр Хирон.

Куда? Не к Елене ли?
Лебедем в гриву вплетишь,
Неги Эгейские вспенивай,
К Скейским высотам мчишь!

Город иль море?
Троя иль Ресефесер?
Мы с Фаустом поспорим
В перегонке сфер!

Запрокинулась Большая Медведица,
Глаз Гекаты метит гостей,
А дым пожаров все стелется,
Заливая нашу постель.

1⁹²⁰ Гимн Афродите («За длительность вот этих мигот странных...»)

За длительность вот этих мигот странных,
За взгляд полуприкрытый глаз туманных,
За влажность губ, сдавивших гу-

бы мне,
За то, что здесь, на медленном
огне,
В одном биении сердце с сердцем
слито,
Что равный вздох связал мечту
двоих, —
Прими мой стих,
Ты, Афродита!

За то, что в дни, когда поля, се-
рея,
Покорно ждут холодных струй
Борея, —
Твой луч, как меч, взнесенный на-
до мной,
Вновь льет в мой сад слепитель-
ность и зной,
Что зелень светлым Аквилоном
взвита,
Что даль в цветах, и песни реют в
них, —
Прими мой стих,
Ты, Афродита!

За все, что будет и не быть не
может,
Что сон, и этот! будет скоро до-

жит,
Что видеть мне, в час сумрачных
разлук,
Разомкнутым кольцо горячих
рук,
Что тайно в страсти желчь
отравы скрыта,
Что сводит в Ад любовь рабов
своих, —
Прими мой стих,
Ты, Афродита!

8 сентября 1920

Шаги Афродиты

Шаги Афродиты

*Шагам Юпитера пристало удаляться,
Когда Венерины послушатся шаги.
Адалис*

Мойры

*Слышишь! по узорам плит
Серебристый шаг звенит.
Мойр веления исполни, —
Уходи, владыка молний.*

Геба

Над Олимпом сумрак синь,
Трон блистающий покинь, —
Там, где в брачных звездах небо,
Только юность любит Геба.

Афина

Я во мгле клоню свое
Днем горящее копьё.
Нестерпим богине мудрой
Взор Киприды златокудрой.

Афродита

Я иду смеясь, смеясь,
Между мной и ночью вязь, —
Пояс мой, соблазном свитый.
Зевс! клонись пред Афродитой.

Зевс

Я к Данае, в сне ночном,
Золотым сошел дождем;
Летним днем был горд победой,
В лике лебеда, над Ледой;
Для Семелы тень была,
Там, где я, всегда светла;
Долго длилась ночь без смены
Для меня близ уст Алкмены;
В свете, в сумраке, везде,
В храме, в роще, на воде,

Я готов в борьбе открытой
Пасть, сраженным Афродитой.

21 июля 1920

Стрелы ресниц

Еще в мечтах чернеют стрелы
Твоих опущенных ресниц;
Но день встающий, призрак бе-
лый,
В пепл обращает уголь горелый,
Пред правдой властно клонит
ниц.

Еще мечта нежна, как голос
Волынки, влившейся в рассвет,
Дрожит, как с ветром свежий ко-
лос,
Но щеки жжет мне белый волос,
Немая память долгих лет.

Клятв отзвучавших слишком
много
И губ, томивших в темноте.
Полмира сжав, моя дорога
По горным кряжам всходит
строго,
Ах, к той вершительной мете!

День торжествует, Солнце лепит
Из туч уборы древних жриц,
Вот-вот мир пламенем оцепит...
Но в глубях тихих — черный трепет
Твоих опущенных ресниц.

23 июля 1920

После дождя

Был дожде и замер; молний взвизги
Устали; тень сближала нас;
На темных стеклах стыли брызги;
Плыл призраков любимый час.

Твои глаза так были близко,
Так хрупок шум твоих волос.
Бег мерный месячного диска
Кропил нас мглой безвлажных рос.

Пусть две мечты двух душ не слитых
Томил во тьме несходный сон,
Но двум мирам на их орбитах
Миг встречи был судьбой сужден.

Звезда к звезде в пространствах
млечных
Влеклась, — мячи враждебных
сил, —
Чтоб встал огонь из сшибок
встречных,
Ночь неба кровью опалил, —

Чтоб смерч сгораний, вихрь бес-
струнный
Над слухом чутким в век вознес
—
Тишь бледных брызгов, отзвук
лунный
И хрупкий шум твоих волос.

28—29 июля, 1920

Египетский профиль

*Твои мемфисские глаза.
Me eum esse*

Когда во тьме закинут твой,
Подобный снам Египта, профиль,
—
Что мне, куда влекусь за тьмой,
К слепительности ль, к ката-
строфе ль!

Разрез чуть-чуть прикрытых
глаз,
Уклоны губ чуть-чуть надменных
—

Не так же ль пил, в такой же чае,
Ваятель сфинксов довременных?

Когда над ним, в забвенный год,
Свой суд в Аду вершил Озирис,
Не был ли принят в счет щедрот
Вот этих век извивный вырез?

Застылый очерк бледных щек
Таит всю быль о давнем брате:
Его сквозь сумрак вывел Рок
К палящей пропасти объятий.

Вдавлив уста в холодный лик
Той жрицы Гора иль Изиды,
Он гневно в камень вбросил крик
Восторга иль глухой обиды.

Всё отошло; но Сфинкс в века
Пронес его мечты и гибель.
Где ж тайна их? в чертах виска?
В той выгнутости ль? в том из-
гибе ль?

*Хочу и я, как дар во храм,
За боль, что мир зовет любовью,*

*—
Влить в строфы, сохранить ве-
кам
Вот эту тень над левой бровью.*

1 августа 1920

Срок

*Я знаю, ты, земля, вращеньем
быстрым
Свой старый шар влечешь во мрак
и свет,
Просторы разных стран бросая
вслед
То крикам рынка, то полночным
систрам.*

*С полмиром кинут я теперь во
тьму,
Полсуток ждать мне солнечного
всхода,
Слежу без звезд по дугам небосво-
да,
И глубь ночных часов страшна
уму.*

Расстались мы. Еще в глазах вся

нега
Желанных глаз; все может губы
сжечь
Яд милых губ; прикосновенье плеч
Всё сладко пальцам. Но, летя с
разбега, —

Земля швырнула нас к иному дню,
Кружась, срок создает до новой
встречи.
Найду ль. я вновь те губы, веки,
плечи
Иль в бездну мигов счастья сон
сроню?

Лети, лети, земля, путем пла-
нетным,
В пустыне сфер крути живой вол-
чок, —
Чтоб, малый, атом, я, изжив свой
срок,
Мог страстный вздох вернуть
устам запретным!

1⁹²⁰

Две вазы

Две малых вазы из альвастра
Прижать к губам и долго ждать

*В палящей мгле, над близкой без-
дной, —
В них мир сладкое вдыхать,
Жить странной тайной арома-
та,
Пока зловещий глаз Геката
Не врежет вдруг в ночную гладь,
Спалив сияньем отсвет звездный,
Тогда живой фиал поднять
К трехликой, в высь, к лучам, ad
astral[3]
И вот, пред тем, как телом
стать,
В руках начнут слегка дрожать
Две малых вазы из альвастра.*

2–3 августа 1920

Ночная улица

*Фонарей отрубленные головы
На шестах безжизненно свисли,
Лишь кое-где оконницы голые
Светами сумрак прогрызли.*

*Бреду, спотыкаясь по рытвинам
Тротуара, в бездонном безлюдьи;
Только звезды глядят молитвен-
но,
Но и они насмешливо судят.*

*Звезды! мы — знакомые старые!
Давно ль вы в окошко подглядыва-
ли,
Как двое, под Гекатиными чара-
ми,
Кружились, возникали, падали.*

*Когда же вчера вы таяли,
Уступая настояниям утра,
Вы шептали, смеясь: не устали ли
Губы искать перламутра?*

*Так зачем теперь отмечаю я
Насмешку в лучах зазубренных,
Что в мечтах — канун безнача-
лия
В царстве голов отрубленных;*

*Что не смотрите ласково-мато-
во,
Как, замкнув рассудочность в
тюре, я
По Москве девятьсот двадцатого
Проплываю в ладье безумия!*

20^{-22 августа 1920}

Хмельные кубки

Бред ночных путей, хмельные куб-

ки.

Город — море, волны темных
стен.

Спи, моряк, впивай, дремля на руб-
ке,

Ропот вод, плеск ослепленных пен.

Спи, моряк! Что черно? Мозамбик
ли?

Суматра ль? В лесу из пальм
сквозных,

Взор томя пестро, огни возникли,

Пляски сказок... Вред путей ноч-
ных!

Город — море, волны стен. Бубен-
чик

Санок чьих-то; колокол в тени;

В церкви свет; икон извечный вен-
чик...

Нет! бред льнет: в лесу из пальм
огни.

Спи, моряк, дремля на рубке!

Вспомни:

Нега рук желанных, пламя губ,

Каждый вздох, за дрожью дрожь,
истомней...

Больше, глубже! миг, ты слышишь
ком груб!

Колокол в тени. Сов! сон! помед-
ли,
Дай дослушать милый шепот,
вкинъ
В негу рук желанных — вновь! То
бред ли,
Вод ли ропот? Свод звездистый
синь.

Чьи-то санки. Пляска сказок сно-
ва ль?
Спи, моряк, на рубке, блеск впи-
вай.
Город — море. Кубков пьяных вдо-
воль.
Пей и помни свой померкший рай.

1⁹²⁰

Длятся, длятся...

Длятся, длятся, сцеплены, союз-
ны,
Лентой алой скрепленные ночи.
Память! в нежной устали воро-
чай
Легкий пух зари в сумрак грузный!

Лунной влагой облик милый за-
лит,
Тень на грудь — сапфирные запя-
стья.
Вот он, вот, взор сдавленного сча-
стья!
Змей, скользя, в глубокой ласке
жалит.

Черный мрак над морем опроки-
нут,
Зыбля челн в неистовстве прибоя.
В звездность тайны падаем мы
двое;
В холоде ль эфира плечи стынут?

Эос! Хаос блесков без названья!
Теплый мрамор ожил в теле гиб-
ком,
В неге слипших губ, к неммым
улыбкам, —
Вечность влить в мгновенья рас-
ставанья!

Память, смей! лелей земные ми-
ги!
Их за свет иных миров стереть
ли? —

Смертной сети пламенные пет-
ли,
Брошенной столетьям в этой
книге!

26 сентября 1920

Руками плечи...

Руками плечи опоясаны,
Глаза с глазами смежены,
Друг друга сном огня пьянят они,
—
Венчаных двое меж иных.

Миг кем-то где-то предназначен-
ный!
Стонать бесплодно: пощади!
В воде столетий опрозраченной
Для зорких глаз палящий диск!

Кассандры рушащихся Илиев,
Иоанны Патмосов в огне!
Вы тщетно в выкриках таили
гнев, —
Что будет, видя как в окне.

Еще весталка не ждала греха,
Еще не вызвал брата Рем,
Уже был избран меч Алариха

Жечь мрамор римских алтарей.

Нас так, с порога дней, провидели,
—

*Осенний луч с поры весны, —
В мечты все Сапфо, все Овидии,
Всех Атлантид слепые сны!*

4 июня 1921

От столетий...

*От столетий, от книг, от виде-
ний*

*Эти губы, и клятвы, и ложь.
И не знаем мы, полночь ли, день
ли,
Если звезды обуглены сплошь.*

*В мире встанет ли новый Атти-
ла,
Божий бич, божий меч, — потоп-
тать
Не цветы, но мечты, что выра-
стила
Страсть, — хирамовым кедром
под стать?*

*Солнце пятна вращает, циклоны
Надвигаю с морей на постель,*

*Но не тот же ли локон наклон-
ный
Над огнем мировых пропастей?*

*Чтобы око земное не слепо,
На мгновенье двум сближенным в
смех —
От советской Москвы на Алеппо
Революции праздничный сбег.*

*И с земли до звезды, до столетий
Восстающих, — борьбе и войне
Этот огненный столп одолеть
ли,
В наших строфах горящий вдвой-
не!*

9-11 сентября 1921

Череп на череп...

*Череп на череп,
К челюсти челюсть,
За тонкой прослойкой губ!
За чередом черед!
Пей терпкую прелесть,
Сменив отлюбивший труп!*

*Земли не насытит
Миллиардам скелетов!*

*Ей надо тучнеть, тучнеть!
Чтоб кино событий
Шло в жизни этой,
Ты должен любить — хотеть!*

*Как пещерный прапредок
(Вселенское детство!)
Грудь на груди, под смех гиен, —
Так, в истомах и бредах,
Выгибая хребет свой,
Отдавайся объятьям в плен!*

*Александр, Юлий Цезарь, Хлодвиг!
За чередом черед!
За соседним соседний! чтоб,
Свершивший свой подвиг,
Твой целованный череп
Опустили в последний гроб.*

6 мая 1921

Завес веков

В дни, когда...

*В дни, когда Роком я кинут
В город, на жесткие камни;
В дни, когда медленно стынут
Прежде кипевшие страсти, —*

*Жребий заветный мной вынут;
Сказка столетий близка мне;
Завес веков отодвинут,
Прошлое снова у власти.*

*Вот словно волны нахлынут —
Фивы, и Дельфы, и Самний;
Вакховы тигры разинут
Кровью горящие пасти;*

*Дрот гладиаторы ринут...
Чу! плеск «vestalis et datam!»[4]
Те же в восторге застынут,
Слушая миф о Иокасте...*

*Путь, что народами минут,
Жизнь, что была многодрамней!
Гулы трамвайные стынут
В звоне восточных запястий.*

Октябрь 1919

Романтикам

*Вам, удаленным и чуждым, но
близким и милым.
Вам эти строфы, любимцы отри-
нутых днем!
В зеркало месяца виденья бросает
Людмилам,
С бледным туманом слита вере-
ница теней;*

*С тихой и нежной мечтой о прин-
цессах лилейных,
Рыцари едут в лесу за цветком го-
лубым;
Жены султанов глядятся в кри-
стальных бассейнах
В знойных гаремах, окутанных в
сладостный дым.*

*Светлы картины, и чары не
страшны; пропитан
Воздух великой тоской но незде-
шившей страде!
В юности кем этот трепет тос-
ки не испытан,
Кто с Лоэнгрином не плыл на вол-
шебном челне?*

Трезвая правда сожгла ваши чи-
стые дали,
С горных высот мы сошли до глу-
боких низин;
С грохотом города стены холод-
ные встали,
С дымом фабричным задвигались
поршни машин.

Вышли другие, могучие силой хо-
тений,
Вышли, чтоб рушить и строить
на твердой земле, —
Но в их упорстве был отзвук и ва-
ших стремлений,
В свете грядущего — луч, вас ма-
нивший во мгле!

Вам, кто в святом беспокойстве
восторженно жили,
Гибли трагически, смели и петь и
любить,
Песнь возлагаю на вашей бес-
смертной могиле:
Счастлив, кто страстных на-
дежд здесь не мог утолить

ДЫМ ЗЕМНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ...»)

Сквозь легкий дым земных воспо-
минаний
Светлеет глубь заживленных
страстей,
Я ль тот пловец, кто вносит к
небу длани,
На берег брошен из морских се-
тей?

Я ль чуждый гость в чертоге
крепостенном,
Где Калипсо кудель судьбы пря-
дет, —
Днем на пиру сижусь блажен-
но-пленным,
В ночь с уст царицы пью пьяня-
щий мед?

Как бред былой, скользят и тают
лица
Друзей случайных, призрачных
врагов;
Вновь, как во вне, мы двое, жрец и
жрица,
Сквозь сонм льстецов проходим
читать богов.

Но в час зари, чуть стают чары
мрака,
Я восхожу на кручь прибрежных
скал
Смотреть в туман, где спит моя
Итака,
Внимать, как ропщет в даль бегу-
щий вал.

Я ль в светлом доме островной
сибиллы,
Вдыхая сладость элисийских нег,
Вздыхать готов о дымных без-
днах Скиллы,
В мечтах лелеять с шумом
волн — побег?

Что мне, кто знал слепительности
Трои,
Кто сирских пленниц к ложа
нежным влек, —
Ахайи скудной зеркало пустое,
Сны Пенелопы, Телемака рок?

Иль но пресыщен полным кубком
славы,
Не отягчен венцом вселенной
всей, —

Как нектара, жду нежащей отра-
вы

Я, опытный, я, мудрый Одиссей?

28 августа 1920

**Одиссей у берегов феаков
(Одиссея, песнь V)**

*«Будешь помнить!» Прогремела
Мне насмешка Посидона.
Коней бурных он направил
В глубь взволнованного лона,
В свой коралловый чертог.
Но всем ветрам предоставил
Выть над морем гневный бог,
Плещут, мечут пеной белой
Ярый Эвр, свирепый Нот,
Зверь Борей и Зефир юный;
Понт на шумные буруны
Мчит со мной мой утлый плот.*

*Все ж со мною — Левкотеи
Неземное покрывало,
Деву мудрости, Афины,
Что не раз в беде спасала,
Я, упорный, помяну.
Плот разрушенный покину,
Кинусь в мутную волну,
Буду плыть к земле смелее:*

Знаю, гибельного дня
Сладость будет не такая!
Там, на берегу, Навсикая
Ждет, прекрасная, меня.

20 марта 1921

Цезарь Клеопатре

Нас влекут пурпурные ветрила,
Нежен вздох павлиньих опахал,
Терпкой влагой душно веет с Ни-
ла,
В жгучей сини Феб недвижно
стал.

Мысли — четки. Выслушай, цари-
ца!
Ропот мой безумьем назови.
Пусть в тебе таит свой бред
блудница,
Цезарь тож не новичок в любви.

Что ж! пред кем, скажи, в Алек-
сандрии
Я сложил и фаски и венец,
Взор закрыл на распри мировые,
В Риме кинул золотой дворец?

Иль гетер в столицах шумных

мало?
Иль не я владыка всех земель?
Но от хитрых ласк душа устала,
Что мне в снах Киприды лишней
хмель?

Нет, египтянка! в изгибе стро-
гом
Губ твоих, в огне холодном глаз
Понял я призыв к иным дорогам,
К большей глубине, соблаздившей
нас.

Клонит лик пред сыном Афроди-
та,
Эрос-Мститель гнет священный
лук.
Пропасть высшей страсти нам
открыта.
Чу! на дне — камней скользнув-
ших звук!

Миродержец, днесь я диадемой
Царственной вяжу твоё чело.
Не в Киферу нас влечёт трирема,
В даль столетий — фатума вес-
ло.

Нам сужден ли сов мгновенной
неги?
Прочь Гефестом кованная сеть!
Двум кометам в их надмирном
беге,
Нам дано в пример векам алеть.

Так гори, согласно пламенея,
Огонь любви спеши со мной вдох-
нуть,
Чтоб с тебя он сжег клеймо Пом-
пея,
Чтоб к клинку мне подготовил
грудь!

1⁹²⁰

Геро и Леандр

Леандр

Геро, слушай! слышишь, Ге-
ро!
Рядом в лад стучат сердца.

Геро

Милый, нет! у башни серой
Ярость волн бьет без конца.

Леандр

Геро, лик твой жутко нежен,

Весь плывущий в лунном дне!

Геро

*Милый, ах! луной взмятежен
Понт, взносящий вал во сне.*

Леандр

*Геро! грудью грудь согрета,
Руки слиты, дрожь в устах...*

Геро

*Милый! стужей млеет Лета,
Мчит в зыбях холодный прах.*

Леандр

*Геро! встанем! в свет победный
Бросим тело, бросим страсть!*

Геро

*Милый! грозно ветер бесследный
В море вскрыл пред смелым
пасть.*

Леандр

*Геро! помни! веруй, Геро!
Прочны связи влажных губ!*

Геро

Милый, ах! у башни серой —
Вижу твой взмятенный труд.

1920

Боттичелли

Что затеял ты, Рок? не игрой ли
На арене веков занят ты?
Толпы бросил ты к Савонароле,
Руки, в знаке креста, подняты.

И от воли ль твоей, от речей ли
Исступленца, что длань распро-
стер,
Возложил Сандро Боттичелли
Картины свои на костер?

Ты ль решил, чтоб слезой чер-
но-палевой
Оплывала Венер нагота,
А народ, продолжая опаливать
Соблазн сатаны, хохотал?

Ты ли дым, над Флоренцией вски-
нутый,
Отвердил в извечный гранит,
Обратил в бесконечную скинию,
Где примеры вселенной хранить,

Чтобы помнили, видели, ведали,
Что нельзя Красоте перестать,
Калидасой встающей над ведами
И Рембрандтом над трупом Христа?

30 сентября 1921

Все люди

Все люди, люди и люди,
Всех осанок, величин и мастей,
Розетка мировых иллюзий,
За работой, на пир и в постель.

Все люди, теперь и прежде,
И в грядущем, взглянув за забор,
Повтор все тех же арпеджий,
Аккордов старых набор!

Ахилл ли, Терсит ли, Елена ль,
Поэт, чиновник, король, —
Весь сверток земной вселенной —
Под печатью одна бандероль!

А, быть может, на синих планетах —

Чудовища, владыки стихий,
О чем не молчали в сонеты,
Чего не блистало в стихи!

*А, быть может, в огне иль в
незримом,
Демоны, дьяволы — вы,
Кто пылаете мимо, мимо,
Презирая кивком головы!*

8 июня 1921

Приветствия

А.В. Луначарскому

*В дни победы, где в вихре жесто-
ком
Все бывшее могло потонуть,
Усмотрел ты провидящим оком
Над развалом зиждательный
путь.*

*Пусть пьянил победителей сме-
лых
Разрушений божественный хмель,
Ты провидел, в далеких пределах,
За смятеньем, конечную цель.*

*Стоя первым в ряду озаренном
Молодых создателей, ты
Указал им в былом, осужденном,
Дорогие навеки черты.*

*В ослеплении поднятый молот
Ты любовной рукой удержал,
И кумир Бельведерский, расколот,
Не повергнут на свой пьедестал.*

*Ты широко вскрываешь ворота
Всем, в ком трепет надежд не по-
гиб, —
Чтоб они для великой работы
С сонмом радостным слиться
могли б,*

*Чтоб под черными громами, в са-
мой
Буре мира — века охранить,
И вселенского ясного храма
Адамантовый цоколь сложить.*

**1⁹²⁰ К.Д. Бальмонту («Ты нашел свой путь
к лазури...»)**

*Чахлые сосны дорогу к лазури найдут.
К. Бальмонт*

*Ты нашел свой путь к лазури,
Небом радостно вздохнул, —
Ведал громы, видел бури,
В вихрях взвеванных тонул;*

Славой солнца опьянялся,
Лунной магией дышал,
Всех пленял и всем пленялся,
С мировой мечтой дрожал;

И дождем с высот небесных,
Алым облаком горев,
В строфах жгучих и чудесных
Ты спадал на новый сев!

Влагу огненную жадно
Пили тысячи семян,
Чтоб весной в парче нарядной
Ликовала даль полян.

Пусть погасло пламя в небе, —
Под землей огонь твой жив:
Светел Рок, завиден Жребий
Тех, кто умер, жизнь разлил!

Беглый блеск прощальных вспышек
Тайно манит, как магнит:
То — твоих лучей излишек
В глубине зарниц горит!

22⁻²³ февраля 1919

Памяти одной

Помню, помню: вечер нежный;
За окном простор безмолвный;
Белой яблони цветы;
Взор твой, милый, неизбежный,
Миги катятся, как волны,
В целом мире— я и ты.

Помню, помню! это было, —
Словно в пропасти глубокой,
Да, пятнадцать лет назад!
Время птицей легкокрылой
Унесло меня далеко—
В новый рай и в новый ад.

Розы, лавры, олеандры,
Лица с черными глазами,
Плеск побед, падений стыд...
Как в видении Кассандры,
Тень Стигийская меж нами,
Окровавлена, стоит.

Нет к прошедшему возврата,
Все в пространстве по орбитам
Мы должны вперед скользнуть.
Стать чужими — вот расплата
За блаженство: в теле слитом
Сердце с сердцем съединить!

Памяти другой

Ты здесь, на ложе ласк неверных,
Обманывающих приближений,
В правдиво-лицемерный миг,
Во мгле, как в пропастях безмер-
ных,
Астральной властью отражений,
Твой облик надо мной возник.

И ты, от близостей отъята,
Уже не здесь вливаешь свет,
Где я еще влачусь за тьмой,
Но помнишь, странные когда-то,
Нас обручившие обеты
И горько слышишь ропот мой.

Твое обиженное тело
Землей и травами прикрыто,
Но здесь, со мной, твоя любовь;
Смотри ж из темного предела
На все, что в смерти не забыто,
Что, жив, я изживаю вновь.

В блаженной неге униженья
Я оцет пью из груди милой,
Отвесьть клинок стыда без сил, —
Прими мой бред — как искупле-

нье:

*Им ныне над твоей могилой
Венок из строф я возложил.*

1⁹²⁰

Мадригал

*Имя твое — из золота,
Маленький, сверкающий слиток,
Под ударом кирки и молота
В ледяном Клондайке открытый.*

*Имя твое под любовными
Ласками солнца светится,
Но лучи его робки, словно им
Опасно соперничество месяца.*

*Но я знаю, верю, и ночью оно,
Под лунным поцелуем бесплод-
ным,
Необледнено, неопорочено, —
Пламя во тьме холодной.*

*Пусть ветер взлетает с полюса,
Пусть пустыня снежная стелет-
ся,
Иль иглами жгучими колетя,
Смеясь над прохожим, метелица,
—*

*В стране молчанья и холода,
Над белым, над мертвым просто-
ром,
Имя твое из золота,
Милое имя— Дора!*

16 февраля 1921

К Адалис

*Твой детски женственный анализ
Любви, «пронзившей метко»
грудь,
Мечте стиха дает, Адалис,
Забытым ветром вновь вдох-
нуть.*

*День обмирал, сжигая сосны;
Кричали чайки вдоль воды;
Над лодкой реял сумрак росный;
Двоих, нас метил свет звезды.*

*Она сгибалась; вечер бросил
Ей детскость на наклоны плеч;
Следил я дрожь их, волю весел
Не смея в мертвой влаге влечь.*

*Я знал, чей образ ночью этой
Ей бросил «розу на кровать»...
Той тенью, летним днем прогре-*

той,
Как давним сном, дышу опять —

В твоих глазах, неверно-серых,
В изгибе вскрытых узких губ,
В твоих стихах, в твоих разме-
рах,
Чей ритм, — с уступа на уступ.

21 июля 1920

К А—

Шаги судьбы по камням мира,
свисты
Стрел Эроса, соль моря — лю-
бишь ты.
Я — этой ночью звезд расцвет лу-
чистый,
Тишь этих узких улиц, этот
мглистый
Бред темноты.

Ты в каждом знаке — ищешь сим-
вол сути,
Ведешь мечту сквозь тени к веч-
ным снам.—
Мне все сказалось, в играх лунной
ртути;
За смысл миров, — того, что

*есть в минуте,
Я не отдам.*

*В отвесах стен ты знаешь облик
Рима,
В полетах ветра дум нездешних
струй.—
Я жадно в стих ловлю лишь то,
что зримо:
Миг, сладкий миг, как сон бегу-
щий мимо, —
Твой поцелуй.*

1⁹²⁰ Посвящение («Ты, предстоящая, с кем выбор мой...»)

*Ты, предстоящая, с кем выбор
мой!
Стань смело здесь, где робок по-
священный,
По власти, мне таинственно вру-
ченной,
Твое чело вяжу двойной тесьмой;*

*В кольцо с змеями, знак инвести-
туры,
Твой тонкий палец заключаю;
меч*

Тебе влагаю в руку; нежность
плеч
Скрываю в плащ, что соткали ле-
муры.

Пред алтарем склонись, облаче-
на:
Те две тесьмы — сиянье диадемы;
Ей тайно венчаны, поэты, все мы,
Вскрывает путь в огонь веков она.

Те змеи, — символ мудрости пре-
дельной,
Они все миги жгуче в нас язвят,
Но их губительно-целящий яд
Из смерти душу возвращает цель-
ной.

Тот меч — как знаменье, что
жизнь тебе
Прорежет сердца остро в глубо-
ко,
Что станешь ты победно одино-
ка,
Но не уступишь ни на шаг судьбе.

Тот плащ, тебе сокрывши зыбко
плечи,

Сны отрешает от страстей люд-
ских;
Отныне ты — лишь призрак для
других,
И для тебя — лишь призрак дни и
встречи.

Ты в оный мир вознесена, где нет
Ни слов лукавых, ни черты слу-
чайной,
И се — я, тавматург, пред новой
тайной,
Клоню колена пред тобой, Поэт!

30⁻³¹ августа 1920

А здесь, в уме...

В первый раз

Было? Не знаю. Мальстрёмом
крутящим
Дни все, что было, сметают на
дно.
Зельем пьянящим, дышу настоя-
щим,
Заревом зорь мир застлало оно.

Прошрое сброшу, пустую одежду;
Годы — что полки прочитанных

книг!
Я это — ты, ныне вскинутый,
между
«Было» и «будет» зажегшийся
миг.

В первый раз поле весной опьяне-
ло,
В первый раз город венчала зима,
В первый раз, в храмине туч, си-
не-белой
Молнией взрезана плотная тьма!

В первый раз, в первый — губ неж-
ная влажность
Губы мне жмет, я ловлю в первый
раз
Грудь на груди вздохов страстных
протяжность,
Жуть, счастье, муку закинутых
глаз.

В первый раз мысль, в жгучей зор-
кости, верит
Зовам толпы, с буйством жизни
слита:
Строить, крушить, в битву ри-
нуться! Перед

Целью веков ниц простерта мечта.

Грозы! Любовь! Революция! — С
новой
Волей влекусь в ваш глухой водо-
мет,
Вас в первый раз в песнях славить
готовый!
Прошлого — нет! День встаю-
щий — зовет!

23 ноября 1920

Во мне

Воспоминанья стран, — вопль во-
допадов,
Взлет в море волн, альпийских
трещин жуть,
Зной над Помпеями, Парижа адов
Котел, за степь гремящей тройки
путь.

Все, — и провал в палящие полот-
на
Да Винчи, мраморный вздох Афродит,
Разливы книг с их глубиной бо-
лотной,

Дум молнии, цифр гибельный гра-
нит.

Все, — Город Вод, с блистаньем
орихалка,
С нагой Иштар, где смерть, в под-
земный плен,
В мечты Геракла, где Омфалы
прялка,
За Одиссеем в знойный зов сирен.

Вас, также вас, — костры ночей
изжитых,
Двоим один, слов не обретший,
бред,
Губ хрипло слипших, рук несыто
слитых,
Дорог сквозь тайны радиевый
след.

Вас, вас еще, — часы трудов дер-
жавных,
Восторг стихов, вдаль вскинутые
сны,
Вас, миги зоркостей, слепых и яв-
ных,
Горн революций, пестрый плащ
войны.

Все, все во мне, круги живых все-
ленных,
Преображенных, вновь зажжен-
ных мной,
Корабль сокровищ, от мостов
мгновенных
Влекомый в вечность роковой
волной.

17 сентября 1920

Будь мрамором

*Ты говоришь: ограда меди ратной...
Адалис*

*Будь мрамором, будь медью рат-
ной,
Но воском, мягким воском будь!
Тепло судьбы благоприятной
Всем существом умеи вдохнуть!*

*Так! не сгорая и не тая,
Преображай знакомый лик,
Предельный призрак выдвигая,
Как свой властительный двой-
ник!*

*Захвачен вихрем ярко-юным,
Что в прах свергает алтари,*

*Гори восторженным трибуном,
Зов бури вольно повтори!*

*Меж «юношей безумных», вкован
В живую цепь, к звену звено,
Славь, с неустанностью взволно-
ван,
Беспечность, песни и вино!*

*В сонм тайный мудрецами при-
нят,
Как древле Пирр в совет царей,
Все, что исчезло, все, что минет,
Суди всех глубже, всех мудрей!*

*А в поздний час, на ложе зыбком,
В пыланье рук включен, как в
сеть, —
Улыбкой дарственной — улыб-
кам,
Мечте — мечтой любви ответь!*

*Являй смелей, являй победней
Свою стообразную суть,
Но где-то, в глубине последней,
Будь мрамором в медью будь!*

4 сентября 1920

День

Еще раз умер, утром вновь вос-
крес;
Бред ночи отошел, забыт, отбро-
шен.
Под серым сводом свисших вниз
небес,
Меж тусклых стен, мир ярок и
роскошен!

Вновь бросься в день, в целящих
водоем,
Скользи в струях, глядись в стек-
ле глубоко,
Чтоб иглы жизни тело жгли ог-
нем,
Чтоб вихрь событий в уши пел по-
током!

Хватай зубами каждый быстрый
миг,
Его вбирай всей глубиью дум, всей
волей!
Все в пламя обрати: восторг,
скорбь, вскрик,
Есть нега молний в жале жгучей
боли!

Час рассеки на сотню тысяч

милль,
Свой путь свершай от света к свету
в безднах,
Весь неизмерный круг замкнув, не
ты ль
Очнешься вновь, живым, в провалах
звездных?

Борьбой насытись, выпей яд любви,
Кинь в сушь сознаний факел дневной
песни,
Победы блеск, стыд смеха изживи, —
Умри во мгле и с солнцем вновь
воскресни!

24 августа 1920

В смерть

В смерть, в вечный гром, в горящий
вихрь, быть может,
Быть может, в темь, в провал, в ничто —
все я!
Вот эти скрепы рук червь алчно
сгложет,
Пять строк историка — смысл
бытия.

А здесь, в уме, разбега дум свистящих,
Колеса, поршни, рычаги машин,
Тигр с тигром, с змеем змей в деканских чащах,
Злой глаз ихтиозавров из глубин.

Здесь дни, где слеп от солнц желаний рдяных,
Ночи, где жив костром сплетенных рук,
Плыть по безумью, челн меж скал в туманах,
Целить в врага сквозь серп колючих юкк!

Всход в башни книг по лестницам спиральным,
Срыв вниз в котел шипящих городов;
Вдохнув их бред, зажечь мечом сигнальным
На самой круче века оклик строф.

И все, все — труп, тук цепким повиликам,
Соблазн стихов — влюбленным двум, чтоб влечь

*В столетьях чуждых, чьих-то, с
лживым вскриком,
В позор объятий иль под мрачный
меч!*

5—6 сентября 1920

Пределы

*Пределы? нет их!
Цель — бесконечность!
Из песен петьх —
Звездная млечность.*

*Там дальше — туманность
Ориона иль Лиры...
Отточенных слов чеканность,
Лезвием секиры.*

*Канат корабля отруби!
Новых норманнов наезды!
Мелкие отруби,
Рассыплются звезды.*

*Земля? — зелененький мяч!
Луна? — нет совсем!
Человеческий плач
В пространствах нем.*

Вне изведанных стран дыши

Потоком твердым эфира!
Прощайте, милые ландыши,
Орион и Лира!

25 августа 1920

Одно лишь

Я ль не искал под бурей гибели,
Бросая киль в разрез волны,
Когда, гудя, все ветры зыбили
Вкруг черный омут глубины?

Не я ль, смеясь над жизнью ста-
рящей,
Хранил всех юных сил разбег,
Когда сребрил виски товарищей,
Губя их пыл, предсмертный снег?

Ах, много в прошлом, листья
спадшие,
Друзей, любовниц, книг и снов!
Но вновь в пути мне братья
младшие
Плели венки живых цветов.

За кругом круг сменив видения,
Я к новым далям страсть донес,
Пью грозы дней земных, не менее,
Чем прежде, пьян от нежных

слез.

*К чему ж судьбой, слепой пре-
лестницей,
В огне и тьме я был храним,
И долгих лет спиральной лестни-
цей
В блеск молний вышел, невредим?*

*Одно лишь знаю: дальше к свету я
Пойду, громам неожиданным рад,
Ловя все миги и не сетуя,
Отцветший час бросать назад.*

9 января 1921

Первый меридиан

*Через сердце к весеннему полю,
Первый проведи меридиан:
Он упрется в точку, где полюс
Полярной звездой осиян.*

*И от этого мига жалеть ли
Путей вперед и назад,
Там и в прошлом все тысячеле-
тья,
И в грядущем дерзко грозят.*

Расточить, как щедрый наслед-

ник,
На пиру этого дня умеи —
Мудрецов, поэтов, проповедников
Клад, что собран в твоём уме.

Пусть кровь твоя просочится
В века из земной ризницы,
Где будут кормиться волчицей
Реи иной близнецы.

От вселенной тебя ли отыдем?
Всех солнц разорвется связь,
Вихрями в пустоте золотыми,
Калейдоскопом нелепым резвясь.

Меч от зенита к надиру
Насквозь тебя пронизал:
Над вечностью им балансируй
В бесконечности тронных зал.

3 июня 1921

День за днем

Мясорубками тело измолото,
День за днем, день за днем, день за
днем.
Почему же нетленны и молоды
Губы мальв за вселенским плет-
нем?

Расстилатся, дробясь под коле-
сами...

Это ль я? где же я? кто же я?
Не ответит за волжскими плеса-
ми

Мне последняя ворожея.

Отстраняю в безумьи ладонями
Беглый миг, бледный лик, тот
двойник.

Но ликующий месяц над донями
До глубин заповедных проник.

Так рубите, рубите, рубите
День за днем, день за днем, день за
днем.

По мечтам, по путям, по орбите
Пред огнем мы кометы метнем.

Что во сне на земле, — повторит-
ся

В голубых и пурпурных краях.
Пей жемчужину в уксус, царица,
Клеопатра, Марго, Таиах!

Эти трепеты грудей прозрачны,
Кровь под жалами пламенных
стрел,

*Чтобы, крылья смежив, новобрач-
ный
До глубин заповедных смотрел.*

14 июля, 1921

Миг (1920–1921)

Кругозор

Смотреть в былое

*Смотреть в былое, видеть все следы,
Что в сушь песка вбивали караваны
В стране без трав, без крыш и без воды,
Сожженным ветром иль миражем пьяны;*

*Припоминать, как выл, свистя, самум,
Меня слепя, ломая грудь верблюду,
И, все в огне, визжа сквозь душный шум,
Кривлялись джинны, возникали всюду;*

*Воссоздавать нежданный сон, оаз,
Где веер пальм, где ключ с душой свирели
И где, во мгле, под вспышкой льви-*

ных глаз,
Проснешься, когти ощущая в те-
ле!

Смотреть вперед и видеть вновь
пески,
Вновь путь в пустыне, где желте-
ют кости...
Уже не кровь, года стучат в вис-
ки,
И зной и смерть слились в послед-
нем тосте.

Но, сжав узду, упорно править
ход,
Где холм не взрезан скоком туа-
рега,
Опять, еще, где океан ревет, —
В лед волн соленых ринуться с
разбега!

17 января 1921

Груз

Книг, статуй, гор, огромных горо-
дов,
И цифр, и формул груз, вселенной
равный,
Всех опытов, видений всех родов,

Дней счастья, мигов скорби свое-
нравной,

И слов, любовных снов, сквозь бред
ночей,
Сквозь пламя рук, зов к молниям
бессменным,
Груз, равный вечности в уме! — на
чьей
Груды я не дрожал во сне надмен-
ном?

Стон Клеопатр, вздох Федр, меч-
ты Эсфирей,
Не вы ль влились, — медь в па-
мять, — навсегда!
Где фильмы всей земли кружат в
эфире,
Еще звучат, поют векам — их
«да»!

Взношу лицо; в окно простор звез-
дистый,
Плечо к плечу, вздох нежный у
виска.
Миг, новый миг, в упор былых
вгнездись ты!
Прибой швырнул на берег горсть

песка.

*Сбирай в пригоршни книги, жизни,
сны, —
Своих Голландии в гул морской
плотины, —
Вбирай в мечты все годы, — с кру-
тизны
Семи холмов покорный мир лата-
ны!*

*А им, а тем, кто в буйстве ветра
ниц
Клонились, лица — «Страшный
суд» Орканий,
Им — в счет слепот иль — в ряд
цветных страниц;
Горсть на берег, лот в груз живых
сверканий!*

10 октября 1921
**Одиссей у Калипсо («Снова сон,
векам знакомый...»)**

*Снова сон, векам знакомый!
Где-то там, в небесной сфере,
Повернулось колесо,
Вновь, как древле, Одиссея,*

Дея чары и слабея
Дрожью медленной истомы,
В сталактитовой пещере
Молит нимфа Калипсо.

Девы моря, стоя строем,
На свирелях песню ладят,
Запад пурпуром закрыт;
Мореход неутомимо
Ищет с родины хоть дыма;
А богиня пред героем
То сгибается, то сядет,
Просит, плачет, говорит:

«Муж отважный, посмотри же!
Эти груди, плечи, руки, —
В мире радостном, — даны
Лишь бессмертным, лишь боги-
ням,
Губы в ласке теплой сдвинем,
Телом всем прильни поближе,
Близ меня ль страдать в разлуке
С темным теремом жены?»

Но скиталец хитроумный,
Как от грубого фракийца,
Лик свой, в пышности седин, —
От соблазнов клонит строже...

Ах, ему ли страшно ложе?
Но он видит — праздник шумный,
Где в дверях отцеубийца, —
Калипсо прекрасный сын!

16 марта 1921

Римини

В твоём, в века вонзенном имени,
Хранимом — клад в лесу —
людьми,
Кто с дрожью не расслышит, Ри-
мини,
Струн, скрученных из жил любви?

В блеск городов, где Рим с Венеци-
ей,
Где столько всех, твоя судьба
Вошла огнем! Венец! Венец и ей!
И в распре слав — весь мир судья!

Вы скупы, стены! Башни, слепы
вы!
Что шаг — угрюмей кровли
тишь.
Но там есть дверь и портик skle-
повый,
И к ним мечта, что в храм, ле-
тит.

Что было? Двое, страстью вскры-
лены,
Над тенью дней чело стремя,
Сон счастья жгли, чтоб, обесси-
лены,
Пасть, — слиты лаской остря.

И все! Но ввысь взнеслись, гиган-
ты, вы,
Чтоб в жизни вечно хмелю быть,
И держат вас терцины Дантовы,
—
Вовек луч тем, кто смел любить!

11 июля 1921

Взнесенный

Закатной яркостью взнесенный
Из душной сладости темниц,
Забудь обет, произнесенный
Пред жертвенником, лежа ниц.

Просторам сумрачным послушен,
Как облачко, плыви, плыви,
На высях у орлов подслушай
Слепые клетоты любви.

Впивай всю влагу побережий,
Что оживит за лугом луг,

*Где волю бега перережет
Тоска опаляемых излук.*

*Когда ж мечты ночные смешают
В страсть все земные голоса, —
На грань захватывая месяц,
Врачуй влюбленные глаза.*

*И смерть, иных смертей безмолв-
ней,
Как облачко, в просторах
встреть,
За фосфорным изломом молний
Сквозь ночь, чтоб гибель досмот-
реть.*

6 июля 1921

Апрель

*Кто поет, мечта ль, природа ль?
Небо — нежный сон свирели,
Каждый листик вылит в трели,
Свет и тень звенят в апреле, —
Ветр, лишь ты, всех неумелей,
В медь трубы дудишь поодаль.*

*Давний гимн! припев всемирный!
В дни, где мамонт высил бивни,
В первом громе, в вешнем ливне,*

*Был ли тот же зов призывней?
Жди весны, ей верь, лови в ней
Флейты ропот, голос лирный.*

*Песнь вливаешь в струны ль, в
слово ль,
Все ж в ней — отзвук вечной воли.
С ланью лань спозналась в поле,
Змей с змеей сплелись до боли,
Лоб твой влажен вкусом соли, —
Всех мелодий — вдоволь, вдоволь!*

30 *апреля — 2 мая 1921*

Еврейским девушкам

*Красивые девушки еврейского пле-
мени,
Я вас наблюдал с тайной дрожью
в мечтах;
Как черные волосы упруги на те-
мени,
Как странен огонь в ваших черных
зрачках!*

*В Варшаве, и в Вильне, и в задум-
чивом Тальсене
За вами я долго и грустно следил.
И все мне казалось: стремитесь
вы в вальсе*

*Неизбежном, над тайной бес-
смертных могил.*

*Как будто в вас ожили виденья
библейские,
И мать Ревекка, и дева Рахиль,*

*—
Отвеяны помыслы ненужно-жи-
тейские,
И в новом жива вековечная быль.*

*Еврейские девушки! в холодной
России
Вы — бессонная память о знойной
стране,
Живое преданье о грядущем Мес-
сии вы...
Девушки-матери, близки вы мне!*

А вгуст 1914. Вильно

Из прежде в теперь

Грядущий гимн

*Солнце летит неизмерной орби-
той,
Звезды меняют шеренгами
строй...
Что ж, если что-то под солнцем
разбито?
Бей, и удары удвой и утрой!*

*Пал Илион, чтобы славить Гоме-
ру!
Распят Христос, чтобы Данту
мечтать!
Правду за вымысел! меру за меру!
Нам ли сказанья веков дочитать!*

*Дни отбушуют, и станем мы са-
ми
Сказкой, виденьем в провале бы-
лом.
Кем же в столетья войдем? голо-
сами
Чьими докатится красный пса-
лом?*

Он, нам неведомый, встанет, почувствует
Истину наших разорванных дней,
То, что теперь лишь по душам почувствует,
Свет, что за далью полней и видней.

Станут иными узоры Медведиц,
Станет весь мир из машин и из волей...
Все ж из бывшего, поэт-сердцеведец,
Гимн о былом — твой — восславить позволю!

Ноябрь 1921

Октябрь 1917 года

Есть месяцы, отмеченные Роком
В календаре столетий. Кто сотрет
На мировых скрижалях иды марта,
Когда последний римский вольнолюбец
Тирану в грудь направил свой клинок?
Как позабыть, в холодно-мгли-

стом полдне,
Строй дерзких, град картечи, все,
что слито
С глухим четырнадцатым декабря
?

Как знамена, кровавым блеском
реют

Над морем Революции Великой
Двадцатое июня, и десятый
День августа, и скорбный день —
брюмер.

Та ж Франция явила два пыланья
—

Февральской и июльской новизны.
Но выше всех над датами святы-
ми,

Над декабрем, чем светел пятый
год,

Над февралем семнадцатого го-
да,

Сверкаешь ты, слепительный Ок-
тябрь,

Преобразивший сумрачную осень
В ликующую силами весну,

Зажегший новый день над дряхлой
жизнью

И заревом немеркнущим победно
Нам озаривший правый путь в ве-

ках!

1⁹²⁰

Коммунарам

*Под вопль вражды, под гулким
гневом
Недаром вы легли в веках, —
Упал над миром тучным севом
Ваш огненно-кровавый прах.*

*Вы, лабиринтцы, в дни позора
Под дерзким эллинским копьем;
Ты, круг священный Пифагора,
Поющий на костре своем;*

*Вы, все, что восставали, тая,
Вальденцы, Виклеф, Гуса стан,
Пророки нового Синая,
Ты, исступленный Иоанн;*

*И вы, кто жертвой искуплений
Легли в Париже, у стены,
Чьи грозно вопящие тени
В лучах побед вознесены!*

*Как в басне, из зубов дракона
Возникли мощные бойцы,
Бросаете в земное лоно*

Вы мученичества венцы.

Под те же гулы и угрозы,
Приемля ваш немолчный зов,
Мы ваши праведные грезы
Возносим над борьбой веков!

1⁹²⁰

Оклики Четвертый октябрь

Окликаю Коршуна в пустыне:
— Что летишь, озлоблен и
несмел? —

«Кончен пир мой! более не сты-
нет
Труп за трупом там, где бой гре-
мел!»

Окликаю Волка, что поводит
Сумрачно зрачками: — Что
уныл? —

«Нет мне места на пустом заво-
де;
Утром колокол на нем звонил».

Окликаю Ветер: — Почему ты
Вой ведешь на сумрачных ладах?
—

«Больше мне нельзя в годину смуты
Раздувать пожары в городах!»

Окликаю Зиму: — Эй, старуха!
Что твоя повисла голова? —
«Плохо мне! Прикончена разруха,
Всюду мне в лицо трещат дрова».

Чу! гудок фабричный! Чу! зывают
Свистом, пролетая, поезда.
Красные знамена обвивают
Русь былую, словно пояса.

Что грозило, выло и рычало,
Все притихло, чуя пятый год.
Люди, люди! Это лишь начало,
Октября четвертого приход!

Из войны, из распрь и потрясений
Все мы вышли к бодрому труду;
Мы куем, справляя срок весенний,
Новой жизни новую руду.

Кто трудился, всяк на праздник
прошен!
Путь вперед — роскошен и широк.

Это — зов, что в глубь столетий
брошен,
Это — наше право, это — рок!

25⁻³⁰ октября 1921

Советская Москва

Все ж, наклонясь над пропастью,
В века заглянув, ты, учитель,
Не замрешь ли с возвышенной ро-
бостью,
И сердце не полней застучит ли?

Столетия слепят Фермопилами,
Зеркалами жгут Архимеда,
Восстают, хохоча, над стропила-
ми
Notre-Dame безымянной химерой;

То чернеют ужасом Дантовым,
То Ариэлевой дрожат паутиной,
То стоят столбом адаманто-
вым,
Где в огне Революции — гильоти-
на.

Но глаза отврати: не заметишь
ли
Тебе — тот же блеск, здесь и ны-

*не?
Века свой бег не замедлили,
Над светами светы иные.*

*Если люди в бессменном плава-
ны,
Им нужен маяк на мачте!
Москва вторично в пламени, —
Свет от англичан до команчей!*

13 ноября 1921

Просверк

Сеет Хронос

*Нет, не струны, нет, не трубы,
Мой напев над морем вейте!
Закрываю тихо ставни,
Подношу покорно губы
К золотой забытой флейте;
Властвуй в темной тишине,
Старомодный, стародавний
Отзвук, милый только мне!*

*Пой из тьмы тысячелетней,
Из лесов аркадских басен,
Где к маслинам никли фиги,
Пой безвольней, безответней,
Но, как прежде, мудр и страстен,*

*Зовов нежных не тая, —
Здесь, где внемлют только книги,
Только тени, только я.*

*Где я? может быть, в преданьи,
В лунной трели менестрелей,
В песне призрачной Шопена, —
Но в сверканьи, но в рыданьи
Воды Геллы прогремели,
Обращая в нектар кровь;
Сеет Хронос алой пеной,
Чтоб земле всплыла Любовь.*

28 февраля 1921

Зачем?

*Зачем? Разве я знаю?
Не нами, давно суждено:
Поля опалить мистралю,
Якорю падать на дно.*

*Гольфштрему, может быть, хо-
чется
Медлить в огне Гаити,
Но должен Малыдтремом кор-
читься
На холодном норвежском грани-
те.*

На эти глаза обманные
Стигматы губ наложить,
Это — играет ветер туманами,
Это — травами ночь ворожит.

Если двое в невольной неге мы
Угадываем шепоты срока,
Это — солнца Виктории-регии
Дрожат в синеве Ориноко.

Зачем? Кто нам ответит?
Словами любви не лги!
Сквозь эфир скользящей планете
Непонятны ее круги.

10 февраля 1921

Над сном надежд

Над сном надежд, что стаи пти-
чьи, рея,
Кружат года, крик ястребиный
зол;
Но дни, все дни взмывают, не ста-
рея, —
Вот — коршун, голубь, стрепет,
стриж, орел!

Взлетайте! мчитесь! я, ловец бы-
вальный,

Стрел, смерть поющих, не извел
колчан.

Люблю сбивать с лазури в сумрак
алый

Вас, бьющихся от боли острых
ран!

Свой путь вершу меж круч, сквозь
кольца веток,

Где в мгле никем не стоптана
трава,

Но гибок лук, мой взор, как
прежде, меток:

Всем зовам с выси вторит тети-
ва!

Как весело за зелень летних те-
ней

Стрела бежит, пронзая лист, лег-
ка!

День торжества, день жутких по-
ражений —

Равно милы, — добыча в сеть
стрелка.

Скорбь, радость, ужас, падайте со
стоном

В гроб скал бесстрастных иль у

горних струй,
И ты! ты! быстрый день, когда
дано нам
Вновь ведать в жизни первый по-
целуй!

3 февраля 1921

ИНКОГНИТО

Порой Любовь проходит инког-
нито,
В платье простом и немного ста-
ромодном.
Тогда ее не узнает никто,
С ней болтают небрежно и слиш-
ком свободно.

Это часто случается на весеннем
бульваре, и
У знакомых в гостиной, и в фойе
театральном;
Иногда она сидит в деловой кан-
целярии,
Как машинистка, пишет, улыба-
ясь печально.

Но у нее на теле, сквозь ткани
незримый нам,
Пояс соблазнов, ею не забытый.

Не будем придирчивы к былым
именам, —
Все же часто сидим мы пред ли-
цом Афродиты.

А маленький мальчик, что в дет-
ской ревности
Поблизости вертится, это — про-
казливый Амор.
Колчан и лук у него за спиной, как
в древности;
Через стол он прицелится, опира-
ясь на мрамор.

Что мы почувствуем? Укол, ощу-
тимый чуть,
В сердце. Подумаем: признак эн-
кардита.
Не догадаемся, домой уходя, мы
ничуть,
Что смеется у нас за спиной Аф-
родита.

Но если ты сразу разгадаешь ин-
когнито,
По тайным признакам поймешь,
где богиня, —
В праведном ужасе будь тверд, не

дрогни, не то
Стрела отравленная есть у ее сына.

12 марта 1921

Искра

Вино ли пенится,
Вокалом схвачено, —
Солнечный сок?
Мяч ля лаун-тенниса
От удара удачного
Взвихрил песок?

Сам ли я искра лишь
Яростной хмельности,
Что глуби зажгла?
Миг! Это ты крылишь
Роковой мельницы
Все четыре крыла!

Явь или призрачность —
Губ этих сдавленность,
Дрожь этих плеч?
Тысячно-тысячный
Поцелуй отравленный,
Твердый, как меч?

Кружатся, кружатся

Мельничные лопасти,
Вихри взносит ввысь.
В привычности ужаса
Над небесной пропастью
Богомольно клонись!

7 февраля 1921

Звено в цепь

И в наших городах, в этой камен-
ной бойне,
Где взмахи рубля острее тома-
гавка,
Где музыка скорби лишена гармо-
ний,
Где величава лишь смерть, а
жизнь — только ставка;

Как и в пышных пустынях басно-
словных Аравии,
Где царица Савская шла ласкать
Соломона, —
О мираже случайностей мы меч-
тать не вправе;
Все звенья в цепь, по мировым за-
конам.

Нам только кажется, что мы
выбираем;

Нет, мы все — листья в бездуш-
ном ветре!
Но иногда называем мы мину-
ты — раем,
Так оценим подарок, пусть их все-
го две-три!

Если с тобой мы встретились за-
чем-то и как-то,
То потому, что оба увлекаемы
вдаль мы;
Жизнь должна быть причудлива,
как причудлив кактус;
Жизнь должна быть прекрасна,
как прекрасны пальмы.

И если наши губы отравлены в по-
целуе,
Хотя и пытаешься ты порой про-
тиворечить, —
Это потому, что когда-то у стен
Ветилуи
Два ассирийских солдата играли в
чет и нечет.

4 марта 1921

Тень света

Вскрою двери

*Вскрою двери ржавые столетий,
Вслед за Данте семь кругов пройду,
В зыбь земных сказаний кину сети,
Воззову сонм призраков к суду!*

*Встаньте, вызову волхва послушны,
Взоры с ужасом вперяя в свет,
Вы, чья плоть давно — обман воздушный,
Вы, кому в бесстрастье — схода нет!*

*Встань, Элисса, с раной серповидной!
Встань, Царица, на груди с ехидной!
Встань, Изотта, меч не уклоняя!
Встань, Франческа, ей сестра родная!*

Встань, Джульетта, пряча склян-

ку с ядом!
Встань с ней, Гретхен, руки в узах,
рядом!
Встаньте все, кто жизнь вливал в
последний
Поцелуй, чтоб смерть сразить
победней!

Вас не раз я оживлял сквозь слово,
Как Улисс, поил вас кровью
строф!
Встаньте вокруг, творите суд су-
рово, —
Здесь на сцене дрожь моих висков!

Мне ответьте, судьи тьмы, не
так ли
Парид вел Елену в Илион,
Бил не тот же ль сердца стук в
Геракле,
В час, когда встречал Иолу он!

2 мая 1921

ЭТОТ ВСКРИК

Что во сне счастливом этот
вскрик подавленный,
Этот миг, где сужен вздох до
стона, что?

Древний перл, приливом на песке
оставленный,
С мели, чьих жемчужин не собирал
никто.

Вечность бьет мгновенье гулки-
ми прибоями,
Вихрь тысячелетий роет наши
дни.
В чем нам утешение плакать над
героями,
В темных книгах метить преж-
ние огни?

Свет наш — отблеск бледный ра-
дуг над потопами,
Наши страсти — пепел отгорев-
ших лет.
Давит панцирь медный в стенах,
что циклопами
Сложены; мы — в склепе, выхода
нам нет!

Если дерзко кинем в глубь холод-
ной млечности
Крик, что не был светел в буй-
стве всех веков, —
Как нам знать, что в синем море

бесконечности
На иной планете не звенел тот
зов!

11 апреля — 7 мая 1921

Был мрак

Был мрак, был вскрик, был жгучий
обруч рук,
Двух близких тел сквозь бред из-
невозможенъе;
Свет после и ключа прощальный
стук,
Из яви тайн в сон правды пробуж-
денье.

Все ночь, вновь мгла, кой-где гла-
за домов,
В даль паровозов гуд, там-там
пролетки...
А выше — вечный, вещей блеск ми-
ров,
Бездн, чуждых мира, пламенные
чётки.

Нет счета верстам, грани нет ве-
кам,
Кружась, летят в дыханьи солнц
планеты.

Там тот же ужас в сменах света,
там
Из той же чаши черплют яд по-
эты.

И там, и здесь, в былом, в грядущем (как
Дней миллиарды нам равнять и
мерить),
Другой любовник смотрит с дро-
жью в мрак:
Что, в огонь упав, он жив, не смея
верить.

4⁻⁵ апреля 1921

Кубок Эллады

Слишком полно мойрами был на-
лит
Кубок твой, Эллада, и с краев
Крупных капель дождь помчался
налет —
Пасть в растворы чаш, поныне
жалит

Скудный блеск ему чужих веков.
Нет, не замкнут взлет палящий
цикла!
Пламя Трои, то, что спас Гомер,

*В кровь народов, — сок святой, —
проникло,*

*С небом слился светлый свод Пе-
рикла,
Зов Эхила влит в Ресефесер!
Боги умерли, Халдей и Мидий,
В тучах мертв, не глянет Сава-
оф;*

*Где покров, что лик скрывал Изиде?
Но, касаясь древних струн, Кипри-
де
На ступень кладем мы горсть
цветов.*

29 *апреля 1921*

Даль

*Ветки, листья, три сучка,
В глубь окна ползет акация.
Не сорвут нам дверь с крючка,
С Далью всласть могу ласкаться
я.*

*Бирюза да изумруд,
Тучек тоненькие вырезы.
Губы жутко не умрут,*

Не испив немые ирисы!

*Даль, любовь моя! даль! даль!
Ты ль меня влечешь, мой гений ли,
До песков Сахар, до льда ль,
Что горит на пике Кении?*

*Синь и зелень розовой,
Алой дрожью веет с запада,
Вей, левкое! роза, вей!
Светлых веток запах? Запах? —
Да!*

*Где-то здесь — тропа в огни,
Где-то в высоте — огонь и я!
Змеем двух нас обоими,
Вечной тайны теогония.*

8 июня 1921

Кондор

*К чему чернеющий контур
Ты прячешь, гневный гигант, —
В тишине распластанный кондор
Над провалами сонных Анд?*

*В неделях бархатных кроюсь,
Ты медлишь, чтоб, сон улуча,
Проступить сквозь атласную*

*прорезь
Мига, разя сплеча.*

*Кровь тебе — в холодную сла-
дость!
Медяное лицо поверни.
Где постромок серебряных сла-
бость
У разбившей ось четверни?*

*Утаишь ли чудовищность кры-
льев?
Их нашим трепетом смерть!
Там, за кругом лампы, открытой
По ковру распростерта смерть.*

*Что ж! клонясь к безвольным бу-
магам,
Черчу пейзажи планет:
От кондоров горных у мага
Заклинаний испытанных нет.*

22 июня 1921

Вечерняя флейта

*Вечерней флейты страстный
трепет
Слабеет в узкое окно;
И ветер звуки нежно треплет,*

За нитью нить прядя руно.

В ее словах — просторы скорби,
Под солнцем выжженная тишь,
Закат прощальный гневно горбит
Мечту — сквозь гордость и га-
шиш.

Вечерней флейты ропот молк-
нет,
Но в тени яд влила змея,
Глаз голубой безгромных молний
Поспешно шурится, смеясь.

Я знаю: лживый хор предвестий
Ей вслух поет и стелет мглу...
А ночь растет: сады предместий,
Как грань, означены к углу.

Вы, звезды, в миги волю влейте,
Чтоб вновь ей ждать, живой
вполне!
Мы преданы вечерней флейте,
Ах! мы — в вечеровой волне!

23 июня 1921

Еще так нежны...

Слова любви еще так нежны,

Так жарки сгибы алчных рук,
Ночь, древний царь многоодежд-
ный,
Бросая тьму на отсвет смежный,
Лицо к лицу гнет в счастье блед-
ном,
Пока в тиши поет победным
Пеаном — сердца к сердцу стук.

Но гаснет мрака дымный морок,
Пред сказкой страсти вскрыв про-
вал.
Взор не напрасно горько зорок,
Сквозь хаос всех цветов, сквозь со-
рок
Узорных радуг, смотрит в глуби,
Где в круге красок, в жгучем клубе
Рок зыблет гладь своих зеркал.

Там лик твой чуждый — чарой яв-
лен,
Глядит, обвит змеей огня,
Твой рот усмешкой гордой сдав-
лен...
Вход к тайнам замкнут, празд-
ник справлен!
День новый, вождь неборимый,
На путь измен, тропой незримой,

Тебя влечет — прочь от меня.

21 апреля 1921

Дом видений

Дом видений

Душа моя — Элизиум теней.
Ф. Тютчев

Видениями заселенный дом,
Моя, растущая, как башня, па-
мать!
В ее саду, над тинистым прудом,
Застыв, стоит вечеровое пламя;
В ее аллеях прежние мечты
На цоколях недвижны, меди ста-
туй,
И старых тигров чуткие четы
Сквозь дрему лижут мрамор Апо-
стату.

Как же ты
Вошла в мой сад и бродишь меж-
ду статуй?
Суровы ярусы многоэтажной
башни, —
Стекло, сталь и порфир.
Где, в зале округленной, прежде

пир
Пьянел, что день, отважней, бес-
шабашней,
Вливая скрипки в хмель антич-
ных лир, —
В померкшей зале темной башни
Тишь теперь.

На бархатном престоле зоркий
зверь,
Привычный председатель оргий,
Глаза прищуря, дремлет, пресы-
щен:
Окончив спор, лишь тень — Со-
крат и Горгий;
Вдоль стен, у шелковых завес, еще
На ложах никнут голые гетеры,
Но — призраки, навек сомкнувшие
уста;
И лишь часы в тиши бьют ровно,
не устав
Качаньем маятника двигать эры.

Зачем же ты,
Как сон и новый и всегдашний,
Вошла в мой сад и бродишь возле
башни?

Там выше,
По этажам, к недовершенной
крыше,
В заветных кельях — облики: гла-
за
Целованные, милых губ рубины,
Опалявшие мне плечи волоса, —
И комнат замкнутых глубины
Дрожат под крыльями произне-
сенных слов...
Их, вещей птиц, в года не унесло!
Их пепел фениксов, как радуги,
Вычерчивая веера дуги,
Слепит меня опять, опять
И, волю воском растопя,
Невозвратимостью минут тре-
вожит.

Чего же
Тебе искать в незавершенной баш-
не,
Где слишком жуток сон вчераш-
ний!

В саду,
Где памятники с тиграми в ладу,
Где вечности и влажности венча-
нье, —

В саду — молчанье,
Свой мед кадят нарциссы Апоста-
ту,
Над бронзой Данте черен кипарис,
И, в меди неизменных риз,
Недвижим строй в века идущих
статуй.
Но все же роз кричащий запах,
Но все ж в огне зальденном запад

Пьяны разгромом грозовым,
Страшись, чтоб, на росе ночуя,
Но шаг непризнанный ночуя,
Тигр пробужденный не завыл!

Видениями заселенный мир, —
Сад и растущая, как башня, па-
мять!
На меди торсов, сталь, стекло,
порфир
Льет воск и кровь вечеровое пла-
мя;
Горят венцы, волна к волне, в пруду;
Пылая, к статуям деревья льнут
в бреду;
По травам блекнувшим раскиданы
статеры

Вовек не умирающей росы,
И лишь из башни ровно бьют ча-
сы,
Не уставая двигать эры.

Зачем же ты,
Как сон и новый и всегдашний,
Вошла в мой сад и бродишь возле
башни,
Где слишком жутки чуткие меч-
ты?
Иль ночь напрасно краски отыма-
ла?
Иль цоколям свободным статуи
мало
И может с медью спорить парос,
Чтоб кровь по мрамору текла?
Иль должно к башне из стекла
Прибавить куполоподобный ярус,
Где все сиянья старины,
Умножены, повторены,
Над жизнью, как пустым прова-
лом,
Зажгутся солнцем небывалым,
Во все, сквозь временный ущерб,
Вжигая свой победный герб!

17 апреля 1921

Пифагорейцы

(Драматический этюд)

I

Синарет погружен в рассматривание рукописи.

Раб показывается в дверях. Потом Филон.

Раб

Господин, прости...

Синарет

*Тебя просил я,
Товарищ, так меня не называть...*

Раб

Прости, но там пришел Филон.

Синарет

*Так что же!
Пусть он войдет.*

Раб удаляется.

Филон

(входя)

*Привет тебе во имя
Учителя.*

Синарет

*Мой милый друг, ты здесь!
Давно ль вернулся из Афин?*

Филон

*Сегодня,
Сейчас, и тотчас поспешил к тебе.*

Синарет

*Благодарю. Тебя обнять я рад.
Надеюсь, путешествие твое
Прошло недаром: многое ты видел,
Беседовал, конечно, с мудрецами
Различных стран, у них учился,
думал
И книги, вероятно, собирал.*

Филон

*Да, кое-что в скитаньях я узнал.
Я расскажу тебе потом о многом,
Особо о Солоне, — о, мудрец!
Но, впрочем, мне далеко до удачи
Такой же, как твоя, когда привез ты*

Нам из Египта письма атлан-
тов.

А, кстати, вижу свиток на столе:
По-прежнему ты только им и за-
нят?

Синарет

По-прежнему, мой друг. Подумай
только,

Учитель наш, сам дивный Пифа-
гор

Учился у египетских жрецов.

Египет же всей мудростью своей

Кому обязан? — им, атлан-
там! — той

Погибшей Атлантиде, из которой
Впервые миру воссиял свет зна-
ний!

И вот мне посчастливилось най-
ти

Древнейший свиток, рукопись ат-
лантов!

О, друг! быть может, в этом
свитке древнем

Есть тайна тайн, решение всех
загадок!

(Показывает свиток и вновь вглядывается
в него.)

О, странные, таинственные зна-
ки,
Вы, символы неведомого! Я
Отдам все силы, но в ваш смысл
проникну!
И, верю, этим окажу услугу
Великую — всей общине, всем лю-
дям!

Филон

*По-прежнему ты склонен увле-
каться.*

Синарет

*Нет. Жизнь я посвящаю этой цели
Не ради славы, ради блага всех!*

Филон

*Не будем спорить. Я пришел сюда,
Чтоб сообщить тебе одно изве-
стье:
Со мной на корабле приехал в го-
род
Кто, угадай, — великий тавма-
тург.*

Синарет

Кто? кто?

Филон

*Ареомах, кого прозвали
Второй учитель.*

Синарет

*Боги! и он — здесь!
Бежим скорей, хочу его увидеть.*

Филон

*Я шел, чтоб это предложить тебе.
Он поселился в доме у Прогноста.*

Синарет

Тогда идем!

Филон

Идем.

Синарет

Эгин, мой плащ!

Раб входит, подает плащ.

*И если кто придет, скажи — я
скоро
Вернусь назад, проси пообождать.*

Синарет и Филон уходят.

II

Раб один. Потом Прогност и Горгий.

Раб

(один)

*Да, скоро! Жди! До полночи, наверно,
Не возвратятся. Что ж, пускай
покутят;
Не все ж над книгами глаза тру-
дить.*

(Стук.)

Э, кто там?

(Уходит, за сценой.)

Господина дома нет.

Прогност

(за сценой)

Ну, ничего, мы подождем его.

Прогност и Горгий входят.

Прогност

*Куда он мог уйти? мне странно.
Он днями целыми сидит один.*

Ах, Горгий, этот юноша — на ди-
во

Прилежен; многое он обещает,
Мудр, как старик, и, как мудрец,
учен.

Немного увлекается, но это
Пройдет с летами. Дни и ночи он
Все учится, все размышляет; сде-
лал

Уже он в математике немало
Открытий, а ты помнишь, что
сказал
Сам...

Горгий

Помню! Помню! Он-то и нашел...

Прогност

*Да, Синарет, назад тому два года,
В Египет путешествие свершил
И там в каком-то храме малом,
в хламе,
Открыл сокровище, атлантский
свиток.*

Горгий

*Да, полно, подлинно ль из Атлан-
тиды*

Та рукопись? не ловкая ль подделка?

Прогност

Нет, нет, я сам рассматривал ее.

(Замечает свиток на столе.)

Да, вот она!

Горгий

*Неосторожный! Как же
Возможно драгоценности такие
Не убирать?*

Прогност

*Ну, кто ж сюда войдет?
Лишь наши братья.*

Горгии

(Берет свиток и рассматривает его.)

*Да, то — свиток древний,
И я таких не видывал ни разу.
Что за таинственные письмена!*

Прогност

Ареомах их прочитает.

Горгий

(Продолжает изучать свиток.)

*Это
Папирус — не папирус. Что та-
кое?*

Прогност

Особое растение Атлантиды.

Горгии

*И что за знак здесь на шнурке ви-
сит?
Печать? Но из чего она? Не медь,
Не золото, — металл, мне неиз-
вестный.*

Прогност

*То — орихалк, металл из Атлан-
тиды.*

Горгий

*Да, свиток подлинный, теперь я
вижу,
Но, кажется, твой Синарет вер-
нулся.*

Те же; Синарет и Филон входят.

Синарет

*Приветствую я вас, друзья, во имя
Учителя.*

Прогност

Привет и вам.

(Указывая на Горгия.)

*Вот это —
Товарищ Горгий из Милета, он
С Ареомахом вместе прибыл нынче.*

Филон

(приветствуя)

Мы познакомились на корабле.

Синарет

*Я очень счастлив видеть у себя
Столь славного товарища. Недавно
Мне сообщил Филон, что в город
наш
Ареомах с друзьями прибыл. Тотчас
Я поспешил, чтоб увидеть его...*

Филон

*Но по пути узнали мы, что он
Так утомлен с дороги, что не мо-
жет
Принять нас; поспешили мы на-
зад.*

Прогност

*Но сам Ареомах к тебе послал
нас.*

Синарет

*Возможно ли? Он слышал обо
мне!
Какая честь!*

Горгий

*Да, наш учитель знает,
Что посчастливилось тебе одна-
жды
Найти в Египте, как бы диво, сви-
ток
Атлантов.*

Синарет

Верно, я открыл его.

Прогност

*Узнай же честь, которая тебе
На долю выпала: Ареомах,
Узнав об этом свитке, хочет сам
Заняться изучением его.*

Синарет

Ареомах...

Горгий

*Да, он! мудрец великий!
Он твоему открытию придаст
Бессмертное значение, — быть
может,
Такое, что основы укрепит
Всей общины.*

Синарет

Он?

Прогност

Да, Ареомах.

Синарет

Но почему ж то сделаю... не я?

Прогност

*Послушай, Синарет! Высоко це-
ним*

Мы знания твои, твой ум и рвенье;
Но ты ведь ученик еще, ты ищешь,
Ты — лишь в преддверии заветных тайн,
А он, Ареомах, давно прошел
Все степени уставных посвящений
И с тайнами стоит лицом к лицу.
Он сорок лет пытливей мыслью ищет
Проникнуть в тайну символов атлантских.
Ты должен радоваться, что ему
Свой драгоценный свиток передашь.

Синарет

Отдать мой свиток?

Прогност

Да, отдать, конечно.

Горгий

Что значит «твой»? иль ты, член общины Священной Пифагора, ты, прошед-

ший
Ступени посвящений две, не зна-
ешь,
Что своего у нас нет ничего!
Принадлежит не нам, что мы
имеем,
А общине! Ведь это — наша аль-
фа.

Синарет

Отдать мой свиток...

Филон

Милый друг, опомнись!

(Тихо.)

*Ты можешь сделать список, по
нему
Ты будешь изученье продолжать,
И, может быть, скорей Ареома-
ха...*

Синарет

*Список?.. Немыслимо все эти зна-
ки,
Для нас таинственные, передать!
Упустишь там черту одну, там
точку,*

К все разрушится... Нет, невозможно.

*И, наконец, и самый древний дух,
Что веет от папируса... печать
Из орихалка... Нет! нет! не могу!*

Прогност

*Не ожидал я детских возражений!
Как! ты, член общины, намерен
что-то
Считать своим имуществом особым?*

Синарет

*Но я на благо общины хочу
Трудиться над разбором этих
знаков!
Я жизнь отдать для общины готов.*

Прогност

*Ложь! самообольщенье! Ныне вижу,
Что недостойн был ты посвященный.
Так внемли, юноша! Я, посвященный
Четвертой степени, повелеваю*

*Тебе: немедленно отдай «твой» свиток
Нам. Мы его снесем Ареомаху.
Иль не намерен ты повиноваться?
(Делает мистический знак.)*

Синарет

Учитель, повинуюсь... вот папирус...

(Подает свиток.)

Прогност

*Ты этим только выполнил свой долг.
Прощай, да просвятит тебя сам, дивный.
Идем же, Горгий.*

(Прогност, унося свиток, и Горгий уходят.)

IV

Синарет и Филон. Потом Прогност.

Синарет

*Что со мной? слабею...
Утратив рукопись, я все утратил.
К чему мне жить теперь!.. Ох,*

сердце!

(Падает и умирает.)

ФИЛОН

Друг, что с тобой? Ответь!

(Слушает сердце Синарета.)

Он умер, боги!

Прогност

(возвращается)

Но я хочу добавить, Синарет...

ФИЛОН

Тс, тише! Синарета нет. Он умер.

Прогност

Умер?

(Подумав.)

*Я почитал его достойней.
Да будет милостив к нему суд
Ада.*

Дали (1922)

Века и пространства

Красное знамя

*Красное знамя, весть о пролета-
риате,
Извиваясь кольцом,
Плещет в голубые провалы вероя-
тия
Над Кремлевским дворцом;*

*И новые, новые, странные, дикие
Поют слова...
Древним ли призракам, Мойрам
ли, Дике ли,
Покорилась Москва?*

*Знаю и не узнаю знакомого обли-
ка:
Все здесь иным.
Иль, как в сказке, мы все выше ле-
са до облака
Вознесены?*

*Здравствуй же, племя, вскрываю-
щее двери нам*

*В век впереди!
Не скоро твой строй тараном
уверенным
Судьба разредит!*

*Лишь гром над тобой, жизнь еще
не воспетая,
Свой гимн вопил,
Но с богами бессмертье — по сло-
ву поэта — я
Заживо пил.*

*Волшебной водой над мнимой
усталостью
Плеснули года.
Что-нибудь от рубцов прежних
ран осталось ля?
Грудь молода.*

*С восторгом творчества, под сле-
пыми циклонами,
Мечту сливать
И молодость в губы губами
неуклонными
Целовать.*

24 марта 1922

Мы все — Робинзоны

Все же где-то в сонном атолле
Тень свою пальмы купают.
В Рязанском пруду оттого ли
До страдания бледны купавы?

В океаны вдвинутый стимер
Уследишь ли с пляжа лорнетом?
И станет ли наш сон возвести-
мей
В синеве горящим планетам?

Мы радио бросаем в простран-
ство,
Видим в атоме вихрь электронов,
Но часто мечтаем про стран-
ность
Природы, мимозу тронув.

Мы все — Робинзоны Крузо,
И весь мир наш — спокойный ост-
ров;
Он без нас будет мчаться грузно
В ласке солнца, знойной и острой.

И вся груда наук и раздумий,
Картин, поэм и статуй —
Станет пепл, что в огонь не раз-
дует

Налет кометы хвостатой.

*Пирамиды, спите над Нилом!
Слоны, топчите Гвинею!
По-прежнему в болоте немилым
Незабудкины слезы синеют.*

11 декабря 1921

Кругами двумя

*Авто, что Парижем шумят,
Колонны с московской ионией, —
Мысль в напеве кругами двумя:
Ей в грядущие ль дни, в Илион ли
ей?*

*В ночных недвижимых домах,
На улицах, вылитых в площади,
Не вечно ли плач Андромах,
Что стучат с колесницами лоша-
ди?*

*Но осой загудевший биплан,
Паутина надкрышного радио,
Не в сознанье ли вчертанный
план,
Чтоб минутное вечностью радо-
вать?*

Где в истомную дрожь путь, в
конце ль
Скован каменный век с марсиана-
ми, —
В дуговую багряную цель
Метить стрелами сиянными?

Искрометно гремящий трамвай,
Из Коринфа драконы Медеины...
Дней, ночей, лет, столетий канва,
Где узора дары не додеяны.

20 ноября 1921

Легенда лет

Мощь — в плиты пирамиды; гнев
холодный —
В сеть клинописи; летопись побед
—
В каррарский мрамор; в звоны
бронз, в полотна —
Сказанья скорбные торжеств и
бед;

Мечты и мудрость — в книги,
свитки, томы,
Пергаменты, столбцы печатных
строк! —
Клад всех веков, что нищенских

котомок
Позорный сбор, — запас на крат-
кий срок!

Тем — статуи, музеи — этим!
Чтите,
В преданьях стран, певцов и муд-
рецов! —
Иной поэт пел в дальней Атлан-
тиде,
Все к тем же звездам обратив ли-
цо.

При прежнем солнце глянет день,
и, к тайнам
Причислен, станет басносло-
вен — слон.
Бред в смене бредов — Архимед с
Эйнштейном,
Легенда лет — Москва иль Вави-
лон.

Искать? чего? — крупинки в вихрь
вселенной
Не вдвинуть! Сны? — им все во
власть ли ты
Предашь? Длеть вечность Фа-
усту с Еленой,

Где призрак-мысль и при-
зрак-страсть слиты!

8 февраля 1922

Принцип относительности

Первозданные оси сдвинуты
Во вселенной. Слушай: скрипят!
Что наш разум зубчатый? — ла-
вину ты
Не сдержишь, ограды крепя.

Для фараоновых радужных лото-
сов
Петлицы ли фрака узки,
Где вот-вот адамант *Leges*
motus'ов
Ньютона — разлетится в куски!

И на сцену — венецианских дождей
ли,
Если молнии скачут в лесу!
До чего, современники, мы дожи-
ли:
Самое Время — канатный плясун!

Спасайся, кто может! — вопль с
палубы.
Шлюпки спускай! — Вам чего ж

еще?
Чтоб треснул зенит и упало бы
Небо дырявым плащом?

Иль колеса в мозгу так закруче-
ны,
Что душат и крики и речь,
И одно вам — из церкви поручен-
ный
Огонек ладонью беречь!

15 марта 1922

Nihil[5]

Как мечты о мечтах отошедше-
го детства, —
Над папирусом никнуть в святи-
лице Ра,
В тогу на форум небрежно одеть-
ся,
Влюбленным трувером у окна за-
мирать...

Наука над ухом: «Голос атавиз-
ма!..
Сложность клетки!» — и много
прочих слов.
Акула, наш дух! ты ль — веками
давись,

Где песчинки в самуме — тысяче-
летий число!

Я был? я ли не был?.. И были и
небыль —
Цветное круженье молекул в моз-
гу:
Зачерпнуть ли под череп с созвез-
дьями небо?
На ладонь уложить ли золотую
Москву?

И, поклонникам кинув легенды да
книги,
Оживленный, быть может, как
дракон на звезде,
Что буду я, этот? — не бездонное
ль nihil,
Если память померкла на земной
борозде,

Если я не узнаю мило-мнимых
мгновений,
Где вот эти губы припали к лицу,
Если — раб роковых межей, мано-
вений
Вечности, веющей вслед беглецу!

1 февраля 1922

Рou sto[6]

Ты ль пригоршнями строфы по
радио,
Новый орфик, на Марс готовишь?
Но короче аркан, — земной ради-
ус:
Вязнешь по пояс в прошлом, то
бишь!

Этот стих, этот вскрик — от-
звук: выплакать
Страх, что враг камень в лоб за-
гонит,
Черепка скрип на сланце, а вы:
плакат
Там, в межзвездном, — Lix-Zug[7]
— вагоне!

Бедный бред, что везде — скреп
Эвклидовых
Тверд устой: столп, шатнуть
нельзя!
Все ж в веках пробил час, где б вы-
кидывать
Истин груз, все их в муть неся!

Прометей ли пришел? укажи: рои

сто?
Иль Фиджийский вождь встал с
рогожи?
Смысл веков не брожение ль во
лжи пустой!
Время, место — мираж прохо-
жий!

Только снег, зелень трав, моря
мантия,
Сговор губ к алтарю Селены —
Свет насквозь смертных слов,
пусть обман тая,
Нам наш путь в глубину вселен-
ной.

11 января — 17 февраля 1922

Мы и те

Миллионы, миллиарды, числа
невыговариваемые,
Не версты, не мили, солнце-радиу-
сы, светогода!
Наши мечты и мысли, жалкий
товар, и вы, и мы, и я —
Не докинул никто их до звезд ни-
когда!

Велика ли корысть, что из двух

соперников древности
Пифагором в веках побежден
Птоломей,
Что до нас «e pur se...» Галилей
умел донести,
И книга его, прозвенева, стала
медь?

Велика ли корысть, что мы сла-
вим радостно честь свою,
В обсерватории на весы Сатурн
опустив,
Посчитав на Венере градусы по
Цельсию,
Каналы на Марсе лова в объек-
тив?

Все равно! все равно! И ничтожно-
го отзыва
Нет из пространства! терпи да
млей!
Мы — что звери за клеткой! Что
ж, нововолосого
Марсианина, что ль, мы ждем на
земле?

Так растопчем, растопчем гор-
дость неоправдываемую!

Пусть как молния снидет из
тьмы ночи ловец —
Братъ наш воздух, наш фосфор,
наш радий, радуя и мою
Скорбь, что в мире смирил умы
не человек!

17 февраля 1922

Разочарование

Вот замолкла, заснула, закута-
лась
Черным ворохом чуткая полночь.
Дверь в миры отперта; из-за купо-
ла
Марс мерцает приближенный.
Полно!

Ты — мой бред! ты — мой при-
зрак! Лилит моя!
Мозг пилить невозможным ты
снова ль?
Что мы? — капля, в вселенную
влитая,
Нить, где взвита в бездонность
основа!

Те мечты я сотру, мел на аспиде!
Сеть каналов твоих смажу ту-

шью!

Прокричи из ночи еще раз: «Приди!»

Мне ль углей мировых внять удушью?

Пусть нигде, пусть никто, всех семи планет,

Нам не отзыв, не зов: лед и зной лишь!

Вечность нас зевом медленным выплюнет, —

Мы — лишь бедный цветок, ах! весной ли?

Прежде, после, — ей что? наших выкладок

Ей не брать, — единиц в биллионе! Звезд ряды строить в небе при-

выкла так,

Что меня, здесь во тьме, для нее — нет!

1 марта 1922

Молодость мира («Нет! много ли, мало ли, чем бы ты вымерил...»)

Нет! много ли, мало ли, чем бы ты вымерил

Все, что в тысячелетия, как в
пропасть упало, —
Материки, что исчезли, расы, что
вымерли,
От совета Лемурув до совета в
Рапалло?

Имена персеидами падают в па-
мяти,
Царей, полководцев, ученых, по-
этов...
Но далеко ль еще по тем же тро-
пам идти,
Набирая в ненужный запас то и
это?

На пути библиотеки стоят ци-
таделями,
Лагерями — архивы, загражде-
нием — музеи...
Вдребезги грудь о песни к Делии,
Слеп от бомб риккертланства,
глух от древних Тезеев.

Но океаны поныне кишат прото-
плазмами,
И наш радий в пространствах еще
не растрочен,

И дышит Земля земными соблазнами,
В мириадах миров всех, быть может, невзрачней.

А сколько учиться, — пред нами
букварь еще!
Ярмо на стихии наложить не пора ли,
Наши зовы забросить на планету
товарищу,
Шар земной повести по любой
спирали?

Человек! свои мерки опять пере-
иначе! а то
Уронишь афишу, озадаченный зри-
тель!
Человечеством в жизни ныне не
начата ль
Лишь вторая глава там, в Сан-
та-Маргарите?

1 мая 1922

Минуты

Там, в днях...

Где? — в детстве, там, где ржавый пруд
Кренил карвеллы в муть Саргассо,
Чтоб всполз на борт надонный
спрут, —
Там вновь Персей познал Пегаса!

Там, в дни, где солнце в прорезь
лип
Разило вокруг клинком Пизарро, —
Все звенья логик что могли б?
Сны плыли слишком лучезарно!

Потом, в дни, где медяный строй
Звенел и пели перья шлема, —
Не всюду ль ждал Ахей иль Трои,
Пусть буквы в ряд слагались: лем-
ма!

И в дни, где час кричал: «Дели ж
Миг на сто дрожжей непрерывно!»
Кто скрыл бы путь меж звезд, —
где лишь
Бред, смерть Ромео иль Триста-

на?

Там, в днях, — как знать? в руде
веков,
В кровь влитых, гимном жгущих
вены, —
Там — взлет и срыв, чертеж сти-
хов,
Копье ль Афин, зубцы ль Равенны?

22 марта 1922

Весенняя песня о любви

Тосковать в снег весны, — о, ба-
нальные
Песни праотцев, скок чрез огонь:
С тигром крыться под своды ба-
нанные,
Догонять с рыжей пумой вигонь!

Март морочит морозная отте-
пель;
К печкам лепятся тени Мюрже...
Что ж плеснуло? груз тел, — не
на отмель ли
К ласкам вешним две пары мор-
жей?

Ночью вскрыть бы (проделки Ле-

сажевы)

Потолки: лоб на лоб, рот ко рту,

—
*Сколько спаянных в дрожь! Иль
рассажены*

В них твои паладины, Артур?

*Волны бьют с пустыря миоцено-
ва,*

*Чтоб, дрожь, грудь теплела в ру-
ке:*

Древних дебрей слеза драгоценная

—
*Вздох табачный ловить в мунд-
штуке.*

*Верб заветных где пух? — Не рав-
но ли им,*

*Здесь, где страсть — на прилавок
товар,*

Лед и гейзеры, ель и магнолии...

*А Джон Фич, темя вниз, в Дела-
вар!*

22 марта 1922

С Ганга, с Гоанго...

*С Гаага, с Гоанго, под гонг, под
тимпаны,*

Душны дурманы отравленных
стран;
Фризским каналам, как риза, —
тюльпаны;
Пастбищ альпийских мечта —
майоран.

Тяжести ль молота, плуговой
стали ль
Марбургство резать и Венер ва-
ять?
С таежных талостей Татлиным
стать ли?
Пановой песни свирель не своя.

Вьюга до юга докинёт ли иней?
Прянет ли пард с Лабрадорских
седин?
Радугой в пагодах клинопись ли-
ний,
Готика точит извилины льдин.

В бубны буди острозубые бури —
Взрыхлить возмездье под взвих-
ренный хмель!
Зелья густить, что Локуста в
Субурре,
Пламя, слепящее память, —

умей!

Гонг к вьолончели! тимпаны к
свирелям!
Тигровый рык в дрожь гудящих
жуков!
Хор Стесихора над русским апре-
лем,
В ветре, — приветствии свежих
веков!

28 декабря 1921

Годы в былом

Наискось, вдоль, поперечниками
Перечеркнуты годы в былом, —
Ландкарта с мелкими реченька-
ми,
Сарай, где хлам и лом.

Там — утро, в углу, искалеченное;
Там — вечер, убог и хром;
Вот — мечта, чуть цела, прина-
лечь на нее,
Облетит прогорелым костром.

Цели, замыслы, — ржа съедающая
Источила их властный состав,
С дней, растерянных дней, тех, ко-

гда еще я
Верил вымыслам, ждать не
устав.

И они, и они, в груди скученными,
Ночи клятв, миги ласк, тени
губ...

Тлеть в часах беспросветных не
скучно ли им,
Как в несметном, метельном
снегу?

Конквистадор, зачем я захватываю
Город — миг, клад — часы, год —
рубеж?
Над долиною Иосафатовою
Не пропеть пробужденной трубе.

11 февраля 1922

Лишь миги

Не шествия, где в гул гудят зна-
мена,
Не праздник рамп, не храмовой
хорал, —
Туда, в провал, из правды совре-
менной,
С морского дна излюбленный ко-

ралл;

Нет! — милые обличья жизни
нежной:
Вдвоем над Гете светом тень
спугнуть,
Вдохнуть вдвоем с созвездий иней
снежный,
У ног любимых ботик застег-
нуть;

Лишь миги, те, — сознанья соль
живая, —
Что пресный ключ включают в
океан,
И жгут из мглы дней и надежд,
всплывая, —
Киприды лик, весь пеной осиян;

И там, за гранью памятей и пе-
ней,
Впивая в я не взором кругозор,
Не вопль вражды, не прелесть пес-
нопений,
Победный терн иль лавровый по-
зор,

Но час, где ночь, где за стеклом

бесцветным
С промерзлых камней оклики ко-
лес,
Где узость плеч под простыней, в
заветном
Последнем споре под наитьем
слез.

18 ноября 1921

В прятки

Ночь уснула, дождем убаюкана,
Спит старуха, младенца крепче,
Теперь не расслышит ни звука
она,
Что любовник-месяц ей шепчет.

Ветер улицы яростно вылизал,
Всюду рыщет, косматый и серый,
Веселится в роскошном обилии
зал,
Скачет с мокрыми ветками в
скверах.

Тучи, побитое войско, разомкну-
ты,
Вскачь бегут, меж звезд, без
оглядки:
Иссекли их, щелкая, громы кнута,

*Молний пляс истомил игрой в
прятки.*

*Стены все — упорные странницы,
Ходят грузно по лунной указке:
Свет мигнул, — церковь старая
кланяется,
Тень нашла — к дому дом льнет
по-братски.*

*Без присмотра все силы кинуты,
Развинтилась в них каждая гайка.
Эх, доверилась Сумраку-сыну и
ты,
Ночь-карга, земная хозяйка!*

*Он же рад сам трунить над меся-
цем,
Распустил стихии; при свете
Радостно раскуролеситься им, —
Разошлись тучи, камни и ветер!*

18 мая 1921

От виска и до виска

*Ветер гонит искры снега
Мимо окон, застя свет;
В свисте вьюги взрывы смеха;
Чутко плачет печь в ответ.*

Здесь за дверью — остров малый,
Вихри волн — за рифом там.
Мгла причалы мачт сломала,
Мгла примчала нас к мечтам.

Лапой лампу пальма ль валит?
Зной с каких морских песков?
Ночь причудней. Пью в овале
Грустных губ вино веков.

Рыщут тигры; змеи свиты;
Прямо прынет вниз боа...
Что все страхи! лишь зови ты
Грот, где бред наш, — Самоа.

Мглами слеп, втеснюсь во мглу я,
Где прически прядь низка,
Чтоб вдохнуть сон снов, целуя
От виска и до виска!

27 января 1922

Кто? — мы? Иль там...

Моя рука — к твоей святыне,
На дрожь мою — ладонь твоя;
Сан-Марко два жгута витые
Колени жгут, мечту двоя.

Длитель сон предчувствий; первый

трепет
Впивать в сухом агате глаз:
Следя добычу, смотрит стрепет,
Ждет искр Франклинов а игла.

Кто? — мы? иль там, в веках вос-
петых,
Мимнерм, Тибулл, Петрарка, все!
Ur-Mensch, в его слепых аспектах,
Две птицы, слитые в овсе?

Чудовищ, тех, эпохи ранней,
Вздых в океан, громовый всхлип,
Где в ласке клык смертельно ра-
нит,
Где рот рычать от крови слип?

Уже двух рук сближенье жутко,
Дождь тысяч лет гудит в ушах,
—
В бред, в хаос, в тьму без проме-
жутка,
Все светы, правд и лжи, глуша!

8 марта 1922

Под зимним ветром

Додунул ветер, влажный и соле-
ный,

Чуть дотянулись губы к краю
щек.

Друг позабытый, друг отдален-
ный,
Взлетай, играй еще!

Под чернью бело, — лед и небо, —
Не бред ли детский, сказка Гат-
тераса?

Но спущен узкий, жуткий невод,
Я в лете лет беззвучно затерялся.

Как снег, как лед, бела, бела;
Как небо, миг завешен, мрачен...
Скажи одно: была? была?
Ответь одно: вавек утрачен!

Кто там, на Серегу, во тьму
Поник, — над вечностями при-
зрак?
Века ль стоять ему
В заледенелых ризах?

Достигнут полюс. Что ж змеей
коралловой
На детской груди виться в коль-
цах медленно?
Волкан горит; в земле хорала вой,

*В земле растворены порфир и
медь в вино.*

*Додунул ветер с моря, друг от-
вергнутый,
Сжигает слезы с края щек...
Я — в прошлом, в черном, в мерт-
вом! Давний,
верный, ты
Один со мной! пытай, играй еще!*

17 февраля 1922

Искушение гибели

*Из викингов кто-то, Фритиоф ли,
Гаральд ли,
Что царства бросали — витать
на драконе,
Памятный смутно лишь в книге
геральдик,
Да в печальном преданьи Мессин и
Лаконий;*

*Иль преступный Тристан, тот
примерный рыцарь,
Лонуа завоевавший, Роальду пода-
рок,
Иль еще Александр, где был дол-
жен закрыться*

Путь через Инд столицей *ad aras*;
[8]

Иль некто (все имена примеривать надо ль?)

Не создали ль образ, мрамор на вечность:

Вместит все в себе, — Лейбницова монада,

The imp of the perverse — Эдгара По человечность?

Искушение гибели — слаще всех искушений

(Что Антония черти на картине Фламандца!) —

С Арионом на дельфине плыть из крушений,

Из огня выходить, цел и смел, — саламандра!

Пусть друзья в перепуге, те, что рукоплескали,

Вопиют: «Дорога здесь!» («Родословная», Пушкин);

Ставя парус в простор, что звать: «Цель близка ли?»

Что гадать, где же лес, выйдя к

опушке?

Веселье всегда — нет больше былого!

Покинутым скиптром сны опьянены ли?

И жутко одно, — этого судьба лова,

Исход сражений, что затеяны ныне!

18 *апреля 1922*

Чуть сквозь улыбку

Над картой Европы 1922 г

*Встарь исчерченная карта
Блещет в красках новизны —
От былых Столбов Мелькарта
До Колхидской крутизны.*

*Кто зигзаги да разводы
Рисовал здесь набело?
Словно временем на своды
Сотню трещин навело.*

*Или призрачны седины
Праарийских стариков,
И напрасно стяг единый*

Подымался в гарь веков?

*Там, где гений Александра
В общий остров единил
Край Перикла, край Лисандра,
Царства Мидий, древний Нил?*

*Там, где гордость Газдрубала,
Словно молотом хрусталь,
Беспощадно разрубала
Рима пламенная сталь?*

*Там, где папы громоздили
Вновь на Оссу Пелион?
Там, где огненных идиллий
Был творцом Наполеон?*

*Где мечты? Везде пределы,
Каждый с каждым снова враг;
Голубь мира поседельый
Брошен был весной в овраг.*

*Это — Крон седобородый
Говорит веками нам:
Суждено спясть народы
Только красным знаменам.*

Перед съездом в Генуе
Споры, что вино:
Риму ль, Карфагену ли
Лавровый венок?

А в Москве — воскресный звон
Всех церквей нэпо:
В центре всюду — «Трест und
Sohn»[9],
С краю — «Мон герос».

Жизнь не остановится,
Все спешит, бежит;
Не она виновница,
Если жмут межси.

Крикнуть бы при случае:
«Друг, остановись!
Заклучи-ка лучшее
В малый парадис!»

Солнце — на экваторе...
Но, где мы вдвоем,
Холоден, как в атрии,
Ровный водоем;

И пускай в Аляске вой
Вихрей у могил, —

Ты улыбкой ласковой
Солнцу помоги!

28 февраля 1922

Сегодня

*На пестрых площадях Занзибара,
По зеленым склонам Гавайи,
Распахиваются приветливо бары,
Звонят, предупреждая, трамваи.*

*В побежденном Берлине — голод,
Но ослепительней блеск по Wein-
ресторанам;
После войны пусть и пусто и голо,
—
Мандрагоры пляшут по странам!*

*И лапы из золота тянет
Франция, — всё в свой блокгауз!
Вам новейшая лямка, крестьяне!
Рабочие, вам усовершенствован-
ный локаут!*

*Этому морю одно — захлестнуть
бы
Тебя, наш Советский Остров!
Твои, по созвездиям, судьбы
Предскажет какой Калиостро!*

*В гиканьи, в прыганьи, в визге
Нэпманов заграничных и здешних,
Как с бутылки отстойной виски,
Схватить может припадок сердечный.*

*На нашем глобусе ветхом,
Меж Азии, Америк, Австралии,
Ты, станции строя по веткам,
Вдаль вонзишь ли свои магистрали?*

6 марта 1922

Прикованный Прометей

*Те в храме, негу льющей в кровь
Мелитты,
Те за щитом — пасть навзничь в
Росенвале;
А здесь, где тайну цифры засева-
ли,
В рядах реторт — электролиты.*

*Там, всюду, те, кто в счете мил-
лионов,
С семьей, за рюмкой, в спальне, на
арене, —
Клясть, обнимать, дрожать
разуверений...*

И все — безвольный хмель ионов!

*Крутится ль жизни в буйстве и
в угаре?*

*На бедра бедрам падать в зное
пьяном,
Ножам втыкаться в плечи Ариа-
нам,
Тупиться дротам в Калахари?*

*Наука выставила лик Медузы,
Все истины растворены в мицел-
ле,
И над рабами бич гудит: «Нет це-
ли!»
Кто с Прометея снимет узы?*

*Спешите, Геракл! не сломите тита-
на!
Огня не мог задуть плен стовеко-
вый.
На все угрозы и на все оковы
Заклятье — песни Гюлистана.*

30 марта 1922

Загадка Сфинкса

*Зеленый шарик, зеленый шарик,
Земля, гордиться тебе не будет*

ли?
Морей бродяги, те, что в Плюшаре,
Покрой простора давно обузили.

Каламбур Колумба: «*Il mondo
росо*», —
Из скобок вскрыли, ах, Скотт ли,
Пири ли!
Кто в звезды око вонзал глубоко,
Те лишь ладони рук окрапивили.

Об иных вселенных молча гласят
нам
Мировые войны под микроскопа-
ми,
Но мы меж ними — в лесу лося-
та,
И легче мыслям сидеть за окопа-
ми.

Кто из ученых жизнь создал в
тигле?
Даст каждый грустно ответ: «О,
нет! не я!»
За сто столетий умы постигли
ль
Спиралей пляску, пути планет-

ные?

*Все в той же клетке морская
свинка,
Все новый опыт с курами, с гада-
ми...
Но, пред Эдипом загадка Сфинкса,
Простые числа все не разгаданы.*

1921⁻¹⁹²²

Пленный лев

*Здесь, где к прудам нависают ра-
киты,
Уток узорный навес,
Что нам застылые в сини ракеты
Вечно неведомых звезд?*

*В глухо закутанной юрте Ман-
джура
Думам степного царя
Царь знойных пажитей, Килиман-
джаро,
Снится ль, снегами горя?*

*В позднем просторе ночей поцелу-
ям
Тесно ль на милых плечах?
Крик свой в безвестное что ж по-*

сылаем,
Скорбь по пространствам влача?

Сотни столетий — досуги поли-
нам
Строить коралловый хлев...
Спишь ты, канатами связан по
лапам,
Праздных посмешище, лев!

Сказы к чему же венчаных веду-
ний,
В час, когда бел Алтаир?
Иль тебе мало всех снов и виде-
ний,
Ждущему грохот Заир?

Прянь же! и в вечность, — добыча
заклятий, —
Рухни, прекрасно разбит,
Иль, волен властвовать, ринься
за клетки
Всех планетарных орбит!

8 апреля 1922

Новый синтаксис

Язык изломан? Что ж! — гляди-
те?

Слова истлевшие дотла.
Их разбирать ли, как Эдите
На поле Гастингском тела?

Век взвихрен был; стихия речи
Чудовищами шла из русл,
И ил, осевший вдоль поречий,
Шершавой гривой заскорузл.

Но так из грязи черной встали
Пред миром чудеса Хемы,
И он, как шлак в Иоахимстале, —
Целенье долгих анемий.

В напеве первом пусть кричащий
Звук: то забыл про немоту
Сын Креза, то в воскресшей чаще
Возобновленный зов «ату!».

Над Метценжером и Матиссом
Пронесся озверелый лов, —
Сквозь Репина к супрематистам,
От Пушкина до этих слов.

Стихи о голоде

Стихи о голоде

*«Умирают с голода,
Поедают трупы,
Ловят людей, чтоб их съесть, на
аркан!»*

*Этого страшного голоса
Не перекричат никакие трубы,
Ни циклон, ни самум, ни оркан!*

*Люди! люди!
Ты, все человечество!
Это ли не последний позор тебе?
После прелюдий
Войн и революций
На скрижалях земли он увековечится!
Перед вашей святыней
Не лучше ли вам кричать гильотине:
Прямо нас всех по аорте бей!*

*Как?
Тысячелетия прошли с тех пор,
Как человек посмел взглянуть в
упор*

В лицо природы, как халдей назна-
чил
Пути планет и эллин мерить на-
чал
Просторы неба; мы ль не пьяны
тем,
Что в наших книгах сотни тысяч
тем,
Что, где ни подпись, всюду — мно-
гознайки,
Что мотор воеет в берег Танга-
найки,
Бипланы странствуют, как
строй гусей,
И радио со всех газет гудят!

Однако!
Наша власть над стихиями — где
ж она?
«Ни» исчислено до пятисотого
знака,
Любая планета в лабораториях
свешена,
Комариные нервы исчислил ана-
том,
Мы разложили атом...
Но вот — от голода обезумевший
край,

Умирает, людоедствует,
Мать подымает на сына руку;
А ученый ученому мирно наслед-
ствует,
Определяет пылью апатура...
Кто там! бог! или рок! иль нату-
ра!
Карай
Эту науку!

Как!
Ужели истину всех мудрецов зем-
ли,
Как вихри пыль, столетья разме-
ли?
Том на тома, играли лишь в би-
рюльки
Филологи, твердя о древней люль-
ке,
Где рядом спал ариец и семит,
Монгол, и тюрк, и раб от пира-
мид?
Как! все народы, в единеньи
страстном,
Не стали братьями на этот раз
нам?
И кто-то прокричал, вслух всем
векам:

«Полезна ль помощь русским мужикам?»

Да!

Стелется сизым туманом все та же

Вражда

Там, где нам предлагают стажу!

Лишь немногие выше нее, —

Над болотами Чимборазо! —

Нет, не все знали, что мир гниет,

До этого раза!

Но пусть

Там, с Запада, набегает облава;

Пусть гончих не счесть,

Пусть подвывает рог ловчего!

Тем, кто пришел на помощь к нам, — слава!

Им, в истории, — честь!

Но мы не примем из лукавых слов ничего!

Мы сами, под ропот вражды и злорадства,

Переживем лихолетье!

Все же заря всемирного братства

Заблестит, — из пещеры руда! —

*Но дано заалеть ей
Лишь под знаменем красным —
Труда!*

1⁹²²

Меа (1922–1924)

В наши дни

Магистраль

Были лемуры, атланты и прочие...

*Были Египты, Эллады и Рим...
Варвары, грузы империй ворочая,
Лишь наводили на мир новый
грим...*

*Карты пестрели потом под фео-
дами, —*

*Чтоб королям клочья стран со-
бирать...*

*Рушились троны и крепки... И ода-
ми*

*Славили музы борьбу, рать на
рать...*

*Царства плотились в Союзы, в
Империи,*

*Башнями строя штыки в высо-
ту...*

*Новый бой шел за земные арте-
рии...*

Азию, Африку, все — под пятаю!..

*Труд поникал у машин и над нива-
ми...*

Армии шли — убивать, умирать...

*Кто-то, чтоб взять всю добычу,
ленивыми*

*Пальцами двигал борьбу, рать на
рать.*

*Было так, длилось под разными
флагами,*

С Семирамиды до Пуанкаре...

*Кто-то, засева властелином над
благами,*

Тесно сжимал роковое каре.

*Небо сияло над гордыми, званы-
ми...*

*Жизнь миллионов плелась в их ру-
ках...*

*Но — ветер взвыл над людскими
саваннами,*

Буря, что издавна тлела в веках.

*И грань легла меж прошлым и
грядущим,*

Отмечена, там, где-то, дата

дат:
Из гроз последних лет пред ми-
ром ждущим,
Под красным стягом встал иной
солдат.

Мир раскололся на две половины:
Они и мы! Мы — юны, скудны, —
но
В века скользим с могуществом
лапины,
И шар земной сплотить нам суж-
дено!

Союз Республик! В новой маги-
страли
Сольют свой путь все племена Ев-
роп,
Америк, Азии, Африк и Австралии,
Чтоб скрыть в цветах былых
столетий гроб.

20^{-25 января 1924}

После смерти В.И. Ленина

Не только здесь, у стен Кремля,
Где сотням тысяч — страшны,
странны,
Дни без Вождя! нет, вся земля,

Материки, народы, страны,

*От тропиков по пояс льда,
По всем кривым меридианам,
Все роты в армии труда,
Разрозненные океаном, —*

*В тревоге ждут, что будет
впредь,
И, может быть, иной — отчаян:
Кто поведет? Кому гореть,
Путь к новой жизни намечая?*

*Товарищи! Но кто был он? —
Воль миллионных воплощенье!
Веков закрученный циклон!
Надежд земных осуществленье!*

*Пусть эти воли не сдадут!
Пусть этот вихрь все так же да-
вит!
Они нас к цели доведут,
С пути не сбиться нас — заста-
вят!*

*Но не умалим дела дел!
Завета трудного не сузим!
Как он в грядущее глядел,*

Так мир сплотим и осоюзим!

*Нет «революций», есть — одна;
Преобразенная планета!
Мир всех трудящихся! И эта
Задача — им нам задана!*

28 января 1924

Ленин

*Кто был он? — Вождь, земной Во-
жатый
Народных воль, кем изменен
Путь человечества, кем сжаты
В один поток волны времен.*

*Октябрь лег в жизни новой эрой,
Властней века разгородил,
Чем все эпохи, чем все меры,
Чем Ренессанс и дни Аттил.*

*Мир прежний сякнет, слаб и тле-
нен;
Мир новый — общий океан —
Растет из бурь октябрьских: Ле-
нин
На рубеже, как великан.*

Земля! зеленая планета!

*Ничтожный шар в семье планет!
Твое величье — имя это,
Меж слав твоих — прекрасней
нет!*

*Он умер; был одно мгновенье
В веках; но дел его объем
Превысил жизнь, и откровенья
Его — мирам мы понесем.*

25 января 1924

У Кремля

*По снегу тень — зубцы и башни;
Кремль скрыл меня, — орел кры-
лом;
Но город-миф — мой мир домаш-
ний,
Мой кров, когда вне — бурелом.*

*С асфальтов Шпре, с Понтийских
топий,
С камней, где докер к Темзе пал,
Из чащ чудес, — земных утопий,
—
Где глух Гоанго, нем Непал,*

*С лент мертвых рек Месопота-
мии,*

Где солнце жжет людей, дремля,
Бессчетность глаз горит мечта-
ми
К нам, к стенам Красного Крем-
ля!

Там — ждут, те — в гневе, тре-
пет — с теми;
Гул над землей метет молва,
И, зов над стоном, светоч в те-
мень, —
С земли до звезд встает Москва!

А я, гость лет, я, постоялец
С путей веков, здесь дома я;
Полвека дум нас в цепь спаяли,
И искра есть в лучах — моя.

Здесь полнит память все шаги
мне,
Здесь, в чуде, я — абориген,
И я, храним, звук в чьем-то гим-
не,
Москва! в дыму твоих легенд.

11 декабря 1923

**Шестая годовщина
1917–1923**

Шестой! да, шестой! вновь за чер-
ными красные цифры,
Кричит календарь — межевать
вдохновенье но дням,
С тех пор как от устали уст
(манголины и цитры!)
Позвал барабан — ветерану вин-
товку поднять.

Шестой! да, где правит счет, вро-
вень векам, за тринадцать,
Где славит лад праздничных дат:
день коммун, Первый май;
Дежуря под бурей, вошь красным
знаменам трепаться;
Клинок в мякоть века их древ-
ко, — попробуй, сломай.

Шестой! да, и вихрем (так около
праздных компасов)
Гладь памятей смятых обшаре-
на; взморье она,
Чтоб к полюсам, пятым, девя-
тым, плыть с новым компасом;
А в селах, где мысли ютились,
пусть мор и война!

Шестой! да, и поздно о прошлом!

там — девятьсот пятый!
Так поздно, что звезды мертвы и
луна отжила.
Но чу! бьют часы, и бегут, жгут
гурьбой, и от пят их
Пыль, полымя в небо, заря! — и
земля тяжела.

Шестой! да, шестой, тысяча де-
вятьсот двадцать третий!
Шестой, новый год! Новой мерой
мерь эру всех эр!
Медь метит двенадцать; грань
сглажена — гимнами встретить
Би-люстр: новый свод в твой дво-
рец миру, Ресефесер!

5 декабря 1922

СССР

Эй, звезда, отвечай, на потеху ли
Ты навстречу солнцу летишь?
Не к созвездью ль Геракла доехали
Мы чрез миро-эфирную тишь?

Мимо — сотнями разные млечно-
сти,
Клубы всяких туманностей —
сквозь!

Ну, а эти кометы, — им меч
нести
Вдоль Земли, вдоль Земель, на
авось!

Ах, ее так ли Египты, Ассирии,
Римы, Франции, всяческий бред, —
Те империей, те утлее, сирее, —
Всё — в былое, в запруду, в запрет!

Так в великом крушеньи — (давно
ль оно?)—
Троны, царства, империи —
вдрызг!
Где из прежнего моря дозволено
Доплеснуть до сегодня лишь
брызг.

Иль напрасно над хламом изо-
дранным
Знамя красное взвито в свой срок?
Не с покона ль веков эта хорда
нам
Намечала наш путь поперек?

Эй, Европа, ответь, не комете ли
Ты подобна в огнях наших сфер?
Не созвездье Геракла наметили

Мы, стяг выкинув — Эс-эс-эс-эр?

4 июля 1923

ЗСФСР

*Планеты и Солнце: Союз и Респуб-
лики строим.*

*Вождь правит ряды, он их двоит
и троит.*

*Вот на дальней орбите собирают-
ся в круг сателлиты.*

*Не малые ль зерна в могучий шар
слиты?*

*Где уже притяженье иных, нам
почти чуждых сфер,*

*Новый мир засветился: Зэ-эс-эф-
эс-эр.*

*Как много в немногом! От отме-
лей плоских, где Каспий*

*Вышкам с нефтью поет старо-
давние сказки,*

*За скалы Дарьяла, где, в вихре все-
дневных истерик,*

*О старой Тамаре рыдальствует
Терек,*

*До стран, где, былыми виденьями
тешиться рад,*

Глядит к Алагязе седой Арарат!

Как много! И сколько преданий!
От дней Атлантиды
Несут откровенья до нас яфети-
ды;
Здесь — тень диадохов! там —
римских провинций границы!
Там длань Тамерлана и бич его
снится!
И снова тут сплочен, в проломе
всемирных ворот,
К труду и надеждам свободный
народ.

Привет племенам, что века и ве-
ка враждовали,
Но вызваны к жизни в великом
развале
Империй и царств! Вы звездой за-
горелись на сфере!
Вы — силы земли! Вы — кровь но-
ви! И верим;
Путь один держат к свету из
древних пещер и трясин
Абхазец и тюрк, армянин и гру-
зин!

19 января 1924

Штурм неба

Сдвинь плотно, память, жалюзи!
Миг, стань как даль! как мир — уют!

Вот — майский день; над Жювизи
Бипланы первые планируют.

Еще! Сквозь книги свет просей,
Тот, что мутнел в каррарском
мраморе!

Вот — стал на скат, крылат,
Персей;
Икар воск крыльев сеет на море.

Еще! Гуди, что лук тугой,
Любимцев с тьмы столетий кли-
кая!

Бред мудрых, Леонард и Гойи:
«Вскрылит, взлетит птица вели-
кая...»

Еще! Всех бурь, всех анархий
Сны! все легенды Атлантидины!
Взнести скиптр четырех стихий,
Идти нам, людям, в путь неиден-
ный!

И вдруг — открой окно. Весь день
Пусть хлынет, ранней мглой

опудренный;
Трам, тротуар, явь, жизнь везде,
И вот — биплан над сквером Куд-
рина.

Так просто! Кинув свой ангар,
Зверь порскает над окским бере-
гом;
И, где внизу черн кочегар,
Бел в синеве, летя к Америкам.

Границы стерты, — с досок мел!
Ввысь взвив, незримыми лианами
Наш век связать сумел, посмел
Круг стран за всеми океанами.

Штурм неба! Слушай! Целься!
Пли!
«Allons, enfants»... — «Вставай...» и
«Ca ira».
Вслед за фарманом меть с земли
В зыбь звезд, междупланетный
аэро!

7 июня 1923

Эры

Что Сан-Фриско, Сан-Пьер, Лисса-
бон, Сиракузы!

Мир потрясся! пансейсм! дым из
центра веков!
В прах скайскарперы! крейсеры
вверх! на все вкусы!
Звезды трещин., развал скал,
клинки ледников.

На куски прежний бред! Взлет
стоцветных камней,
Перья пестрые двух двоеглавых
орлов:
Украин, Латвии, Грузии, Эстонии,
Армении,
Югославии, Литв, Венгрии, Слова-
кии — улов.

Там, где тропик торопит в злове-
щей вежи,
Самоа, Камерун, Того, зюд и вест-
ост,
Каролины, Маршаллы, — сменен
бич на свежий:
Немцы, прочь! Rule, Britania![10]
Просто, как тост!

Но затворники зал ждут (утес у
стремнины
Дней), в витринах, на цоколях, к

нишам, как встарь,
Кирь, Кадмы, Сети, Цезари, Анто-
нины;
Мчит свой бег Парфенон, дым —
Пергамский алтарь.

В ряд зажаты, том к тому, сто-
летьи примеры, —
С нашей выси во глубь дум витой
виадук, —
Там певцы Вед, Книг Мертвых,
снов Библий, Гомеры,
Те ж, как в час, где над жизнью
плыл пылкий Мардук.

Колбы полны, микроны скрипят,
бьют. в идею,
Здесь — Эйнштейн, Кантор —
там; ум горит, как в былом.
Девы, Пристли, Пти, Лавуазье, Фа-
радеи:
Смысл веществ, смысл про-
странств, смысл времен, все — на
слом!

Что же Сан-Фриско, Сан-Пьер,
Лиссабон, Сиракузы?
Что пансейсмы! Над пеплом в

*темь скрытых Помпеи
Виноград цвел, жгли губы, росли
аркебузы...
Дли исканья! Ломай жизнь!
Взгляд, страсти зов — пей!*

28 января 1923

В мировом масштабе

Машины

*Зубцы, ремни, колеса, цепи,
Свист поршней, взмахи рычага;
Вне — замыслы, наружу — цели,
Но тайна где-то спит, строга.*

*Взмах! Взлет! Челнок, снуй! Вал,
вертись вокруг!
Привод, вихрь дли! не опоздай!
Чтоб двинуть косность, влить в
смерть искру,
Ткать ткань, свет лить, мчатъ
поезда!*

*Машины! Строй ваш вырос бредом,
Земля гудит под ваш распев;
Мир в ваши скрепы веком предан,
В вас ждет царей, оторопев.*

Вы — всюду: некий призрак вещей,
Что встарь вставал из лунных
мшин!

На всех путях, на каждой вещи —
Клеймо познания, след машин.

Нам жизнь творят цилиндры,
оси,
Эксцентрики, катки... Ждем дня

—
Корабль в простор планетный
бросить,
Миры в связь мира единя!

Сеть проволок, рельс перевивы,
Незримый ток в лучи антенн:
Мы в них сильны, в их вере живы,
И нет пределов! и нет стен!

Вертись, вал! Поршень, бей! вей
цепи!
Лети творить, незримый ток!
Вне — замыслы! наружу — цели!
Но в чьей руке святой моток?

Здесь что? Мысль роль мечты иг-
рала,
Металл ей дал пустой рельеф;

Смысл — там, где змеи интегри-
ла

Меж цифр и букв, меж d и f!

Там — власть, там творческие
горны!

Пред волей числ мы все — рабы.
И солнца путь вершат, покорны
Немым речам их ворожбы.

14 января 1924

Невозвратность

Миг, лишь миг быть Земле в дан-
ной точке вселенной!

Путь верша, ей сюда возвратить-
ся ль, и как?

Звездной вязи, в уме ложью глаз
впечатленной,

Не найдет он, грядущий, там, в
новых веках.

Время, время, стой здесь! полоса-
тый шлагбаум

В череп мысли влепи! не скачи,
сломя дни!

Гвоздь со шнуром в «теперь»
вбить бы нам, и в забаву

Миллионам веков дать приказ:

отдохни!

*Эх! пусть фильму Эйнштейн воло-
чит по Европе!*

*Строф не трать на обстрел: дро-
би праздный извод!*

*Все ж из «прежде» в «потом» ку-
выркаться! и в тропе*

*Гераклита — все истины:
жизнь — смена вод.*

*Есть, быть может, ждут, бу-
дут — Гольфштрем, Куро-Сиву
На путях, где нас Солнце влечет,
как сатрап,*

*Чтоб лучи, звуки, запахи, крас-
ки — красивы*

*Стали все, всем, везде, или — со-
ком отрав;*

*Есть, быть может, ждут, бу-
дут — огни дальних станций
Там, где шаг человечества вре-
жет свой след,*

*Чтоб в Коммуне Всемирной
жить в музыке, в танце,
В песне, славила радость предска-
занных лет;*

Но и там все — лишь миг, но и
там все — что дребезг
Невозможных полнот, тех, что
взор осязает
Мог бы лишь не как взор, чей на
смертном одре блеск
Будет бред, будет цель — с мигом
вечность связать.

3 августа 1923

Мир электрона

Быть может, эти электроны —
Миры, где пять материков,
Искусства, знанья, войны, троны
И память сорока веков!

Еще, быть может, каждый атом
—
Вселенная, где сто планет;
Там всё, что здесь, в объеме сжа-
том,
Но также то, чего здесь нет.

Их меры малы, но все та же
Их бесконечность, как и здесь;
Там скорбь и страсть, как здесь, и
даже
Там та же мировая спесь.

*Их мудрецы, свой мир бескрайный
Поставив центром бытия,
Спешат проникнуть в искры тай-
ны
И умствуют, как ныне я;*

*А в миг, когда из разрушенья
Творятся токи новых сил,
Кричат, в мечтах самовнушенья,
Что бог свой светоч загасил!*

13 августа 1922

Мир N измерений

*Высь, ширь, глубь. Лишь три коор-
динаты.
Мимо них где путь? Засов за-
крыт.
С Пифагором слушай сфер сона-
ты,
Атомам дли счет, как Демокрит.*

*Путь по числам? — Приведет нас
в Рим он
(Все пути ума ведут туда!).
То же в новом — Лобачевский, Ри-
ман,
Та же в зубы узкая узда!*

Но живут, живут в N измереньях
Вихри волю, циклоны мыслей, те,
Кем смешны мы с нашим дет-
ским зреньем,
С нашим шагом по одной черте!

Наши солнца, звезды, всё в про-
странстве,
Вся безгранность, где и свет бес-
крыл, —
Лишь фестон в том праздничном
убранстве,
Чем их мир свой гордый облик
скрыл.

Наше время — им чертеж на пла-
не.
Вкось глядя, как мы скользим во
тьме,
Боги те тщету земных желаний
Метят снисходительно в уме.

21 января 1924

Явь

Опрокинут, распластан, рассу-
жен врозь
Призрак мира от солнц до ба-
цилл...

Но в зрачки, в их тигриную сужен-
ность,
По заре серый дождь моросил.

Там по памяти, в комнатах за-
мкнутых,
Бродят цифры, года, имена...
А голодный крестьянин в глаза
кнутом
Клячу бьет от пустого гумна.

Сны вершин в бармах Фета и Тют-
чева,
В кружевах Гете иль Малларме...
Но их вязь — план чьей драмы?
эюд чего?
Их распев — ах, лишь в нашем
уме!

День Флориды — ночь Уэльса. Но
иначе —
Изотермы жгут тысячу тел:
Топчут Гамлета Хорь-и-Калины-
чи,
Домби дамбами давят Отелл.

Говори: это — песня! лениво лги
Там, в тетради, чертами чернил:

Но, быть может, писк муром-
ской иволги
Кровью каплет в египетский Нил.

Колбы, тигли, рефракторы,
скальпели
Режут, лижут, свежат жизнь, —
но вот
Явь — лишь эти за окнами капли
и
Поцелуй в час полночных свобод.

24 апреля 1923

Как листья в осень

«Как листья в осень...» — вновь
слова Гомера.
Жить, счет ведя, как умирают
вкруг...
Так что ж ты, жизнь? — чужой
мечты химера?
И нет устоев, нет порук!

Как листья в осень! Лист весен-
ний зелен;
Октябрьский желт; под рыхлым
снегом — гниль...
Я — мысль! я — воля!.. С пулей или
зельем

Встал враг. Труп и живой — враги
ль?

Был секстильон; впредь будут
секстильоны...

Мозг — миру центр; но срезан луч
лучом.

В глазет — грудь швей, в свинец —
Наполеоны!

Грусть обо всех — скорбь ни об
чем!

Так сдаться? Нет! Ум не согнул
ли выи

Стихий? узду не вбил ли молньям
в рот?

Мы жаждем гнуть орбитные
кривые,

Земле дав новый поворот.

Так что ж не встать бойцом,
смерть, пред тобой нам,
С природой власть по всем кон-
цам двоя?

Ты к нам идешь, грозясь ножом
разбойным;

Мы — судия, мы — казнь твоя.

Не листья в осень, праздный прах,
который
Лишь перегнутой для свежих восхо-
дов, — нет!
Царям над жизнью, нам, селить
просторы
Иных миров, иных планет!

6 января 1924

АТАВИЗМ

Поэты — пророки! но много ли
стих их,
Пусть певчий, расскажет об том
нам,
Что в гибельной глубине их призрач-
ных психик
Спит сном утомленным и том-
ным?

Да! фон небоскребов, бипланов и
трамбов,
Листок с котировкой банкнота;
Но сзади дикарь, испещренный от
шрамов;
След тигра иль только енота!

Нет, больше! там — примат, иль
ящер, иль даже

Медуза и тускль протоплазмы!
И нет препарата (с патентом!) в
продаже,
Чтоб с кошачьим сблизили глаз
мы!

И только? Но также и мост
(вспомним Ницше),
Бессмертный с копытом Силена!
И ты, человек, будешь некогда —
низший
Тип, рядом с владыкой вселенной!

Поэты-пророки! вмещайте же в
стих свой
Ту дрожь, чем живет головастик!
Мы смеем так делать! отметим
мы с лихвой
Грядущий восторг голой власти!

16 июля 1923

Хвала зрению

Зелен березами, липами, кленами,
Травами зелен, в цветах синь,
желт, ал,
В облаке жемчуг с краями кале-
ными,
В речке сапфир, луч! вселенский

кристалл!

*В воздухе, в вольности, с волнами,
смятыми*

*В песне, в бубенчике, в шелесте
нив;*

*С зыбью, раскинутой тминами,
мятами,*

*Сеном, брусникой; где, даль осе-
нив,*

*Тучка нечаянно свежестью с неж-
ностью*

*Зной опознала, чтоб скрыться
скорей;*

*Где мед и дыня в дыханьи, — над
внешностью*

*Вечной, над призраком сущно-
стей, — рей!*

*Вкус! осязанье! звук! запах! — над
слитыми*

*В музыку, свет! ты взмыл скип-
тром-смычком:*

*Радугой режь — дни, ночь — аэро-
литами,*

*Вой Этной ввысь, пой внизу свет-
лячком!*

Слышать, вкусить, надышаться,
притронуться —
Сладость! но луч в лучшем! в выс-
шем! в святом!
Яркость природы! Земля! в сказ-
ках «трон отца»!
Быть с тобой! взять тебя гла-
зом! все в том!

26 июля 1922

В деревне

Не память...

Как дни тревожит сон вчераш-
ний,
Не память, — зов, хмельней вина,
—
Зовет в поля, где комья пашни
Бьет в плуг, цепляясь, целина.

Рука гудит наследьем кровным —
Сев разметать, в ладонь собрав,
Цеп над снопом обрушить; ров-
ным
Размахом срезать роскошь трав.

Во мне вдруг вздрогнет доля деда,
Кто вел соху под барский бич...

*И (клич сквозь ночь!) я снова, где-то, —
Всё тот же старый костромич.*

*И с солнцем тают (радуг льдины!)
Витражи стран, кулисы книг:
Идет, вдоль всей земли единый,
Русь, твой синеющий сошник!*

*Мужичья Русь! Там, вне заводов,
Без фабрик, — обреченный край,
Где кроет бор под бурей сводов,
Где домовой прет спать в сарай,
—*

*Как ты в мечты стучишь огни-
вом?
Не память, — зов, хмельней вина,
—*

*К стогам снегов, к весенним ни-
вам,
Где с Волгой делит дол Двина!*

30 сентября 1923

Родное

*Березка любая в губернии
Горько сгорблена грузом веков,*

Но не тех, что, в Беарне ли, в Бер-
не ли,
Гнули спину иных мужиков.

Русский говор, — всеянный, взгреб-
ленный
В память, — ропщет, не липы ль в
бреду?
Что нам звоны латыни серебря-
ной:
Плавим в золото нашу руду!

Путь широк по векам! Ничего
ему,
Если всем — к тем же векам, на
пир;
Где-то в Пушкинской глуби по-сво-
ему
Отражен, склон звездистый,
Шекспир.

А кошмар, всё, что мыкали, путь
держа
С тьмы Батыея до первой зари,
Бьет буруном, в мечтах (не до
удержа!):
Мономахи, монахи, цари!

Пусть не кровью здоровой из вен
Земля:
То над ней алый стяг, — трезвый
Труд!..
Но с пристрастии извечного вен-
зеля
Зовы вошь, в день один, не сотрут!

Давних далее сбываньем трево-
жимы,
Все ж мы ждем у былых берегов,
В красоте наших нив над Повол-
жьями,
Нежных весен и синих снегов!

8 марта 1923

Из лесной жути

Один — в лесную жуть, когда на
муть речную
Луной наведены белесые глаза:
Качнуть извет ветвей, спугнуть
мечту ночную
И тихо покатыть колеса-голоса;

Ждать, как, растя, крутясь, на-
полнит чуткий шорох
Все тропы тишины, меж корней,
вдоль вершин:

Скок диких коней, бег шотландских пони в шорах;
Скрип древних колесниц, всхлип
лимузинных шин;

Следить, как там, в тени, где
тонь трясинных топей,
Где брешь в орешнике, где млеет
мох века, —
Плеться, в туман всплывут сны
пройденных утопий,
Под смех русалочий, под взвизг ле-
совика;

Гадать, что с выси есть мощь сил
неудержимых.
Винт волю, скликающих со звезд
свою родню,
Что в мировых тисках, в их нежи-
вых зажимах,
Глубь человечества мелеет день
ко дню;

И вдруг на луг, к луне, вокруг речки,
скоро белой
В дожде зари, стряхнув слезу с
листка ль, с лица ль,
Поняв, что камней шквал то, в

чаще оробелой,
Встал, меж гостей с планет, гер-
манский Рюбецаль.

16⁻¹⁷ июня 1922

Умильные слова

Июньских сумерек лесная
Тишь, где все вычерты чисты,
И свисла сеть волосяная
Пред белой строчкой бересты.

Откуда? — юность не на дно ли
Все сбросила, и кто принес?
Не сны глициний и магнолий,
А северную сонь берез?

Гуди, сквозь годы, рой осиный:
Эрлкёниг, Рейн, бред Лорелей...
Как блекнешь ты под дрожь осинь,
В томленьи мят с родных нолей!

Иль кровь, до внуков, донесла нам
Те взлеты кос, те взблестки сох,
И мох, ласкавший лоб Русланов,
В стовековой зной не иссох?

А заводь речки за отлогом

*Ждет взгляда — подсказать про
стих,
Где, старым ямбом, старым сло-
гом,
Крен слов, умильных и простых.*

22 июня 1922

Лесная тьма

*Безлюдье. Глушь. Зеленоватый
Свет. Но в тиши есть голоса, —
Те, чем живут, те, чем чреваты
В июльски жаркий день леса.*

*Писк птицы; стрекот насекомых;
Скрип двух стволов; да вдалеке,
Меж звуков чуждых, но знакомых,
Моторной лодки треск в реке.*

*Нет! чу! еще! сквозь мириады
Зеленых листьев — плащ земной
—*

*Шум, что не ведали дриады;
Гудит пропеллер надо мной.*

*Не знаю, здесь, где полюс близко,
Блуждал ли древле старый Пан,
—*

Но хищным шипом василиска

Его встревожил бы биплан.

*Гуд оживленного металла
Прорезал дали; власть ума
Богов Эллады разметала,
И светит вдруг лесная тьма.*

*Шум листьев в сумрачном хорале
Притих; идут, смелей, грозней,
Электропуг, электротраллер,
Чудовища грядущих дней.*

19 июля 1923

Дождь перед ночью

*Брел дождь, расчетливо-скупой,
А тучи смачно висли брюхом,
Чтоб ветер вдруг рванул скобой,
Вдруг взвизгнул по санным краю-
хам.*

*Рожь полегла, уткнув носы;
В лоск были лбы изб и овинов;
И это — тьма, как жужжжь осы,
Валилась вниз живой лавиной.*

*Вниз, вдаль, за грань, верблюжий
горб
Земли (путь — пустошь океана),*

Чтоб чей-то край, и дюж и горд,
Ее вплел в пальмы и лианы, —

Где нынче свет, блеск, веер вех,
Шум пум, змей смесь, гребни ко-
либри...

Край, где вся явь жжет фейер-
верк,
Где жизнь — наш сон в ином ка-
либре.

Оса, жужжа, свалила тьму;
Дождь сорвался; вихрь прыгнул в
это...
Жми в плоть, меридиан, тесьму,
Где миг (миг всем) — грань мглы
и света!

13 августа 1923

Зимой

Дуй, дуй, Дувун! Стон тьмы по
трубам,
Стон, плач, о чем? по ком? Здесь,
там —
По травам, ржавым, ах! по тру-
пам
Дрем, тминов, мят, по всем цве-
там,

Вдоль троп упавших тлелым
струпом,
Вдоль трапов тайных в глушь, где
стан,
Где трон вздвигал, грозой да тру-
сом
Пугая путь, фригийский Пан.

Дуй, дуй, Дувун! Дуй, Ветр, по тру-
бам!
Плачь, Ночь! Зима, плачь, плачь,
здесь, там,
По травам, трапам, тронам,
трупам,
По тропам плачь, плачь по цве-
там!
Скуп свет; нет лун. Плачь, Ночь,
по трудным
дням! Туп, вторь, Ветр! По их
стопам
Пой, Стужа! Плачьте духом
трубным,
Вслух! вслух! по плугам, по сер-
пам!

Дуй, дуй, Дувун! Дуй в дудки, в тру-
бы!
Стон, плач, вздох, вой, — в тьму, в

ум, здесь, там...

Где травы, трапы, троны? — Трупы

Вдоль троп. Все — топь. Чу, по пятнам

Плач, стон из туч, стоя с суши к струйным

Снам, Панов плач по всем гробам.

Пой в строки! в строфы! строим струнным

На память мяты по тропам!

27 января 1923

Современная осень

Крут и терпк осенний вечер; с поля

Дух солома, земли, трав и навоза;
Ветер с ветром, вдоль колдобин споря,

Рвет мечту из тесных стен на воздух;

Квак лягушек в уши бьет в болоте;

Смех совы кувыркнул тени с елок;
Сиплый скрип тьму медленно молотит;

С тьмой ползет вол из лесу в по-

сенок.

Ночь, где ж ты, с твоей смер-
тельной миррой,
Ночь Жуковских, Тютчевых, всех
кротких?
Метки редких звезд в выси над-
мирной —
Меди длинных стрел с тетив ко-
ротких.

Книг, бумаг, рифм, спаренных ед-
ва лишь,
Тает снег, дрожь под лунной гру-
дью;
Гей, Геката! в прорезь туч ты ва-
лишь
Старых снов, снов буйных буршей
грудю.

Где ж нам? Что ж нам? Как нам
план закончить?
Мир иным стал! мы ль в нем
неизменны?
Все — за тенью, вслед за псом, за
гончей,
Все — как пес, послушны скучным
сменам...

Из книг

Книга

*Сцепень белых параллелограммов
В черных черточках — в свое жер-
ло*

*Тянет Аустерлицев и Ваграмов
Бури вплоть до вихря Ватерло.*

*В дуги лампы (двадцать пять ам-
перов!),*

*Над столом, — воспоминаньем
влей*

*Мысли тысячи великих, перов
В царстве знанья, духа королей.*

*Но и мысли что? — сухие зерна
Пламени, что древле озарил
Чей-то сон над сваями, в озерной
Хате, ночь под черепом горилл.*

*В круге книг мудрец и росомаха,
Чуткая к добыче, на суку.*

*От амёб до Риккерта и Маха
Все века земли — в одну строку!*

Если мыслят там, за гранью да-
лей,
Семь значков внесется в ту скри-
жаль,
Все, чем жили мы, чего мы жда-
ли,
Чтоб и нас вселенной было жаль.

17 мая 1922

Общая станция

Веками, эпохами, эрами,
Вертясь, их земля межевала, —
Тех — Тэнами, этих — Гомерами
На челюстях слав изжевала.

Но только ль в почтенном учеб-
нике? —
В памяти, в самобытной монаде,
С Римом Августов рядом кочевни-
ки,
Миф о Гее — с главой о Канаде!

Приближены тени и остовы:
По ступеням, что видит Иаков,
Сбегают мечты Ариостовы;
Бонапарт на пиру у феаков;

Экспрессом на общую станцию —

Вавилон — Лондон, Марна — Арко-
ла!

В сознании каждом — из Санцио
Счастливица «Афинская школа».

Так здравствуйте, девы Эриннии!
Вас ждут Дант и Гете; прошу
быть
Как дома! Увы! север — в инее,
Но Конфуций стряхнет ваши шу-
бы.

16 июня, 1922

Тетрадь

Вот — вдоль исписана книгами,
черный
Свод стенограмм (лейбниц-гли-
фы), тетрадь
Лет, с пультов школьных до воль-
ных, как жернов,
Полночей: в памяти старая рать!

...Сутра с утра; мантра днем;
дань молчаний;
В мантии майи мир скрыт ли,
где скит?—
...Сутки в седле! перьев сорок в
колчане!

Вскачь за добычей! тебе степи,
скиф!

...Babel und Bibel; бог, змий, праро-
дитель;

Дюжина, семь, шестьдесят, —
счет Халдей.—

...Но — в белый мрамор вязь роз
Афродите,
В триметры драм бред победных
Медей!

...Тоги; дороги, что меч; влечь под
уго

Всех; в речи медь; метить все: А и
В.—

...Тут же суд: путь в катакомбы;
владыки

Душ; плач; о ком бы? плач, Рим,
по тебе!

...Замок, забрало, железо, лязг ко-
пий;

Трель трубадура к окну; муж и
честь.—

...Брат ли Кабраль кораблю?
индских копей

Золото фландрский банкир

тщится счесть...

...Дальше!.. Вопль толп; радио с небоскреба...

Дальше!.. Жизнь воль; Марс в союз; враг с планет.—

И... ..Вновь у башни троянской (из гроба!)

Старцев спор, выдать Елену иль нет.—

Круг всех веков, где дикарь в *iber Mensch'e*;[11]

Все, все — во мне! рать сдержатъ сил не тратъ!

Бей в пулемет, нынь! рядов не уменьшитъ!

В ширь, в высь растут лейб-ниц-глифы, тетрадь!

11 января 1923

Елена у Париды

Идет, безвольно уступая, —

Власть Афродиты рокова! —

Но в вихре мыслей боль тупая,

Как иглы первые слова:

«Пришел ты с битвы? Лучше, бедный,

Ты б в ней погиб! — разил мой
муж

Ты хвастал свить венец победный,
Здесь, как беглец, ты почему ж?
Иди, в бой вновь кличь Менелая!
Нет! мал ты для мужских ме-
рил!

Из ратных бурь — прочь! не же-
лая,

Чтоб медью царь тебя смирил!»

Но, в благовонной мгле, на ложе,
Где локтем пух лебяжий смят,
Прекрасней всех и всех моложе
Ей Парид, чьи глаза томят:

«Нет, не печаль! Судьба хотела,
Чтоб ныне победил Атрид.

Я после побежду. Но тело
Теперь от жгучих жасжд горит.

Так не желал я ввек! иная
Страсть жечь мне сердце не мог-
ла.

В тот час, когда с тобой Краная
Нас первой ночью сопрягла!»

И никнет (в сеть глубин уловы!)

Елена — в пламя рук, на дно,
А Афродиты смех перловый —
Как вязь двух, спаянных в одно.

7 мая 1922

Диадохи

Искали царств, дробили грады,
Бросая здесь, там зиждя трон;
Битв смена — путь их; им награды —
Груз диадем, цепь из корон.

Народ? он — ставка. На кон брошен,
Да ждет, чья кость решит игру!
Как сметь судить? кто в споре
спрошен?
Рок тысяч — у царя в шатру!

Эллада, край Хемии, круг Персии,
Все — Зевс для них ковром по-
стлал;
И им же дев бактрийских перси,
Китайский шелк, Индийский дал...

Скиптр Александра, строг и
страшен,
Внесен, — жезл к строю грозных
древк;
Им каждый сон в огонь раскра-
шен;
Полиоркет — он, тот — Селевк!

«Достойнейший» не встал. Пусть.
В шквалах
Дней, гулких отзвуком громов,
Рос вширь, в пределах небывалых;
Союз племен под скреп умов.

Центр слал свой свет в перифе-
рии;
В сталь — злато, в Запад тек Во-
сток;
Угль стыл; сквозь пепл Алексан-
дрии
Вносили ввысь живой росток.

Гудел гигантский горн вселенной;
Месил века; гас, отпылав.—
Чтоб в тот же мир, в срок Ри-
ма — пленный,
Влил в жизнь тысячелетний
сплав.

12 марта 1923

Бодлер

Давно, когда модно дышали пачу-
ли,
И лица солидно склонялись в лан-
сье,
Ты ветер широт небывалых почу-

ял,
Сквозь шелест шелков и из волн
валансьен.

Ты дрожью вагона, ты волюю фре-
гата
Мечтал, чтоб достичь тех иных
берегов,
Где гидрами — тигр, где иглой —
алигатор,
И тех, что еще скрыты в завес ве-
ков.

Лорнируя жизнь в призму горьких
иронии,
Ты видел насквозь остова *Second
Empire*[12],
В салонах, из лож, меж кутил, на
перроне, —
К парижской толпе припадал, как
вампир.

Чтоб, впитая кровь, сок тлетвор-
ный, размолот,
Из тигеля мыслей тек сталью
стихов,
Чтоб лезвия смерти ложились
под молот

*В том ритме, что был вой все-
ленских мехов!*

*Твой вопль, к сатане, твой наказ
каинитам,
Взлет с падали мух, стон лесбий-
ских «eraves»[13] —
Над скорченным миром, с надир-
ов к зенитам,
Зажглись, черной молнией в годы
упав.*

*Скорбя, как Улисс, в далях чуж-
дых, по дыму,
Изгнанник с планеты грядущей,
ты ждал,
Что новые люди гром палиц
подымут —
Разбить мертвый холод блестя-
щих кандал.*

*Но вальсы скользили, — пусть
ближе к Седану;
Пачули пьянили, — пусть к бездне
коммун.
Ты умер, с Нево видя край, вам не
данный,
Маяк меж твоих «маяков», — но*

кому?

26 августа 1923

Вариации на тему «Медного всадника»

*Над омраченным Петроградом
Дышал ноябрь осенним хладом.
Дождь мелкий моросил. Туман
Все облакал в плащ затрапезный.
Все тот же медный великан,
Топча змею, скакал над бездной.*

*Там, у ограды, преклонен,
Громадой камня отенен,
Стоял он. Мыслей вихрь слепящий
Летел, взвивая ряд картин, —
Надежд, падений и годин.
Вот — вечер; тот же город спя-
щий,
Здесь двое под одним плащом
Стоят, кропимые дождем,
Укрыты сумрачным гранитом,
Спиной к приподнятым копытам.
Как тесно руки двух слиты!
Вольнолюбивые мечты
Спешат признаньями меняться;
Встает в грядущем день, когда
Народы мира навсегда*

В одну семью соединятся.

*Но годы шли. Другой не тут.
И рати царские метут
Литвы мятежной прах кровавый
Под грозный зов его стихов.
И заглушат ли гулы славы
Вопль здесь встающих голосов,
Где первой вольности предтечи
Легли под взрывами картечи!
Иль слабый стон, каким душа
Вильгельма плачет с Иртыша!
А тот же, пристально-суровый
Гигант, взнесенный на скале!
Ужасен ты в окрестной мгле,
Ты, демон площади Петровой!
Виденье призрачных сибилл,
В змею — коня копыта вбил,
Уздой железной взвил Россию,
Чтоб двух племен гнев, стыд и
страх,
Как укрощенную стихию,
Праправнук мог топтать во
прах!*

*Он поднял взор. Его чело
К решетке хладной прилегло,
И мыслей вихрь вскрутился, чер-*

ный,
Зубцами молний искривлен.
«Добро, строитель чудотворный!
Ужо тебе!» — Так думал он.
И сквозь безумное мечтанье,
Как будто грома грохотанье,
Он слышал топот роковой.
Уже пуста была ограда,
Уже скакал по камням града —
Над мутно плещущей Невой —
С рукой простертой Всадник Мед-
ный.
Куда он мчал слепой порыв?
И, исполину путь закрыв,
С лучом рассвета, бело-бледный,
Стоял в веках Евгений бедный.

28 октября 1923

Мысленно

Мысленно, да!

Мысленно, да! но с какой напряженностью
Сквозь окна из книг озираем весь мир мы!
Я пластался мечтой над огромной сожженностью
Сахары, тонул в знойных зарослях Бирмы;

Я следил, веки сжав, как с руки краснокожего,
Вся в перьях, летя, пела смерти вестунья;
Я слушал, чтоб в строфы влить звука похожего
Твой грохот, твой дым, в твердь, Мози-оа-Тунья!

Сто раз, нет, сто сотен, пока свое пол-лица
Земля крыла в сумрак, — покой океанам! —
Я белкой метался к полюсу с полюса,

*Вдоль всех параллелей, по всем
меридианам.*

*Все хребты твои знаю, все пропа-
сти в кратерах,
Травы всяческих памп, всех Маль-
стрёмов содомы:
Мой стимер, где б ни был, — в зна-
комых фарватерах,
Мой авто — всюду гость, мой би-
план — всюду дома!*

*И как часто, сорван с комка зеле-
ного,
Той же волей взрезал я мировое
пространство,
Спеша по путям светодня милли-
онного,
Чтоб хоры светил мне кричали:
«Постранствуй!»*

*И с Марса, с Венеры, с синего Си-
рия
Созерцал, постигал жизнь в кругу
необъятном,
Где миг — мига в веках — наш
Египет — Ассирия,
А «я» — электрон, что покинул*

свой атом!

8 июля 1923

**Молодость мира («Лес, луга,
плоскогорья — невиданной фауны...»)**

*Лес, луга, плоскогорья — невидан-
ной фауны...*

*Ветер свищет по мыслям, соль с
моря соря...*

*Лук на голых лопатках, грядущие
Фаусты*

*Рыщут, где б на добычу, с осанкой
царя.*

*В морок зорких пещер ночь уво-
дит: с Церлинами*

*Дон-Жуаны жмут ворох прогнив-
шей травы.*

*Завтра прыгать Колумбам путя-
ми орлиными,*

*В дебрях врезать Вобанам для ма-
монтов рвы.*

*Лунь-ведун счел все луны, все циф-
ры в Люцифере,*

*Тайны неба колебля, — лохматый
Лаплас!*

Вторят те ритму речи, те чер-

тят на шифере, —
Братья старшие Гете и Дюреров
глаз!

Лес, луга, плоскогорья и ветер
пройоденный,
Будущих всех столетий крыль-
цо-колыбель,
Где еще в гром не крылись ни Зев-
сы, ни Одины, —
Сквозь кивот библиотек вздох
бедный тебе ль?

Ветер свищет по мыслям, где
медлим в трамвае мы,
Где нам радио ропщут, — газет-
ный листок...
Гость неведомой флоры, преда-
нием срываемый,
Меж авто, в пыль асфальта, спа-
дает цветок.

14 мая 1923

Над снегом Канады

Там, с угла Оттанукзгла, где сне-
гом зарылась Канада,
Тде, гигантская кукла, нос — в по-
люс, Америка, — рысь

Ждет, к суку прилегла, взором мерит простор, если надо
Прыгнуть; в узких зрачках — голод, страх, вековая корысть.

Тихо все от великой, безмерно раздвинутой стужи;
Над рекой, по полям, через лес январь белость простер;
Холод жмет, горы, словно звериные туши, все туже;
Пусто; где-то неверно чуть вьет дровосечий костер.

Рысь застыла, рысь ждет, не протопчут ли четкость оленя,
Не шмыгнет ли зайчонок (соперник что волк и лиса!);
Рысь храбра; в теле кровь долгих, тех же пустынь, поколений,
Рысей, грызших врага, как грызет колкий холод леса.

Кровь стучит в тишине пламенем напряженных артерий,
Лишь бы, по-белу алое, алчь утолить довелось!
Не уступит, не сдаст даже чер-

но-пятнистой пантере,
Даже если из дебри, рогами впе-
ред, внове — лось!

Чу! Хруст. Что там? Всей сжаться-
ся. За ствольями бурые лыжи
Лижут в дружном скольженьи
блистающий искрами наст.
Вот — он, жуткий, что сон, — че-
ловек! вот он — хмурый и рыжий:
Топора синь, ружья синь, мех
куртки, тверд, прям, коренаст.

Сжаться, слиться, в сук вьестся!
Что голода боли! Несносный
Эти блески, свет стали, свет
лезвий, свет жалящих глаз!
Слиться, скрыться: защита — не
когти, не зубы, не сосны
Даже! выискать, где под сугробом
спасительный лаз!

Там, с угла Оттанукзгла, где сне-
гом зарылась Канада,
Где, гигантская кукла, нос — в по-
люс, Америка, — век,
За веками, где звери творили свой
суд, если надо,

Там идет, лыжи движутся, бог,
власть огня, Человек!

17 октября 1922

В Тихом океане

Что за бурь, какого случая
Ждет подмытый монолит,
Глядя в море, где летучая
Рыба зыби шевелит?

В годы Кука, давне-славные,
Бригам ребра ты дробил;
Чтоб тебя узнать, их главный и
Неповторный опыт был.

Ныне взрыт зверями трубными
Путь, и что им, если зло
Ветер шутит всеми румбами,
На сто множа их число!

Мимо, гордо, мимо, плавные
Режут синий выплеск вод...
Годы Кука, давне-славные,
С ризой вставлены в кивот.

В дни, когда над бездной вогнутой
Воеет огненный циклон,
Только можешь глухо, в окна, ты

Крикнуть стимерам поклон.

*Под водой скалой таиться и
Быть размытым ты готов...
Эх! пусть челноки таитские
Мечут на тебя швартов!*

6⁻⁷ февраля 1923

Марриэтовы мичманы

*Марриэтовы мичманы,
Вы, лихая ватага, —
Здесь лукаво-комичные,
Там живая отвага!*

*Вслед за вами, по вспененным
Тропам, с детства мы — чайка!
Волны пели, и в пеньи нам:
«Примечай! примечай-ка!»*

*Где учебник? Рассеянно
Глаз твердит: «Смерть Анти-
ллы»...
А в мечтах: из бассейна
Голубого — Антиллы.*

*А в мечтах: на фрегате мы,
Шхуны в плен с их поклажей!
Мальты там берега из тьмы,*

Шум и скрип такелажса.

*А за шквалами шалости:
Красть изюм, бить нежонок...
Ах! припомнить до жалости
Те страницы книжонок,*

*Ту неправду, что измала
Жгла огнем неустанным,
Ту, что волю в нас вызвала —
В жизни стать капитаном!..*

20 августа 1923

Песня девушки в тайге

*Медвежья шкура постлана
В моем углу; я жду...
Ты, дальним небом посланный,
Спади, как плод в саду!*

*Весна цвела травинками,
Был желт в июле мед;
Свис, в осень, над тропинками
Из алых бус намет.*

*Лежу, и груди посланы
Ловить слепую мглу...
Медвежья шкура постлана,
Тепла, в моем углу.*

Таясь в тайге, с лосятами
Лосиху водит лось...
Мне ль с грудями не взятыми
Снег встретить довелось?

Весна цвела травинками.
Вот осень. Зрелый груз
Гнут ветры над тропинками, —
Лесных рябин и груш.

Медвежья шкура постлана...
Ты, свykший ветви гнуть,
Ты, ветер, небом посланный,
Сбрось грушу мне на грудь!

7 февраля 1923

Где-то

Островки, заливы, косы,
Отмель, смятая водой;
Волны выгнуты и косы,
На песке рисунок рунный
Чертят пенистой грядой.

Островки, заливы, косы,
Отмель, вскрытая водой;
Женщин вылоснились косы;
Слит с закатом рокот струнный;
Слит с толпой ведун седой.

*Взглянет вечер. Кто-то будет
Звать красотку к тени ив.
Вздохи, стоны, споры: — «Будет!»
— «Нет! еще!» — Над сном стыд-
ливым
Месяц ласки льет, ленив.*

*В ранний вечер кто-то будет
Звать красотку к тени ив...
Пусть же солнце сонных будит!
Месяц медлит над отливом,
Час зачатья осенив.*

14 мая 1923

Наедине с собой

Та же грудь

*Давно охладели, давно окаменели
Те выкрики дня, те ночные слова:
Эти груди, что спруты, тянулись
ко мне ли?
Этих бедер уклоны я ль целовал?*

*В памяти плиты сдвинуты плот-
но,
Но мечты, зеленея, пробились
меж них:
Мастеров Ренессанса живые по-*

лотна,
Где над воплем Помпеи рубцева-
лись межи.

Ведь так просто, как счет, как
сдача с кредитки,
С любовницей ночью прощаться в
дверях,
Чтоб соседка соседке (шепот в
ухо): «Гляди-тка!
Он — к жене на постель! я-то
знаю: две в ряд!»

И друзья хохотали, кем был я бро-
шен,
Бросил кого (за вином, на авось),
Про то, как выл в страхе разме-
таннный Брокен,
Иль стилет трепетал через серд-
це насквозь.

Были смерти, — такие, что
смерть лишь насмешка,
Были жизни, — и в жизнях гейзер
огней.
Но судьба, кто-то властный, кри-
чал мне: «Не мешкай!»
И строфы о них стали стоном о

ней.

Так все камни Эллад — в Капито-
лии Рима,
Первых ящеров лет — в зигзаге
стрижа.
Пусть целую другую! Мне только
зримо,
Что я к той же груди, сквозь го-
ды, прижат!

7 июля 1922

Это я

В годы — дни (вечный труд!) пере-
плавливать
В сплав — часы, серебро в глубину!
Что ж мы памяти жадной? не
вплавь ли звать
Чрез остывшую лаву минут?

Сны цветные ребенка задорного
Молот жизни в сталь строф пре-
творил,
Но туманом явь далее задернуло,
—
Голубым, где был перл и берилл.

Что нам видеть, пловцам, с того

берега?
Шаткий очерк родного холма!
Взятый скарб разбирать или бережно
Повторять, что скопила молва!

Мы ли там, иль не мы? каждым атомом
Мы — иные, в теченьи река!
Губы юноши вечером матовым
Не воскреснут в устах старика!

Слав, пылав, остывает... Но, с гор вода, —
Годы, дни, жизнь, и, ужас тая,
В шелест книг, в тишь лесов, в рокот города,
Выкрик детской мечты: это — я!

9 июля 1922

У смерти на примете

Когда шесть круглых дул нацелено,
Чтоб знак дала Смерть-командир, —
Не стусклена, не обесценена
Твоя дневная прелесть, мир!

Что за обхватом круга сжатого,
Доступного под грузом век?
Тень к свету Дантова вожатого
Иль червь и в атомы навек?

Но утром клочья туч расчесаны;
Пруд — в утках, с кружевном ра-
кит;
Синь, где-то, жжет над гаучоса-
ми;
Где айсберг, как-то, брыжжет
кит.

Есть баобабы, и есть ландыши...
Пан, тропы травами глуша,
Чертежник древний, правит план
души...
Да! если есть в мозгу душа!

И если нет! — Нам одинаково
Взлетать к звезде иль падать к
ней.
Но жердь от лестницы Иакова,
Безумцы! вам всего ценней!

Да! высь и солнце, как вчера, в
ней... Но
Не сны осияют мир денной.

*И пусть шесть круглых дул уравни-
нено
С моей спокойной сединой.*

24 июня 1923

ДОВОЙ

*Опять, опять, опять, опять
О прошлом, прежнем, давнем,
старом,
Лет тридцать, двадцать, десять,
пять
Отпетом, ах! быть может, да-
ром!*

*Любимых книг, заветных лиц
Глаза, страницы, строфы, вскли-
ки;
Гирлянды гор, ступни столиц,
Муть моря, плавни повилики...*

*В земной толпе — я темный дом,
Где томы, тени, сны, портреты;
Эдгаров Янек — я; за льдом —
Ток лавы, памятью прогретый.*

*Но дом живет, вулкан горит,
С балкона — песни, речи, сплетни:
Весенний верх сухих ракушек,*

*В одежде свежей плющ столет-
ний!*

*Лишь домовой, таясь в углу,
Молчит в ответ пустым гита-
рам, —
Косясь на свет, смеясь во мглу, —
О прошлом, прежнем, давнем,
старом.*

3 сентября 1922

Ариадне

*Слышу: плачут волны Эльбы
О былом, о изжитом;
Лодки правят, — не на мель бы;
Пароходы бьют винтом;*

*Слышу, вижу: город давний,
Башни, храмы, скрип ворот.
Гете помнящие ставни,
Улиц узкий поворот;*

*Вижу: бюргеры, их жены,
Стопы пива по столам, —
Ужас жизни затверженной,
Дьявол с Гретхен пополам.*

Там, где Эльбы полногрудой

Два сосца впились в мосты,
Там, задавленная грудой
Всех веков немецких, — ты!

Ты, с кем, два цветка, мы висли,
Миг, над пропастью двойной,
Ты, с кем ник я, там, на Висле,
К лику лик с Земной Войной.

8 июля 1923

Мертвец

Как странно! Круг луны;
Луг белым светом облит;
Там — ярки валуны;
Там — леса черный облик.

Все, что росло в былом,
Жизнь в смене лет иначит:
Храм прошлых снов — на слом,
Дворец жить завтра — начат.

А лунный луч лежит
Весь в давних днях, и в этом
Былом мертвец меж
Ведет по травам светом.

Ведет, как вел в века,
В сон свайных поселений,

*Чтоб в тайны Халд вникал,
Чтоб Эллин пел к Селене.*

*Что годы! тот же он!
Луг в светомы манит;
Тот бред, что был сожжен,
Вновь жжет в его обмане.*

*Как странно! Лунный круг,
Банальный, бледный, давний...
И нет всех лет, и вдруг
Я — с Хлоей юный Дафнис!*

28 августа 1923

Так вот где...

*Так вот где жизнь таила грани:
Стол, телефон и голос груст-
ный...*

*Так сталь стилета остро ранит,
И сердце, вдруг, без боли хруст-
нет.*

*И мир, весь мир, — желаний, сча-
стий,
(Вселенная солнц, звезд, земель
их),
Испеплен, рухнет, — чьи-то ча-
сти, —*

Лечь в память, трупа онемелей!

*Я знал, я ждал, предвидел, мерил,
Но смерть всегда нова! — Не так
ли*

*Кураре, краткий дар Америк,
Вжигает в кровь свои пентакли?*

*И раньше было: жизнь межсила
Пути, чтоб вскрыть иные дали...
Но юность, юность билась в жи-
лах,
Сны, умирая, новых ждали!*

*И вот — все ночь. Старик упря-
мый,
Ты ль в сотый круг шагнешь
мгновенно?*

*А сталь стилета входит прямо,
И яд шипит по тленным венам.*

*Я ждал, гадал, как сердце хруст-
нет,
Как рок меж роз декабрьских ра-
нит...
Но — стол, звонок да голос груст-
ный...
Так вот где жизнь таила грани!*

16 ноября 1923

Два крыла

*После тех самых путей и перепут-
тий,
Мимо зеркала теней, все напевы
в мечтах,
Под семицветием радуги медля в
пышном приюте,
Где девятой Каменной песнь была
начата, —*

*Я роком был брошен, где миг все-
гда молод,
Где опыты стали — не к часу, в
тени,
Где дали открыты на море, на
молы, —
В такое безумье, в такие дни.*

*Здесь была наша встреча; но раз-
ные видения
За собой увлекали мы с разных до-
рог:
Рим и мир миновал я, ты — пер-
вое предупреждение
Объявляла, вступая в жизнь едва
на порог.*

Но в оклике ль коршунов, в орле
ли клетке
Мы подслушали оба соблазн до
высот,
Словно оба лежали мы, у стрем-
нины, на локте, и
Были оба бездетны, как стар был
Казот.

И в бессмертности вымысла, и в
сутолоке хлопотной,
И где страсть Евредиду жалит из
трав,
Ты — моя молодость, я — твоя
опытность,
Ты — мне мать и любовница, я —
твой муж и сестра.

Два крыла мощной птицы, мы ле-
тим над атоллами
К тем граням, где Полюс льды
престольно простер
И над полыми глубями в небе пол-
ное полымя
Бродит, весть от планеты к пла-
нетам, в простор!

Пятьдесят лет —
пятьдесят вех;
пятьдесят лет —
пятьдесят лестниц;
Медленный восход
на высоту;
восход на виду
у сотен сплетниц.

Прямо ли, криво ли
лестницы прыгали,
под ветром, под ношей ли, —
ярусы множились,
Узкие дали
вдруг выростали,
гор кругозоры
низились, ожили.

Где я? — высоко ль? —
полвека — что цоколь;
что бархат — осока
низинных болот.
Что здесь? — не пьяны ль
молчаньем поляны,
куда и бипланы
не взрежут полет?

Пятьдесят лет —

пятьдесят вех;
пятьдесят лет —
пятьдесят восходов.
Что день, то ступень,
и стуки минут —
раздумья и труд,
год за годом.

Вышина...
Тишина...
Звезды — весть...
Но ведь знаю,
День за днем
будет объем
шире, и есть —
даль иная!

Беден мой след!
ношу лет
знать — охоты нет!
ветер, непрошен ты!
Пусть бы путь достигнуть
мог до больших границ,
прежде чем ниц
ринусь я, сброшенный!

Пятьдесят лет —
пятьдесят вех;

пятьдесят лет —
пятьдесят лестниц...
Еще б этот счет! восход вперед!
и пусть на дне —
суд обо мне
мировых сплетниц!

27 ноября, 15 декабря 1923

Бреды

На рынке белых бредов

День, из душных дней, что клей-
мены
на рынке белых бредов;
Где вдоль тротуаров кайманы
лежат как свертки пледов;
Перекинутый трамваем, где
гудит игуанадон;
Ляпис-надписями «А.М.Д.»
крестить пивные надо
И, войдя к Верхарну, в «Leg Soirs»,
в рифмованном застенке
Ждать, что в губы клюнет казу-
ар,
насмешлив и застенчив.

День, из давних дней, что ведомы,
измолоты, воспеты,

Тех, что выкроили ведуны
заранее аспекты,
Сквасив Пушкина и тропики
в Эсхиле взятой Мойрой,
Длитель на абсолютах трепачи
под алгоритмы ойры,
Так все кинофильмы завертев,
что (тема Старой Школы)
В ликах Фра-Беато скрыт вертеп,
—
Эдем, где Фрины голы!

День, из долгих дней, не дожитых,
республика, в которой,
Трость вертя, похож на дожа ты
на торном Висенторо,
И, плывя, дрожешь, чтоб опухоль
щек, надувавших трубы,
Вдруг не превратилась в выхухоль
большой банкирской шубы,
И из волн, брызг, рыб и хаоса, —
строф оперных обидней,
Не слепились в хоры голоса
лирических обидней!

14 июня 1922

Ночь с привидениями

Вот снова, с беззвучными стука-

ми кирок,
Под пристальным надзором все
тех же планет,
Ночь, зодчий со стражей теней
при секирах,
Принимает свой труд, тот, что
в тысячах лет.

В темь опускают беспросветные
плиты,
Все ломки мрака на земле обедня;
Уже, копыя к ноге, древних Афин
гоплиты
Сторожат фундамент завтраш-
него дня.

По темным ступеням лестницы,
еще возводимой,
Всходит вверх, — взглянуть на
былое, — Шекспир;
У подножья, в плащах (цвет
омертвелого дыма),
Вольтер, Гоббс, Ницше (с сотню
их) сели за пир;

В зале, пока без плафона, точно
черти взволновались:
Старомодные танцы, вялый

вальс-глицсе;
То — перегорбленный Гейне, то —
подновленный Новалио,
Федра в ногу с Татьяной, пьяный и
по смерти Мюссе.

Гул киров не молкнет, но глух,
что хлопушки,
Гуд масс возносимых, что шеле-
сты шин;
И горестно смотрит, в руке ци-
линдр, Пушкин,
Как в амбразуре окна, дряхл, спит
Фет-Шеншин.

Ночь, зодчий упорный, спешит,
взводит купол;
Бьет молот; скрипит перекину-
тый блок...
А в полоске зари, как на сцене для
кукол,
На тоненькой ниточке Александр
Блок.

24 июня 1922

Симпозион заката

Всё — красные раки! Ой, много их,
тоннами

По блюдам рассыпал Зарный Час
(мира рьяный стиль!),
Глядя, как повара, в миску дня,
монотонными
Волнами лили привычные пряно-
сти.

Пиршество Вечера! То не «стер-
лядь» Державина,
Не Пушкина «трюфли», не «чаши»
Языкова!
Пусть посуда Заката за столе-
тья заржавлена,
Пусть приелся поэтам голос «му-
зык» его;

Всё ж, гулящие гости! каждый
раз точно обух в лоб —
Те щедрости ветра, те портьеры
на западе!
Вдвое слушаешь ухом; весь дыша,
смотришь в оба, чтоб
Доглотнуть, додрожать все цве-
та, шумы, запахи!

Что там розлито? вина? Что
там кинуто? персики?
Малина со сливками! ананас над

*глубинами!
Экий древний симпозион! Герои и
наперсники,
Дев перси, рук перстни, — перл
над рубинами!*

*Старомодны немного пурпуровые
роскоши:
Ренессанс Тинторетто сквозь
Вторую Империю,
Но до дна глубина: лилий кубки да
роз ковши,
Бури алых Миссури на апрельские
прерии!*

*Эх, продлить бы разгул! Но взгля-
ни: вянут розаны;
С молоком сизый квас опрокину-
тый месится;
Великанам на тучах с кофе ча-
шечки розданы,
И по скатерти катится сыр пол-
номесяца.*

15 августа 1922

Карусель

*Июльский сумрак лепится
К сухим вершинам лип;*

Вся прежняя нелепица
Влита в органный всхлип;
Семь ламп над каруселями —
Семь сабель наголо,
И белый круг усеяли,
Чернясь, ряды голов.

Рычи, орган, пронзительно!
Вой истово, литавр!
Пьян возгласами зритель, но
Пьян впятеро кентавр.
Гудите, трубы, яростно!
Бей больно, барабан!
За светом свет по ярусам, —
В разлеты, сны, в обман!

Огни и люди кружатся,
Скорей, сильней, вольней!
Глаза с кругами дружатся,
С огнями — пляс теней.
Круги в круги закружены,
Кентавр кентавру вслед...
Века ль обезоружены

Беспечной скачкой лет?
А старый сквер, заброшенный,
Где выбит весь газон,
Под гул гостей непрошенных

*Глядится в скучный сон.
Он видит годы давние
И в свежих ветках дни,
Где те же тени вставлены,
Где те же жгут огни.*

*Все тот же сумрак лепится
К зеленым кронам лип;
Вся древняя нелепица
Влита в органичный всхлип...
Победа ль жизни трубится —
В век, небылой досель, —
Иль то кермессы Рубенса
Вновь вертят карусель?*

12 июля 1922

Волшебное зеркало

*Все шло — точь-в-точь обыкновенное:
были дома нахлобучены;
Трамвай созвонен с телегой,
проходим наперекор;
И дождь мокроснежьего бега
ставил рекорд.*

*Но глаза! глаза в полстолетие
партдисциплине не обучены:
От книг, из музеев, со сцены —*

осколки (как ни голосуй!),
Словно от зеркала Г.-Х. Андерсена,
засели в глазу.

Над желто-зелеными лотос-ко-
лоннами,
над всякими Ассурбанипалами, —
Вновь хмурился, золото-эбур,
Фидиев Zeus,
И на крае Негдинной — зебу,
малы, как в цейс.

Как же тут стиху не запутаться
между Муданиями и Рапаллами,
Если оппозиции Марса (о наука!)
—

раз в пятнадцать лет,
И в Эгейю у старого Кука
взять невозможно билет!

Поэту что ж посоветовать? —
настежь, до наголо помыслы!
Отсчитывай пульс по минутам:
сорок, восемьдесят, сто!
Хотя бы по линзам, выгнутым и
вогнутым,
иначе постановило С.Т.О.

Доныне, — пусть проволоки пере-
путаны, —
мы — охотники по смолы!
Где Октябрь загудел впросонки
человечества, я учу —
Собирать вдоль мировой Амазон-
ки
золотой каучук.

19 ноября 1922

Дачный бред

Так бывает в июне. Часы свечере-
ли;
Из-за липы солнце целит сквозь
дом;
По дачному парку — мать доче-
рей ли,
Сводня ль питомиц ведет чере-
дом.

Еще бельмами ламп не запятна-
лись террасы,
Чайный флирт прикрывать иль
мигать в преферанс...
И вдруг вижу вокруг шишаки и ки-
расы...
Если угодно, это — бред, если не
смешно, это — транс.

Дошатаые дачи (полмиллиарда в
лето)
Щетиняются башней рыцарского
гнезда;
Стали блестят из-под модного
жилета,
Где-то герольда рогом свистят
поезда.

А мужик, с кем сейчас столкнул-
ся в двери я,
Из кабачка «Трех бродяг» под уте-
сом виллан...
И в ветре поет, ревет жакерия,
Чу! косы о меч! у! тела на тела!

Так бывает в бреду. Но часы свече-
рели,
Бициклетам не шаркать, авто не
гудеть,
Чтоб в беседках, раздвинув жем-
чуга ожерелий,
Дачным франтам соседок цело-
вать меж грудей.

8 июля 1922

Стихотворения, не включавшиеся в сборники (1891–1924)

**Поэзия («Ты знаешь, чью любовь мы
изливаем в звуки...»)**

*Ты знаешь, чью любовь мы изли-
ваем в звуки?*

*Ты знаешь, что за скорбь в поэзии
царит?*

*То мира целого желания и муки,
То человечество стремится и
грустит.*

*В моленьях о любви, в мучениях
разлуки*

*Не наш, а общий стон в аккордах
дивных слит.*

*Страдая за себя, мы силою искус-
ства*

*В гармонии стиха сливаем мира
чувства.*

18 ноября 1891

Поэзия («Поэзия везде. Вокруг, во всей природе...»)

*Поэзия везде. Вокруг, во всей природе,
Ее дыхание пойми и улови —
В житейских мелочах, как в таинстве любви,
В мерцании фонаря, как в солнечном восходе.*

*Пускай твоя душа хранит на все ответ,
Пусть отразит весь мир природы бесконечной;
Во всем всегда найдет блеск красоты предвечной
И через сумрак чувств прольет идеи свет.*

*Но пусть в твоей любви не будет поклоненья:
Природа для тебя — учитель, не кумир.
Твори — не подражай.
— Поэзия есть мир,
Но мир, преломленный сквозь*

призму вдохновенья.

23 мая 1892

**«Я за то свою мысль
ненавижу...»**

*Я за то свою мысль ненавижу,
Что в холодном кристалле ее
Я вчерашнее счастье свое
Беспощадно развенчанным вижу.*

*Я за то презираю себя,
Что сегодня, как скучную сказку,
Осмею я безумную ласку
И тот миг, где я плакал, любя.*

*И что страстных признаний по-
рывы,
Что мечты вдохновенный полет
Я сочту за безмолвный расчет
И за пафос заученно-лживый.*

17 апреля 1893

При посылке П. Верлену перевода «Романсов без слов»

*Еще покорный ваш вассал,
Я шлю подарок сюзерену,
И горд и счастлив тем, что Сену
Гранитом русским оковал.*

23 ноября 1894

Тема предчувствий

*Зигзаги
Волны
Отваги
Полны,
И саги
Луны
Во влаге
Слышны!
Запрета
В искусство
Мне нет.
И это
Предчувствий
Сонет.*

26 ноября 1894

«Здесь же, в театре, когда-то с тобой...»

*Здесь же, в театре, когда-то с тобой
Так же следил я за шумной толпой,
Так же ловил незнакомые взгляды,
Чьи-то движенья и чьи-то наряды.
Нынче и ты здесь смешалась с толпой.
Ныне безмолвно слезу за тобой.*

*Точно у цепи порвались звенья,
Точно оборвана нить единенья,
Чужды друг другу — бредем мы одни...
Или в золе догорели огни?
Или растерлись в песчинки каменья?
Или, и правда, оборваны звенья?*

28 ноября 1894

«Чужда мне красота раскинутых степей...»

*Чужда мне красота раскинутых
степей,
Невнятен ропот океана.
Мне ближе улица с мерцаньем фо-
нарей
Во мгле ненастного тумана.*

*Я не могу любить беспечное дитя,
Кто чарам отдается слепо.
Мой идеал! В любовь играешь ты
шутя,
О, дочь порока иль вертепа!*

*И молча я смотрю на символы
любви,
Не подходя к распятью.
Христос! Забудь меня, напрасно
не зови,
Оставь меня проклятью!*

29 ноября 1894

«Гнутся высокие лотосы...»

*Гнутся высокие лотосы,
До неба высятся маки,
И воскрешенные образы
Медленно бродят во мраке.*

*Ночь, где Адамовы головы
Машут крылами вампира, —
Где от полета тяжелого
Зыблется зеркало мира!*

*Стонешь и бьешься в усилии
Грез разорвать вереницы,
Ширятся черные лилии
Куполом бледной гробницы.*

30 ноября 1894

«У друга на груди забылася она...»

*У друга на груди забылася она
В каюте, убранной коврами и цве-
тами,
И первый сон ее баюкала волна
Созвучными струями.*

*На чуждом берегу она пробужде-
на,
Ни паруса вдали над синими вол-
нами,
И безответная мерцает тишина
Над лесом и полями.*

*Она покинута! И на пыли дорог,
Упав, она лежит, рыдая, пламе-
нея,
То мщение зовет, то молит за Те-
зю.*

*А из лесу меж тем выходит юный
бог,
Вот, в шкуре тигровой, в гирлянде
виноградной,
Он, очарованный, стоит над Ари-
адной.*

3 декабря 1894

«Что за тени: ты ли, греза?...»

*Что за тени: ты ли, греза?
Ты ли, дума о былом?
Точно листьями береза
Шевельнулась за стеклом.*

*И прозрачные узоры,
Расплетаясь на полу,
Шелохнули жизнью мглу,
Обманули светом взоры.*

*Что за грезы, что за звуки,
Что за тени под окном?
Ты ли, дума о былом,
Ты ль, мелодия разлуки!*

*Легкой сеткою березы
Разбивается луна.
Что за звуки, что за грезы,
Что за тени у окна!*

12 декабря 1894

«Печален был туманный взор...»

*Печален был туманный взор,
Слова невнятные и коротки,
А я разглядывал узор
Перебегающей решетки.*

*И был мне чуждым этот миг,
Слова упреков, обвиненья...
Казалось, звук речей твоих
Чуть долетал из отдаленья.*

*И поднял я к тебе глаза,
Прощаясь с бронзовой решеткой.
Твой взор глядел темно и кротко,
И в нем дробилась слеза.*

14 декабря 1894

«Сегодня мертвые цветы...»

*Сегодня мертвые цветы
Из пышной вазы вынимая,
Я увидел на них мечты,
Твои мечты, о дорогая!*

*Весь вечер здесь мечтала ты,
Благоухание вдыхая, —
И мысль твоя, еще живая,
Порхнула в свежие листья.*

*Стою смущенный богомольно,
И в грезах висится невольно
Вокруг меня забытый храм.*

*Звучит божественное пенье,
И я ловлю твои движенья,
Твои молитвы к небесам.*

Декабрь 1894

«Мне дорог весь мир...»

*Мне дорог весь мир.
От неба до неба
Протянуты звонкие нити.
Болотная лилия,
Пыльная роза,
Цветы, и венки, и гирлянды
Скользят и спускаются,
Тихо касаются
Легких, чуть видимых струн.
Дивная музыка —
Тайны гармонии
Чуть пробуждаются,
Тихо качаются
В тених безмолвной души.
От сердца до неба
Протянуты звонкие струны.
Мне дорог весь мир.*

Декабрь 1894

Кучи свезенного снега

*Кучи свезенного снега.
Лужи, ручьи и земля...
Дышит весенняя нега
В этом конце февраля.*

*Образы, ночи греховой
Гаснут и тают, как сон;
Сердцу привольно — и словно
Прошлому я возвращен.*

*Прежним беспечным мальчиш-
кой
Я пробираюсь домой,
Ранец сжимаю под мышкой,
Шлепаю в воду ногой.*

*Счастье-то! нынче суббота!
Завтра — раздолье игре,
Завтра война и охота
Будут у нас на дворе.*

*Мы заготовили копыя,
Сделали ружей запас
(Грязные снежные хлопья
Пулями служат у нас).*

*План я устрою счастливо,
Смело врагов разобью —
И отпирую на диво
Новую славу свою...*

*Веря грядущей победе,
Мчусь я по лужам домой
И на беспечных соседей
Брызжу и брызжу водой.*

*В воздухе ж юная нега,
Всюду следы февраля,
Кучи свезенного снега,
Лужи, ручьи и земля.*

24 февраля 1895

«Слово бросает на камни одни бестелесные тени...»

*Слово бросает на камни одни бес-
телесные тени,
В истине нет ни сиянья, ни кра-
сок, ни тьмы.
Четко шаги раздаются, и мы
Тихо проходим ступени
Всех заблуждений
К двери тюрьмы.*

6 марта 1895

В библиотеке

*Это было однажды... то было
лишь раз.
Я лишь раз сознавал, что мы
близки...
Этот час?.. Он один был действи-
тельный час,
Все другие — поблеклые списки!*

*Уловив за ресницами проблески
глаз,
Мы боялись желанных объятий,*

Но бегущая стрелка замедлила
час,
Замерла на ночном циферблате.

Золотистые тени подернули нас.
Мы искали... мы смутно дышали,
Мы стремились, бояся достиг-
нуть... и час
Прозвенел в отуманенной дали.

Это было однажды... то было
лишь раз.
Ожиданья... томленья... и муки,
Разгоревшийся взор за туманом
погас,
И сплелись задрожавшие руки.

О! Ты помнишь заветно мистиче-
ский час,
Тайный час на ночном цифербла-
те.
Мы слетели во глубь отуманен-
ных глаз,
Мы дышали ответом объятий.

Золотистые тени подернули
нас...
Ожиданья, томленья и муки,

Разгоревшийся взор за туманом
погас,
И сплелись задрожавшие руки.

Март 1895

**«Призрак луны непонятен
глазам...»**

*Призрак луны непонятен глазам,
Прошлое дымкой тумана повито.
В траурных платьях безмолвная
свита,
Лица закрыты, идет по пятам.*

*Призрак луны непонятен глазам,
Хочешь всмотреться... Но тщет-
но! но тщетно!
Лиц незаметно, идут безответ-
но,
В траурных платьях идут по пя-
там.*

*С берега к берегу веют вопросы,
Шепчет камыш — но вечерние ро-
сы
Вместе с туманом легли по цве-
там.*

*К небу восходят холмы и утесы,
Смутные тайны идут по пятам,
Призрак луны непонятен глазам.*

Март 1895

«Светлым гаснущим закатом...»

*Светлым гаснущим закатом
Даль небес озарена,
И на небе розоватом
Дышит ранняя луна.*

*Дышит, смотрит: всюду ясно,
Говор, топот, шум колес...
«Где ты, сумрак безучастный!
Аромат теней и роз!*

*Ночью — страстная вакханка,
В блеске дня я всем смешна...»
И на небе чужестранка
Дышит бледная луна.*

Апрель 1895

«Умрем в объятиях полночной тишины!...»

Умрем в объятиях полночной тишины!

Я так утомлена, а ты однообразен,

Желании давно расплетены,

И разговор бессвязен.

Умрем в объятиях полночной тишины.

*И вспомнится мне ночь... Немая
мгла кругом.*

*Он также рядом спит с улыбкою
беспечной...*

*Душа полна и страхом, и стыдом,
И скорбью бесконечной.*

*Кругом молчание, немая мгла
кругом.*

*Идет за часом час — все ближе
новый день.*

*Рассвет так страшен мне — так
страшно пробужденье.*

*Закрыв глаза, я вся ложуся в тень,
Ищу минутного забвенья...*

*Рассвет неумолим — все ближе,
ближе день.*

*О, если б ночь могла повиснуть
навсегда!*

*О, если б и душа была бы тьмой
одета!*

*Но день идет, мой первый день
стыда,*

Горят лучи рассвета.

*Все кончено... он здесь... он здесь и
навсегда!*

30 *апреля 1896*

«Белеет ночь. Деревья сквера...»

*Белеет ночь. Деревья сквера
Гигантским мохом поднялись.
Вот из-за крыш луна-химера
Приозарила светом высь.*

*И в фосфорическом сияньи
Открылся бледный мир чудес:
Дома стоят, как изваянья,
Висит, как полог, свод небес.*

*Как декорации феерий,
Деревья тянутся к луне.*

*И кто-то есть в пустынном сквере,
Поднявший руки к вышине.*

1 мая 1896

«Небо задернула бледная пленка...»

*Небо задернула бледная пленка,
Солнце мигает, и солнце бледно...
Мой дорогой, посмотри же в окно!*

*Сердце, беспечное сердце ребенка,
Снова счастливо и снова полно —
Этой минуты ждала я давно!*

*Знаешь, в сиянии солнца мне
стыдно,
Знаешь, во мгле и с тобой мне
смешно.
Этой минуты ждала я давно.*

*Мне хорошо, никому не завидно...
Сердце беспечно, и сердце полно...
Мой дорогой! Посмотри же в окно!*

1 мая 1895

**«За годами год, девятнадцатый
ГОД...»**

*За годами год, девятнадцатый
год
Висит надо мною недвижимый
свод,
Недвижимый свод неподвижной
тюрьмы,
Обвеянный Ужасом Тьмы...*

*За годами год вереницею лет —
Висит надо мною бесформенный
бред,
И с дикою грезой напрасна борьба
—
Кошмар не оставит раба.*

*В усилиях проснуться всегда ис-
томлен,
Я снова хочу погрузиться в тот
сон,
Где тени видений покинут меня,
Чтоб утром проснуться для дня.*

Но нет возвращенья ко сну моему,

*В неясном кошмаре я вижу тюрь-
му,
И сам узнаю свой бесформенный
бред,
И бьюсь — и спасения нет...*

*Я сам сознаю, что немного ми-
нут
Продлится кошмар, но минуты
бегут,
Я годы считаю, и время идет,
Идет девятнадцатый год.*

М^{ай 1895}

«Грезы быстрые, как чайки...»

*Грезы быстрые, как чайки,
Мчатся в область тайных снов,
Но доносится с лужайки
Стук крокетных молотков.*

*О, как странно в эти сферы
Жизни звук перенести —
Рифмы, образы, размеры
Разбегаются с пути...*

*И еще в больном экстазе
Веют призраки вдали,*

*Но уже из мглы фантазии
Я смотрю на день земли.*

М^{ай 1895}

**«Вся жизнь моя —
бесформенная греза...»**

*Вся жизнь моя — бесформенная
греза,
И правды нет в бреду, и смысла
нет во сне —
Но пробуждение, как Бледная
Угроза,
Приникло медленно ко мне.*

*Я чувствую сквозь сон, что вот
взовьются шторы,
Вот брызнет свет в окно и позо-
вет меня,
И тут же в первый миг пред яр-
ким светом дня
Смущенные поникнут взоры.*

18^{мая 1895}

Ранняя весна

*Темнеет. Тонкая луна
Стоит на небе сиротливо,
Сквозь раму дачного окна
К нам веет ранняя весна,
А по стеклу трепещет ива.*

*Зима прошла. И вот мы вновь
Глядим с тобою в те же стекла...
Воспоминаний не готовь!
Былая летняя любовь
Под зимней стужей поблекла.*

*Все глубже тень... и ты дрожишь,
И мы сидим так близко рядом —
А на душе немая тишь,
И вокруг молчание — и лишь
Вороны каркают над садом.*

18 мая 1895

«На самом дне мучительной темницы...»

*На самом дне мучительной тем-
ницы
Я властелин сознания и мечты!
И предо мной в тумане темноты
Являются создания красоты,
Прносятся и образы, и лица.*

*Я властелин всесильного созна-
нья,
Весь дивный мир я создаю в себе,
И кто убьет в окованном рабе
Презрение к темнице и судьбе,
Свободу грез, могущество созна-
нья?*

*Скрипи, замок, у черного порога,
Звените вы, ручные кандалы.
Со мной мой свет — среди бес-
сменной мглы,
Со мной мечты — свободны и
светлы, —
И выше я людей, царей и бога!*

«Без обоев бревна и тес...»

*Без обоев бревна и тес,
А в окне — все дали вселенной!
Факел жизни мгновенной
Стоит ли вечности грез?*

*В омраченной глуби столетий,
Точно пятна — смена племен.
Выше! там небосклон
Тонет в божественном свете.*

*Ореол земного венца
Подчинен дыханию века,
Но мечта человека
Так же, как мир, — без конца.*

22 мая 1895

«Я свечку погасил — и прямо под ОКНОМ...»

*Я свечку погасил — и прямо под
окном
Зеленоватый свет означил ара-
бески,
И тень черемухи легла на занавес-
ки,
И проза комнаты сменилась вол-
шебством.*

*Волшебница-луна, ты льешь лучи
напрасно,
Мне некому шептать влюблен-
ные слова,
Для вдохновенных грез моя душа
мертва,
Забота царствует над мыслью
полновластно.*

*Но бледная луна не слышит этих
слов,
Она не для людей рисует арабески
И гордо тайная, плывет в волшеб-
ном блеске,
Сама полна мечты, сама в исто-*

ме снов.

24 *мая 1895*

Спинозианы

*Утром жадно пахнут розы,
Утром грезы грезят вслух —
И холодный бог Спинозы
Для меня и нем, и глух.*

*Но вечерний мрак наляжет
На раскрытые цветы.
«Ты — один», — мне кто-то ска-
жет,
«Мы — одни», — вздохнут мечты.*

*Нет веселости беспечной,
И душе, во мгле тревог,
Так понятен бесконечный
И предвечно-мертвый бог.*

И *юнь 1895*

«Я люблю у застав переулки Москвы...»

*Я люблю у застав переулки Моск-
вы,
Разноцветные, узкие, длинные,
По углам у заборов обрывки тра-
вы,
Тротуары, и в полдень пустын-
ные.*

*Эта тихая жизнь, эта жизнь сло-
боды,
Эта тишь в долетающем грохо-
те,
Там свободно на сердце свевают
следы
Городской утомительной похо-
ти.*

*В рассмеявшейся паре у ближних
ворот
Открывается сердцу идиллия,
И от скучного хора всемирных за-
бот
Я к стихам уношусь без усилия.*

28 июня 1895

«Я часто размышлял о сущности вещей...»

*Тоска неясная о чем-то неземном.
Минский*

*Я часто размышлял о сущности
вещей,
Я их лишал и красок, и простран-
ства,
Но все ж не мог лишить последне-
го убранства
И видел смутный рой мелькаю-
щих теней.*

*И я боролся вновь, и вновь искал
вселенной
Вне времени, вне всяких чувств
моих.
Она являлась мне, но искрою
мгновенной,
Мелькнувшей в вечности и жив-
шей только миг.*

27 июля. 1895

К ветрам

*Заветные ветры! скользя по пустыне,
Развейте мою молодую тоску,
Пусть ляжет она, как посев, по песку,
Пускай прорастет в волчце и полыни.*

*Скажите, скажите — зачем одинок
Сидит в стороне он, задумчиво-хмурый,
У ног своих чертит тростинкой фигуры
И долго, и долго глядит на песок.*

*Зачем, почему он, бродя по становой,
Глядит только в землю, молчанье храня,
Тогда как другие — все славят меня,
И мучат стихами, и мучат любовью.*

*Покинув палатку, зачем по ночам
Он долго глядит на небесные зна-
ки?*

*Какие заклятья он шепчет во
мраке?*

*О чем говорит безответным пес-
кам?*

*Он ей отдался, бесконечной пу-
стыне,*

*Он шепчет признанья звездам и
песку —*

*Развейте же, ветры, развейте
тоску,*

*Она прорастет в волчеце и полы-
ни.*

7 августа 1895

Два мака

*Наши души — два яркие мака,
У которых сплелись лепестки;
Опуская во мглу стебельки,
Их головки сверкают из мрака.*

*О как пусто, как темно кругом!
Что вокруг — мы не знаем, не
знаем,
Но друг друга мы жадно ласкаем,
Мы живем, потому что — вдво-
ем!*

*Пролетит ураган издалека,
Эти стебли откинёт во мрак...
Осыпайся, надломленный мак,
Ты не в силах цвести одиноко.*

7 августа 1895

Весталка

*У забора, где травы так редки,
Как весталки, — горды, молчали-
вы,
Прижимаясь к краю беседки,
Подымаются стебли крапивы.*

*Позабыты, отвергнуты садом,
Эти жесткие стебли угрюмы,
И наполнены девственным ядом
Неизменные, злобные думы.*

*Вот над ними проносятся тучки,
Вот лучи пробегают стыдливо, —
Но всегда наготове колючки,
И всегда недовольна крапива.*

16 августа 1895

СЛИШКОМ

Слишком, слишком много счастья!

*Переполнена душа,
И стою я, не дыша,
И к ногам готов упасть я.*

*Звуки, звуки! Гимн победный,
Песни, строфы торжества!
Но зачем же все слова
Слишком жалки, слишком бледны!*

*И стою — стою безмолвно,
Жду неведомых стихов,
Но для грезы нету слов:
Слишком, слишком сердце полно!*

17 августа 1896

«Торжественно-больное беспокойство...»

*Торжественно-больное беспокойство,
В тебе родник невысказанных
строф.
Я так томлюсь, я зарыдать го-
тов,
Но верую в целительное свойство
Задумчиво слагаемых стихов.*

*В какой же мир уносятся квинти-
ны?
К каким, к каким и рифмам и
мечтам?
Лежит туман над далями карти-
ны.
И лишь дрожат листвою апельси-
ны,
И лишь волна дробится по кам-
ням.*

*Я шлю привет и контурам ака-
ций,
И дальнему встающему лучу...
Но вдруг дрожу — бессильно хохо-*

чу,
Ломаю, рву игрушки декораций,
Зову мечту... зову я. — и кричу!

А! Это что? десятки новолуний,
Расплавленный текущий але-
бастр —
И я плыву среди горящих астр.
А летний день слился с весной в
июне,
И зло с добром сосватал Зоро-
астр...

Измученный, я надаю... подушки
Горят огнем... в раскрытое окно
Далеких ветл виднеются верхуш-
ки.
Все просто так, все тихо, все
темно, —
И квакают на озере лягушки.

17 августа 1895

**«Полно, не во сне ли видел я
вчера...»**

*Полно, не во сне ли видел я вчера,
Что воскресли снова наши вечера!
Полно, не во сне ли я бродил с то-
бой,
Любовался небом в ризе голубой.*

*Нынче дождь беззвучно бьет в
мое стекло,
Тучами все небо нынче облегло,
Годы, как и прежде, делят нас с
тобой,
И готов смириться вновь я пред
судьбой.*

17 августа 1895

«Иду но бульвару. В померкшей листве...»

*Иду но бульвару. В померкшей
листве,
Как бабочки, роем блестят фона-
ри,
Как бабочки, роем в моей голове
Нелепые думы шумят и. шумят.
И сумрачны дали вечерней зари,
И в думах туманен закат.*

*Какие-то грезы, как Солнце, за-
шли,
Какая-то ложь, точно сумрак,
легла,
Все странно, все чуждо — вблизи
и вдали,
Иду, позабывши куда и зачем.
Иду — безответна туманная
мгла,
И свет отуманенный — нем.*

*Неясные думы проходят в уме,
И так же проходят фигуры лю-
дей:
Мелькнувши на миг, исчезают во*

тьме
И снова, мелькнувши, приходят
назад,
И снова спешат, и во мраке аллея
Идут и идут наугад...

И нету предела земному пути,
И мы не дождемся желанной за-
ри!
Мы будем всю ночь неизменно ид-
ти,
Не зная, куда и зачем мы идем,
И будут гореть нам в листве фо-
нари,
Гореть похоронным огнем.

1 сентября 1895

Охота за кабаном

*Я слышу лай моих любимых дум,
Их голоса и радостны, и звонки;
И вот к крыльцу коня подводит
грум,
И вот Мечта — с хлыстом и в
амазонке.*

*Вперед! вперед! Взвились и летим,
Скалистый путь; о камни бьют
копыта;
Вершины гор свиваются, как дым;
Как дальний вихрь, спешит за на-
ми свита.*

*Вперед! вперед! затравленный ка-
бан
Все ближе к нам; все громче
свист и крики...
Но вдруг обрыв, — бездонный оке-
ан...
Плыви, мой конь, по волнам Ат-
лантики!*

*Вода и ночь, и звезд на небе нет;
Друзья плывут, во мгле друг друга*

клича.
Со мной Мечта — туманный си-
луэт,
А там вдали — желанная добыча.

17 сентября 1895

**«В глуби пустыни, в безвестном
оазе...»**

В глуби пустыни, в безвестном
оазе
Я жил одиноко, любимец фанта-
зий.
Ночь для меня одевалася в блест-
ки,
Ручей повторял усыпленные
всплески,
Пальмы шептали, цветы лепета-
ли...
Закат распускался в причудливой
дали.
В глуби пустыни, в безвестном
оазе
Я годы провел в опьяненьи фанта-
зий.

И так странно-неприятно было

мне услышать ропот,
Полувнятный дальний рокот,
Голоса и конский топот,
Было мне услышать странно
Ропот жизни караванной.

Увидать коней и женщин, и това-
ры, и палатки.
Я в рабах искал загадки,
Нагруженному верблюду
Я дивился, точно чуду,
От людей я сторонился,
И, смотря, как те повсюду смело
ходят, топчут травы,
Волны мутят для забавы,
Я страдал, и я томился,
И фантазии молился,

Но ушел караван, я остался один
Посреди незаметных руин.
И так чуждо, и так странно
В вечер мглистый и туманный
Прозвучали в дали звуки,
Звуки жизни караванной.

И так чуждо, и так странно
Замелькали в мгле туманной
Пестро крашенные вьюки,

Поезд шумный и нежданный.

*И, в оазе фантазий таинствен-
ный царь,*

*Я пришельцев встречал, словно
робкий дикарь,*

*Укрывался от них за кустами
алоэ,*

*Я от женщин бежал, я дрожал
пред рабами,*

*А в душе у меня, как цветок над
сухими стеблями,*

Расцветало Былое.

26 сентября 1895

«Дрожащие листья на бледные щеки...»

*Дрожащие листья на бледные ще-
ки
Изменчиво клали минутные те-
ни,
И, чуть шелестя, заглушали упре-
ки.*

*Дрожащие листья, как темные
пятна,
Мелькали, скользили по звездно-
му фону,
И ты и они — вы шептали
невнятно.*

*Как лиственный шелест, звучали
укоры,
Как бледные звезды, за дымкою
листьев,
Смотрели, сквозь слезы, печаль-
ные взоры,*

*И тени ложились на бледные ще-
ки,
И тени скользили, дрожали ми-*

нужно,
И чуть долетали из дали упреки.

1 октября 1895

А.М. Добролюбову

*Смутно куритесь, туманы было-
го!*

*Месяц безжизненный встал, осве-
щая тропинку по скалам.*

*Каждый из нас угадал в полумра-
ке другого,*

*Но, сойдясь на пути к непонятно
одним идеалам,*

Ропотно мы не сказали ни слова.

*Блеск умирал на немом небоскло-
не,*

*Странно-чудовищны были холод-
ные глубины дороги,*

*Изредка ты воскресал на сбегаю-
щем склоне,*

*Но все чаще грозили утесов сухие
отроги,*

И забывалось эхо гармоний.

*Месяц безжизненный встал— и на
самом*

*Пике горы вдохновенно-больную
фигуру отметил.
Небо раскинулось вдруг недоска-
занным храмом,
Это ты мне мелькнул, и бес-
страстно-восторжен, и светел...
Мчитесь, куритесь, стихи, фи-
миамом.*

4 октября 1895

СТИХИ О ЛЮБВИ

*За тонкой стеной замирала ро-
яль,
Шумели слышней и слышней раз-
говоры, —
Ко мне ты вошла, хороша, как пе-
чаль,
Вошла, подняла утомленные взо-
ры...
За тонкой стеной зарыдала ро-
яль.*

*Я понял без слов золотое призна-
нье,
И ты угадала безмолвный от-
вет...
Дрожащие руки сплелись без со-*

знанья,
Сквозь слезы заискрился радуж-
ный свет,
И эти огни заменили признанья.

Бессильно, безвольно — лицо у ли-
ца —
Каким-то мечтам мы вдвоем
отдавались,
Согласно и слышно стучали серд-
ца, —
А там, за стеной, голоса раздава-
лись,
И звуки рояля росли без конца.

23 октября 1896

Подземные растения (Лилейно-сосновый сонет)

*Внутри земли, в холодном царстве тьмы,
Заклочены невидимые воды,
Они живут без света и свободы
В немых стенах удушливой тюрьмы.*

*Им снится луг, зеленые холмы,
Журчанье струй на празднике природы,
И горные мятежные проходы,
И блеск парчи на пологе зимы.*

*В томлении ручьи ползут. Упорно
Ползут ручьи за шагом шаг вперед
И роют путь в своей темнице
черной.*

*И — знаю я! — великий день придет,
Напор воды пробьет гранит холодный,
И брызнет ключ торжествен-*

но-свободный!

25 ноября 1895

К солнцу

Посв. А. Курсинскому

*Летит земля на крыльях духа
тьмы,
Летит навстречу солнцу,
И сонный город, и наш путь, и мы,
И мы стремимся к солнцу.*

*Еще в душе глядят ее глаза,
Неясное виденье полуночи.
Еще звучат, как отзвук, голоса,
Гремевшие в минуту полуночи.*

*Но рядом с ней — забытый силу-
эт,
Забытый лик, магически маня-
щий,
И новый хор из дали шлет ответ,
Невнятный гимн, магически ма-
нящий.*

*И мы с тобой, мой брат, мой
спутник, мы*

*Вдыхаем гимны солнцу,
И шар земли на крыльях духа
тьмы
Летит навстречу солнцу.*

26 ноября 1895

Песня («Во мгле ночной...»)

*Во мгле ночной
Горят огни,
А надо мной
Глаза твои.
Зачем же ты,
Улыбка дня,
У темноты
Нашла меня?
Здесь мой приют,
Молчанье снов,
Здесь смерть минут
И жизнь цветов.
Зачем в мой сад,
В немой цветник,
Твой дерзкий взгляд,
Как луч, проник?
В нем свет и ложь,
Ложь красоты, —
И ты сожжешь
Мои цветы.*

*Смотри, смотри,
Они горят —
В лучах зари,
Как прах, лежат,
И пепел их
Несется вдаль,
Закрыв эмаль
Очей твоих.*

25 декабря 1895

Однострочные стихотворения

I

*Я прекрасна, о смертный! Как гре-
за камней!*

27 ноября 1894

II

*Никогда не смеюсь, никогда я не
плачу.*

27 ноября 1894

III

И никого, и ничего в ответ.

24 августа 1895

IV

Твои глаза простят мои мечты.

24 августа 1895

V

На бледный лик луны упал дрожащий свет...

Август 1895

Эпиталама

*И что один твой выражает взгляд,
Того весь мир пересказать не может.
Фет*

*Примите скромный триолет,
Где вам звучит эпиталама,
Встречая в жизни новый свет,
Примите скромный триолет!
В дверях торжественного храма,
Как поздравленье, как привет,
Примите скромный триолет,
Где вам звучит эпиталама.*

*Не выразит смущенный стих
Порыва девственных желаний,
Он слаб, он глух, он нем для них!
Не выразит смущенный стих*

Сулимых вам очарований!
Простите робость слов моих:
Не выразит смущенный стих
Порыва девственных желаний!

7 января 1896

**«Сквозь разноцветные стекла
закат...»**

Леле

Сквозь разноцветные стекла за-
кат
Чертил узорами пол —
Я дверь толкнул наугад
И несмелым движеньем вошел.

Стояла она у окна,
Смотря в догоравшую даль —
Она была странно бледна,
Она вся была, как печаль.

Но вдруг, мой взор уловив,
Отступила быстро к стене
И потом — вся мечта, вся порыв
—
Протянула руки ко мне.

*И мы сидели вдвоем,
Вдвоем, как два года назад...
На стеклах тусклым огнем
Горел пурпурный закат.*

*И мы любовались всем,
И так счастливы были тогда,
Что нам было смешно — зачем
Мы страдали эти года...*

*Проснувшись — один я опять,
Но память злобно светла,
И должен я вновь сознавать,
Что два года, как ты умерла.*

10 января 1896

«Женский голос — он прозрачен...»

*Женский голос — он прозрачен,
Как дрожащее стекло,
И, предчувствием охвачен,
Я молчу, склонив весло.*

*Ясный луч мелькает в волнах,
Разгораются леса.
Над четой полей безмолвных
Побледнела полоса.*

*Солнце всходит выше, выше!
Здравствуй, полдень! день побед!
Женский голос тише, тише —
Долетает, как привет.*

27 января 1896

«Не говори мне, что ты любишь меня!..»

*Не говори мне, что ты любишь
меня!*

*Я боюсь аромата роз,
Я боюсь опьянений дня, —
Не говори мне, мой милый, что
ты любишь меня.*

*Я люблю часы задумчивых слез,
Я люблю мечты — о невозмож-
ном.*

*В нежных фиалках неисполнен-
ных грез
Фантазии больше, чем в запахе
роз.*

*О, если бы жить всегда в волненьи
тревожном,*

*Чего-то искать, не зная чего,
Не встречаясь со счастьем ни-
чтожным...*

О, если бы жить невозможным!

12 февраля 1896

«Последним отблеском овеянный...»

*Последним отблеском овеянный,
Смотрю вперед,
Вдали туман, едва рассеянный,
Опять плывет.*

*Случайный свет блеснул нера-
достно
И гаснет вновь,
Все ближе ночь, где веет сладост-
но
Одна любовь.*

*Да будет проклят зов ласкающий
Земных надежд
И аромат благоухающий
С твоих одежд!*

*Ты вся дрожишь, сверкая ласками,
В венце из роз,
Но не могу упиться сказками —
Без вечных грез.*

23 мая 1896

Я люблю другого

*Летний вечер пышен,
Летний вечер снова...
Мне твой голос слышен:
«Я люблю другого».*

*Сердца горький трепет
Полон чар былого...
Слышен тихий лепет:
«Я люблю другого».*

*Смолкни, праздный ропот!
Прочь, упрек! Ни слова!..
Слышен, слышен шепот:
«Я люблю другого».*

12 июля 1896

«Я угадал за яркой сменой...»

*Я угадал за яркой сменой
Твоих младенческих забав
И море, блещущее пеной,
И аромат прибрежных трав.*

*С улыбкой резвой и беспечной
Ты подняла свои глаза,
А на меня — угрозой вечной
Пахнула шумная гроза.*

*И вот теперь, с тобой не споря,
Тебя приветствуя без слов,
Я слышу дальний ропот моря
И крики тонущих пловцов.*

13 июля 1896

«Дальний шум фонтана...»

*Дальний шум фонтана,
Листьев тихий шум...
Сладок миг обмана,
Миг туманных дум.
Я молюсь кому-то,
Я дышу весной,
Веря на минуту
Красоте земной.*

Август 1896

Летний праздник

*Затерявшись в толпе, я люблю
Мечтать и словам отдаваться
И, любуясь на грезу свою,
Над миром далеким смеяться.*

*Окружающий говор и шум
До меня изредка долетает,
Но моих недосказанных дум
Никто никогда не узнает.*

*О, пусть и грядущий пророк
В этом мире земных вакханалий
Блуждает, всегда одинок,*

Разбивая святые скрижали.

15 августа 1896

«Отвращенье...»

*Отвращенье
И желанья —
Это звенья
Отрицанья.*

*Новой цепи
Странный трепет.
Это — в склепе
Чей-то лепет.*

*Зов домчался
До гробницы,
И ворвался
Луч денницы.*

12 сентября 1896

«Есть одно, о чем плачу я горько...»

*Есть одно, о чем плачу я горько:
Это прошлые дни,
Это дни восхитительных оргий
И безумной любви.*

*Есть одно, что мне горестно
вспомнит!..
Это прошлые дни.
Аромат опьяняющих комнат
И приветы любви.*

*Есть одно, что я проклял, что
проклял:
Это прошлые дни,
Это дни, озаренные в строфах,
Это строфы мои.*

2 октября 1896

«Черный лес луной пронизан...»

*Черный лес луной пронизан,
Светом озарен —
Я томлюсь от жажды жизни,
Я дрожу сквозь сон.*

*Бледных духов вереница
Реет над землей —
Черный лес луной пронизан,
Мертвою луной.*

*В этом странном мире веток
Жил когда-то я,
Черный лее пронизан светом,
Светом бытия.*

15 октября 1896

«Речи несмелых признаний...»

*Речи несмелых признаний,
Тихие речи любви —
Смысл их неясен и странен,
Тайна их — тайна души.*

*Нет, не рассудком проникнуть
В глубь озаренной души —
Гаснут, едва лишь возникнув,
Тихие речи любви.*

*Вслушайся думой и сердцем,
Слушай тревогой души —
Только на миг достоверны
Тихие речи любви.*

17 января 1897

К прошлому

*Для кого я пишу? — не знаю:
Читателей нет у меня.
Но спокойной улыбкой встречаю
Рассвет восходящего дня.*

*Восторгов не даст вдохновенье,
Не за них поклоняюсь мечте;
Я, как жрец, воссылаю моления
Безответной, немой красоте.*

*Здесь, за гранью причин и целей,
Погасает ненужный вопрос.
И нетленный цветок асфоделей —
Вот символ области грез.*

23 января 1897

«В последний раз пропел петух...»

*День — сей сияющий покров.
Тютчев*

*В последний раз пропел петух,
Уходят духи с тяжким стоном,
И белый день плывет вокруг,
И воздух полон ранним звоном.*

*Вставайте! — счастье, думы,
труд
Для вас воскресли в новом свете,
Вас слуги солнца берегут,
Во мгле природы вы, как дети.*

*А я, бессонный гость ночей,
Я — собеседник ваш случайный,
Я сквозь покров дневных лучей
Все вижу мир — родной и тайный.*

7 февраля 1897

«Люблю я вспоминать утраченные дни...»

*Люблю я вспоминать утраченные дни.
С укором горестным являются они
И душу тяготят правдивыми словами.
Понятен их упрек. Я плачу. Со слезами
Клянусь исправиться и сквозь желаний бред
Шепчу томительно, что цели в жизни нет.*

12 февраля 1897

Поликрат

К Эде

Я читал у поэтов о счастье, похо-
жем на сон,
А теперь я блаженством таким
же и сам опьянен.
Я серьезно боюсь, что проснуся.
Второй Поликрат,
Я такому блаженству, избытку
блаженства не рад.
Не сложить ли для публики
несколько плохоньких
строф,
Чтобы тем успокоить всегдаш-
нюю зависть богов.

26 июня 1897

«Если мне суждено умереть...»

*Если мне суждено умереть,
Не окончив начатых созданий,
Я о планах не стану жалеть:
Их свершит грядущий избранник.*

*Если мне суждено умереть,
Не достигнув высот просветле-
нья,
Я об этом не стану жалеть:
Нет предела для вечных стремле-
ний.*

*Я иду! Я готов умереть,
Я страданьем купил это право,
И не мне, умирая, скорбеть
О душе, о искусстве, о славе.*

25 июля 1897

«Мы гордо людей презираем...»

*Мы гордо людей презираем,
Нам законом — наши желанья,
И мы бесконечно страдаем,
Но в гордости любим страданья.*

*И если святые порывы
Пробудят в сердце участие,
Мы вдруг безмерно счастливы
И стыдимся этого счастья.*

13 августа 1897

«Твои стихи — как луч случайный...»

К. Бальмонту

*Твои стихи — как луч случайный
Над вечной бездной темноты.
И вот — мучительною тайной
Во мгле заискрились цветы.*

*Покорны властному сиянью,
Горят и зыблются они,
И вдаль уходят легкой тканью,*

Сплетая краски и огни...

*Но дрогнет ветер, налетая,
Узоры взвевет и порвет,
И тот же луч, дрожа и тая,
Бессильно в бездну упадет.*

20 ноября 1897

Весенняя поэма

1

*И серое небо, и проволоч сети,
Саней ускользящий бег;
И вдруг предо мной в электриче-
ском свете
Вуаль, словно искристый снег.*

*И взор промелькнул утомленной
загадкой,
Я видел, и вот его нет.
Мгновение тайны так странно,
так кратко,
— Но здесь он, он в сердце — от-
вет!*

2

И томлюсь я с тех пор,

Невозможно мне жить.
Тот мучительный взор
Не могу я забыть.

Я и жду, и молю,
И брожу, как в бреду,
Эту душу твою
Я нигде не найду.

Электрический свет,
Тихий шелест саней,
И бессильный ответ
С вечной думой о ней.

3

Она предо мною прошла, как зем-
ная,
В сиянии яркого дня,
И, легкой улыбкой свой взор отте-
няя,
Взглянула она на меня.

Шумели извозчики, бегали дети,
Я слышал раскатистый смех...
О, серое небо, о, проволок сети,
О, тающий, тающий снег,

Вступления к поэме «Атлантида»

I

*Муза в измятом венке, богиня, забытая миром!
Я один из немногих, кто верен
прежним кумирам;
В храме оставленном есть несказанная прелесть, — и ныне
Я приношу фимиам к алтарю забытой святыни.*

*Словно поблеклые листья под
дерзкой ласкою ветра,
Робко трепещут слова в дыхании
древнего метра,
Словно путницы-сестры, уставши
на долгой дороге,
Рифма склоняется к рифме в
стыдливо смутной тревоге,
Что-то странное дышит в звуках
античных гармоний —
Это месяц зажегся на бледно-ночном
небосклоне.*

*Месяц! Мой друг неизменный! В
твоем томительном свете*

*Тихо катилися ночи и прошлых,
далеких столетий.
То, что для нас погасло, что взя-
то безмолвной могилой,
То для тебя когда-то юным и род-
ственным было.*

Февраль 1897

II

*О, двойственность природы и ис-
кусства!
Весь зримый мир — последнее зве-
но
Преимственных бессильных отра-
жений.
И лишь мечта ведет нас в мир
иной,
В мир Истины, где сущности ви-
дений.
Но и мечта покорна праху: ей
Приходится носить одежду пра-
ха.
Постичь ее вне формы мы не мо-
жем...*

1897

Отрывок

*Небо — серое от туч,
Камни — серые от влаги,
Утомленно виснут флаги,
День не нужен и тягуч.*

*Грустный час воспоминаний!
Их без слов встречаю я
В тихой музыке дождя,
В дальнем матовом тумане.*

*Слышу смутные слова,
Угадать не смею лица.
Жизнь — открытая гробница
Властной волею волхва.*

Апрель 1898

Пифрия

Волны приходят, и волны уходят,
Стелются пеной на берег отлогий;
По морю тени туманные бродят;
Чайки летят и кричат, как в тревоге.

Шум приближенья и хор отдаленный.
Горе! Былое — как светлая сказка!
Статуи, золото, стены, колонны!
Давит виски мне святая повязка.

Вот они входят, — упрямые лица:
Нет, не могу я! Пустите! Довольно!
— Тщетно бороться, безумная жрица,
Ты их рабыня... Как стыдно и больно.

Запах пьянит, меня пряной отравой,
Вырвались звуки из пропасти си-

ней...
Смертные, — прочь! поклоняй-
тесь мне! Слава!
В сонм олимпийцев вступаю боги-
ней.

2 мая 1898

Полнолуние

Мы волны морские, мы дышим лу-
ной,
Но утром не скажем о тайне ноч-
ной,
И день не узнает, как трепетный
сон
Полночным призывом, закла-
тьем смущен.
И, вздрогнув, встаем мы в венце
из огней,
И бьемся и рвемся из мира теней,
И к небу взлетаем, мятежно
сплетясь,
И жаждем порвать беспредель-
ную связь, —
Но, берег найдя, у его рубежа
Мы вдруг умираем, в истоме дро-
жа,
Без сил угасаем и дышим луной...

*Нет! солнце не знает о тайне
ночной.*

21 мая 1898

Встреча («Еще мы чужие в мгновенье при встрече...»)

*Еще мы чужие в мгновенье при
встрече,
Лепечем банально ненужные речи,
Не смеем спросить, не хотим от-
вечать,
Но души успели друг друга узнать
И взором единым (но полным пе-
чали!)
О всем расспросили, на все отве-
чали.*

*Шепнули упреки с минутной
мольбой
И снова беседу ведут меж собой.
И что в той беседе горит и таит-
ся,
Рассудку о том никогда не при-
снится,
Но этот безмолвный святой раз-
говор...*

Душа его помнит и знает с тех пор!

1 июня 1898

«Ветер уныло летает над палубой...»

*Ветер уныло летает над палубой,
По морю пенятся белые гребни,
Ветер уносится далее с жалобой,
С просьбой мучительной, тихой,
последней.
Ветер, родной мой, задумчивый,
северный!
Верно, ты знаешь и южные земли.*

*Дышат там пальмы вершиною
веерной,
Скоку газелей оазис там внемлет.
Ветер, лети туда горестным
вестником,
Выбери путь и верней и короче.
Всем там скажи: уведен я кудесником,
С милого полдня плыву я к полночи...*

15 июля 1898

Сестре

Прости меня, сестра, я много виноват:

*Я просмотрел твой взор, молитвенно скользнувший,
И этот скорбный взор, в мгновениях потонувший,
Вошел в мои мечты и не уйдет назад.*

*Он вспыхнул пламенем бессвязным и случайным,
На чуждых высотах зажегся, как маяк,
И светом трепетным вдруг озарил сквозь мрак
Еще безвестный путь к непере- сказным тайнам.*

3 августа 1898

К Бальмонту

*Есть ясное безветрие
Без плачущего «я».
«Тишина»*

*Погасни, исчезни
В безбрежной бездне,
Мой бедный друг...
И откроется вдруг
В миг забвенья
На дне усыпленья,
Что мир темноты,
И призрак звездный,
И самая бездна —
Это ты!*

29 августа 1898

Перепевы Бальмонта

*Моя душа свободная,
Моя душа мятежная,
Тебя пустыня водная
Пленила вновь безбрежная.*

*Моя душа безумная
В пространства неба просится,
Безумные и шумные
Под нею волны носятся.*

*Она — как привидение
Над безднами мятежности,
И снятся ей видения
Непересказной нежности.*

29 августа 1898

«Костей, бутылок продавать!..»

*«Костей, бутылок продавать!»
С мешком проходит он дворами.
«Костей, бутылок продавать!»
С мешком идет он между нами.
Взглянув рассеянно в окно,
Ты возвратился к прежним кни-
гам,
Но мысль, знакомая давно,
Не умерла с умершим мигом.
«Костей, бутылок продавать!»
Призыв угаснет без ответа.
Но отзвук властен оборвать
И стих любимого поэта.*

12 ноября 1898

«Засияла моя стена...»

*Засияла моя стена,
Я ее не узнал: на ней
От уличных фонарей
Отпечатались рамы окна.
Далеко от меня фонари,
Но свет их близок, со мной.*

*Рожок отдаленный, гори!
Ты не знаешь? — ты мой!
На небо взошла луна,
И, пространства мира пройдя,
Отпечатала рамы окна...
О, царица небес! — ты моя!*

12 ноября 1898

Сонет, посвященный поэту П.Д. Бутурлину

*Придет к моим стихам неведомый поэт
И жадно перечтет забытые страницы,
Ему в лицо блеснет души угасшей свет,
Пред ним мечты мои составят вереницы.*

*Но смерти для души за гранью гроба — нет!
Я буду снова жив, я снова гость темницы, —
И смутно долетит ко мне чужой привет,
И жадно вздрогну я — откроются зеницы!*

*И вспомню я сквозь сон, что был поэтом я,
И помутится вся, до дна, душа моя,
Как море зыблется, когда пройдут тучи.*

*Былое бытие переживу я в миг,
Всю жизнь былых страстей и
жизнь стихов моих,
И стану им в лицо — воскресший
и могучий.*

4 декабря 1698

**Рондо («Не смею все мечты
вложить я в стих...»)**

*Не смею все мечты вложить я в
стих,
И все ж его ласкаю и лелею...
Но громко повторить среди дру-
гих
Не смею.*

*И вот теперь, пред чем благого-
вею,
Несу на шум базаров городских...
Не осмеять ли детскую затею?
Не смею.*

*О, если б был, кто книгу дум моих
Прочел, постиг и весь проникся
ею...
Хотя б на миг!.. Но верить в этот*

миг
Не смею.

4 декабря 1898

Дома

Я люблю высокие дома,
Где небо чуть светит у крыши,
Я люблю высокие дома, —
И тем больше люблю, чем они выше.

Мне грезится город, как дом,
Вместо улиц — стеклянные своды,
И высятся этаж за этажом,
Сады, и залы, и переходы.

Мечтая о таких домах,
Я охвачен волнением странным,
Это бред о грядущих веках,
О человеке ином, но желанном.

О, я люблю высокие дома,
Где небо чуть светит у крыши,
Я люблю высокие дома,
Тем больше люблю, чём они выше.

«Я в высокой узкой башне...»

*Я в высокой узкой башне,
Кто меня привел сюда?
Я в высокой узкой башне
Гость — надолго, гость — все-
гдашний,
Узник навсегда!*

*Помню горы, лес и поле,
Все раздолье дорог.
Помню горы, лес и поле,
Где по воле, где на воле
Я скитаться мог!*

*Помню быстрые ночлеги
В шалаше иль у костра.
Помню быстрые ночлеги;
Ночи ласки, ночи неги!
Хохот до утра!*

*Кто возвел меня высоко,
Двери запер кто за мной?
Мир — внизу, во мгле — далеко,
Здравствуй, жизни одинокой
Подвиг роковой!*

1⁸⁹⁸

На заданную тему у Случевского

*Март! Пора нам жить наруже!
Как бегут ручьи из пены!
Но недвижны в полной луже
Опрокинутые стены.*

*Много шумов, много звонов,
Мчатся конки, как живые.
И стоят без капюшонов
На постах городовые.*

19 марта 1899

Сонет о поэте

Как силы светлого и грозного огня,
Как пламя, бьющее в холодный небосвод,
И жизнь, и гибель я; мой дух всегда живет,
Зачатие и смерть в себе самом храня.

Хотя б никто не знал, не слышал про меня,
Я знаю, я поэт! Но что во мне поет,
Что голосом мечты меня зовет вперед,
То властно над душой, весь мир мне заслоня.

О, бездна! я тобой отторжен ото всех!
Живу среди людей, но непонятно им,
Как мало я делю их горести и смех,

Как горько чувствую себя средь
них чужим
И как могу, за мглой моих без-
молвных дней,
Видений целый мир таить в душе
своей.

2 августа 1899

Железный путь

На середине жизненной дороги
Ты встретишь мост, свободно
изогнутый,
Его столбы властительны и
строги,
Его черты в самих себе замкну-
ты.

Но не прельстись их торжеством
над бездной.
Не восходи на лестницы крутые:
Там путь проложен — каменный,
железный,
И он уводит в области пустые.

Нет! Не пленись безжизненным
покоем,
Останься верен избранной дороге.

*И будешь счастлив ты дождем, и
знюем,
И вечной близостью к земной
тревоге.*

2 августа 1899

На осуждение Дрейфуса (29 августа 1899)

*Люди! Вы слышите:
Звон похоронный?
Что же вы дышите
Леностью сонной!
Что же в беспечности
Радостей ждете!
Голоса вечности
Не узнаете?*

*Пробудитесь, уходите
Прочь от башен и дворцов,
Прах сандалий отрясите
За порогом городов.*

*Мы уйдем в глухие степи,
Убежим в ущелья гор,
Там в тиши, как в тайном склепе,
Спрячем, скроем свой позор!*

Человек был в нас унижен, —
Душу вновь мы обретем
В тишине пустынных хижин,
В дебрях скал над шалашом.

Пусть на улицах, у зданий
Стонут сосны и трава,
Бродит зверь в немом тумане,
Кличет филин и сова.

Пусть разрушится твердыня
Строгих башен и дворцов.
Лучше, братья, нам в пустыне,
За порогом городов.

Братья! вы слышите:
Звон похоронный?
Что же вы дышите
Леностью сонной!
Что же в беспечности
Радостей ждете!
Голоса вечности
Не узнаете?

29 августа 1899

За пределами сказок («Под навесом темной ели...»)

*Под навесом темной ели,
На ковре из мягкой хвои,
Оба друга рядом сели —
И теперь их в мире двое.*

*Души их трепещут жаждой
Прошлой жизнью поделиться,
Обменяться думой каждой
И в одно сознание слиться.*

*Ищут речи, — не находят,
Гладят ласково друг друга
И с тоской бессильной бродят
В стенах замкнутого круга.*

29 августа 1899

«Я люблю в твоих стихах...»

*Я люблю в твоих стихах
Смутный сумрак, жадный страх,
Вспышки всемогущих слов
И тяжелый стук оков.*

*Я люблю в твоих стихах
Ветра перелетный взмах,
Ширь пространства до конца,
Трепет страстного лица.*

*Я люблю в твоих стихах
Колыханье трав на мхах,
Под звенящий звон волны
В мире звучной тишины.*

Сентябрь 1899

«А сколько радости и неги...»

*А сколько радости и неги
В бегущих медленно часах!
Следов доискиваться в снеге,
Взметать на лыжах белый прах.*

*Найти медвежий путь, тропинку,
Сидеть у проруби весь день,
Пока в воде разрежет льдинку
Тяжелой головой тюлень.*

*Владея радостной тревогой,
Готовый жить и умереть,
Встречать уверенной острогой,
Когда подыметя медведь.*

*И пировать под крышей снежной,
И охранять под снегом челн,
И ждать, что океан безбрежный
Опять раскинет гребни волн.*

23 сентября 1899

«Будущий век...»

Будущий век,
Тебе посвящаю я песни!
По теченью невидимых рек
Все быстрее, все смелей, все чудесней
Уплывает вперед человек.
О, времен потрясающий бег!
Словно тает мучительный снег,
Словно гаснут узоры песни,
Словно никнут виденья чудовищ...
Уплывает вперед человек
В мир цветов и весны,
В мир всеобщей волны,
Предугаданных смутно сокровищ.

Я грядущее люблю,
Я грядущему молиться
Никогда не устаю.
Я хочу
Верить белому лучу,
В блесках искристых дробиться,
Каждым мигом насладиться.
Жизнью мировой дышать —
И холодной властью мысли...
Дням, что в вечности нависли,

Как словам, повелевать!

*Но жалкие мечты! кругом и ото-
всюду*

*Видения идут — герои, короли,
Поэты властные, избранные
земли,*

*И вопят, и зовут! о нет! не верю
чуду!*

*И я, как все, томиться осужден
В цепях веков и в тягости времен!*

Октябрь 1899

Матери на именины

*От ранних детских лет, как свет
среди теней,*

*Люблю я этот день, наш празд-
ник, вечно жданный.*

*И вот, когда он вновь приходит в
смене дней,*

*Все снова для меня прозрачней и
нежней,*

*Как в годы первые, во дни зари ту-
манной.*

9 ноября 1899

Из детской книжки

*Мой плющ расцветает; живые по-
беги
Любовно обвили суровые нити.
Садитесь на лавочку, дети, смот-
рите
И думайте вместе со мною о сне-
ге.*

*Когда разбегутся веселые санки
И воздух дрожит от бубенчиков
ясных,
Невольню припомнишь о маковках
красных,
Горящих, как угли, на нашей по-
лянке.*

*Чему ж вы смеетесь? Ах, глупые
дети!
Так вам никогда ничего не расска-
жешь!
Вяжи, Маргарита! — ты к осени
свяжешь
Красивые, длинные, прочные сети.*

«Есть слова волшебства. Вы всесильны...»

*Есть слова волшебства. Вы все-
сильны,
Роковые слова о былом!
Разве годы не камень могильный,
Разве смерть называется сном?*

*Мы идем бесконечной долиной,
С каждым шагом все больше те-
ней,
И из них не отстать ни единой:
То бледнеют, то снова ясней.*

*И при вспышке могучего слова
Тень прошедшего странно жива.
И глядит умоляюще снова,
И твердит прямо в душу слова.*

14 ноября 1899

«Я от стыда закрыл лицо...»

*Я от стыда закрыл лицо
И пал, целуя прах дорожный...
Кричите, смейтесь мне в лицо:
Я все свершил, что невозможно!*

*Есть оправдание рабу, —
Он и не знает лучшей доли, —
Но я изведаль всю судьбу
И властен выбрать жребий воли.*

*Я знал, что будет, наизусть,
Мне даже нет и заблуждений,
И вот иду к позору... Пусть!
Хочу и жажду унижений.*

Январь 1900

«Заботы дня, как псы, меня бесславно травят...»

*Заботы дня, как псы, меня бес-
славно травят,
Взывает ловчий рог, бегу я, как
кабан...
Но горе им! Они вступить в борь-
бу заставят!
Стонать вам всем, ловцы, от бо-
ли свежих ран!*

Февраль 1900

За городом

*В городе дышит весна,
Сгинул истаявший снег,
Даль ожиданьем полна,
В воздухе радостный смех...
Первые проблески нег!*

*Здесь — неизменен покров
Белых и мертвых снегов,
Сосны упрямо встают,
Хмуρο туманится лес...
Стынет движенье минут*

В холоде зимних небес.

*Был я встревожен весной,
Верил и вторил ручью,
Шел воспаленный, больной...
Холод целебный я пью.*

*Гаснут, как солнца, мечты,
Сладок привет темноты,
Словом весенним «люблю»
Я ли покой оскорблю!*

*Тысячи маленьких свеч
Вспыхнули в тайнах души...
Нет! Мне не надобно встреч
В царственно чистой тиши.*

13 марта. 1900

«Люблю я имя Анна...»

*Люблю я имя Анна,
Оно звенит, как свет,
Оно, как сон, пространно...
Люблю его — и нет.*

*И двойственно, и чудно
Оно мелькает мне.
И в ночи непробудной,
И в тихом, ясном дне.*

*Люблю я имя Анна,
Во мгле — как сладкий грех.
Оно зовет и странно
Звучит, как дальний смех.*

*Люблю в нем — унижений
Таинственную власть...
И молча сходят тени,
И ночь должна ниспасть...*

*Но утро вновь туманно,
И день забрезжит вновь.
С ним имя Иоанна,
С ним мудрость и любовь.*

*Вновь солнца круг высоко,
Спокойный свет лучист,
И мой венец пророка
Торжественен и чист.*

*Так двойственно, так чудно
Оно мелькает мне
И в ночи непробудной,
И в тихом, ясном дне.*

2 апреля 1900

«Я жду у ветхого забора...»

*Я жду у ветхого забора,
Мне в окна комнаты видны,
Людей, неведомых для взора,
Мелькают тени вдоль стены.*

*Я вижу статуи, картины
И пальмы веерную сень,
Но взор не встречу ни единый,
Лишь изредка проходит тень.*

*Когда б я мог туда проникнуть
И видеть, там ли ты, у них?
К запрету как мечтам привык-
нуть?
Как быть, чтоб трепет дум*

утих?

Не так ли мы, в сем мире доль-
ном
Иного мира ловим тень
И рвемся в ужасе невольном
Вступить на высшую ступень.

9 сентября 1900

**«Кто ты? — Я — чувство, я —
любовь...»**

— Кто ты? — «Я — чувство, я —
любовь.

Ты видишь: я в короне звездной».

— Зачем же ты приходишь вновь
Тревожить мукой бесполезной?

«Вернулась я из дальних стран;
Прими беглянку, как подругу».

— Твои обеты — лишь обман.

Твои пути — пути по кругу.

«Я — тайна духа». — Ты — мечта.

«Я — дрожь». — Ты только ма-
нишь дрожью.

«Я — неизбежна!» — Есть черта,

За ней я властвую над ложью.

«Ты — снова мой!» — Свободен я!

Сентябрь 1900

**«Настали дни печальные, как
ВОДЫ...»**

*Настали дни печальные, как воды
В наполненном пруду под сенью
ив.*

*Я вдаль иду один, и дни, как годы,
Растут в числе, растут, нас раз-
делив.*

*Я вдаль иду один. Воспоминанья
Как будто тянут сотни жадных
рук.*

*Лишь оглянусь, их нет. Столпи-
лись зданья
На мировом пути; светло вокруг.*

*Закрыв глаза, забудусь. Вспоми-
наю*

*Молчанье, лампы свет и груды
книг...*

Я вновь с тобой! Я лгу! Смеюсь!

Желаю!
На миг я дрожью воскрешаю миг.

Откуда эта власть живых желаний?

О, страсть! — перед тобой стою
я, как боец,
Толпа со мной идет ущельем зданий,
Но ей незрим палящий мой венец.

Сентябрь 1900

«Вы неисполненных надежд...»

Вы неисполненных надежд
Над бездной реющие лики.
Из-под прикрытых бледных вежд
Как ваши взоры странно дики.

Вы дерзкой юности мечты,
Прозрачных теней хороводы!
В венцах из лилий вы чисты,
И ваши локоны, как воды.

Вы творчества бессильный бред,
Недовершенный замысл фурий!
Ты, жажда властвовать! Привет!
Ты, как всегда, в порывах бури.

Но чьи уста — живая кровь
С усмешкой беспощадной власти?
Неразделенная любовь,
Мечта неутоленной страсти!

6 октября 1900

**«Я жизнью пьян. Напиток
жгучий...»**

*Я жизнью пьян. Напиток жгучий
По жилам разошелся... жжет.
Не стынь, огонь, кипи и мучай,
Кружи, влечи, водоворот.*

Октябрь 1900

«Торжествовать! какие звуки!..»

*Торжествовать! какие звуки!
Их плеск расплесканный мне люб.
Еще мне внятны эти руки
И язвы впечатленных губ.*

*Но в сладких думах о победе
Из глубей памяти встает,
Как образ, воплощенный в меди,
Холодных замыслов расчет.*

*И сдавлен, с судорожной жаждой,
Над ужасом померкших глаз,
О миги страсти, каждый! каж-
дый!
Смеясь, предчувствовал я вас.*

*Торжествовать! люблю я звуки,
Люблю моих заклятий власть,
Мне нужны слезы, чьи-то муки,
Победа, гордость — но не
страсть.*

Ноябрь 1900

«В глуби тайные вселенной...»

*В глуби тайные вселенной,
В воды темные столетий
Мы бросаем с лодки бренной
Золотые сети.*

*И из прочных уз мы рады
Доставать морских чудовищ,
И растут в челне громады
Скопленных сокровищ.*

<1900 >

«Хорошо бы нам додуматься...»

*Хорошо бы нам додуматься
До весенних песен птиц,
Но шумит немолчно улица
Гордым грохотом столиц.*

*Хорошо бы мне довериться
Взорам нежным и простым,
Но в ночном сияньи месяца
Слишком манит дальний дым.*

*Хорошо любить в созвучии
Верность буквы и черты,*

Но мечта — звезда падающая —
Видит бездны с высоты.

Январь 1901

Мона Лиза

Есть обольщение в вине,
В его манящем аромате,
Как поцелуи в тишине,
Как вздох в безмолвии объятий.

Как хорошо дрожать, молчать,
Тревожиться при каждом звуке,
И жечь лобзанья, как печать,
Впечатлеть, как символ, руки.

Предчувствовать слова, глаза,
Утаенные в сердце речи,
Мечтать, как черны волосы,
Обжегшие случайно плечи.

И разойтись без клятв, без слов,
Скользнуть, как спугнутые тени,
Чтоб эта ночь, как греза снов,
Вплелась в гирлянду сновидений.

Есть обольщенье в тишине,
Восторг в безмолвии объятий,

Как сладость тайная в вине,
В его манящем аромате.

9 февраля 1901

Братья бездомные

Братья бездомные, пьяные братья,
В шуме, дыму кабака!
Ваши ругательства, ваши проклятья —
Крик, уходящий в века.

Вас, обезличенных медленным
зверством,
Властью бичей и желез,
Вас я провижу во храме отвер-
стом,
В новом сияньи небес.

Много веков насмехавшийся Го-
лод,
Стыд и Обида-сестра
Ныне вручают вам яростный мо-
лот,
Смело берите — пора!

Вот растворяю я хриплые двери:

*Город в вечернем огне,
Весело вспомнить опять, что мы
звери,
Воле отдаться вполне.*

*Видите зданье за зданьем, как звенья,
Залы для женщин и книг...
Разве не вы приносили каменья,
Строили храмы владык?*

*Ринемтесь дико и смоем лавиной
Всю эту плесень веков!
Пусть оглушит ее голос звериный,
Наш торжествующий рев.*

*Полно покорствовать! видите,
братья,
Двери открыты в века.
Слышу ругательства, слышу проклятья
В шуме, в дыму кабака.*

21 марта 1901

«Так это будет летом. Кисея...»

*Так это будет летом. Кисея
Вся заблестит, пронизанная све-
том,
И мне покажется в наряде этом
Еще милее красота твоя.*

*В широких складках, полных тре-
петанья,
Повиснет неба полог голубой,
И побледнеем оба мы с тобой
От чувства счастья и от ожида-
нья.*

*Настанет вечер, в чуткой тиши-
не
Коснется ветер до твоей вуали,
И улыбнутся из прозрачной дали
Нам взоры звезд, как мужу и же-
не.*

14 июля 1901

«Вот брошен я какой-то силой...»

*Вот брошен я какой-то силой
На новый путь.
И мне не нужно все, что было!
Иное будь!*

*Вокруг туманность и безбреж-
ность,
Как море, высь.
Мечта моя! в том неизбежность:
Ей покорись.*

*В ночном лесу, где мгла и сыро,
Ищу тропу,
Иду по ней и к тайнам мира,
И вспять, в толпу.*

*Как укрощенная пантера,
Покорной будь:
Да снидет к нам обоим вера
В безвестный путь.*

Август 1901

«Нет душе покою...»

*Нет душе покою,
Глянул день в глаза,
И опять я строю
Шаткие леса.*

*Снова сердцу надо
Веровать в чертеж,
И мечтам — услада
Новых планов ложь.*

*Снится, снится зданье,
Купол золотой,
Бракосочетанье,
Ночь с тобой, с тобой.*

*Мы во мраке двое...
Двери тишь хранят...
Зыблются обои...
Душит аромат...*

*— Тщетно, дерзкий! тщетно!
Не воздвигнешь вновь
Купол огнецветный,
Новую любовь!*

*Будешь вновь обманут,
Разберешь леса,
И руины глянут
Прямо в небеса.*

Ноябрь 1901

«Непересказанные думы...»

*Непересказанные думы,
Неразделенные слова —
Вы беспокойны, вы угрюмы,
Как перед молнией трава.*

*Что просияло, что мелькнуло,
Что душу пламенем прожгло,
Ужели в прошлом потонуло,
И гладь былого — как стекло.*

*И в сердце сдавленные речи,
Навеки смолкшие слова
Безумно ждут желанной встре-
чи,
И сердце не кричит едва.*

*Я жажду жадных откровений —
Все повторить, все рассказать,
Чтоб в час заветных оживлений
С тобой все пережить опять.*

<1901 >

**«Я снова одинок, как десять лет
назад...»**

*Я снова одинок, как десять лет
назад.
Все тот же парк вокруг, за елью
звезды те же,
С черемухи и с лип знакомый аро-
мат.*

*Там где-то лай собак. Повеял ве-
тер свежий.
И вечер медленный мне возвраща-
ет бред,
Который жжет мечты все реже,
реже.*

*Я жил здесь мальчиком, едва в
шестнадцать лет
С душой, отравленной сознанием
и чтеньем,
Неловок, как дитя, застенчив, как
поэт.
Мне этот шумный парк служил
уединеньем,*

Я не имел друзей. Для женщин
был несмел,
И в сумраке следил за парами, с
томленьем,
Но я в мечтах нашел все, все, что
я хотел.

1⁹⁰¹

«Все бездонней, все безмерней...»

*Все бездонней, все безмерней,
Недоступней глубина,
Но, как свет звезды вечерней,
Светят водоросли дна.*

*Плотны синие преграды,
Обступили взгляды рыб.
Словно знают, словно рады,
Что еще пловец погиб.*

*Но на родине чудовищ
Посреди живых цветов
Не ищу морских сокровищ
И жемчужных слизняков.*

<Январь 1902>

«Надо струны перестроить...»

*Надо струны перестроить
Вновь на новый лад,
Песни вещи усвоить
Я готов, я рад.*

*Сердце, мертвое от жажды,
Слышишь? — бьют ключи!
Песнь одну не петь нам дважды,
Лучше замолчи.*

*Я, как феникс, в пламя кинут,
Гибну, взор смежив...
Но едва мученья минут,
Встану юн и жив.*

*Я в земле, под грудой гнили, —
Мертвое зерно.
Но дожди меня вспоили —
Цвеств мне суждено!*

*Дух живительный и юный
Влился в грудь мою, —
Строю заново я струны,
Верю и пою.*

21 февраля 1903

«Неужели это была ты...»

*Неужели это была ты —
В сером платье
Робкая девочка на площадке ваго-
на —
Моя невеста!
Помню, как оба тонули мы в пер-
вом объятьи,
Жестоком до стога,
Были безумны и святы мечты.
Пели удары колес.
Вереницы берез,
Качаясь, глядели в окно,
Вечер осенний померк незаметно,
и на небе было темно.*

*В поздний безмолвный час
Я сидел одиноко.
Странно дрожал за стеклом раз-
дражающий газ.
Думы дрожали, как газ, раздра-
жающе тоже.
Я жаждал упрека.
О, если б предстал мне таин-
ственный Кто-то*

И тайну открыл мне пророческой,
внутренней дрожи,
Чего я боюсь в этот поздний обманчивый час.

О, если б предстал мне таинственный Кто-то
И властно позвал бы меня для отчета.

Что женщина?

— Мать, принявшая в лоно, —
Чтобы длить бесконечно преемственность сил.

Вы пестры, миражи бытия: рождений,
падений, могил

— Женщина — некий сосуд драгоценный,

Тайну таящий во мгле сокровенной.

Женщина — путь до глубин божества.

Женщина — мир естества,

Его золотая корона.

Свята, свята ее жизнь, дающее лоно.

Но мы?

В нас не все ли — стремленье

вовне, из предела?
Разве не мы
Природу наполнили звуками слова?
В дымной пропасти тьмы,
Где дышит и движется тело.
Нам разве не душно?
Мы жаждем иного,
В вечном стремленьи идем и
идем до предела,
Кажется, близки мы к области
звездной.
Миг — и повиснем в полете над
бездной,
Вдруг снова, влеченью земному
послушны,
Падаем в душные пропасти
тьмы.

А есть красота.
В звуках, в красках, в линиях, в теле,
В обнаженности женственной.
Жажда ее не в одной крови разлита,
Это не жажда веселий.
Ее поток благоденственный
В тайных глубинах шумит,

Струя его сладко чиста,
Он вечной божественной влагой
поит.
Да, есть на земле красота.

Или мы крылья у птицы?
И нам суждено
Метаться к гробнице от старой
гробницы?
И нам суждено
Только взаимным усилием весь
путь побороть?
Только вдвоем долететь до свер-
жения уз?
Церковь венчает как святость со-
юз
Двух осужденных сердец.
— Примем ли мы, как тяжелое
бремя, венец?
Да, людям дано только вдвоем
этот путь побороть.
Слава тебе, освященная плоть!

Ночь незаметно погасла, и свет
набегал на окно.
Я сидел одиноко.
Дрожал за стеклом замирающий
газ.

Был светлым и утренним час,
И город вечерний остался далеко.
Я знаю.
Я в зеркале видел всю душу мою,
Все, чему верю, и все, что люблю.
Там нет проклятья.
Как теплым волнам, я отдамся
душистому маю,
Пусть будут безумны и святы
мечты,
Робкая девушка в сереньком пла-
тье,
Да, это ты,
Моя невеста.

4 марта 1902

«Я много лгал и лицемерил...»

*Я много лгал и лицемерил,
И много сотворил я зла,
Но мне за то, что много верил,
Мои отпустятся дела.*

*Я дорожил минутой каждой,
И каждый час мой был порыв.
Всю жизнь я жил великой жаждой,
Ее в пути не утолив.*

*На каждый зов готов ответить,
И, открывая душу всем,
Не мог я в мире друга встретить
И для людей остался нем.*

*Любви я ждал, но не изведаль
Ее в бездонной полноте, —
Я сердце холодности предал,
Я изменял своей мечте!*

*Тех обманул я, тех обидел,
Тех погубил, — пусть вопиют!
Но я искал — и это видел
Тот, кто один мне — правый суд!*

16 апреля 1902

Sub specie aeternitatis[14]

*Отселе мне видно потоков рожденье.
Пушкин*

*О, господи, какое счастье
Быть художником!
Самовластным, гордым, свобод-
ным, —
Царем над созвучиями и образа-
ми.*

*Они меня оскорбляют,
Какое мне дело?
Я на тех бесконечных высотах,
Где небо и лед,
Куда и мечта о дольных заботах
Не достигнет.
Выше нет ничего. Небо сине.
Вдалеке очертанья таких же вер-
шин.
О, как вольно дышать в беспре-
дельной пустыне,
Повторять неземное, великое
слово: один!*

Мне видна земля,
Моря золотое пространство,
Нагорий живое убранство,
Распростертые низко дороги, по-
ля.

И местами селенья,
Как столбы при дороге, как на пе-
рекрестках каменья.
Но мне не видно людей,
Их суеты вседневной.

Я увидал бы движенья двух ратей,
Падение царства, созданье столи-
цы.
Я смотрю на жизнь мной отверг-
нутых братии,
Как смотрят на землю птицы.

Солнце!
Здравствуй, солнце, мой двойник!
Я люблю твой ясный дик.
Как и ты, я с высоты
Вижу горные хребты,
И узорчатых лугов,
И кипенье городов...

Ноябрь 1902

«Я путешественник случайный...»

*Я путешественник случайный,
Бродяга в мире, дикий скиф,
Любуюсь на земные тайны,
На храм, на башню, на залив.*

*И медлю пред душой безвестной,
Внимательно любуюсь ей,
Как перед статуей чудесной,
Жалея покидать музей.*

Ноябрь 1902

**«Да, в нашей жизни есть кумир
для всех единый...»**

*Да, в нашей жизни есть кумир для
всех единый —
То лицемерие; пред искренно-
стью — страх!
Мы все притворствуем в искус-
стве и в гостиной,
В поступках, и в движениях, и в
словах!*

Вся наша жизнь подчинена усло-

вью,
И эта ложь в веках освящена.
Нет, не упиться нам ни чув-
ством, ни любовью,
Ни даже горестью — до глубины,
до дна!

На свете нет людей — одни пу-
стые маски,
Мы каждым взглядом лжем, мы
прячем каждый крик,
Расчетом и умом мы оскверняем
ласки,
И бережет пророк свой пафос
лишь для книг!

От этой пошлости обдуманной,
обычной
Где можно, кроме гор и моря, от-
дохнуть?
Где можно на людей, как есть
они, взглянуть?
— Там, где игорный дом, и там,
где дом публичный!

Как пристани, во мгле вы выси-
тесь, дома,
Убежища для всех, кому запрещено

поле,
В вас беспристрастие и купли и
найма.
В вас равенство людей и откро-
венность воли.

Вот мир восторженной победы и
борьбы
В разврате искреннем и слов и по-
буждений.
Мы дни и месяцы актеры и рабы,
Оставьте же притон для искрен-
них мгновений!

<1902>

**«Дивный гегуэец! как нам стали
понятны...»**

Дивный гегуэец! как нам стали
понятны
Твои пророческие слова:
«Мир мал!»
Мы взором одним озираем его
От полюса до полюса —
Нет больше тайн на земле!

Прежде былинка в безмерных про-

сторах,
Упорно — за веком век —
Работал, боролся, вперед продви-
гался
И своей планетой, наконец, овла-
дел
Человек.

Нет больше тайн в надземном
тесном мире!
Стальные иглы рельс, обвив ма-
терики,
Бегут сквозь цепи Анд, бегут в
степенях Сибири —
К верховьям Крокодиловой реки;

Земля, земля! настало время!
Ты — достояние людей.
Не то или другое племя,
Не тот иль этот из царей,
Тебя взял Человек, его спокойный
гений,
Его холодный ум, его упорный
труд
И смелый взлет безумных дерзно-
вений!
И правит скорбного Судьи бес-
страстный суд.

Человек! торжествуй! и, величье
познав,
Увенчай себя вечным венцом!
Выше радостей стань, выше слав,
Будь творцом!

<1902>

**«Пусть лобзает меня — он
лобзаньем своим!..»**

— Пусть лобзает меня — он лоб-
заньем своим!
Удовольствия ласк его — свыше
вина.
Запах риз его — ладанный дым,
Как пролитое миро — его имена!
Девы ради сего — возлюбили тебя!
За тобой и к тебе, царь, пойду я,
любя.
Опаленная солнцем, лицом я
смугла
И прекрасна, как полы в китар-
ских шатрах,
Как завесы во храме на пышных
вратах.
Виноградник отца я все дни сте-
регла,

Но сберець не сумела я свой вино-
град.

Где пасешь ты? скажи мне, воз-
любленный брат!

Где почиешь в полуденный жар, —
возвести!

Чтоб к друзьям твоим мне, за-
блудясь, не прийти.

— Если ты угадать не умела, где
брат,

Приходи к пастухам по следам
наших стад.

Кобылице моей в колеснице царя
Уподоблю тебя я, подруга моя!

Хороши твои щеки в серьгах золо-
тых,

Хороша твоя грудь в ожерельях
твоих.

Золотые подвески я дам с сереб-
ром...

О, как сладостно ладаном пахнет
кругом.

— Ветка мирры — мой брат — на
груды у меня,

В винограднике, брат мой, покой-
ся до дня.

— Ты прекрасна, сестра, — как у голубя взор.

— Ты прекрасен, мой брат, — ароматен убор.

— Сень над ложем у нас наклоняется вниз,
Кровля ложницы — кедр, потолок — кипарис.

1⁹⁰²

«Влачась по дням, при новой встрече...»

Влачась по дням, при новой встрече

*Твержу с усталостью «люблю»,
Но эти взоры, миги, речи
Запоминаю и ловлю.*

*От ночи дню передаваем,
Куда-то на волнах влеком,
То из-за стен дышу я раем,
То за окном я внемлю гром.*

*Не увлечен и не печален,
Но, любопытствуя везде, —
В бреду пиров, в молчаньи спален,*

Я рад бегущей чередой.

*Уходят шумные мгновенья,
И я дивюсь вновь готов
На самоцветные каменья
Случайно сложенных стихов.*

<1902>

«Прими послание, о Виктор!..»

*Прими послание, о Виктор!
Слагаю песнь тебе я в честь,
Пусть консул я, а ты — мой лик-
тор,
Но сходство между нами есть.*

*Тебе милее смех девичий,
Мне — женский и бесстыдный
смех.
Но что до маленьких различий,
Когда мы оба любим грех!*

*Мы оба на алтарь Цитерин
Льем возлияния свои,
И оба будем — я уверен,
До гроба верными любви!*

Но любим мы полней и выше,

Чем даже страсти легкий стон,
—
Напевы стройных полустий
И в темных лаврах Геликон!

<Март 1903>

**«И вдруг все станет так
ПОНЯТНО...»**

*И вдруг все станет так понятно:
И жизнь земли, и голос рек,
И звезд магические пятна, —
И золотой настанет век.*

*Восстанут новые пророки
С святым сияньем вокруг волос,
Твердя, что истожились сроки,
Что день настал свершенья грез.*

*И люди все, как сестры-братья,
Семья единого отца,
Протянут руки и объятья,
И будет радость без конца!*

9 — 10 сентября 1903

«Над бредом наших разных ликов...»

М. Н. Семенову

*Над бредом наших разных ликов,
Над диким сном
Разноязычных наших криков, —
Не здесь, в ином —*

*Есть нас связующие нити.
Есть общий зов
За грань желаний и событий,
Имен и слов!*

*Мы все склоняем взор во храме,
Всех зыблет страсть,
И красота над всеми нами
Простерла власть!*

16 октября 1903

Орфей

*Вакханки встретили Орфея
На берегу немолчных вод.
Он, изнывая и немея,
Следил их медленный черед.*

*Душе, всегда глядящей в тайны,
Где тихо веет Дионис,
Понятен был их бег случайный
И смена сребропенных риз.*

*Но, опьяненны и безумны,
Почти до чресл обнажены,
Менады вторглись бурей шумной
В его безветренные сны.*

*Их тирсы зыблились, как травы,
Когда находит с гор гроза,
И, полны ярости и славы,
Звенели в хоре голоса.*

*«Унынье прочь! Мы вечно юны,
Что зимний ветер! Сияет май!
Ударь, певец, в живые струны
И буйство жизни повторяй!*

Ты ль, двигавший напевом скалы,
Кому внимали барс и тигр,
Пребудешь молча одичалый
При вольном вое наших игр.

Твой бог — наш бог! Что возрожденье,
Когда до дна прекрасен миг!
Не сам ли в неге опьяненья
И в нас бог Дионис проник.

Вошел он с вестью о победе,
Что смерть давно побеждена, —
Все жизни — в сладострастном
бреду,
Вся вечность — в таинстве вина».

Они стремятся, как пантеры,
Но и пантер смирял напев,
И лиру взял, исполнен веры,
Орфей среди безумных дев.

Он им поет о Евридике,
О страшных Орковых вратах...
Но песню заглушают крики...
Уж — камни в яростных руках.

И пал певец с улыбкой ясной.

До берега волны докатив,
Как драгоценность, труп безглас-
ный
Принял на грудь свою прилив.

И пышнокудрые наяды
Безлюдной и чужой земли
У волн, в пещере, в час прохлады,
Его, рыдая, погребли.

Но, не покинув лиры вещей,
Поэт, вручая свой обол,
Как прежде в Арго, в челн злове-
щий,
Дыша надеждой, перешел.

4 декабря 1903

«Дитя, скажи мне, что любовь?...»

— Дитя, скажи мне, что любовь?

— Вот этот ужас мой без воли,
Вот этот стыд, мгновенье боли,
Вот эта стынущая кровь.

— Дитя, скажи мне, что же
страсть?

— Вот эти слезы, эти пени,
Вот эта жажда унижений:
Быть как раба, к ногам припасть.

— Дитя, ответь мне, счастье в
чем?

— В твоей истоме, в этом бреде,
В твоём весельи о победе,
Во взоре блещущем твоём!

Сфинкс

*Я пустынной шел дорогой
Меж отвесных, тесных скал, —
И внезапно голос строгий
Со скалы меня позвал.*

*Вечерело. По вершинам
Гас закат. Был дол во мгле.
Странный призрак с телом льви-
ным
Вырос, ожил на скале.*

*Полузверь и полудева
Там ждала, где шла тропа.
И белели справа, слева
Кости, кости, черепа...*

*И, исполнен вещей веры
В полноту нам данных сил,
К краю сумрачной пещеры,
Человек, я подступил.*

*И сказал я: «Ты ли это,
Переживши сто веков,
Снова требуешь ответа?
Дай загадку, — я готов?!»*

Но, недвижима на камне,
Тихо, зыбля львиный хвост,
Дева, взор вонзив в глаза мне,
Ожидала первых звезд:

«Вот загадка, о прохожий,
Ты, пришедший из долин!
Я тебя спрошу все то же,
Что слышал Лаев сын:

Кто из нас двоих загадка?
Я ли, дева-сфинкс, иль ты?
Может, ночью в тени шаткой,
Видишь ты свои мечты?

Если я жива, телесна,
Как тебе телесным быть?
Нам вдвоем на свете тесно,
Я должна тебя сразить!

Но, быть может, я — поэта
Воплощенный легкий сон?
В слове смелого ответа
Будет призрак расточен.

И действительностью станут
Только кости и скала?
Отвечай мне: кто обманут?

Я была иль не была?»

*И, недвижима на камне,
Дева, зыбля львиный хвост,
Устремила взор в глаза мне,
Взор, принявший отблеск звезд.*

*Мрак тускнел и рос без меры,
К небу высились столпы...
Я стоял у врат пещеры...
Мимо не было тропы.*

1⁹⁰³

«Есть поразительная белость...»

*Есть поразительная белость
Снегов в вечерний час, и есть
В их белизне — святая смелость,
Земле непокоренной весть!*

*Пусть тьма близка, и закатилось
Нагое солнце за рубеж:
Его сиянье только снилось,
Но небо то ж, и дали те ж!*

*И звезды пусть во тьме возник-
нут,
И с изогнутой высоты*

*Земле свои приветы крикнут:
Они растают, как мечты!*

*Но свет पहले солнц и мира,
Свет все — что есть, бессветья
нет,
И тьма лишь царская порфира,
В которой выступает свет!*

27 января 1904

«Скорпиону» и «Гриффу»

*Наш мир храня от силы вражьей,
В чреде двенадцати имен,
У врат небес стоят на страже
В свой день Весы и Скорпион.*

*Но от земли, вседневно пленной,
В свой юный веруя порыв, —
Да посягнет за грань вселенной!—
Взлетает ярый Гиппогриф.*

Вам, — два врага в едином стане!
—

*Урок видений вековых:
Один гори, где мира грани,
Другой — стремись нарушить их.*

23 марта 1904

Максимилиану Шику

*Я многим верил до исступленности.
Urbi et Orbi*

*Эту веру я тебе вручаю,
Столько раз обманутую... Что
ж!
Наш удел идти, скользя, по краю,
Наш удел — над темной бездной
дрожь.
Шаг еще сужден ли мне, не знаю:
Но иду, и близко ты идешь!
Близким — мой привет! Нов миг
паденья —
Взгляд, лишь взгляд один без со-
жаленья.*

Октябрь 1904

«Я не видал таинственных лесов...»

*Я не видал таинственных лесов
Безудержной природы Индостана,
Причудливых китайских городов
И белых скал лдяного океана;
Не вел войска на приступы твер-
дынь,
И не был венчан в бранном шуме
стана;
Дней не влачил в толпе своих ра-
бынь,
Не проходил, протягивая руку,
В чертоги всех богатств и всех
богинь;
Не созерцал во всех пределах муку
На лицах мучеников, как судья;
С возлюбленной не пережив разлу-
ку,
Под ноги смерти не бросался я.
Я многого не видел и не встретил,
Пылинка в миллиардах — жизнь
моя!
Но до вопросов кто-то мне отве-
тил —
И в безднах я стою без уст и слов..
И светлый мой полет сквозь них*

не светел.
Грядущих не увижу городов,
Не посету всех тайн земного кру-
га,
С героями не встречу всех веков.
Но где в стране от севера до юга
Восторг безвестный обретет ду-
ша,
Безвестный трепет скорби и испу-
га?
Мы все проходим жизнь, как он,
спеша,
Возможности переживаем в гре-
зах;
От тихих снов под сводом шала-
ша
До высшего блаженства в тайных
слезах,
И, список чувств запомнив на-
изусть,
Судьбе, при одобреньях и угрозах,
Мы равнодушно повторяем:
пусть!

«Царил над миром рифм когда-то...»

*Царил над миром рифм когда-то
Я с самовластием волхва,
И волю царственную свято
Вершили верные слова.*

*Любил я радостные чары
На их желанья налагать,
И на союз мгновенный — пары
Благословлять и сочетать.*

*Любил с улыбкой подмечать я
В двух чуждых душах сходный
звук
И двух врагов — бросать в объя-
тья,
Как двух восторженных подруг.*

19 февраля 1905

«На площади, полной смятением...»

*На площади, полной смятением,
При зареве близких пожаров,
Трое, став пред толпой,
Звали ее за собой.*

*Первый воскликнул: «Братья,
Разрушим дворцы и палаты!!
Разбив их мраморы, мы
Увидим свет из тюрьмы!»*

*Другой воскликнул: «Братья,
Разрушим весь дряхлый город!
Стены спокойных домов —
Это звенья старинных оков!»*

*Третий воскликнул: «Братья,
Сокрушим нашу ветхую душу!
Лишь новому меху дано
Вместить молодое вино!»*

6 июля 1905

К народу

Vox populi...[15]

*Давно я оставил высоты,
Где я и отважные товарищи мои,
Мы строили быстрокрылый Арго,
—*

*Птицу пустынных полетов, —
Мечтая перелететь на хребте ее
Пропасть от нашего крайнего
кряжа
До сапфирного мира безвестной
вершины.*

*Давно я с тобой, в твоём теченьи,
народ,
В твоём многошумном, много-
цветном водовороте,
Но ты не узнал моего горького го-
лоса,
Ты не признал моего близкого ли-
ка —
В пестром плаще скомороха,
Под личиной площадного певца,
С гусями сказителя былых вре-
мен.*

На полях под пламенным купо-
лом,
На улицах в ущельях стен,
Со страниц стремительной кни-
ги,
С подмостков, куда вонзаются
взоры,
Я слушал твой голос, народ!
Кто мудрец? — у меня своя муд-
рость!
Кто венценосец? — у меня своя во-
ля!
Кто пророк? — я не лишен благо-
даты!
Но твой голос, народ, — вселен-
ская власть.
Твоему желанию — лишь покло-
ряться,
Твоему кумиру — только слу-
жить.

Ты дал мне, народ, мой драгоцен-
нейший дар:
Язык, на котором слагаю я песни.
В моих стихах возвращаю твои
тайны — тебе!
Граню те алмазы, что ты сохра-
нил в своих недрах!

Освобождаю напевы, что замкнул
ты в золотой скорлупе!
Я — маг, вызывающий духов, то-
бою рожденных, нами
убитых!

Без тебя, я — звезда без света,
Без тебя, я — творец без мира,
Буду жить, пока дышишь ты и со-
зданный тобою язык.

Повелевай, — повинуюсь.
Повяжи меня, как слепого, — пой-
ду,
Дай мне быть камнем в твоей
праще,
Войди в меня, как в одержимого
демон,
Я — уста, говори, кричи мною.

Псалтырь моя!
Ты должна звенеть по воле вла-
стителя!
Я разобью тебя об утес, непо-
слушная!
Я оборву вас, струны, как паути-
ны, непокорные!
Раскидаю колышки, как сеют зер-

на весной.

Наложу обет молчания, если не
подчинишься, псалтырь!

Останусь столпником, посмеши-
щем праздных прохожих,
здесь, на большом перекрестке!

20^{-23 июля 1805}

«Ужель доселе не довольно?...»

*Ужель доселе не довольно?
Весь этот ужас, этот бред
Еще язык мечты крамольной,
А не решающий ответ?*

*Не время ль, наконец, настало
Земных расплат, народных кар,
Когда довольно искры малой,
Чтоб охватил всю брешь пожар!*

*Так кто же голос? Мы, поэты, —
Народа вольные уста!
И наши песни — вам ответы,
И наша речь вовек проста!*

29^{июля 1906}

Весы качнулись

*Весы качнулись мировые,
Высоко подняты судьбой.
На чашу темную Россия
Метнула жребий тяжкий свой.*

*Молчи и никни долу, право,
Се — высшей истины черед:
Предначертан борьбы кровавой
Единый праведный исход.*

*Кто б ни был вождь, где б ни был
случай,
Над зыбью дней властитель Рок.
Кто заградит в горах ревучий
И к морю рухнувший поток?*

Ближким

I

*Нет, я не ваш! Мне чужды цели
ваши,
Мне странен ваш неокрыленный
крик,
Но, в шумном круге, к вашей об-
щей чаше
И я б, как верный, клятвенно при-
ник!*

*Где вы — гроза, губящая стихия,
Я — голос ваш, я вашим хмелем
пьян,
Зову крушить устои вековые,
Творить простор для будущих се-
мян.*

*Где вы — как Рок, не знающий по-
щады,
Я — ваш трубач, ваш знаменосец
я,
Зову на приступ, с боя брать пре-
грады,
К святой земле, к свободе бытия!*

Но там, где вы кричите мне: «Не боле!»

*Но там, где вы поете песнь побед,
Я вижу новый бой во имя новой во-
ли!*

*Ломать — я буду с вами! стро-
ить — нет!*

30 июля 1905

II

*Нам руки свободные свяжут
И шею обтянут веревкой,
Попы нам прощение скажут,
Повесят нас быстро и ловко.*

*Я буду качаться, качаться,
Без пошлой опоры на землю,
И будет в бреду мне казаться:
Я шуму великому внемлю.*

*Мне будет казаться: народы
Собрались внизу перед нами,
Искателей новой свободы
Сошлись проводить со слезами.*

*И буду, качаясь, кивать я,
Как будто при громе привет-
ствий,*

*Как будто все люди мне братья,
Как это мне грезилось в детстве.*

*Кругом, как я корчусь, взирая,
Все зрители будут смеяться,
А я, над толпой умирая,
Все буду качаться, качаться.*

1905

Предание

Посвящаю Андрею Белому

*И ей надел по верх чела
И в белых ландышей венок он.
Андрей Белый*

I

*Повеял ветер голубой
Над бездной моря обагренной.
Жемчужный след чертя кормой,
Челнок помчался, окрыленный.*

*И весь челнок, и плащ пловца
Сверкали ясным аметистом;
В кудрях пророка, вокруг лица,
Закат горел венцом лучистым.*

*И в грозно огненный Закат
Уйдя безумными очами,
Пловец не мог взглянуть назад,
На скудный берег за волнами.*

*Меж ним и берегом росли
Огни топазов и берилла,
И он не видел, как с земли
Стремилась взор за ним Сибилла.*

*И он не видел, как она
Упала вдруг на камень черный,
Побеждена, упоена
Своей печалью непокорной.*

*И тень, приблизившись, легла,
Верховный жрец отвел ей локон,
И тихо снял с ее чела
Из белых ландышей венок он.*

II

*И годы шли. И целый день
Она скользила в сводах храма,
Всегда задумчива, как тень,
В столбах лазурных фимиама.*

*Но лишь сгорел пожар дневной
И сумрак ширился победно,*

*По узкой лестнице витой
Она сходила тенью бледной, —*

*В покой, где жрец, верховный ждал
Ее с покорностью всегдашней,
При дымном факеле, и ал
Был свет из окон старой башни.*

*Струи священного вина
Пьянили мысль, дразня желанья,
И словно в диком вихре сна,
Свершались таинства лобзанья.*

*На ложе каменном они
Безрадостно сплетали руки;
Плясали красные огни,
И глухо повторялись звуки.*

*Но вдруг, припомнив о былом,
Она венок из роз срывала,
На камни падала лицом
И долго билась и стенола.*

*И кротко жрец, склонясь над ней,
Вершил заветные заклатья,
И вновь, под плясками огней,
Сплетались горькие объятия.*

И годы шли, как смены сна,
Сходя во тьму сквозь своды хра-
ма,
И вот состарилась она
В столбах лазурных фимиама.

И ей народ алтарь воздвиг
Давно, как непорочной жрице,
И только жрец, седой старик,
Знал тайну замкнутой светлицы.

Был вечер. Запад гас в огне.
Ушли из храма богомольцы.
На малахитовой волне
Сплетались огненные кольца.

И вырос призрак корабля,
И близился безвестный парус,
И кто-то, бледный, у руля
Ронял сверкающий стеклярус.

Уже, мерцая, месяц стыл
Серпом из тусклого оникса,
Когда ко храму подступил
Пришлец с берегов холодных
Стикса.

И властно в ясной тишине

Раздалось тихое воззванье:
«Вот я пришел. Сойди ко мне, —
Настало вечное свиданье».

И странно вспыхнул красный
свет
В высоких окнах башни старой,
Потом погас на зов в ответ,
И замер храм под лунной чарой.

И в красоте седых кудрей
Предстала у дверей Сибилла,
Простер он властно руки к ней,
Она, без слов, главу склонила.

Спросил он: «Ты ждала меня?»
Сказала: «Верила и ждала».
Лучом сапфирного огня
Луна их лик поцеловала.

Рука с рукой к прибою волн
Они сошли, вдвоем отныне...
Как сердолик — далекий челн
На хризолитовой равнине!

А в башне, там, где свет погас,
Седой старик бродил у окон,
И с моря не сводил он глаз,

*И целовал в последний раз
Из мертвых ландышей венок он.*

1804 — ноябрь, 1906 — март, 1906 — январь

Плач Лаодамии

*Нет, слова гонцов не ложны!
Ты безвременно сражен!
Все надежды невозможны,
Все, что счастье, — только сон!
Я лишь ночь одну вкушала
Умиление ласк твоих,
И не знаю, как не знала,
Ты мой муж иль мой жених!
Ты мой пояс непорочный
В вечер брака развязал,
Но уже к стране восточной
Ветер парус напругал!
Помню я: росой минутной
Окропил меня Морфей...
Вдруг, сквозь сон, я слышу смутно
Нет твоей руки — в моей.
Просыпаюсь: блеск доспеха,
Со щитом ты предо мной...
И, как робкий ропот смеха,
День стучится за стеной.
Я вскочила, охватила*

Стан твой с жадностью змеи,
Миги длила и ловила
Очи милые твои.

Март 1906

Под утро

Еще было совсем темно,
И горели в ряд фонари,
Но я приоткрыл окно
И понял приближенье зари.

От лазури, побелевшей вдруг,
Отделились, как дым, облака,
В сумраке, поредевшем вокруг,
Обозначился парк и река.

И скоро в сизой дали,
Казавшейся черным концом,
Опять поднялись с земли
Крыши — за домом дом.

И, звезды гася, в небеса
Кто-то влил лиловый сок,
И мне сладко повеял в глаза
Издалека ветерок.

6 апреля 1906

Остров

Пусть он останется безвестным
За далью призрачной неведомых
морей,
Пусть он не станет вымеренным,
тесным,
Как дом, как комната: от окон
до дверей!

Чтоб с тонких берегов вседневно-
сти и жизни
В бинокль мечты чуть видеть
мы могли,
Как пальмы клонятся в твоей
отчизне,
Как тщетно к ней стремятся ко-
рабли.

Чтоб в море никогда не вышел Ге-
нуэзец,
Способный привести корвеллу к
берегам.
Чтоб вечно без людей там красо-
вался месяц
И радостью никто не наслаждался

б там.

Август 1906

Нить

*Отдамся ль я случайному наитью,
Сознательно ль — кую и правлю стих —
Я все ж останусь телеграфной нитью,
Протянутой в века из дней моих!*

*И я смотрю, раскрыв с усилием
веки
Мечты, уставший, словно слабый
глаз,
В грядущее! — как некогда ацтеки
Смотрели в мир, предчувствуя в
нем нас.*

Август 1906

«Встав, про шумят и сгибают города...»

*Встав, про шумят и сгибают города,
Пройдут и в бездну канут поколения,
Просторы вод иссякнут без следа,
И станут басней вольные растения,
Заполнив степи, горы, глубь морей,
Весь шар земной, что стал для жизни тесен,
По завоеванной планете всей
Единый город выступит, как пленень,*

«Все ближе, все ближе, все ближе...»

*Все ближе, все ближе, все ближе
С каждым и каждым мгновеньем
Бесстрастные Смерти уста,
Холоден ее поцелуй.
Все ниже, все ниже, все ниже
С покорным и сладким томле-
ньем,
Чело преклоняет мечта,
Летейских возжаждавши струй.*

*Что пело, сверкало, манило,
Ароматы, напевы и краски,
Страсть, познание, борьба, —
Даже ты, даже ты, — Любовь, —
Все странно поблекло, остыло.
Скучны ненужные ласки,
Безразлична земная Судьба
И тягостно вечное: «Вновь!»*

*Но страшно суровых оценок
Судьи рокового — сознания,
Что днем, и во тьме, и во сне
Вершит свой безжалостный суд...
О, память! Кровавый застенки!
Где не молкнут стоны страда-*

нья,
Где радости плачут в огне
И скорби во льду вопиют.

Придите, придите, придите,
Последние милые миги,
Возжгите в немые уста
Смущенно слепой поцелуй.
Рвутся заветные нити,
Спадают с духа вериги,
С безумьем граничит мечта,
Летейских касаясь струй.

<1906>

«Я безволен, я покорен...»

Я безволен, я покорен
Пред холодным алтарем,
Длится труд — велик, упорен, —
Жернов мелет тайны зерен,
Грудь сдавил глухой ярем.

Кто я? раб неотрешимый
От тяжелых жерновов.
Кто я? раб неутомимый,
Узник я в цепи незримой,
Доброволец из рабов!

Мне открыты все дороги,
Я же медлю у ярма,
Слепнут очи, гнутся ноги,
Жгут лучи, и ветры строги,
И морозом жжет зима...

1⁹⁰⁶

Балаганы

Балаганы, балаганы
На вечерней площади.
Свет горит, бьют барабаны,
Дверь открыта, — проходи.

Панорамы, граммофоны,
Новый синемаграф,
Будды зуб и дрозд ученый,
Дева с рогом и удав.

За зеленой занавеской
Отделенье для мужчин.
Много шума, много блеска,
Смотрят бюсты из витрин.

Зазвонили к перемене.
Красный занавес раскрыт.
Черный фрак на синей сцене
Мило публику смешит.

«Раритеты раритетов
Показать я вам готов:
Две находки — из предметов
Отдаленнейших веков.

Это — с петлею веревка
(Может каждый в руки взять).
Ей умели очень ловко
Жизнь, чью надо, убавлять.

Это — царская корона
(Крест — один, алмазов — сто).
Ей могли во время оно
Делать Некиим — ничто.

Все газетные заметки
Прославляют наш музей,
Верьте слову: ныне редки
Амулеты прежних дней».

Всяк, кто смотрит, рот разинул,
Все теснятся, стар и мал...
Зазвонили. Вечер минул.
Красный занавес упал.

Тихо молкнут барабаны,
Гаснут лампы впереди.
Спят спокойно балаганы

На базарной площади.

7 января 1907

Жигули

Над водой поникли ивы,
Гор лесистые извивы
Тайну прошлого хранят,
Луг и дали — молчаливы.
Луг и дали в зное спят.

Там шумит по Волге сонной
Пароход неугомонный
Меж пустынных деревень,
Мимо речки полусонной —
Тени плоские плотов.

Слева робко никнут ивы,
Справа — горные извивы
Тайну прошлого хранят;
Дали — скучно-молчаливы,
Виды — в жарком зное спят.

Земли, жаждущие плуга,
Грустны с Севера до Юга,
Вся прорезана река,
И струи твои друг друга
Гонят в лучшие века!

1⁹⁰⁷

«Трубите в траурные трубы...»

*Трубите в траурные трубы,
Закройте крепом зеркала,
Она лежит, сомкнувши губы,
И повторяет голос грубый:
Все совершилось! Умерла!*

<1907>

Сходные решения

*Пора разгадывать загадки,
Что людям загадали мы.
Решенья эти будут кратки,
Как надпись на стене тюрьмы.*

*Мы говорили вам: «Изменой
Живи; под твердью голубой
Вскипай и рассыпайся пеной»,
То значит: «Будь всегда собой».*

*Мы говорили вам: «Нет истин,
Прав — миг; прав — беглый поце-
луй,
Тот лжет, кто говорит: „Здесь*

*пристань!“»
То значит: «Истины взыскуй!»*

*Мы говорили вам: «Лишь в стра-
сти
Есть сила. В вечном колесе,
Вращаясь, домогайся власти»,
То значит: «Люди равны все!»*

*Нам скажут: «Сходные решенья
Давно исчерпаны до дна».
Что делать? разны поколенья,
Язык различен, цель — одна!*

<1908>

У вагонного окна

*Дали сумрачны и хмуры.
И причудливы и строги,
Скалы сломанные Юры
Разместились вдоль дороги.
Поезд вьется между гор,
Беспощаден, верен, скор.*

*Милый поезд, издавна мы
Стали мирными друзьями.
Ты проводишь панорамы,
Я делюсь с тобой мечтами.*

Сколько дум и сколько слез
Прожил я под гул колес!

Завтра я тебя покину, —
Каждый миг мы к цели ближе...
Что за жребий завтра выну
Я в мятущемся Париже?
Мне безвестную печаль
Или стертую медаль?

Зов надежд всё безнадежней,
Всё безвольней ожиданья...
Но опять, с тревогой прежней,
Жду последнего свиданья.
Не пробьет ли страшный час,
Соблазнявший столько раз!

Милый поезд! может, вскоре,
Обходя вагон уснувший,
Я лелеять буду горе
О мечте, вновь обманувшей,
Вновь с тобой, и вновь один,
В далях северных равнин.

Я и кот

Славный кот мой одноглазый,
Мы с тобой вдвоем.
Звезд вечерние алмазы
Блещут за окном.

Я вникаю в строфы Данте,
В тайны старины...
Звуки нежного анданте
За стеной слышны.

На диване, возле печки,
Ты мечтаешь, кот,
Щуришь глаз свой против свечки,
Разеваешь рот.

Иль ты видишь в грезах крыши,
Мир полночных крыш,
Вдоль стены идешь и выше
На землю глядишь.

Светит месяц, звезды светят...
Подойдешь к трубе,
Позовешь ты, и ответят
Все друзья тебе.

*Хорошо на крышах белых
Праздники справлять
И своих врагов несмелых
К бою призывать.*

*О свободе возле печки
Ты мечтаешь, кот,
Щуришь глаз свой против свечки,
Разеваешь рот.*

*Звуки нежного анданте
За стеной слышны.
Я вникаю в строфы Данте,
В тайны старины.*

28 ноября 1909

«Я знал тебя, Москва, еще невзрачно-скромной...»

*Я знал тебя, Москва, еще невзрачно-скромной,
Когда кругом пруда реки Неглинной, где
Теперь разводят сквер, лежал пустьер огромный,
И утки вольные жизнь тешили в воде;*

*Когда поблизости гремели балаганы
Бессвязной музыкой, и ряд больших картин
Пред ними — рисовал таинственные страны,
Покой гренландских льдов, Алжира знойный сплин;*

*Когда на улице звон двухэтажных конок
Был мелодичней, чем колес жестокый треск,
И лампы в фонарях дивились, как спросонок,*

На газовый рожок, как на небес-
ный блеск;

Когда еще был жив тот «город»,
где героев
Островский выбирал: мир скучен-
ных домов,
Промозглых, сумрачных, сы-
рых, — какой-то Ноев
Ковчег, вмещающий все образы
скотов.

Но изменилось всё! Ты стала, в
буйстве злобы,
Всё сокрушать, спеша очистить-
ся от скверн,
На месте флигельков восстали
небоскребы,
И всюду запестрел бесстыдный
стиль — модерн...

«Здесь раннего посева всходы...»

*Здесь раннего посева всходы,
Здесь воплощенье давних грез,
Мечты былые я сквозь годы,
Как зерна чистые, пронес.*

*Я их лелеял одиноко,
Таил, как праведные сны,
И ждал, пока грозой жестокой
Не будут нивы вспоены.*

*И вот взошли мои посева,
Дрожат под солнцем, наконец,
И в час работы — Все Напевы
Я повторил, веселый жнец!*

Кладбище

*Солнце палит утомленную зем-
лю,*

*В травах, и в птицах, и в пляске
звериной,*

*Нудит ее расцветать, трепе-
тать.*

*Гулу людских поколений я внем-
лю.*

*Буйно свершают свой подвиг
недлинный*

*Люди, чтоб долго во тьме истле-
вать.*

*Полнятся гробы! полнее могилы!
Кладбища тянутся шире и шире
В шестви грозном всё новых ве-
ков,*

*Время настанет: иссякнут все си-
лы*

*Дряхлой земли, и в подсолнечном
мире*

*Всё будет — рядом могил и гро-
бов!*

Солнце палит утомленную зем-

лю.
Гнется тростник, и мелькают
стрекозы
Около тихих, незыблемых струй.
Тайному вздоху под ивой я внем-
лю.
Первое счастье! первые грезы!
Чу! прозвучал в тишине поцелуй!

20 марта. 1910

Ветренный вечер

Шумят задумчивые липы.
Закат, сквозь частокол стволов,
Обводит на песке аллеи
Сиянием следы шагов.
Порой мучительные скрипы
Врываются в покорный шум...
И дали неба все синее,
И синий, дальний лес— угрюм.

О, царствуй, вечер, час раздумий;
Струись, журчи в душе, родник...
Иду вперед померкшим садом
И знаю — рядом мой двойник.
Иду вперед, в покорном шуме,
Порою слышу скорбный скрип...
И мой двойник безмолвный — ря-

дом
Скользит вдоль потемневших
лип.

26 июня 1910

Вечер в поле

Солнце сквозь деревья
сыплет пылью золотой.
Белый, тощий месяц
в бледном небе сам не свой.

Словно желтый веер,
нив раскрыт широкий круг.
Где-то косы точат,
свежим сеном веет луг.

Тучки в небе дремлют,
час заката недалек...
Чу! запел протяжно
пастуший рожок,

4-6 июля 1910

Одинокая ель

Одинокая старая ель,
Еще сохраняя
Девичью стройность ствола,
Все шепчет чуть слышно про
дальнюю цель,
Под ветром ветвями печально
качая
И новые шишки роняя,
Всё новые шишки, еще, без числа...

Столетняя мать!
О чем ты так шепчешь? о чем ты
мечтаешь?
Ты, древняя, хочешь детей уви-
дать,
Зеленые, стройные ели?
Год за годом с верхних ветвей
Ты новые шишки роняешь,
Чтобы увидеть своих встающих
детей,
Чтобы шептать, умирая, о до-
стигнутой цели.

Но кругом лишь поля,
У корней твоих реет дорога.

Или эта бесплодна земля?
Или небо к мечте твоей строго?
Ты одна.
Кропит тебя дождь; шевелит те-
бя буря;
За зимней стужей сияет весна,
И осень за летом приходит, глу-
хая...
Столетняя ель,
Одинокая, ветви понуря,
Ветви под ветром качая,
Ты шепчешь чуть слышно про
дальнюю цель

24 июля 1910
Белкино

Рабы

*Нас было много. Мы покорно
Свершали свой вседневный труд:
Мели осенний сад; упорно
От ила очищали пруд;*

*Срезали сучья у оливы;
Кропили пыльные цветы;
За всем следили, терпеливы,
От темноты до темноты!*

*Ах, мы одной горели жаждой,
Чтоб в час, когда с террасы в сад
Сойдет она, — листочек каждый
Был зелен, был красив, был рад!*

*И вот, дрожая, ложились тени,
Склонялось солнце, все в огнях, —
Тогда на белые ступени,
Со стеблем лилии в руках,*

*Она сходила... Боги! Боги!
Как мир перед ней казался груб!
Как были царственны и строги
Черты ее сомкнутых губ!*

Походкой медленной и стройной
Среди кустов, среди олив, —
Богиня некая! — спокойно
Она скользила, взгляд склонив...

И, медленно достигнув пруда,
На низкой мраморной скамье
Садилась там, земное чудо,
В каком-то дивном забытье...

А мы, безумные, как воры
Таясь, меж спутанных ветвей,
В ее лицо вонзали взоры,
Дыша, как дикий сонм зверей...

Рождался месяц... Тихо, плавно
Она вставала, шла домой...
И билось сердце своенравно
У всех, у всех — одной мечтой!

Но что свершилось? — Кто ска-
зал нам,
Что выбран был один из нас?
Кто, кто Сеида показал нам
Вдвоем с царицей в темный час?

Он весь дрожал, он был в испуге,
И был безумен черный лик, —

Но вдруг со стоном, как к подруге,
К царице юный раб приник.

Свершилось! Больше нет исхода,
—

Она и он обречены!
Мы знаем: смерть стоит у входа,
Таясь за выступом стены.

Покорно мы откроем двери,
Дадим войти ей в тихий сад
И будем ждать в кустах, как зве-
ри,
Когда опять блеснет закат.

Зажгутся облачные змеи,
Сплетутся в рдяно-алый клуб...
И рухнет на песок аллеи
С царицей рядом черный труп!

6 декабря 1910

«Желанье, ужасу подобное...»

*Желанье, ужасу подобное,
Меня опять влечет к стихам...
И снова, как на место лобное,
Вхожу в мой озаренный храм.*

*Покрыта грудь святыми ризами,
Чело под жреческим венцом,
И фимиам волнами сизыми
Клубится медленно кругом.*

*Входите! это — час служения,
Зажжен огонь, дверь отперта.
Мои заветные моления,
Не дрогнув, повторят уста.*

*Блаженны все, молчать умевшие,
Сокрывшие священный стих,
Сознаньем пламенным презрев-
шие
Вопль современников своих!*

*Они в блаженном одиночестве
Проникли в таинства души;
Приняв великие пророчества,
Твердили их в глухой тиши;*

Они глубины тайн извели,
До дна испили свой восторг,
И вдохновенных грез не предали
На поруганье и на торг!

Но поздно! Жизнь моя расславлена,
Воздвигнут храм, дверь отперта...
Входите! Будет людям явлена
Моя запретная мечта.

5-6 октября 1909 — 6 декабря 1910

**«Не так же ль годы, годы
прежде...»**

Не так же ль годы, годы прежде
Бродил я на закате дня,
Не так же ль ветер, слабый, нежный,
Предупреждал, шумя, меня.

Но той же радостной надежде
Душа, как прежде, предана,
И страстью буйной и мятежной,
Как прежде, все живет она!

Ловлю, как прежде, шорох каж-
дый
Вечерних листьев, дум своих,
Ищу восторгов и печали,
Бесшумных грез певучий стих.

И жажды, ненасытной жажды
Еще мой дух не утолил,
И хочет он к безвестной дали
Стремиться до последних сил.

<1910>

**«С пестрым мешком за плечами
татарин...»**

С пестрым мешком за плечами
татарин,
В чуйке облезлой веселый мужик,
С дымной сигарой задумчивый ба-
рин,
Барышня в синем — бессмыслен-
ный лик.
После гигантских домов — два за-
бора,
«Фиалки, фиалки!» — «Шнурки, гу-
талин!»
Быстро отдернулась белая што-

ра:
Девочка с кудрями в раме гар-
дин...
Шумно вдоль мокрых бегут тро-
туаров,
Детям на радость, живые ручьи,
В думах, как зарево дальних пожа-
ров,
Святят прошедшие весны мои.

21 февраля 1911

**«Душа томится надеждой
тщетной...»**

За вечера видений вот расплата!
Книга раздумий

Душа томится надеждой тщет-
ной
Вернуть былую, святую мощь...
Как всё поблекло — так незамет-
но! —
Как бледно небо и зелень роц!

Дрожит вершина родной березы,
Вот трясогузка трясет хво-
стом...

*Я помню смутно живые грезы
И счастье жизни в глухом бы-
лом...*

*Бежал бы прежде я в это поле,
Я пил бы запах медвяных трав...
Но чую в теле, но чую в воле
Гнет беспощадный земных отрав.*

*Ах, слишком много я жаждал ви-
деть,
Искал видений, волшебных снов,
Умел любить я, смел ненави-
деть...
И стали страсти — как груз оков!*

*В листву березы бьет солнце ярко,
И птицы громко кричат «чьи-
чьи»!
О, свод небесный! победы арка!
Войду ль в оковах в ворота твои!*

25 мая 1911

«Я видел много городов...»

*Я видел много городов,
И малых и больших,
Я слышал сонмы голосов,
Гудящих в стенах их.*

*Я видел склоны грозных гор,
Ширь радостных морей,
Я знал восторг, я знал позор,
Все омуты страстей.*

*Что ж мне осталось в мире сем?
Он предо мной — как склеп.
Я песни пел, — и вот я нем,
Я видел огонь, — и слеп!.*

*Я помню: ненависть, любовь,
Молитвы, ужас, бред...
Ужели начинать мне вновь
Весь круг былых побед?*

*Где новый Дант? другой Шекспир?
Невиданный закат?
Я до конца прошел весь мир,
И нет путей назад!*

1 августа 1911

«Озимми зеленые, оголенный лес...»

*Озимми зеленые, оголенный лес,
Небо серо-синее, мертвые цветы,
Станции заброшенной сумрачный
навес,
И в мечтах задумчивых — ма-
ленькая ты.*

*Милый мой воробушек! ты клю-
ешь подсолнух,
Прыгаешь доверчиво, смело предо
мною;
Оба мы купаемся в предосенних
волнах:
Ты с своей заботою, я с своей меч-
той.*

*Пусть, бросая в воздух бело-серый
дым,
Мимо нас стремительно мчатся
поезда, —
Мы живем мгновением, кратким
и одним,
Мы мгновеньем счастливы, нын-
че, как всегда.*

Осень пусть кончается; взвеют
вихрем вьюги
Белый снег над яркостью поздних
озимей,
Будут мертвы бороны, будут
мертвы плуги.
Ты зиме доверишься, я — мечте
моей.

Прыгает воробушек, облака пол-
зут,
Лес стоит безжизненный над про-
стором нив,
Хорошо довериться быстрым
снам минут,
Чувствовать, что в вечность я
влюблен и жив.

4 октября 1911

«Так повелел всесильный Демиург...»

*Так повелел всесильный Демиург,
Чтоб были люди ремеслом раз-
личны.*

*Тот — плотник, тот — купец,
тот — драматург,
Те — камни класть, те — суд ве-
сти привычны.*

*Но ты — ты выбрал жребий
необычный:*

*Художник ты, и также ты хи-
рург!*

*Ты лечишь люд, и сельский и сто-
личный,*

*И пишешь нам блеск дня и те-
мень пург.*

*Так ты творца провел лукаво за
нос,*

Нарушив, им назначенный, устав:

*Ты — разен, как Протей, двулик,
как Янус!*

Прими же от меня, средь разных

слав,
И мой сонет, что преломил, как в
призме,
Недавний спор о материализме.

23 декабря 1911

**«Двадцать лет назад ты
умерла...»**

Двадцать лет назад ты умерла.
Как же нынче снова ты пришла
В тихом сне, ко мне, — с лицом
печальным,
С тихим голосом, как будто
дальним,
Та же, та же, что была тогда!
Пред тобой я плакал без стыда
О годах, прожитых бесполезно.
Ты сказала тихо: «Ночью звезд-
ной,
Здесь, в каких-то четырех стенах,
Ты уснешь на белых простынях,
И в стране, где счастье безбреж-
ней,
Встречу я тебя улыбкой преж-
ней!»
Облелеян нежностью былой,

Снова был я мальчиком с тобой,
Целовал протянутые руки,
И, чрез годы медленной разлуки,
Душу скорбную ласкала вновь
Первая блаженная любовь.

Декабрь 1911

«Как ангел тьмы и ангел света...»

Две тени милые, два данные судьбой
Мне ангела...
Пушкин

Как ангел тьмы и ангел света,
Две тени строгие со мной,
И властно требуют ответа
За каждый день и подвиг мой.

Один, «со взором серафима»,
Лелеет сон моей души,
Другой, смеясь, проходит мимо
И дерзко говорит: спеши!

Но лишь я вслед за ним дерзаю,
Бросаясь в губительный хаос, —
Другой зовет к земному маю,
К блаженству думы, к счастью
слез.

*И каждый вечер — двое! двое!
Мне произносят приговор:
Тот — неземное, тот — земное,
Кляня, как ужас и позор.*

*Но неземное сходно с бездной,
В которую готов я пасть,
А над земным свой полог звезд-
ный
Волшебно распростерла страсть.*

*И я, теряя в жизни грани,
Не зная, душу где сберечь,
В порыве темных отрицаний
На ангелов взношу свой меч!*

1907. 1911

«Уже оваянная тенями...»

*А Эдмонда не покинет
Дженни даже в небесах
Пушкин*

*Уже оваянная тенями,
Встречая предзакатный свет,
Там, за пройденными ступенями,
—
Мечта моих начальных лет!*

*Все тот же лик, слегка мечта-
тельный,
Все тот же детски-нежный взор,
В нем не вопрос, — привет ласка-
тельный,
В нем всепрощенье, — не укор.*

*Все клятвы молодости преданы,
Что я вручал когда-то ей,
До дна все омуты изведаны
Безумств, желаний и страстей.*

*Но в ней нетленно живо прежнее,
Пред ней я тот же, как тогда, —
И вновь смелее, безмятежнее*

Смотрю на долгие года.

Она хранит цветы весенние,
Нетленные в иных мирах,
И так же верю прежней Дженни
я,
И те же клятвы на устах.

<1911 >

**«Давно, среди всех соблазнов
мира...»**

К. Бальмонту

Давно, среди всех соблазнов мира,
Одно избрал я божество,
На грозном пьедестале — лира,
Лук беспощадный в длани бога,
В чертах надменных — торже-
ство.

Я с детства верен стреловержцу,
Тому, кем поражен Пифон,
И любо пламенному сердцу,
Когда в душе кипит тревога
В предчувствии, что близок он.

*Иду меж торжищ и святилищ,
Слежу земные суеты;
Но в тайнике моих хранилищ
Я берегу одно лишь: гимнам
Мной посвященные листы.*

*Меня венчают иль поносят,
Мне дела нет. Как клевету,
Приемлю лавр, что мне подно-
сят,
И в блеске дня, и в мраке дымном
Храня свободную мечту.*

1⁹¹¹

«Нет тебе на свете равных...»

*Нет тебе на свете равных,
Стародавняя Москва!
Блеском дней, вовеки славных,
Будешь ты всегда жива!*

*Град, что строил Долгорукий
Посреди глухих лесов,
Вознесли любовно внуки
Выше прочих городов!*

*Здесь Иван Васильич Третий
Иго рабства раздробил,*

*Здесь, за длинный ряд столетий,
Был источник наших сил.*

*Здесь нашла свою препону
Поляков надменных рать;
Здесь пришлось Наполеону
Зыбкость счастья разгадать.*

*Здесь, как было, так и ныне —
Сердце всей Руси святой,
Здесь стоят ее святыни,
За кремлевскою стеной!*

*Здесь пути перекрестились
Ото всех шести морей,
Здесь великие учились —
Верить родине своей!*

*Расширяясь, возрастая,
Вся в дворцах и вся в садах,
Ты стоишь, Москва святая,
На своих семи холмах.*

*Ты стоишь, сияя златом
Необъятных куполов,
Над Востоком и Закатом
Зыбля зов колоколов!*

<1911>

**«Прости мой стих, безумьем
ГНЕВНЫЙ...»**

*Прости мой стих, безумьем гнев-
ный,
Прости мой смех, на стон похо-
жий!
Измучен пыткой ежедневной,
Я слез твоих не разгадал!*

*Мы снова брошены на ложе,
И ты рукой, почти бессильной,
Но все торжественней, все стро-
же
Мне подаешь святой фиал.*

*Кругом чернеет мрак могильный,
Жизнь далеко, ее не слышно,
Не это ль склеп, глухой и пыль-
ный, —
Но ты со мной — и счастлив я.*

<1911>

«Солнце! Солнце! Снова! Снова ты со мной!...»

— Солнце! Солнце! Снова! Снова ты со мной!

— Что же будет, что же будет с прежней тьмой?

— Тьма исчезнет, тьма растает в блеске дня!

— Ах, уже лучи, как пламя, жгут меня!

— Будь же счастлив, будь же светел в светлый час!

— Таю в блеске, исчезаю, я — погас.

— Что же ты не славить в песне вечный свет?

— У того, кто гаснет в свете, песен нет.

— Солнце! Солнце! Снова! Снова ты со мной!

— Вижу свет, но я окутан прежней тьмой.

21 января 1912

«Чуть видные слова седого манускрипта...»

*Чуть видные слова седого ману-
скрипта,
Божественный покой таинствен-
ных могил,
И веянье вокруг незримых дивных
крыл, —
Вот, что мечталось мне при
имени Египта.*

*Но всё кругом не то! Под тенью
эвкалипта
Толпятся нищие. Дым парохода
скрыл
От взглядов даль песков, и мутен
желтый Нил.
Гнусавый вой молитв доносится
из крипта.*

*Я вечером вернусь в сверкающий
отель
И, с томиком Ренье прилеги на
постель,
Перенесусь мечтой на буйный бе-
рег Сены.*

О, гордый фараон, безжалостный
Рамсес!
Твой страшный мир погиб, разве-
ялся, исчез, —
И Хронос празднует бесчисленные
смены.

9 марта 1912

**«Я мальчиком мечтал, читая Жюля
Верна...»**

Я мальчиком мечтал, читая Жю-
ля Верна,
Что тени вымысла плоть обре-
тут для нас,
Что поплывет судно, громадной
«Грет-Истерна»,
Что полюс покорит упрямый
Гаттерас,
Что новых ламп лучи осветят
тьму ночную,
Что по полям пойдет, влекомый
паром, Слон,
Что «Наутилус» нырнет свобод-
но в глубь морскую,
Что капитан Робюр прорежет
небосклон.

Свершились все мечты, что были
так далеки.
Победный ум прошел за годы сот-
ни миль;
При электричестве пишу я эти
строки,
И у ворот, гудя, стоит автомо-
биль;
На полюсах взвились звездистые
знамена;
Семья «Титаников» колеблет оке-
ан;
Подводные суда его взрезают ло-
но,
И в синеву, треща, взлетел аэро-
план.

Но есть еще мечта, чудесней и за-
ветней;
Я снова предан ей, как в юные го-
да:
Там, далеко от нас, в лазури ночи
летней,
Сверкает и зовет багряная звезда.
Томят кою мечту заветные ка-
налы,
О существах иных твердят без-
вольно сны...

Марс, давний, старый друг! наш
брат! двойник наш алый!
Ужели мы с тобой вовек разлуче-
ны!

Не верю! Не хочу здесь, на зеленом
лоне,
Как узник, взор смежить! Я жду,
что сквозь эфир,
В свободной пустоте, помчит
прибор Маркони
Приветствия земли в родной и
чуждый мир;
Я жду, что, наконец, увижу шар
блестящий,
Как точка малая, затерянный в
огнях,
Путем намеченным к иной земле
летащий,
Чтоб братство воссоздать в раз-
розненных мирах.

28 мая 1912

«Зыблются полосы света...»

*Зыблются полосы света
В черной, холодной воде.
Страстным вопросам ответа
Нет в этом мире нигде!*

*Небо закрыто туманом,
Звезды незримы во мгле.
Тайным и горьким обманом
Облито все на земле.*

*Вы, фонари! — повторенья
Светлых, небесных очей,
Как ваше зыбко дробленье
В сумраке черных ночей.*

*Ты, неживого канала
Черная, злая вода, —
Как ты дробишься устало,
Сжата в гранит навсегда!*

*Зыблются отблески света, —
Блеск фонарей на воде...
Страстным вопросам ответа
Нет в этом мире нигде!*

1 ноября 1912
Петербург

**«Три женщины — белая, черная,
алая —...»**

*Три женщины — белая, черная,
алая —
Стоят в моей жизни. Зачем и ко-
гда
Вы вторглись в мечту мою? Разве
немало я
Любовь восславлял в молодые го-
да?*

*Сгибается алая хищной пантерой
И смотрит обманчивой чарой
зрачков,
Но в силу заклятий, знакомых
мне, верую:
За мной побежит на свирельный
мой зов.*

*Проходит в надменном величии
черная
И требует знаком — идти за со-
бой.
А, строгая тень! уклоняйся, упор-*

ная,
Но мне суждено для тебя быть
судьбой.

Но клонится с тихой покорно-
стью белая,
Глаза ее — грусть, безнадеж-
ность — уста.
И странно застыла душа онеме-
лая,
С душой онемелой безвольно сли-
та.

Три женщины — белая, черная,
алая —
Стоят в моей жизни. И кто-то
поет,
Что нет, не довольно я плакал,
что мало я
Любовь воспевал! Дни и миги —
вперед!

«Сердце утомленное хочет одного...»

*Сердце утомленное хочет одного,
Глупенькая девочка, — счастья
твоего.*

*Ты встречаешь радостно нежную
весну.
Ожиданья тайные я ли обману?*

*В чью-то душу робкую я сошел,
как бог,
И взращаю цветики вдоль ее до-
рог;*

*И, как солнце майское в небе голу-
бом,
Я горю надеждами, я дышу теп-
лом;*

*Властным мановением жизнь
пробуждена...
Пусть же радость празднует но-
вая весна!*

*Пусть поля оденутся в зелень и
цветы, —*

*Я хочу, чтоб юностью опьянилась
ты!*

*Что бы в сердце ни было, знаю я
одно:
Быть с тобою ласковым, нежным
мне дано.*

*И слова безумные, те же, что все-
гда,
Повторяю кротко я: «Любишь?
любишь?» — «Да».*

1⁹¹²

«Как струны оборвавшейся жалобный звук...»

*Как струны оборвавшейся жалоб-
ный звук,
В сердце — эхо недавних желаний
и мук.
Детский взор, милый лик, пре-
лесть ласковых рук, —
Почему это все стало чуждым
мне вдруг?*

За окном уже день, и сквозь про-

светы штор
Наглый луч на кровать смотрит
прямо в упор.
Плечи молча целую, бесправно,
как вор,
Знаю, понял: окончен мучитель-
ный спор...

Ночи гаснет недолгий, обманчи-
вый бред.
В безразличьи твоём есть без-
молвный ответ,
И «не знаю» звучит беспощадней,
чем «нет»...
Заливает двоих все решающий
свет.

Нынче — осень, вчера ликовала
весна;
Кто жестоко исчерпал всю душу
до дна?
Из подушек ты смотришь, как
прежде, ясна,
Но уныло звенит, умирая, стру-
на...

«Любовь, как властный недруг, ВЯЖЕТ...»

*Но есть сильнее очарованье.
Ф. Тютчев*

*Любовь, как властный недруг, вя-
жет,
Любовь, смеясь, ведет на казнь
И слов пощады нам не скажет.
Но сладостны ее насилья,
Мы за плечами чуем крылья
И в сердце — радость, не боязнь!*

*Страсть — властно налагает це-
пи,
Страсть угнетает, как тиран,
И нас влечет в нагие степи,
Там мы, без сил, клянем миг каж-
дый,
Там, истомясь от смертной
жажды,
Мы гибнем от позорных ран.*

*Но, если, совершая чудо,
Тюрьму вскрывает нам Любовь, —
Мы радостно бежим оттуда.*

Когда ж спадают цепи страсти,
Мы — все в ее волшебной власти
И сами к ней приходим вновь!

1⁹¹²

«Безумец! думал плыть ты по...»

Безумец! думал плыть ты по
Спокойной влаге, в сладкой дреме,
Но, как герой Эдгара По,
Закручен в бешеном Мальстрёме?

Летят, свистят извивы волн,
Их громовые стоны звонки;
Летит твой наклоненный челн
В жерло чудовищной воронки.

Но, как герой жестоких Tales[16],
Припомни книгу Архимеда:
Лишь разум не сошел бы с рельс,
И мысли суждена победа!

Мой разум, бодрствуй! мысль, го-
ри!
Мы с вами созданы для рыб ли?
В душе мерцает свет зари...
Мой разум! нет, мы не погибли!

«Огни! лучи! сверканья! светы!...»

*Огни! лучи! сверканья! светы!
Тот ал, тот синь, тот бледно-бел...
Слепит авто, с хвостом кометы,
Трам, озаряя, прогремел.*

*В вечерний сумрак, в шаткость
линий
Вожглись, крутятся, огни реклам,
Зеленый, алый, странно-синий...
Опять гремит, сверкая, трам.*

*На лицах блеск — зеленый, алый...
На лицах смерть, где властен
газ...
Но буен город, пьяный, шалый,
Справляющий вечерний час.*

*Что день! Ночь блещет алым, синим,
Оранжевым, — любим лучом!
На облака мы светы кинем,
Мы небо буквами зажжем!*

*О солнце мы в огнях забыли:
Опал, берилл и хризолит...
И россыпью алмазной пыли
Пред небом город заблестит!*

1⁹¹²

Ребенок Сонет

*Тебе тринадцать лет, но по ще-
кам, у глаз,
Пороки, нищета, ряд долгих уни-
жений
Вписали тщательно свой сумрач-
ный рассказ,
Уча — все выносить, пред всем
склонять колени.*

*Под шляпку бедную лица скрывая
тени
И грудь незрелую под выцветший
атлас,
Ты хочешь обмануть развязно-
стью движения,
Казаться не собой, хотя б на
краткий час!*

*Нарочно голос свой ты делаешь
жесточе,
Встречаешь хохотом бесстыдные
слова,
Чтоб стать подобной им, — тем
жрицам нашей ночи!*

*И поднимаешь ты, в порыве удаль-
ства,
Высоко свой подол у полных лю-
дом конок,
Чтоб кто не угадал, что ты еще
ребенок.*

1⁹¹²

**«Всем душам нежным и сердцам
влюбленным...»**

*Всем душам нежным и сердцам
влюбленным,
Кого земной Любви ласкали сны,
Кто пел Любовь во дни своей вес-
ны,
Я шлю привет напевом умилен-
ным.*

Вокруг меня святыня тишины,

Диана светит луком преклонен-
ным,
И надо мной, печальным и бессон-
ным,
Лик Данте, вдаль глядящий со
стены.

Поэт, кого вел по кругам Верги-
лий!
Своим сверканьем мой зажги со-
нет,
Будь твердым посохом моих бес-
силиш!

Пою восторг и скорбь минувших
лет,
Яд поцелуев, сладость смертной
страсти...
Камены строгие! — я в вашей
грозной власти.

«Речи медной, когда-то звучавшей на форуме Римском...»

*Речи медной, когда-то звучавшей
на форуме Римском,
Я бы ответить желал звуками
тех же времен,
Но дерзну ль состязаться с Титаном,
себе подчинившим
Все наречья земли, словно все ветры
Эол,
С тем, кто в строки письма влагает
Симмаха сладость,
Кто в авсонийский размер Пушкина
стих
заклучил.*

*Нет, обращаться не смею к другим
благосклонным
Каменам.
Я Полигимнии лишь скромный
вручаю ответ,
Муза, любовно скажи «*quat
mellea res set epistui*»[17],
Если, как подпись, стоит Федор
Евгеньевич
Корт.*

«День красочный, день ярко-пестрый...»

*Есть некий час всемирного молчанья.
Ф. Тютчев*

*День красочный, день ярко-пестрый,
Многоголосный шумный день;
Ты сердце ранишь болью острой,
Ступени взносишь на ступень.*

*Всходя по лестнице небесной,
Мы, страх и радость затая,
Взираем, из юдоли тесной,
На всю стоцветность бытия!*

*И, как Адамы, всем виденьям,
Всем звукам, всем лучам миров
Мы ищем, с нежным умиленьем,
Непобедимо-верных слов.*

*Но сходит ночь, и яркость тонет
В единой, безразличной мгле,
И Тень бестрепетно хоронит
Все разделенья на земле.*

Нет ничего, дела и вещи
Смешались, чтобы в бездну
пасть,
И Хаос древний, Хаос вещей
Рукой оледеняет страсть.

Подходит страшный час незна-
нья,
Единства и слиянья час...
О, час всемирного молчанья,
Ты с Тайной жизни близишь нас!

7 мая 1913

**«Разбегаются снова поля за
ОКНОМ...»**

Разбегаются снова поля за окном,
Темный лес по окружности мед-
ленно вертится,
Сеть из проволок то на кругу го-
лубом,
То на поле зеленом отчетливо
чертится.

Дальний путь, дальний путь,
дальний путь, дальний путь.
Это я прошептал, иль колесами

сказано?
Убежать! позабыть! умереть!
отдохнуть!
Что-то длинное, долгое снова раз-
вязано.

Милый Макс! да, ты прав! под ка-
чанье рессор
Я, как ты, задремал, убаюкан их
«титатью»,
И уже Океан смотрит прямо в
упор
Мне в глаза, здесь в полях, за боло-
тистой Припятью.

29 июня 1913

«Строго и молча, без слов, без угроз...»

*Строго и молча, без слов, без угроз,
Падает медленно снег;
Выслал лазутчиков дряхлый Мороз,
Непобедимый стратег.*

*Падают хлопья, угрюмо кружась,
Строго и молча, без слов,
Кроют сурово осеннюю грязь,
Зелень осенних лугов.*

*Молча, — послы рокового вождя,
—
Падают вниз с высоты,
Кроют овраги в полях, возводя
С горки на горку мосты.*

*Выслал лазутчиков дряхлый стратег,
Скоро появится рать.
Падая молча, безжизненный снег
Хочет всю землю ровнять.*

Чу! не трубят ли воинственный
рог,
Не авангард ли идет?
Изморозь бело блестит вдоль до-
рог,
Речки затянуты в лед.

Падают хлопья, спокойно кру-
жась,
Делают дело без слов:
Скрыли покровы осеннюю грязь,
Скрыли просторы лугов.

Лед над водой, над полянами снег,
Слиты мостами холмы.
Вьюга трубит... Выступает стра-
тег
Старой царицы Зимы.

25 августа 1913

«Мне кажется, что в саване я...»

*Мне кажется, что в саване я,
Лежу в глухой земле.
Где все восторги плавания
Под солнцем и во мгле?*

*И призраки томительные
Проходят предо мной.
Стучат часы медлительные,
Поют «Ты был живой».*

*И лишь одна, единственная
Тень меж других теней, —
Как вестница таинственная
Грядущих новых дней.*

*Душа, душа, обманутая
Так много, много раз,
Ужели даль оглянута
Опять обнимет нас?*

*И, снова мукам преданная,
Душа, ты будешь петь,
А тайна неизведанная
В мои глаза глядеть?*

Нет, нет! Еще не в гавани я,
Мой путь не завершен!
Вновь будут буйства плавания,
Вновь вспыхнет небосклон!

<Декабрь> 1913
Эдинбург II

**«После долгих скитаний тебя я
обрел, моя девочка!..»**

*После долгих скитаний тебя я об-
рел, моя девочка!
Тайно двоих на лугу пояс обвил зо-
лотой!
Кто же пред нами мелькает: ба-
бочка-страсть,
однодневочка,
Иль Афродиты посол, тот моты-
лек роковой?*

*Мы, закрывая глаза, бежим за
блестящим видением,
Призрак, мелькнувший на миг, ду-
маем в сетку
поймать.
Не обернется ли он сурово-торже-
ственный гением,*

Иль на высокий Олимп не возвратится ль опять?

Так, беспечные, мы преследуем гения вечности.

Веет над лугом цветов нежный, как мед, ветерок.

Ах, что готовит Любовь, как месть, роковой беспечности?

Ах, не метнет ли стрелой гибельной — в нас — мотылек?

1⁹¹³

**«Три змеи, три кольца, окружили
меня...»**

*Три змеи, три кольца, окружили
меня,*

*И в глаза мне глядят шесть сверканий
огня.*

*Давят кольца всё крепче, всё ласковой
грудь,*

*Я, под яростью ласки, не в силах
вздохнуть.*

Три змеи, три кольца, сплелись

вкруг меня;
Кольца: алое, черное, все из огня;
В их объятьях, простерт, я недви-
жен, как труп,
Ищут жадные губы безжалост-
ных губ.

Три змеи, три кольца, обвились
вкруг меня,
Я — в кольце из желез, я — в коль-
це из огня;
Оплетают мне тело шесть лас-
ковых рук,
Чуть дышу, чуть вздыхаю под
нежностью мук.

Три змеи, три кольца, окружили
меня,
В теле — смерть, в сердце —
ужас, в глазах —
блеск огня.
Всё тесней, всё нежней, за изги-
бом изгиб,
В муках ласк обмираю, я гибну,
погиб...

«Как из коры точит желтеющую камедь...»

*Как из коры точит желтеющую
камедь,
В Аравии, согбенный ствол,
Так медленно точит измученная
память
Воспоминанья благ и зол.*

*Но меж всех обликов, что, плача
и ревнуя,
Моя мечта навеки избрала, —
Воспоминание святого поцелуя,
Что девушка, вся в черном, мне
дала.*

*Был пуст туманный порт, весь
мир как будто вымер;
Колеблемый в береговой воде,
Стоял у пристани заокеанский
стимер,
Готовясь ввериться своей звезде.*

*Я, одинокий, ждал, склоняясь к
черным водам.
Была душа уныла и пуста...*

И девушка, спеша по сходням, ми-
моходом,
Мне поцелуем обожгла уста...

1⁹¹³

**«Когда я, юношей, в твоих стихах
мятежных...»**

Когда я, юношей, в твоих стихах
мятежных
Впервые расслышал шум жизни
мировой:
От гула поездов до стога волн
прибрежных,
От утренних гудков до воплей
безнадежных
Покинутых полей, от песни роко-
вой
Столиц ликующих до властного
напева
Раздумий, что в тиши поют нам
мудрецы,
Бросающие хлеб невидимого сева
На ниве жизненной во все ее кон-
цы, —
Я вдруг почувствовал, как страшно
необъятен

Весь мир передо мной, и ужаснулся я
Громадности Земли, и вдруг мне
стал понятен
Смысл нашего пути среди туманных
пятен,
Смысл наших малых распрь в пучине
бытия!
Верхарн! ты различил «властительные
ритмы»
В нестройном хаосе гудящих голосов.

1⁹¹³

**«Проходит день, как смена
отражений —...»**

*Проходит день, как смена отражений —
Разноголосица движений, красок,
слов,
И строго ночь восходит на ступени,
Цвета лучей преображая в тени,
За шумом дня вскрывая тихость
снов.*

«Есть некий час всемирного молчанья».

*Спит суета и онемела страсть...
Впивая тишь в волнах благоуханья,
Тогда лови иных миров качанья,
Чтоб, как река, в простор вселенной
впасть.*

1⁹¹³

**«Я в море не искал таинственных
Утопий...»**

*Я в море не искал таинственных
Утопий,
И в страны звезд иных не плавал,
как Бальмонт,
Но я любил блуждать по малень-
кой Европе,
И всех ее морей я видел горизонт.*

*Меж гор, где веет дух красавицы
Тамары,
Я, юноша, топтал бессмертные
снега;
И сладостно впивал таврические
чары,*

Целуя — Пушкиным святые бере-
га!

Как Вяземский, и я принес поклон
Олаю,
И взморья Рижского я исходил
пески;
И милой Эдды край я знаю, —
грустно знаю;
Его гранитам я доверил песнь
тоски.

Глазами жадными я всматривал-
ся долго
В живую красоту моей родной
земли;
Зеркальным озером меня ласкала
Волга,
Внося — приют былых — Жигу-
ли.

Страна Вергилия была желанна
взорам:
В Помпеи я вступал, как стран-
ник в отчий дом,
Был снова римлянин, сходя на
римский форум,
Венецианский сон шептал мне о

былом.

И Альпы, что давно от лесты ли-
цемерной
Устали, — мне свой блеск откры-
ли в час зари:
Я видел их в венцах, я видел — с
высей Берна —
Их, грустно меркнущих, как «пад-
шие цари».

Как вестник от друзей, пришел я
в Пиренеи,
И был понятен им мой северный
язык;
А я рукоплескал, когда, с огнем у
шеи,
На блещущий клинок бросался
тупо бык.

Качаясь на волнах, я Эльбы при-
зрак серый
Высматривал, тобой весь полн,
Наполеон, —
И, белой полночью скользя в ти-
ши сквозь шхеры,
Я зовам викингов внимал сквозь
легкий сон;

Громады пенные Атлантика над-
менно
Бросала предо мной на груди
смуглых скал;
Но был так сладостен поющий
неизменно
Над тихим Мэларом чужих наяд
хорал...

На плоском берегу Голландии су-
ровой
Я наблюдал прилив, борьбу воды и
дюн...
И в тихих городах меня встреча-
ли снова
Гальс — вечный весельчак, Рем-
брандт — седой вещун.

Я слушал шум живой, крутящий-
ся в Париже,
Я полюбил его и гул, и блеск огней,
Я забывал моря, и мне казались
ближе
Твои, о Лувр,

Но в мирном Дрездене и в Мюнхе-
не спесивом
Я снова жил отрадной тишиной,

И в Кельне был мой дух в предчув-
ствии счастливом,
Когда Рейн катился предо мной.

Я помню простоту сурового Сте-
фана,
Стокгольм — озерных вод и «ти-
хий» Амстердам,
И «Сеп» 'у в глубине Милана,
И вставший в темноте Кемпера
гордый храм.

О, мною помнятся — мной не за-
быты виды:
Затихший Нюнесгейм! торже-
ственный Кемпер!
Далекий Каркасон! пленительное
Лидо!..
Я — жрец, всех алтарей, служи-
тель многих вер!

Европа старая, вместившая так
много
Разнообразия, величий, красоты!
Храм множества богов, храм ны-
нешнего бога,
Пока земля жива, нет, не исчез-
нешь ты!

И пусть твои дворцы низвергнут-
ся в пучины
Седой Атлантики, как Город
Шумных Вод, —
Из глуби долетит твой зов, твой
зов единый,
В тысячелетия твой голос перей-
дет.

Народам Азии, и вам, сынам Во-
стока,
И новым племенам Австралии и
двух
Америк, — светишь ты, немерк-
нущее око,
Горишь ты, в старости не усып-
ленный дух!

И я, твой меньший сын, и я, твой
гость незванный.
Я счастлив, что тебя в святыне
видел я,
Пусть крепнут, пусть цветут
твои святые страны
Во имя общего блаженства бы-
тия!

«Опять мой посох приготовлен...»

*Опять мой посох приготовлен,
Все тот же, старый и простой,
И день отбытия условлен —
Отмечен роковой чертой.*

*Там, за окном, в пустом про-
странстве,
Все тот же — милый лик луны.
Кругом — трофеи прежних
странствий,
Как память мира и войны.*

*Там — камни с гор, там — лук и
стрелы,
Там — идолы, там — странный
щит,
Мой облик, грустно-поседелый,
На них из зеркала глядит.*

*Вот — карты; резко исчертила
Их чья-то сильная рука.
Вот — книги; что когда-то жило,
Звучит в них — зов издалика!*

А там — собранье всех привет-

ствий,
Дипломов пышных и венков...
(О, слава! Как приманчив в дет-
стве
Твой льстивый, твой лукавый
зов!)

Так почему ж, под мирной сенью,
Мне не дремать покойным сном,
Не доверяться наслажденью
Мечты о буйном, о былом?

Я окружен давно почетом,
Хвалой ненужной утомлен.
Зачем же бурям и заботам
Я брошу мой счастливый сон?

<1913>

«Плохо приходится старому лешему...»

— Плохо приходится старому лешему,
Мне, горемычному, брат домовой!
Всюду дороги— телегам и пешему,
Летось от пса я ушел чуть живой,
Сын было думал помочь мне, —
да где ж ему,
Бок ему месяц лечил я травой.

— Плохо, брат леший, и мне, домовому,
Фабрики всюду, везде корпуса,
Жить стало негде, дом каменный к дому,
В комнатах лампы горят, как глаза;
Веришь, и думать забыл про солому,
Видно, придется и мне к вам в леса;

<1913>

«Ступени разрушенной лестницы...»

*Ступени разрушенной лестницы
Уводят в глубокий овраг,
Где липы, столетью ровесницы,
Вечерний нахмурили мрак.*

*Река обегает излучиной
Приниженный берег. Во мгле
Толпой, беспорядочно скупенной,
Рисуются избы в селе.*

*Лесами просторы обставлены,
Поет недалекий родник...
О город, о город отравленный,
Я здесь, твой всегдашний двойник!*

28 июня 1914

Эллису

*Нет! к озаренной сиянием бездне
Сердце мое не зови!
Годы идут, а мечте все любезней
Грешные песни любви.*

*Белые рыцари... сень Палестины...
Вечная Роза и крест...
Ах, поцелуй заменяет единый
Мне всех небесных невест!*

*Ах! за мгновенье под свежей сире-
нью
С милой — навек я отдам
Слишком привычных к нездешне-
му пенью
Оных мистических Дам.*

*Их не умею прославить я в песне...
Сердце! опять славословь,
С годами все умиленней, чудесней,
Вечно земную любовь!*

Листок, спрятанный в коре

*Над Озером Грез, где большие бе-
резы
Любовно дрожат на вечерней за-
ре,
Они, в летний день, свои детские
грезы
Доверили белой коре.*

*В заветном листке было сказано
много;
О чем они робко мечтали вдвоем,
О чем они тайно молили у бога
В недавнем прекрасном былом.*

*В тот день, как свершились бы
эти мечтанья,
Как правдой надежды их сделал
бы Рок, —
Они бы вернулись на место свиданья,
Чтоб вынуть поблекший листок.*

*И дерево свято в груди сохраняло
Листок пожелтый с чуть вид-
ной каймой,*

*В июле ветвями его обвевало,
Хранило от стужи зимой.*

*Мечты же писавших не сбылись.
Таила*

*Судьба приговор: им не встре-
титься вновь!*

*И юношу зло сторожила могила,
Ее же — другая любовь.*

*Но все же остались их юные души
На старом листке у свидетеля
грез:*

*О маленькой Мане и бедном Илю-
ше*

Твердят колыханья берез.

26 октября 1914

«Не как молния, смерти стрела...»

*Не как молния, смерти стрела,
Не как буря, нещадна и зла,
Не как бой, с грудой жертв без
числа,
Не как челн, на волнах без весла,*

—
Тихим утром Любовь снизошла.

*Как пророк, я в грозе, я в огне
Бога ждал, — он предстал в ти-
шине.*

*Я молюсь просиявшей весне;
Сын полей, в голубой вышине,
Небу песню поет обо мне.*

*Пой невучую песню, певец:
«Эти дни — над всей жизнью ве-
нец!*

*Слышишь стук двух согласных
сердец?*

*Видишь блеск двух заветных ко-
лец?*

Будь любим — и люби, наконец!»

1 ноября 1914
Варшава

Последний путь...

*Быть может, я в последний раз
Свою дорогу выбираю,
На дальней башне поздний час
Звенел. Что в путь пора, я знаю.*

*Мой новый путь, последний путь,
Ты вновь ведешь во глубь ущелий!
Не суждено мне отдохнуть
В полях весны, под шум веселий!*

*Опять голодные орлы
Над головой витают с криком,
И грозно выступы скалы
Висят в безлюдии великом;*

*Опять, шипя, скользит змея,
И барс рычит, пустынножитель;
Но шаг мой тверд, и снова я —
Охотник, странник и воитель.*

*Пусть годы серебрят висок,
Пусть в сердце тупо ноют раны;*
—

*Мой посох поднят, путь далек,
Иду чрез горы и туманы.*

На миг мне виден с высоты
Тот край, что с детства взоры
манит.
Дойду ль до сладостной черты,
Иль Смерть мне на пути пред-
станет?

Но знаю, прежде чем упасть,
Чем вызов Смерти встретить
дружно, —
Мне снова улыбнется страсть
Улыбкой ласково-жемчужной.

Последнем, роковой любви
Слова я прошепчу на круче,
И, — словно солнце, всё в крови, —
Пусть жизнь тогда зайдет за ту-
чи!

18 ноября 1914

Всхождение

*А лестница все круче...
Не оступлюсь ли я?
Urbi et Orbi*

*Как винт чудовищный, свиваясь
вкруг стены,
Восходит лестница на высь ги-
гантской башни.
Давно исчезло дно безмерной глу-
бины,
Чтоб дальше сделать шаг, все
должно быть бесстрашной.*

*За ярусом — другой; сквозь проре-
зи бойниц
Я вижу только ночь да слабый
отблеск звездный;
И нет огней земли, и нет полноч-
ных птиц,
И в страшной пустоте висит мой
путь железный.*

*Направо к камням жмусь; налево
нет перил;
Зловеще под ногой колеблются*

ступени.

Гляжу наверх — темно; взгля-
нуть назад — нет сил;
Бессильный факел мой бросает
тень на тени.

Кто, Дьявол или Бог, какой народ,
когда

Взвел башню к небесам, как древ-
ле в Вавилоне?

И кто, пророк иль враг, меня при-
вел сюда

На склоне злого дня и дней моих
на склоне?

И что там, в высоте? божествен-
ный покой,

Где снимет предо мной Изида по-
крывало?

Иль черное кольцо и только свод
глухой,

И эхо прокричит во тьме: «Начни
сначала!»

Не знаю. Но иду; мечу свой факел
ввысь;

Ступени бью ногой; мой дух
всхождением хмелен.

Огонь мой, дослужи! нога, не
оступись!..
Иль этот адский винт, и правда,
беспределен?

8 декабря 1914
Варшава.

**«Когда смотрю в декабрьский
сумрак ночи...»**

*Когда смотрю в декабрьский су-
мрак ночи,
Все кажется, — под дальний гул
пальбы:
Дрожит земля до самых средото-
чий
И падают огромные столбы.*

*Все кажется, под страшный ро-
пот боя,
Что старый мир разрушиться го-
тов.
Не волны ли, неукротимо воя,
Ломают стены древних берегов?*

*Не жаль сознанию новой Атлан-
тиды!*

Пусть покрывает ясность глуби-
ны
Всю ложь веков, предвечные оби-
ды
И тщетные, не явленные сны!

Пусть новый мир встает из бездн
безвестных,
Не знающий, что в прошлом были
мы:
О нем мечтаю, в свете звезд
небесных,
Под гул пальбы смотря в провалы
тьмы!

12 декабря 1914
Варшава

Два врага

Над глубиью бездны перекинут,
Повис дрожащий узкий мост.
Над ним в холодном небе стыннут
Лучи всегда бесстрастных звезд.

И здесь, на зыбкой середине
Моста, сошлись мы, два врага.
Сошлись одни в ночной пустыне:
Вкруг — бездна, звезды да снега!

Узнав друг друга в мгле неверной,
Мы стали: между нами — шаг;
И мост качается размерно,
Соперник третий, третий враг.

Я видел беглый блеск кинжала
В твоей, скользнувшей вбок, руке;
Моя рука револьвер сжала,
И замер палец на курке.

Молчим. Но не мелькнет мину-
та,
И чья-то грудь, не знаю чья,
Покинув этот мост согнутый,
Прильнет на дне к струе ручья.

*Вдруг глянул месяца серповидный.
О, как лицо твое бледно!
В нем страх и гнев! — Как мне за-
видно!
О почему — мне все равно!*

12 декабря 1914
Варшава

Больше никогда

*Когда Данте проходил по улице, девушки шептали: «Видите, как лицо его опалено адским пламенем!»
Летописец XIV века*

*Больше никогда на нежное свиданье
Не сойду я в сад, обманутый луной,
Не узнаю сладкой пытки ожидания
Где-нибудь под старой царственной сосной.*

*Лик мой слишком строгий, как певца Inferno,
Девушек смущает тайной прошлых лет,*

И когда вдоль улиц прохожу я
мерно,
Шепот потаенный пробегает
вслед.

Больше никогда, под громкий го-
вор птичий,
Не замру вдвоем у звонко-шумных
струй...
В прошлом — счастье встречи, в
прошлом — Беатриче,
Жизни смысл дающий робкий по-
целуй!

В строфах многозвучных, с миро-
вой трибуны,
Может быть, я вскрою тайны но-
вых дней...
Но в ответ не встречу взгляд
смущенно-юный,
И в толпе не станет чей-то лик
бледней.

Может быть, пред смертью, я ве-
нок лавровый
Смутно угадаю на своем челе...
Но на нем не лягут, как цветок
пунцовый,

Губы молодые, жаркие во мгле.

*Умирают молча на устах призна-
нья,*

*В мыслях скорбно тают страст-
ные слова...*

*О, зачем мне снятся лунные сви-
данья,*

*Сосен мягкий сумрак и в росе тра-
ва!*

1⁹¹⁴

Германия (Отрывки)

1

*Германия! Германия!
Опять, как яростный поток,
Разрушивший плотины,
Ты рухнула на потрясенный мир,
Грозя залить окрестные долины,
Как древле,
В дни готов, франков, вандалов
И в дни Аттилы;
Как после,
Во дни твоих губительных похо-
дов*

На беззащитную, усталую Ита-
лию;
И как недавно,
Во дни разгрома Франции
несчастной.
Опять,
Сломав плотины,
Ты рухнула, как яростный поток,
Весь в брызгах пены.

Но вещая надежда в нас
Таится, что об эти наши стены,
На этот раз,
Ты разобьешь свои дерзания!
Что в третий раз
Ты не разрушишь Рима!
Германия! Германия!
Стремись волной неукротимой,
Влеку свой яростный поток.
Рок
Во имя Права, Красоты, Свободы
Вспять обратит бушующие воды!

2

Германия! Германия!
Почти поверил легковерный мир,
Что по твоим полям прошла
мечта —

*Титания,
Что покорил тебя Орфей веков —
Шекспир!*

*Что твой священный сын, богопо-
добный Гете,
В тебя сумел вдохнуть гармонию,
что ты
В таинственном полете
Мечты
Достигла вдохновенной высоты...*

1⁹¹⁴

Семейная картинка (Аллегория)

*И вот в железной колыбели
В громах рождается новый год.
Ф. Тютчев*

*Ты спишь «в железной колыбели»,
И бабка над тобой, Судьба,
Поет, но песнь ее — пальба,
И светит в детской — блеск
шрапнелей.*

Сейчас скончался старший брат.

*Вот он лежит в одежде ратной...
Должник несчастный, неоплат-
ный,
Он, кажется, был смерти рад.*

*Чу! соскочив поспешно с «бенца»,
Вошел отец, двадцатый век,
Сел, подписал огромный чек
И бросил на постель младенца.*

*Печально улыбнулась мать
Эпоха: ей знакомы эти
Подарки в люльке... Те же дети
Должны без гроша умирать!*

*И, на портреты предков глядя,
Она вперила взор в один:
Седой, поникший господин:
Век девятнадцатый, твой дядя!*

*Меж тем твой дед — бессмерт-
ный Рок
Угрюмо дремлет в старом крес-
ле.
Былые дни пред ним воскресли:
Грозит Аттила, жив Восток...*

Он спит... Внезапно, как химера,

Неведомая гостья в дом
Влетает... Шелестя крылом,
Вещает радостно: «Я — Эра».

А за дверями, как и встарь,
Меж слуг выходит перебранка.
История, как гувернантка,
Зовет ребенка за букварь;

Ему винтовку тащит Время,
Седой лакей; его жена,
Статистика, возмущена,
Кричит, что то младенцу — бремя.

Шум, крик. Но дряхлая Судьба,
Клонясь упрямо к колыбели,
При ночниках — огнях шрапнелей,
Поет, и песнь ее — пальба!

31 декабря 1914 — 1 января 1915

Витраж — триптих

Средняя часть

Рыцарь по отмели едет один.

Левая створка

Дева томится в молельне вечерней.

Правая створка

Ждет, притаясь за скалой, сарацин.

Рама

Алые розы в сплетении терний.

Рыцарь

*Рыцарь по отмели едет один;
Взор, из-под шлема, уныло-спокоен;
Блещет в щите, посредине, рубин;
Конь златосбруйный, и мощен и строен.*

Взор, из-под шлема, уныло-спокоен,

Смотрит в широкую синюю даль.
Что тебя мучит, задумчивый воин:

Слава и смерть иль любовь и печаль?

Блещет в щите, середине, рубин,
—

Золото справа и золото слева...
То талисман или память годин?
Нет, твой подарок, далекая дева!

Рыцарь по отмели едет один;
Конь златосбруйный, и мощен и строен,
Мерно ступает, взбивая песок...
Конь королевский! владеть им достоин
Только такой благородный ездок!

Что ж тебя мучит, задумчивый воин?..

Дева

Дева томится в молельне вечерней.

Образ мадонны и кроток и тих.
Грезы, что миг, все темней и

неверней...

*Где он, где твой нареченный же-
них!*

*Образ мадонны и кроток и тих,
Молча приемлет земные молит-
вы...*

*Где-то в горах и равнинах чужих
Длятся и длятся жестокие бит-
вы!*

*Грезы, что миг, все темней и
неверней...*

*Страшно, как в зеркало, глянуть
в мечты:*

*Стрелы над шлемами свищут
размерной,
Громче мечи дребезжат о щи-
ты...*

*Дева томится в молельне вечер-
ней:*

*Где он, где твой нареченный же-
них!*

*Может быть, сброшен коварным
ударом,
Стынет, простертый на камнях
нагих,*

Ночью, под лунным таинственным паром,

Где-то в горах иль в равнинах чужих?

Сарацин

Ждет, притаясь за скалой, сарацин.

*Рыцарь опасной дороги не минет!
Звон разнесется по глуби долин.
Кто-то кого-то в борьбе опрокинет!*

*Рыцарь опасной дороги не минет!
Враг неподвижен за серой скалой,
Прыгнет и крикнет, опустит и вынет,
Красный от крови, кинжал роковой!*

*Звон разнесется по глуби долин.
Радостный звон, — он друзей не обманет!
Алый, как красный от крови, рубин
К белой одежде красиво пристанет!*

*Ждет, притаясь за скалой, сара-
цин.*

*Кто-то кого-то в бою опрокинет!
Верный, как барс, поиграет с вра-
гом,
Сзади копьё перелетное кинет,
И на седло, потрясая клинком,*

*Прыгнет, и крикнет, и лезвие вы-
нет!*

Рама

*Алые розы в сплетении терний.
Алые розы — то рыцаря кровь;
Тернии — грезы в молельне вечер-
ней;
Розы и тернии — наша любовь.*

1914⁻¹⁹¹⁶ Варшава

«Да, я безумец! я не спорю!..»

*Да, я безумец! я не спорю!
Воспоминанья заглуша,
Я жить умею лишь мгновеньем.
И, как река стремится к морю,
К любви спешит моя душа!*

*Неясным, тающим виденьем
Былое реет позади.
Но день, расцветший нынче, ярок.
Судьба с единственным веленьем
Мне предстает всегда: «Иди!»*

*Под сводом многоцветных арок,
По берегу поющих струй,
Иду, протягиваю руки,
И так томителен и сладок, —
Сегодня, — каждый поцелуй!*

*Он был иль нет, тот миг разлу-
ки?
Не знаю! Верю правде встреч!
Да, я безумец! Я не спорю!
Но внятны мне лишь эти муки,
Лишь этот трепет детских плеч!*

1914 — 4 января 1915

**«Мелькали мимо снежные
поляны...»**

*Мелькали мимо снежные поляны,
Нас увозил на запад sleeping-car
[18],
В тот край войны, где бой, где
труд, где раны,
Где каждый час — пальба, все
дни — пожар.*

*А мы, склонясь на мягкие диваны,
В беседах изливали сердца жар,
Судили мы поэта вещей дар
И полководцев роковые планы, —*

*То Пушкин, Достоевский, Лев Тол-
стой
Вставали в нашей речи чередой,
То выводы новейшие науки...*

*А там, вдали, пальба гремела
вновь,
На белый снег лилась потоком
кровь
И люди корчились в предсмерт-*

ной муке...

26 января 1915

Майский дождь

Дождь весенний, дождь веселый,
Дождь в умильный месяц май, —
На леса, луга и доли
Искры влаги рассыпай.

Солнце смотрит и смеется,
Солнце искры серебрит,
Солнце вместе с влагой льется,
Солнце зелень трав кропит.

Небо падает на землю
В нитях призрачных дождя,
Солнце шепчет (шепот внемлю),
То журча, то дребезжа;

Небо шепчет: «К жизни! к свету!
Все ростки, листки, трава!
Верьте вечному обету:
Жизнь прекрасна! жизнь жива!

Сгинь, клочок последний снега!
Речка, воды подымай!
Всюду — радость! всюду — нега!

Всюду — дождь и всюду — май!»

8 марта 1915
Варшава

(День пасмурный и холодный)

«Я устал от светов электрических...»

*Я устал от светов электриче-
ских,
От глухих гудков автомобилей;
Сердце жаждет снова слов маги-
ческих,
Радостных легенд и скорбных бы-
лей.*

*Давят душу стены неизменные,
Проволоки, спутанные в сети,
Выкликают новости военные,
Предлагая мне газету, дети;*

*Хочется мне замков, с их царевна-
ми,
Озирающих просторы с башни,
Менестрелей с лютнями напев-
ными,
Оглашающими лес и пашни;*

Позабиться вымыслами хочется,
—
Сказками, где ведьмы, феи, черти;
Пусть, готовя снадобье, пророчи-
ца
Мне предскажет час грядущей
смерти;

Пусть прискачут в черных шле-
мах рыцари,
Со щитами, в пятнах черной кро-
ви...
Ах, опять листок, в котором ци-
цero
Говорит про бой при Августове!

4 апреля 1915
Варшава

«Ночью ужас беспричинный...»

*Ночью ужас беспричинный
В непонятной тьме разбудит;
Ночью ужас беспричинный
Кровь палящую остудит;
Ночью ужас беспричинный
Озирать углы принудит;
Ночью ужас беспричинный
Неподвижным быть присудит.*

*Сердцу скажешь: «Полно биться!
Тьма, и тишь, и никого нет!»
Сердцу скажешь: «Полно биться!»
Чья-то длань во мраке тронет...
Сердцу скажешь: «Полно биться!»
Что-то в тишине простонет...
Сердцу скажешь: «Полно биться!»
Кто-то лик к лицу наклонит.*

*Напрягая силы воли,
Крикнешь: «Вздор пустых пове-
рий!»
Напрягая силы воли,
Крикнешь: «Постыдись, Валерий!»
Напрягая силы воли,
Крикнешь: «Встань, по крайней*

*мере!»
Напрягая силы воли,
Вдруг — с постели прыгнешь к
двери!*

Ночь 10/11 апреля 1915

**Польша есть!
В ответ Эдуарду Слонскому**

*Jeszcze Polska jest!
Edward Slonski*

I

*Да, Польша есть! Кто сомневаться
может?*

*Она — жива, как в лучшие века.
Пусть ей грозила сильного рука,
Живой народ чья сила уничто-
жит?*

*И верь, наш брат! твой долгий ис-
кус про/жит!
Тройного рабства цепь была тяж-
ка,
Но та Победа, что теперь близка,
Венца разбитого обломки сло-
жит!*

Не нам забыть, как ты, в тревожный час,
Когда враги, спеша, теснили нас,
Встал с нами рядом, с братом
брат в отчизне!

И не скорби, что яростью войны
Поля изрыты, веси сожжены, —
Щедр урожай под солнцем новой
жизни!

II

Да, Польша есть! Но все ж не потому,
Что приняла, как витязь, вызов
ратный,
Что стойко билась, в распре
необъятной,
Грозя врагу — славян и своему.

Но потому, что блещет беззакатный
Над нею день, гоня победно тьму;
Что слово «Польша», речью всем
понятной,
Гласит так много сердцу и уму!

Ты есть — затем, что есть твои

поэты,
Что жив твой дух, дух творче-
ских начал,
Что ты хранишь свой вечный иде-
ал,

Что ты во мгле упорно теплишь
светы,
Что в музыке, сроднившей племе-
на,
Ты — страстная, поющая струна!

22⁻²³ мая 1915
Варшава

«Я прошел пути и перепутья...»

Я прошел пути и перепутья,
Мне искать безвестного наскучи-
ло.
Тщетно Жизнь, дряхлеющее чуче-
ло,
Вновь надела пестрые лоскутья.

Тщетно манит разными приман-
ками
И в цветы наивно прячет удочки...
Я пою былую песнь на дудочке,
Я гуляю прежними полянками.

*Хорошо без дум идти опушками,
В темень леса, в дебри не заглядыва-
вать...*

*Ах, весны довольно — сердце радо-
вать!*

*Что мне тайны с хитрыми ло-
вушками!*

*Правит путь по небу древний Ге-
лиос,*

*О листву лучи как будто точат-
ся...*

*Нет! мне петь, как в детстве,
нынче хочется*

Бабочек на дудке, на свирели — ос!

9 июня 1915

Завет Святослава

*По знакомой дороге назад
Возвращались полки Святослава.
Потрясен был надменный Царь-
град,
Над героями реяла слава,
Близки были родимой земли
И равнины, и мощные реки...
Но в горах на пути залегли,
Поджидая, коварные греки.*

*И, шеломы врагов опознав,
По холмам и утесам соседним,
Так дружине сказал Святослав:
«Видно, день — биться боем по-
следним!
Пусть враги нас порубят, по-
бьют,
Пусть обратно добычу отымут,
—
Но певцы про нас славу споют,
Ибо мертвые сраму не имут!»*

*И рубились они до конца,
Полегли до последнего в поле;
Не осталось в живых и певца,*

Чтобы спеть о губительной доле.
Сгиб в траве Святослава скелет,
Вихрем выветрен, ливнями вы-
мыт, —
Но поет ему славу поэт,
Ибо мертвые сраму не имут.

В наши грозные, тяжкие дни
Вспомним снова завет Святосла-
ва!
Как во тьме путевые огни,
Веку новому — прошлого слава!
Уступает народу народ
Города, и равнины, и реки, —
Только доблесть бессмертно жи-
вет,
Ибо храбрые славны вовеки!

Июль 1915

К стальным птицам

*Я первые полеты славил
Пропеллером свистящих птиц,
Когда, впервые, Райт оставил
Железный рельс и бег направил
По воле, в поле без грани,*

*Пусть голос северного барда
Был слаб, но он гласил восторг
В честь мирового авангарда:
Того, кто грезу Леонардо
Осуществил и цепь расторг.*

*Казалось: мы у новой эры;
От уз плотских разрешены, —
Земли, воды и атмосферы
Владыки, до последней меры
В своих мечтах утолены!*

*Казалось; уничтожив грани
Племен, народов, государств,
Жить дружественностью начи-
наний
Мы будем, — вне вражды и брани,
Без прежних распрей и коварств.*

*И что же! меж царей лазури,
В свои владенья взявших твердь,
Нашлись, подсобниками фурий,
Опасней молний, хуже бури,
Те, что несут младенцам —
смерть!*

*Не в честный бой под облаками
Они, спеша, стремят полет,
Но в полночь, тайными врагами,
Над женщинами, стариками
Свергают свой огонь с высот!*

*Затем ли (горькие вопросы!)
Порывы вихренных зыбей
Смирjali новые матросы,
Чтоб там шныряли «альбатро-
сы»
И рой германских «голубей»?*

Зов старинный

*Свет из небесных скважин
С лазури льется, нежен,
На степь и кровли хижин;
Миг — робко-осторожен
И с грустью чутко-дружен...*

*О! сколько тихой ласки
В речном далеком плеске!
Как тени сердцу близки!
В траве блестят полоски
На сонном темном спуске...*

*Дышу истомой странной,
Весь полн тоской смиренной,
Но где-то зов старинный,
Звон глухо-похоронный,
Звучит, как ропот струнный.*

Загробный призыв

Опять, опять я — близко, рядом!
Мои слова расслышь, узнай!
Тебя пугали в детстве адом,
Тебе сулили в смерти рай.

Не верь: мы — здесь! Погасло зренье,
Не бьется сердце, умер слух,
Но знаю, слышу приближенье
Твое, как духа слышит дух.

Твои мечты горят, как свечи
Во мгле; ищу невольню их;
Дышу тобой, в минуту встречи,
Как запахом цветов ночных.

Усилим последней воли
Качаю завес... видишь дрожь?
Мне страшно, жутко мне до боли,
Но нашей связи не тревожсь!

Как под водой дышать нет силы,
Так в мире косном душно мне...
Но для тебя, мой брат, мой ми-

лый,
Я снова — здесь, я — в глубине!

1⁹¹³

**«Ты приходишь из страны
безвестной...»**

Ты приходишь из страны безвест-
ной,
Чужеземец! я — в родном краю.
Молод — ты, я — стар, так разве
честно
Оскорблять святыню древнюю
мою?

Я служу Перуну. В храме темном
Провожу, как жрец, свои часы,
Мою бога, на лице огромном
Золотые чищу я усы.

Я считаю десять пятилетий
С дня, как мальчиком вошел сю-
да, —
Старцы, мужи, женщины и дети
Чтут мои согбенные года.

Славишь ты неведомого бога, —

Я не знаю, властен он иль слаб.
Но всю жизнь у этого порога
Я склонялся, как покорный раб.

Или был безумен я все годы?
Иль вся жизнь моя — обман и
стыд?
Но Перун царит из рода в роды,
Как и ныне над страной царит.

Удались отсюда, странник юный,
Унеси свой заостренный крест, —
Я пребуду данником Перуна,
Бога наших, мне родимых, мест.

Пусть ты прав, и бог мой — бог
неправый...
В дни, когда покинут все наш
храм,
Я, воспев Перуну песню славы,
Лягу умирать к его стопам.

В альбом («Многое можно прощать...»)

*Многое можно прощать,
Многое, но ведь не все же!
Мы пред врагом отступить
Будем постыдно... О, боже!*

*Мы пред врагом отступить
Будем теперь... Почему же?
— Брошена русская рать
Там, на полях, без оружий!*

*Брошена русская рать.
Пушки грохочут все реже,
Нечем на залп отвечать...
Иль то маневры в манеже?*

*Нечем на залп отвечать,
Голые руки... О, боже!
Многое можно прощать,
Многое, но ведь не все же!*

Все краски радуги

*Все краски радуги — небесные цвета,
Все трепеты весны — земная красота,
Все чары помыслов — познание и мечта, —*

*Вас, пламенно дрожа, я восприемлю снова,
Чтоб выразить ваш блеск, ищу упорно слова,
Вас прославлять и чтить душа всегда готова!*

*Земля! поэт — твой раб! земля!
он — твой король!
Пади к его ногам! пасть пред тобой
позволь!
Твой каждый образ — свят! пою
восторг и боль!*

*Пусть радость высшая пройдет
горнило муки,
Пусть через вопль и стон в аккорд
сольются звуки,*

*Пусть миг свидания венчает дни
разлуки!*

*Все краски радуги — небесные цве-
та,
Все образы весны — земная красо-
та,
Все чары помыслов — всё, всё про-
славь, Мечта!*

1⁹¹⁵

«Волны волос упали...»

*Волны волос упали,
Щечки пылали огнем.
С отзвуком нежной печали
Речи любовью звучали,
Нега сквозила во всем.*

*Солнце, с весенней улыбкой,
Воды течения зажгло,
Мы над поверхностью зыбкой,
В лодочке утлой и зыбкой,
Медлили, бросив весло.*

*Милые детские грезы,
Вы не обманете вновь!
И тростники, и стрекозы,*

*Первые, сладкие слезы,
Первая в жизни любовь!*

<1891–1915>

«Из Венка сонетов»

«В моей душе, как в глубях океана...» (1)

*В моей душе, как в глубях океана,
Живой прибой зачатий и смертей,*

—
*Стихийный вихрь неистовых
страстей;
И им просторы водяные пьяны.*

*Здесь утро мира расцвело рано,
Земля здесь первых родила детей,
Отсюда сеть извилистых путей
Ко всем, кто дышит под лучом
Титана.*

*Прародина живого! Как во сне,
Скользят в твоей безмерной глу-
бине
Виденья тех явлений, что погас-
ли;*

*Там, под твоим торжественным
стеклом,*

*Еще жива, как в целом сонме Библий,
Несчетность жизней, прожитых
в былом.*

**«В моей душе, как в глубях океана...»
(15)**

*В моей душе, как в глубях океана,
Несчетность жизней, прожитых
в былом:*

*Я был полуп, и грезил я теплом;
Как ящер, крылья ширил средь тумана;*

*Меня с Ассуром знала Cordiana;
С халдеем звездам я воспел псалом;*

Шел с гиксами я в Фивы напролом;

*Гнал диких даков под значком
Траяна;*

Крест на плече, я шел в Иерусалим;

*Как магу, Дьявол мне грозил
сквозь дым;*

Мара судил мне плаху гильотины;

*И с Пушкиным я говорил как друг;
Но внятны мне звонки трамваев
вкруг,
Как много всех, и все же я — еди-
ный!*

<1915>

«С волнением касаюсь я пера...»

I

*С волнением касаюсь я пера,
И сердце горестным раздумьем
сжато.
Больших поэм давно прошла пора
(Как Лермонтов нам указал ко-
гда-то).
Но я люблю их нынче, как вчера!
Бессмертная, мне помоги, Эрато,
Мой скромный дар прияв, благо-
слови
Рассказ в стихах о жизни и любви.*

II

*Я пережил дни искушений тай-
ных,
И все равно мне, будет ли мой
стих*

*В десятках или сотнях рук слу-
чайных...
Сам для себя люблю в стихах сво-
их
Стеченье рифм, порой необычай-
ных,
Я для себя пишу — не для других.
Читатели найдутся — сердце ра-
до;
Никто не примет песни — и не на-
до!*

III

*Гремит война. Газетные столбцы
Нам говорят о взятых пулеме-
тах;
На поле брани падают бойцы.
И каждый о своих родных в забо-
тах,
Меж тем подводят в книгах муд-
рецы
Итоги бойни роковой на счетах...
Теперь ли время Музу призывать?
— Теперь, как и всегда! Шумела
рать*

IV

Аргивян на берегах, у древней Трои;

*Прошли герои, но живет Омир!
И нашей жизни твердые устои
Падут во прах, вновь изменится
мир,
Не встанут, может быть, свер-
кая, строи,
Но будет вечно звучен ропот лир,
Поэзия над славой и над тленьем
Останется сияющим виденьем...*

<1915>

«Пришли рассеяния годы...»

*Тот в гробе спит, тот дальний сирот-
теет.*

А. Пушкин

*Пришли рассеяния годы,
Нам круг друзей не соединить:
Один уже сошел под своды,
Которых нам не сокрушить;
Тот роком самовластным бро-
шен
В изгнанье, на чужой гранит;
Тот в цвете дум болезнью ско-
шен,
Не жив, не умер, — словно спит;
Тот бродит по далеким странам,*

Тоской гоним, всегда один,
От нас отрезан, как туманом,
Чредой изменчивых картин;
Еще иные — в поле ратном,
В окопах, под дождем свинца;
Согласно при луче закатном
У нас забьются ли сердца?
Как знать? Но будь еще помянут
Один: он факел снов задул;
Не нами тайный враг обманут,
Нас друг неверный обманул.
Быть может, прежним идеалам
Остался верен только я:
Доныне не была причалом
Оскорблена ладья моя;
Но, жизни бурями испытан,
Таю глубины грез моих,
И ядом горечи напитан,
Нередко, мой вечерний стих.

29 июля. 1916

Верные лире

*Мстит лабиринт...
Urbi et Orbi*

*К нам не была ль судьба скупа,
Нам не дары ль бросала щедро?
Пусть нашей жизни темная тро-
па
Не раз вела в глухие недра.*

*Пред нами был — весь ясный мир,
Мы шли сквозь грозные
Вверяя струнам вещей лир
Мечты, и души, и желанья.*

*Порой вступали в мглу пещер,
Где слышен грозный рев чудовищ,
Но к свету вновь, зажав химер,
Входили с грудями сокровищ.*

*И снова шли в цветах, в лучах,
Под щебет птиц, под рокот моря,
И нам был чужд пред долей
страх,
Мы были рады мигам горя.*

*Но вновь во глубь тропа сошла,
Под черноту подземных сводов;
Кругом везде — слепая мгла,
Вой чудищ, призраки уродов.*

*Глядим назад, — но входа нет,
Вперед, — но выхода не видно.
Нам повстречать ли снова свет,
Луной дышать ли серповидной?*

*Вверх или вниз, но путь идет,
Он с каждым шагом — безысход-
ной...
Но все равно! вперед, вперед,
Поем и в недрах преисподней!*

Лев и свинья

Басня по Ф. Достоевскому

Однажды Лев
Свинью обидел,
Да так, что целый лес ее позор
увидел.
Придя в великий гнев,
Свинья донельзя расхрабрилась
(Известно, что и гнев порой му-
тит, как хмель),
За оскорбление отметить реши-
лась
И вызвала владыку на дуэль.
Однако, возвратясь к родным пе-
натам,
Задумалась Свинья
И, страха не тая,
Расхрюкалась пред умным бра-
том:
«Ах, братец, вот — попала я в бе-
ду!
Ты знаешь Льва суровый норов!
Уж лучше я куда-нибудь уйду!»
Но Боров
(Он был писатель, с едкостью пе-
ра)

*В ответ ей: «Погоди, сестра!
К чему бежать так прямо?
Поблизости помойная есть яма:
Получше вываляйся в ней,
А после выходи на бой с царем зве-
рей».*

*Свинья послушалась совета.
Помоями вонючими кругом
Вся облепилась до рассвета
И так предстала пред врагом.
Свидетелями беспримерной брани
Был полон лес и ближний дол.
И вот явился Лев, как обещал за-
ране, —
Пришел, понюхал и ушел...
И долго после свиньи все вопили:
«Лев струсил! мы-де победили!»*

*Так иногда завзятый полемист
К газетному нас требует барье-
ру,
Но трудно Льва не следовать при-
меру,
Когда противник наш уж черес-
чур нечист!*

«Иногда хорошо и отрадно...»

*Иногда хорошо и отрадно
Знать, что сжали четыре стены
Жизнь твою, с ее пылкостью жад-
ной,
И твои, слишком буйные, сны.*

*За окном — тот же город сто-
звонный, —
Спешный бег неумолчных авто,
Но к тебе, в твой покой потаен-
ный,
Не проникнет бесцельно никто.*

*Как утес, весь и в пене и в шуме,
Неподвижен, и строг, и высок, —
Ты, в приюте свободных раздумий,
В самой ярости толп, — одинок.*

*Светы полдня, полночные тени,
Ряд мечтами обвитых часов...
И скользят вереницы видений,
Лики бывших и жданных годов.*

*Это — памяти путь беспредель-
ный,*

*Это — встреча всех тех, кто
ушли,
Это — бред беспечально-бесцель-
ный
О палящем восторге земли.*

*И спокойных раздумий зарницы
Озаряют крутящийся сон;
Совесть судит; заплаканы лица;
Знаю: кто-то без слов осужден.*

*Кто-то... Может быть, я... Ну
так что же!
Это час пересмотра годин.
Как тебе благодарен я, боже,
Что на время — в тюрьме и один!*

1⁹¹⁶ *Лечебница доктора Постникова*

Молитва («Отче! полмира объемлешь ты тенью...»)

*Отче! полмира объемлешь ты
тенью,
Звезды ведешь и луну в небесах,
Даруй покой моему утомленью,
Дай успокоиться в сладостных
снах.*

*Се — отрекаюсь от помыслов
злых,
Се — осуждаю все, в чем погре-
шил.
Дай мне во снах, тихой смерти
подобных,
Ведать покой безмятежный мо-
гил.*

*Злое видение ложа да минет,
Да не предстанет мне облик в
крови.
В час же, когда светы первые ки-
нет
Солнце Твое, — Ты меня оживи!*

«В круженьи жизни многошумной...»

*В круженьи жизни многошумной,
В водовороте наших дел,
Я — ваш! и этот мир безумный —
Мной вольно избранный удел.
Люблю призывы телефонов,
Истлевшей проволоки блеск,
И над рекой гудков и звонов
Пропеллера внезапный треск;
Люблю я ослепленье сцены
И ресторанный пьяный свет,
Все эти вспышки, эти смены
Победно наступивших лет...
Люблю... Но что же сердце ранит,
Когда я вижу чаши роз,
Когда мечту, как сон, туманит
Над речкой свежий сенокос?
Зачем душа томленьем сжата
Здесь на отлогом берегу,
Когда вдали сереет хата
И стадо бродит на лугу?
Зачем так сладко в темной роще,
Где ландыш мраморный расцвел,
Где мыслям легче, думам проще,
Едва под сень ее вошел?
Кляните! прошлое мне мило,*

*Природа родины — близка...
Пусть скоро скажут: «Это было!»*

*Люблю отшедшие века!
Гряди, что будет! Водопадом
Былую жизнь нещадно смой!
С неведомым пойду я рядом,
Но прошлый мир — он мой! он
мой!*

1⁹¹⁶

«Рдяность померкла за очерком гор...»

*Рдяность померкла за очерком
гор,
Красок развеялся пестрый укор,
Все безразлично — восторг и по-
зор...
В мире встречает уверенный взор
Только провалы да звездный узор,*

*Рано взлюбил я, люблю до сих пор
Строй беспредельных, незримых
опор,
Держащих строго безмерный со-
бор;*

Мир беспросветен — как сумрач-
ный бор,
Звезды-миры смотрят с неба в
упор.

Чу! запекает невидимый хор,
Дарохранитель десную простер...
Mori[19]. То Роком решается
спор...
Горе, что утра багряный костер
Бросит румянец на черный про-
стор!

1⁹¹⁶

«Закат ударил в окна красные...»

Закат ударил в окна красные
И, как по клавишам стуча,
Запел свои напевы страстные;
А ветер с буйством скрипача
Уже мелодии ненастные
Готовил, ветвями стуча.

Симфония тоски и золота,
Огней и звуков слитый хор,
Казалась в миг иной расколота:
И такт, с певцом вступая в спор,
Выстукивал ударом молота

Незримый мощный дирижер.

*То вал стучал в углы прибрежные,
Ломая скалы, дик и пьян;
И всё: заката звуки нежные,
Сверканье ветра, и фонтан,
Лепечущий рассказы снежные,
Крыл гулким стуком Океан!*

<Дектябрь> 1916

Баллада

*Горит свод неба, ярко-синий;
Штиль по морю провел черты;
Как тушь, чернеют кроны пиний;
Дыша в лицо, цветут цветы;
Вас кроют плющ и сеть глициний,
Но луч проходит в тень светло.
Жгла вас любовь, желанье жгло...
Ты пал ли ниц, жрец, пред святы-
ней?*

*Вы, вновь вдвоем, глухой пусты-
ней
Шли — в глуби черной пустоты;
Месила мгла узоры линий;
Рвал ветер шаткие кусты.
Пусть горек шепот. Ты с гордыней*

*На глас ответил: «Все прошло!..»
Потом, один, подъяв чело,
Упал ты ниц, жрец, пред святы-
ней?*

*В саду блестит на ветках иней,
Льды дремлют в грезах чистоты.
Ряд фолиантов; Кант и Плиний;
Узоры цифр; бумага листы...
Пусть день за днем — ряд стро-
гих скиний,
Мысль ширит мощное крыло...
Познав, что есть, что быть мог-
ло,
Ты ниц упал, жрец, пред святы-
ней?*

*Восторгов миг и миг уныний! —
Вас вяжут в круг одной мечты!
Всё — прах. Одно лишь важно: ты
Упал ли ниц, жрец, пред святы-
ней?*

Вечерние пеоны

*По широкому простору предвечерней синевы
Засияли, заблестали начертания созвездий,
И росинки задрожали по извилинам травы
Под зелеными огнями на задвинутом разъезде.*

*Ты мелькнула, проскользнула, подошла и замерла...
И я видел, в полусвете, ослепительном и белом,
Как тревожно, осторожно ты поникла и легла
На протянутые рельсы странно вытянутым телом.*

*Все дышало, опьянялось наступлением весны
Под магическим мерцаньем углубленного простора,
Но роптанье нарушало неподвижность тишины,
И зловеще возвышались разветв-*

ленья семафора.

*И вонзался, и впивался неисчис-
ленностью жал,
Доходя из отдаленья, ровно-выме-
ренный грохот,
Словно где-то, в океане, океан за-
рокотал,
Словно демоны сдавили свой невы-
держанный хохот.*

*И два глаза, вырастая, словно
молнии, прожгли,
И два глаза словно душу перереза-
ли с разбега...
А Медведица сияла, непорочная,
вдали,
И травинок трепетала опьяни-
тельная нега.*

Римляне в Китае (166 г. Н.А.)

*Все улицы полны народом,
Бегут и торговцы и воины...
Лишь там, где дворец, перед входом
Прибои толпы успокоены.*

*В столице Срединного Царства
Прибывших из-за моря чувствуют.
Со свитой послы государства
Далекого медленно шествуют.*

*Вдоль лестниц до самой вершины
Сверкают стоцветные фонарики;
Стоят наверху мандарины,
Качая почетные шарики;*

*По стенам — дракон над драконом,
Причудливо свитые в кольчики;
Смеются серебряным звоном
Из всех уголков колокольчики;*

*Там — золото, перлы, алмазы;
Там — лики, страшнее, чем фу-*

риш;
И высятся странные вазы,
Роскошней, чем вазы Этрурии.

Послы, величавы и строги,
Приблизились к трону заветно-
му;
Их длинные белые тоги
Блистают меж блеска стоцвет-
ного...

<1916>

**«В том сером доме, в этом
переулке...»**

В том сером доме, в этом переул-
ке,
Когда мне было двенадцать лет,
Мы играли, по воскресеньям, в
жмурки:
Две девочки, я и хмурый кадет.
Нам было по-детски весело;
Когда же сумрак разливал свою
муть,
Мы в старые кресла, —
Отдохнуть, —
Садились по двое:

Я и Манечка,
Он и Танечка, —
Создание кроткое...
И мы в темноте целовались...
Какой анализ
Сумеет решить:
Можно ли в двенадцать лет —
любить?
В тихом свете
Белеет окно.
И, быть может, другие дети
Там играют, как мы — давно!
И поцелуи,
Как струи
Тысячелетий,
Плывут,
Обращаясь во всплески
Минут...
До последних им плыть мгнове-
ний
Земли...
За окном, к занавеске,
Вот две тени
Подошли.

15 февраля 1917

«Еще недолгий срок тебе рыдать, река...»

*Еще недолгий срок тебе рыдать,
река,
В оковах ледяных безжизненной
зимы!
Вот-вот уже весна спешит изда-
лека —
И твой умолкнет плач, ты вый-
дешь из тюрьмы!*

*Освобожденная от роковых оков,
Ты смело зазвенишь в зеленых бе-
регах,
Тогда на песнь твою, на твой сво-
бодный зов,
Свободно отзвуки откликнутся в
лесах.*

*И майская лазурь, без тучки, вся в
огне,
С улыбкой, над тобой заблещет с
высоты,
А солнце по твоей сверкающей
волне
Разбросит дивные волшебные цве-*

ты.

Прохладный, утренний, весенний
ветерок
Твою безгрешную взволнует неж-
но грудь,
И, скромно, лилия, невинности
цветок,
Наклонится к тебе, чтоб в лоно
вод взглянуть!

Еще недолгий срок тебе рыдать,
река,
В оковах ледяных безжизненной
зимы!
Вот-вот уже весна спешит изда-
лека —
И вновь свободна ты, и нет твоей
тюрьмы!

1⁹¹⁷

После неудачи

Надежды рухнули, как строй картонных домиков;
Желанья стелются, как с туск-
лых углей дым...
Мечты любимые, сонм трагиков
и комиков,
Поспешно, в уголке, с лица стира-
ют грим.

Душа затемнена, — пустой пар-
тер без зрителей!
Огни погашены, накинуты чех-
лы...
Статисты скромные, недавние
воители,
Торопятся к дверям, мелькнув на
миг из мглы.

Что ж дальше? Новые разыски-
вать трагедии,
Для новых mises-en-scene расчерчи-
вать тетрадь?
Иль, выбрав наскоро в оставлен-
ном наследии
Все ценное, с узлом, как вору, убе-

жать?

Был ясен приговор, и режиссер
освистанный
Не должен ли сойти со сцены на-
всегда?
Над тем, что красотой, боже-
ственной и истинной,
Считал он, прозвучал холодный
смех суда.

Да, надо уходить... Но дым жела-
ний стелется,
По углям тлеющим взбегают ого-
нек,
И кто-то, кажется, вот-вот сей-
час осмелится
Дать знак, — и прозвучит сзываю-
щий звонок!

Косцы в «Сфере огня»

*Братцы, дружно! Свежи росы!
По росе так ходки косы!
Мерно восемь плеч заносим,
Косим, косим, косим, косим!*

*Свищут пули чрез покосы...
Но, как бог рыжеволосый,
Солнце встало! Страх отбросим!
День не ждет: косить, так косим!*

*Чрез поля мы под откосы
Сходим, бодры, сходим, босы,
Мы у пуль пощад не просим,
Под дождем свинцовым косим.*

*Вам пример, молокососы!
Свищут пули, словно осы,
Гонятся, как волк за лосем...
Древний долг свершая, косим!*

*Мы, как смелые матросы,
Правим парус на утесы,
С русским радостным «авосем»
Мы, как ветер, косим, косим!*

Живы ль будем? Прочь вопросы!
Громче хор восьмиголосый!
Все, быть может, ляжем восемь,
Всё ж господень луг мы скосим.

1⁹¹⁷

Via appia

Звучный, мерный стук копыт...
Кони бьют о камень плит,
Мчась вперед в усердьи пылком.
Мимо, с гиком, в две гурьбы,
Плети взвив, бегут рабы,
Путь в толпе деля носилкам.
Ропот, говор, шум шагов;
Пестрых столл и белых тог
Смесь и блеск; сплетенье линий,
Смена видов... Сном застыл
Через белый строй могил,
Темный свод роскошных пиний.
Кто-то крикнул...

<1916-1917>

«Тот облик вековой огромных городов...»

*Тот облик вековой огромных городов,
Который видим мы, — исчезнет неизбежно;
Наследье смутное мятущихся веков,
Отброшен будет он презрительно-небрежно.
Окончится война, и вступит мир опять
На твердую стезю исканий и открытий,
Чтоб над стихиями во всем торжествовать
И властелином быть явлений и событий.
Исполнится тогда жестокая мечта
Поэтов, видевших грядущее во-очью.
Земля предстанет всем — Эдемом, залита
Огнем искусственным, как в полдень, так и ночью;*

Стеклянным куполом прикроет-
ся она,
И общий город-дом, вместив все
миллионы
Живых существ, начнет без отды-
ха и сна,
Покорно выполнять их строгие
законы.
Машины загудят, сокрытые от
глаз,
Всем разнося тепло, свет, воздух,
веду, пищу,
Авто и аэро, раз тридцать каж-
дый час,
Всех будут подвозить послушно к
их жилищу:
Незримых проволок бесчисленная
сеть
Всем явит новости и в звуках и в
картине...
Но будет все вокруг: стекло,
сталь, камень, медь,
Железо, золото, алмаз, орк, алю-
миний,
Не будет ни травы, ни зелени; ни-
что
Не сохранит следов отвергнутой
природы,

Но о живых лесах решится вспом-
нить кто
В дни блага общего, блаженства и
свободы?

Но я еще люблю вас, города...

<1917>

В ночь под Новый год

Минут годы. Станет наше время
Давней сказкой, бредом дней бы-
лых;
Мы исчезнем, как бывшее племя,
В длинном перечне племен зем-
ных.

Но с лазури будут звезды те же
Снег декабрьский серебрить во
мгле;
Те же звоны резать воздух све-
жий,
Разнося призыв церковей земле;

Будет снова пениться в бокалах,
Искры сея, жгучее вино;
В скромных комнатах и пышных
залах,

С боем полночи — звучать одно:

*«С Новым годом! С новым сча-
стьем!» — Дружно*

Грянет хор веселых голосов...

*Будет жизнь, как пена вин, жем-
чужна,*

Год грядущий, как любовный зов.

*Если ж вдруг, клоня лицо к печա-
ли,*

Тихо скажет старенький старик:

*«Мы не так восемнадцатый
встречали!..» —*

Ту беседу скроет общий клик.

*Сгинет ропот неуместный, точ-
но*

*Утром тень, всплывающая
ввысь...*

*Полночь! Полночь! бьющая уроч-
но,*

Эти дни безвестные — приблизь!

1 декабря 1917 — 1 января 1918

Краткий дифирамб

*Летайте, птицы, —
И мы за вами!
Нам нет границы.
И за громами,
Над чернью туч,
Челн Человека
Победу века
Гласит, летуч!
Прорезал небо
Руль моноплана.
Соперник Феба!
Глубь океана,
И волны рек,
И воздух горный
Тебе покорны,
О Человек!*

<1910–1918>

Голос города («Ру-ру, ру-ру, трах, рк-ру-ру...»)

*Ру-ру, ру-ру, трах, рк-ру-ру...
По вечерам, как поутру,
Трамвай гремит, дзинь-дзинь звонит...
И стук колес, и скок копыт,
И взвизги шин, взносящих пыль,
И-и гудит автомобиль.*

*Трамвай гремит: ру-ру, ру-ру...
По вечерам, как поутру.
Сквозь гул толпы — торговцев зов,
Мальчишек крик и шум шагов,
И говор, говор, говор, гул...
Но ветерокдохнул, подул...*

*Трамвай гремит: ру-ру, ру-ру...
По вечерам, как поутру.
Вон с высоты, как дальний всплеск,
Пропеллера жужжащий треск,
Но скок копыт, но стук колес,
Но гул толпы все <смял>, унес.*

*Ру-ру, ру-ру, трах, ру-ру-ру...
Трамвай гремит, как поутру.
И, гордым вздохом вознесен,
Над городом восходит звон:
Дон-дон, дон-дон, весь небосклон
Разносит зов иных времен!*

З—4 января 1918

**«На дальней полке мирным строем
стоя...»**

*На дальней полке мирным строем
стоя,
Спят с ранних лет любимые тома:
В них дремлет луч тропического зноя,
Глядит из них полярной ночи
тьма.*

*Там — повести безумно-дерзких странствий:
То — к полюсу, где мир окован льдом,
Где солнца нет, а мгла горит, в
убранстве
Сияний северных, над белым сном;*

То — в страны страшных бурь и
грозных ливней,
Где из песков крутит столбы са-
мум,
Где путь в лесах проложен силой
бивней,
Где львы рычат иль жуток вы-
крик пум.

Там — сказки о боях: пираты в
давке,
В зубах с ножами в плен берут
фрегат;
Иль дикари летят, взвив тома-
гавки,
Под бранный клич на белых из за-
сад!

Ряд буйных вымыслов, живых
фантазий!
Из детских книг встают, в меч-
тах ожив,
Герои, битвы, земли; в каждой
фразе —
Отважный подвиг, смелый жест,
порыв.

И в наши дни, когда кругом — так

смутно,
Отрадно вспомнить все, что Рок
унес:
Пыл юности, былой восторг, ми-
нутно
Забыв действительность в причу-
де грез!

24 января, 1918

Табакерка

*Наших предков табакерки!
Позабить я их могу ль,
Как шкапы, как шифоньерки,
Как диваны стиля Буль!*

*На роскошной табакерке
Часто изображены
Были «думы баядерки»,
Одалисок знойных сны.*

*Иль бывали табакерки,
Где под обликом сирен
Вы встречали, вскрывши дверки,
Ряд совсем интимных сцен!*

*Бонбоньерки, табакерки,
Вы из моды вышли все,*

*Как мотив былой венгерки,
Мушки, пудра на косе!*

*Золотые табакерки,
Вы в музее, под стеклом,
Расположены по мерке,
Чинно дремлете рядком.*

*Только в нашей табакерке
Жизнь, как прежде, молода.
Не окажется ль, по сверке,
Что — все собраны сюда?*

*Слава нашей табакерке!
Будем веселиться с ней,
Стоя, как на этажерке,
Пред глазами наших дней!*

*Пусть хотя бы в «Табакерке»
Стих живет! — Хотя б на час
Изуверы, изуверки
Наших дней, — щадите нас!*

19 марта 1918

Скользящая терцина (наброски)

Когда мечта, под волей господина,
Должна идти вперед, как вьючный мул, —
Поможешь ты, скользящая терцина!

На высях гор закатный луч уснул,
В лазури звезды — крупны и алмазны,
Чуть слышен издали прибойный гул.

Все образы, что ярки и бессвязны,
Толпились быстро, в белом блеске дня,
Во мраке встали в строй однообразный.

Прочь все, что в жизни мучило меня,
Что мукой-счастьем волновало душу,
Томя надеждой, памятью казня.

Я тайны дум недавних не нарушу,
Вступаю в ночь видений и чудес,
Как путник сходит с корабля на
сушу.

Я, тот, дневной, как призрак дня,
исчез,
Иной, ночной, послушный воле
тайной,
Стою я здесь, как пред лицом
небес!

Нет, выпадает жребий не случай-
но;
Кому и славить нынче, как не
мне,
Рим погибающий строфой бес-
крайней?

Я древность мира высмотрел
вполне,
По всем ее дорогам, где возмож-
но,
Бродил и помню все, как сон во
сне.

И вот виденья вновь встают тре-
возно, —

Заклятьем вызваны вновь к бы-
тию,
Как в синема, проходят фильмой
сложной.

Знакомые картины узнаю:
То — древний Рим, его дворцы и
храмы,
В лучах он нежит красоту свою.

Повсюду — мрамор, чисто, стены
прямые;
Он, как бывало, светом осиян,
На алтарях курятся фимиамы...

Апрель 1918

«Я — междумирок. Равен первым...»

*Я — междумирок. Равен первым,
Я на собраньи знати — пэр,
И каждым вздохом, каждым нер-
вом
Я вторю высшим духам сфер.*

*Сумел мечтами подсмотреть я
Те чувства, что взойти должны,
Как пышный сев, спустя столе-
тья, —
Но ныне редким суждены!*

*Но создан я из темной глины,
На мне ее тяжелый гнет.
Пусть я достиг земной вершины,
—
Мой корень из низин растет.*

*Мне Гете — близкий, друг — Вер-
гилий,
Верхарну я дарю любовь...
Но ввысь восходил не без усилий —
Тот, в жилах чьих мужичья
кровь.*

*Я — твой, Россия, твой по роду!
Мой предок вел соху в полях.
Люблю твой мир, твою природу,
Твоих творящих сил размах!*

*Поля, где с краю и до краю
Шел «в рабском виде» царь небес,
Любя, дрожа, благословляю:
Здесь я родился, здесь воскрес!*

*И там, где нивы спелой рожью
Труду поют хвалу свою,
Я в пахаре, с любовной дрожью,
Безвестный, брата узнаю!*

18 июля 1911, 1918

«Народные вожди! вы — вал, взметенный бурей...»

*Народные вожди! вы — вал, взме-
тенный бурей
И ветром поднятый победно в вы-
шину.
Вкруг — неумолчный рев, крик
разъяренных фурий,
Шум яростной волны, сшибаю-
щей волну;*

*Вкруг — гибель кораблей: изло-
манные снасти,
Обломки мачт и рей, скарб жал-
кий, и везде
Мельканье чьих-то тел — у тем-
ных сил во власти,
Носимых горестно на досках по
воде!*

*И видят, в грозный миг, глотая
соль, матросы,
Как вал, велик и горд, проходит
мимо них,
Чтоб грудью поднятой ударить
об утесы*

И дальше путь пробить для вольных волн морских!

*За ним громады волн стремятся,
и покорно*

*Они идут, куда их вал влечет иди:
ти:*

То губят вместе с ним под твердью грозно-черной,

То вместе с ним творят грядущему пути.

Но, морем поднятый, вал только морем властен.

Он волнами влеком, как волны он влечет, —

Так ты, народный вождь, и силен и прекрасен,

Пока, как гребень волн, несет тебя — народ!

«Слепой циклон, опустошив...»

*Слепой циклон, опустошив
Селенья и поля в отчизне,
Уходит вдаль... Кто только жив,
С земли вставай для новой жизни!*

*Тела разбросаны вокруг...
Не время тосковать на тризне!
Свой заступ ладь, веди свой плуг,
—
Пора за труд — для новой жизни!*

*Иной в час бури был не смел:
Что пользы в поздней укоризне?
Сзывай работать всех, кто цел, —
Готовить жатву новой жизни!*

*Судьба меняет часто вид,
Лукавой женщины капризней,
И ярче после гроз горит
В лазури солнце новой жизни!*

*На души мертвые людей
Живой водой, как в сказке, брызни:
Зови! буди! Надежды сей!*

Сам верь в возможность новой
жизни.

1⁹¹⁸

Вешние воды (импровизация)

*Есть ряд картин, и близких и да-
леких,
Таимых свято в глубине души;
Они, в часы раздумий одиноких,
Встают, как яркий сон, в ночной
тиши:*

*Картина утра, — миги до восхо-
да,
Когда весь мир — как в ожиданьи
зал;
Явленья солнца жадно ждет при-
рода,
И первый луч зеленовато-ал;*

*Картина вечера: луной холодной
Волшебно залит лес, балкон иль
сад;
Все с фейной сказкой так чудесно
сходно,*

И губы ищут ласки наугад;

Картина первой встречи, и разлуки,

И страстной ласки, и прощальных слез;

Вот, в темноте, ломает кто-то руки...

Вот плечи жжет касанье черных кос...

Есть ряд картин, — банальных, но которых

Нельзя без трепета увидеть вновь:

Мы любим свет луны, сирени шорох, —

За то, что наша в них влита любовь!

И вот в числе таких картин священных

Есть, в памяти моей, еще одна; Как скромный перл меж перлов драгоценных,

В их ожерелье вплетена она:

Картина вешних вод, когда, как

море,
Разлиты реки; всюду — синева;
И лишь вода отражена во взоре,
Да кое-где кусты, как острова.

То — символ вечного стремленья
к воле,
Лик возрожденья в мощной красо-
те...
Но дали вод, затопленное поле
Иным намеком дороги мечте!

Мне помнится — безбережная
Волга...
Мы — рядом двое, склонены к ру-
лю...
Был теплый вечер... Мы стояли
долго,
И в первый раз я прошептал:
«Люблю!»

О, этот образ! Он глубоко нежит,
Язвит, как жало ласковой змеи,
Как сталь кинжала, беспощадно
режет
Все новые желания мои!

Он говорит о чувствах, недоступ-

ных
Теперь душе; об том, что много
лет
Прошло с тех пор, мучительных,
преступных;
Что оживет земля, а сердце —
нет!

Пусть этот образ реет так, —
далекий
И вместе близкий, в тайниках ду-
ши,
Порой вставая, как упрек жесто-
кий,
И в модном зале, и в ночной ти-
ши!

30 апреля 1918

«Парки бабье лепетанье...»

*Парки бабье лепетанье
Жутко в чуткой тишине...
Что оно пророчит мне —
Горечь? милость? испытанье?
Темных звуков нарастанье
Смысла грозного полно.
Чу! жужжит веретено,
Вьет кудель седая пряха...
Скоро ль нить мою с размаха
Ей обрезать суждено!*

*Спящей ночи трепетанье
Слуху внятно... Вся в огне,
Бредит ночь в тревожном сне.
Иль ей грезится свиданье,
С лаской острой, как страданье,
С мукой пьяной, как вино?
Все, чего мне не дано!
Ветви в томности трепещут,
Звуки страстным светом блещут,
Жгут в реке лучами дно.*

*Ночь! зачем глухой истомой
Ты тревожишь мой покой?*

Я давно сжился с тоской.
Как бродяга в край искомый,
Я вошел в наш мир знакомый,
Память бедствий сохрани.
В шумах суетного дня
Я брожу, с холодным взглядом,
И со мной играет рядом
Жизни мышь беготня.

Я иду в толпе, ведомый
Чьей-то гибельной рукой, —
Как же в плотный круг мирской
Входит призрак невесомый?
Знаю: как сухой соломой
Торжествует вихрь огня,
Так, сжигая и казня,
Вспыхнет в думах жажда стра-
сти...
Ночь! ты спишь! но чарой власти
Что тревожишь ты меня!

Томные грезы (вариация)

*Томно спали грезы;
Дали темны были;
Сказки тени, розы,
В ласке лени, стыли.*

*Сказки лени спали;
Розы были темны;
Стыли грезы дали,
В ласке лени, томны.*

*Стыли дали сказки;
Были розы-тени
Томны, темны... В ласке
Спали грезы лени.*

*В ласке стыли розы;
Тени, темны, спали...
Были томны дали, —
Сказки лени, грезы!*

*Тени розы, томны,
Стали... Сказки были,
В ласке, — грезы! Стыли
Дали лени, темны.*

Спали грезы лени...
Стыли дали, тени...
Темны, томны, в ласке,
Были розы сказки!

1⁹¹⁸

**«Ночное небо даль ревниво
сжало...»**

*Ночное небо даль ревниво сжало,
Но разубрался в звездах небо-
склон.
Что днем влекло, томило, угро-
жало,
Слилось меж теней в монотон-
ный сон.*

*Иные ночи помню. Страсти жало
Вздых исторгало трепетный, как
стон;
Восторг любви язвил, как сталь
кинжала,
И был, как ночь, глубокий и светел
он!*

*О почему бесцветно-тусклы но-
чи?*

Мир постарел, мои ль устали
очи?
Я онемел, иль мир, все спевший,
нем?

Для каждого свои есть в жизни
луны,
Мы, в свой черед, все обрываем
струны
На наших лирах и молчим затем.

1⁹¹⁸

Сонет

Отточенный булат — луч рдяно-
го заката!
Твоя игрушка, Рок, — прозрачный
серп луны!
Но иногда в клинок — из серебра и
злата
Судьба вливает яд: пленительные
сны!

Чудесен женский взгляд — в час
грез и аромата,
Когда покой глубок. Чудесен сон
весны!
Но он порой жесток — и мы им

пленены:

За ним таится ад — навеки, без
возврата.

Прекрасен нежный зов — под ро-
пот нежный струй,
Есть в сочетаньи слов — как буд-
то поцелуй,
Залог предвечных числ — влечет
творить поэта!

Но и певучий стих — твой раб все-
гдашний, Страсть,
Порой в словах своих — певец на-
ходит власть:
Скрывает тайный смысл — в по-
лустихах сонета.

Октавы

I

Вот я опять поставлен на эстраде
Как аппарат для выделки стихов.
Как тяжкий груз, влачится в прошлом сза-
ди

Бессчетный ряд мной сочиненных строф.
Что ж, как звено к звену, я в длинном ряде
Прибавить строфы новые готов.
А речь моя привычная лукаво
Сама собой слагается октавой.

II

*Но чуть стихи раздались в тиши-
не,
Я чувствую, в душе растет отва-
га.
Ведь рифмы и слова подвластны
мне,
Как духи элементов — зову мага.
В земле, в воде, в эфире и в огне
Он заклинает их волшебной шпа-
гой.
Так, круг магический замкнув, и я
Зову слова из бездн небытия.*

III

*Сюда, слова! Слетайтесь к кругу
темы.*

*Она, быть может, не совсем нова.
Любовь не раз изображали все мы,
Исчерпав все возможные слова.
Но я люблю не — новые пробле-
мы!*

*Узор тем ярче, чем бледней кан-
ва.*

*Благодарю тот парадокс, кото-
рый*

Мне подсказал затейные узоры.

IV

*И вот во мгле, лучом озарена,
Встает картина: девушка поник-
ла*

*Над милым маленьким письмом;
она*

*В него вникать за эти дни при-
выкла.*

*Сидит задумчива, бледна, груст-
на,*

*Пред ней проходят все виденья
цикла*

*Ее скорбей — и первый поцелуй,
Во тьме ветвей, как говор близ-*

ких струй.

V

*И первый вечер жгучей страстной
встречи,
Тот страшный час, где двое лишь
одно,
Когда бессвязны и безумны речи
И души словно падают на дно.
Упали вольно волоса на плечи,
И хочется, чтоб стало вдруг
темно,
И нет стыда, а только трепет
счастья
Впервые познанного сладостра-
стья.*

VI

*Потом — письмо, и этот поздний
час,
Когда она сидит одна в томле-
нии,
Давно известен и не нов рассказ!
Но вдумайтесь в жестокое значе-
ние
Привычных образов, знакомых
фраз!
Жизнь каждого — одни и те же*

звенья.

Но то, что просто в ряде слов звучит,
В действительности жизнь, как
яд, мертвит.

VII

Что просто — странно! — этого
завета

Не забывайте! он — жестоко
прав!

Мне ж пусть концом послужит
правда эта!

Составил я покорно шесть октав,
Теперь седьмая — мной почти до-
пета,

Я, эту форму старую избрав,
Сказал, что по канве узоры вы-
шью,

И нитку рву на узелок двести-
шью!

<1918>

«В тихом блеске дремлет леска...»

*В тихом блеске дремлет леска;
Всплеск воды — как милый смех;
Где-то рядом, где-то близко
Свищет дрозд про нас самих.
Вечер свеж — живая ласка!
Ветра — сладостен размах!
Сколько света! сколько лоска!
Нежны травы, мягок мох...
Над рекой — девичья блузка,
Взлет стрекоз и ярких мух...*

*Волшебство — весь мир окрест-
ный;
Шелест речки, солнца свет...
Запах, сладко-барбарисный,
Веет, нежит и язвит.
Шепчет запад, ярко-красный,
Речи ласки, старый сват,
Кроя пруд зелено-росный,
Словно храм лазури свод,
И лишь ветер нежно-грустный
Знает: тени нас зовут.*

После сенокоса

*Цветы подкошенные,
Рядами брошенные,
Свой аромат,
Изнемогающие,
В лучах сгорающие,
Дыша, струят.*

*С зенита падающий,
Паля, не радующий,
Нисходит зной,
Рожден бездонностями
Над утомленностями
Тоски земной.*

*Вздых ветра веющего,
Вдали немеющего,
Порой скользит,
И роща липовая,
Печально всхлипывая,
Листвой шумит.*

*Да птицы взвизгивающие,
Сноп искр разбрызгивающие,
Врезают гладь...
Цветы отпраздновали!*

*Не сна бессвязного ли
Теперь им ждать?*

*Зима придвинулася...
Уже раскинулася
Тоска вокруг...
И ночь застенчивая,
Борьбу увенчивая,
Покроет луг.*

1⁹¹⁸

Светоч мысли Венок сонетов

I. Атлантида

*Над буйным хаосом стихийных
сил
Зажглось издревле Слово в челове-
ке:
Твердь оживили имена светил,
Злак разошелся с тварью, с су-
шей — реки.*

*Врубаясь в мир, ведя везде просе-
ки,
Под свист пращи, под визги пер-
вых пил,*

Охотник, пастырь, плужник, кто
чем был, —
Вскрывали части тайны в каж-
дом веке.

Впервые, светоч из священных
слов
Зажгли Лемуры, хмурые гиганты;
Его до неба вознесли Атланты.

Он заблистал для будущих веков,
И с той поры все пламенней, все
шире
Сияла людям Мысль, как свет в
эфире.

II. Халдея

Сияла людям Мысль, как свет в
эфире;
Ее лучи лились чрез океан —
Из Атлантиды в души разных
стран;
Так луч зенита отражен в нади-
ре!

Свет приняли Китай и Индостан,
Края эгейцев и страна Наири,
Он просверкал у Аймара и в Тире,

*Где чтим был Ягве, Зевс и Кукул-
кан.*

*И ярко факел вспыхнул в Вавило-
не;
Вещанья звезд прочтя на небо-
склоне,
Их в символы Семит пытливым
влил.*

*Седмица дней и Зодиак, — идеи,
Пребудут знаком, что уже в Хал-
дее
Исканьем тайн дух человека жил.*

III. Египет

*Исканьем тайн дух человека жил,
И он сберег Атлантов древних
тайны,
В стране, где, просверлив песок
бескрайный.
Поит пустыню многоводный Нил.*

*Терпенье, труд, упорный, чрезвы-
чайный.
Воздвигли там ряд каменных мо-
гил,
Чтоб в них навек зов истины за-*

стыл:

Их формы, грани, связи — не случайны!

*Египет цели благостной достиг,
Хранят поныне плиты пирамиды
Живой завет погибшей Атлантиды.*

*Бог Тот чертил слова гигантских книг,
Чтоб в числах три, двенадцать и четыре
Мощь разума распространялась в мире.*

IV. Эллада

*Мощь разума распространялась в мире —
Египет креп, как строгое звено,
Но было людям жизнь понять дано
И в радости: в резце, в палитре, в лире.*

*Влилась в века Эллада, как вино,
—
В дворцовой фреске, в мраморном*

кумире,
В живом стихе, в обточенном
сапфире,
Явя, что было, есть и суждено.

Но, строя храмы, вознося колон-
ны,
Могла ль она забыть зов потаен-
ный,
Что край Осириса ей повторил?

Шел Эллин к знанью по пути ми-
стерий, —
Но дух народа блеск давал и вере,
Прекрасен, светел, венчан, злато-
крыл.

V. Эллинизм и Рим

Прекрасен, светел, венчан, злато-
крыл,
Цвел гений Греции. Но предстояло
Спать в одно — халдейские нача-
ла
И мысли эллинской священный
пыл.

Встал Александр! Все ж Року бы-
ло мало

Фалангой всюду созданных гор-
нил;
И вот, чтоб Рим весь мир объеди-
нил,
Медь грозных легионов застона-
ла.

В те дни, как Азия спешила взять
Дар Запада, и каждый край, как
призма,
Лил, преломляя, краски эллиниз-
ма,

К завоеванью всей вселенной —
рать
Вел Римлянин; при первом три-
умвире
Он встал, как царь, в торже-
ственной порфире.

VI. Римская империя

Он встал, как царь, в торже-
ственной порфире,
Укрыв под ней весь мировой про-
стор,
От скал Сахары до Шотландских
гор,
От врат Мелькарта до снегов Си-

бири.

*Столетий и племен смирив спор,
Сливая голоса в безмерном клире,
Всем дав участие на вселенском
пире,
Рим над землей свое крыло про-
стер.*

*Все истины, что выступали к све-
ту, —
Под гул побед, под сенью римских
прав,
Переплавлялись властно в новый
сплав.*

*Вела Империя работу эту,
Хоть вихрь порой величья не ща-
дил,
Хоть иногда лампы Рок гасил.*

VII. Переселение народов

*Хоть иногда лампы Рок гасил,
Рим до конца исполнил труд вла-
дыки,
Он был свершен, когда, под вопль
и крики,
Сонм варваров Империю свалил.*

*Народы хлынули, свирепы, дики;
Мрак разостлался, тягостен,
уныл;
Казалось: луч наук навек почил;
И тщетно трон свой высил Карл
Великий.*

*Но в мгле крушений отблеск золо-
той
Искал путей, везде сверкал меч-
той,
Под стук мечей, под грозный скок
валькирий.*

*Меж камней, бывших кесарских
палат,
Под робкий свет монашеских
лампад
Дух знанья жил, скрыт в тайном
эликсире.*

VIII. Средние века

*Дух знанья жил, скрыт в тайном
эликсире,
Поя целебно мутный мрак веков.
Пусть жизнь была сплошной
борьбой врагов,
Пусть меч звенел в бою и на тур-*

нире, —

Искал алхимик камень мудрецов,
Ум утончался в преньях о вампи-
ре,
Познать творца пытался бого-
слов, —
И мысль качала мировые гири.

Монах, судейский, рыцарь, мене-
стрель, —
Все смутно видели святую цель,
Хоть к ней и шли не по одной до-
роге.

В дни ужасов, огня, убийств, тре-
воги,
Та цель сияла, как звезда: она
Во все века жила, затаена.

IX. Возрождение

Во все века жила, затаена,
И жажда светлых, благостных
веселий.
Настали сроки: струны вновь за-
пели,
И краски вновь зардели с полотна.

*Из дряхлой Византии в жизнь —
весна*

*Вошла, напомнив о любви, о теле;
В своих созданьях Винчи, Рафаэли
Блеск бытия исчерпали до дна.*

*Те плыли за Колумбом в даль
Америк,
Те с Кортецом несли на чуждый
берег
Крест, чтоб с ним меч победно
пронести.*

*Стремилась все — открыть, изоб-
рести,
Найти, создать... Царила в эти
годы
Надежда — вскрыть все таин-
ства природы.*

X. Реформация

*Надежда — вскрыть все таин-
ства природы —
Мир к высшей тайне привела, — и
бог
Восстал над бурей будничных
тревог,
Над сном народов, над игрушкой*

моды.

*За громом Лютера прошли походы
Густава, Тилли; снова сумрак,
строг,
Окутал землю, и военный рог
К войне за веру звал из рода в роды.*

*Промчался Кромвель; прогремела
Ночь
Варфоломея; люди в пытках гибли;
Стал дыбой — крест, костром —
страницы Библий.*

*Но Истина, исканий смелых дочь,
Жива осталась в вихрях непогоды;
К великой цели двигались народы.*

XI. Революция

*К великой цели двигались народы.
Век философии расцвел, отцвел;
Он разум обострил, вскрыл глубины
зол
И людям вспыхнул маяком свободы.*

Упали с гулом вековые своды,
Был свергнут в бездну старый
произвол,
Поток идей разлился, словно во-
ды,
Что в марте затопляют луг и
дол.

Гудели волны буйного потока,
Ученье братства разнеся широко,
Под знамя воли клича племена.

Бороться с правдой силился на-
прасно
Державный Север: под зарницею
красной,
Шумя, Европу обняла война.

XII. Наполеон

Шумя, Европу обняла война,
Глася: «Мир хижинам и гибель
тронам!»
Пусть эта брань потом Наполео-
ном,
В дыму побед, была усмирена.

Навек осталась вскрытой глуби-
на;

Над ней теперь гудело вещим зво-
ном —
Все то, об чем шептали лишь уче-
ным
Намеки книг в былые времена.

Ваграм и Дрезден, Аустерлиц и
Иена,
Вы — двух начал таинственная
смена;
Толпе открыли вы свободный
путь.

Народ рванулся ветром тайн дох-
нуть...
Но не давал дышать им в полной
мере
Все ж топот армий, гулы артил-
лерий.

XIII. Девятнадцатый век

Все ж топот армий, гулы артил-
лерий
Затихли; смолк войны зловещий
звон;
И к знанью сразу распахнулись
двери,
Природу человек вдруг взял в по-

лон.

*Упали в прах обломки суеверий,
Наука в правду превратила сон:
В пар, в телеграф, в фонограф, в
телефон,
Познав составы звезд и жизнь
бактерий.*

*Античный мир вел к вечным тай-
нам нить;
Мир новый дал уму власть над
природой;
Века борьбы венчали всех свобо-
дой.*

*Осталось: знанье с тайной съеди-
нить.
Мы близимся к концу, и новой эре
Не заглушить стремленья к выс-
шей сфере.*

XIV. Мировая война XX века

*Не заглушить стремленья к выс-
шей сфере
И буре той, что днесь шумит кру-
гом!
Пусть вновь все люди — злобный*

*враг с врагом.,
Пусть в новых душах вновь вос-
кресли звери.*

*На суше, в море, в вольной атмо-
сфере,
Везде — война, кровь, выстрелы и
гром...
Рок ныне судит неземным судом
Позор республик лживых и импе-
рий!*

*Сквозь эту бурю истина пройдет,
Народ свободу полно обретет
И сам найдет пути к мечте сто-
летий!*

*Пройдут бессильно ужасы и эти,
И Мысль взлетит размахом мощ-
ных крыл
Над буйным хаосом стихийных
сил!*

XV. Заключение

*Над буйным хаосом стихийных
сил
Сияла людям Мысль, как свет в
эфире.*

Исканьем тайн дух человека жил,
Мощь разума распространялась в
мире.

Прекрасен, светел, венчан, злато-
крыл,
Он встал, как царь в торжествен-
ной порфире.
Хоть иногда лампы Рок гасил,
Дух знанья жил, скрыт в дивном
эликсире.

Во все века жила, затаена,
Надежда — вскрыть все таин-
ства природы,
К великой цели двигались народы.

Шумя, Европу обняла война...
Все ж топот армий, громы ар-
тиллерий
Не заглушат стремленья к выс-
шей сфере.

«Пора! Склоняю взор усталый...»

*И утлый челн мой примет вечность
В неизмеримость черных вод...
Urbi et Orbi*

*Пора! Склоняю взор усталый:
Компас потерян, сорван руль,
Мой утлый челн избит о скалы...
В пути я часто ведал шквалы,
Знал зимний ветер одичалый,
Знал, зноем дышащий, июль...*

*Давно без карты и магнита
Кручусь в волнах, носим судьбой,
И мой маяк — звезда зенита...
Но нынче — даль туманом скры-
та,
В корму течение бьет сердито,
И чу! вдали гудит прибой.*

*Что там? Быть может, сны ла-
гуны
Меня в атолле тихом ждут,
Где рядом будут грезить шкуны?
Иль там, как сумрачные струны,
Стуча в зубчатый риф, буруны*

Над чьей-то гибелью взревет?

*Не все ль равно! Давно не правлю,
Возьмусь ли за весло теперь,
Вновь клочья паруса поставлю?
Нет! я беспечность в гимне сла-
лю,
Я полюбил слепую травлю,
Где вихрь — охотник, сам я —
зверь.*

*Мне сладостно, не зная, что бу-
дет,
Куда влечет меня мой путь.
Пусть прихоть бури плыть прину-
дит —
Опять к бродячим дням прису-
дит
Иль в глуби вечных вод остудит
В борьбе измученную грудь!*

*Пора! спешу, мой челн усталый!
Я пристань встречу ль? утону ль?
—*

*Пою, припав на борт, про скалы,
Про все, что ведал я, про шквалы,
Про зимний ветер одичалый,
Про, зноем дышащий, июль!*

15 марта 1919

Вступление

Жизнь кончена, я это сознаю,
Нет больше целей, нет надежд
свободных,
Пора пересказать всю жизнь свою
В стихах неспешных, сжатых и
холодных.
Мне — сорок шесть. За эти годы я
Людей значительных встречал
немало
(Меж ними были и мои друзья),
Судьба меня нередко баловала,
Я видел много стран, и сквозь ок-
но
Три революции мог наблюдать я
жадно,
Испить любовь мне было суждено
И все мученья страсти беспощад-
ной.
И все прошло, и все я пережил,
И многих нет, с кем я сидел на пи-
ре...
Смотрю спокойно на ряды могил
И больше ничего не жду я в мире.

20 марта 1919

Праздник труда Гимн Первого мая 1919 года

*На сонных каналах Венеции
Колышут весло гондольеры;
С весной пробуждаются в Греции
Античных столетий Химеры;
Смеется беспечная Франция,
Сбор золота щедро посеяв;
Мне кажется: в пламенном тан-
це я,
Взглянув за зубцы Пиренеев;
Грозась, торжествует Британия,
По свету суда рассылая...
Как будто и кровь и страдания
Забыты пред праздником Мая!*

*Но лишь единому народу,
Ликуя, можно встретить Май:
Тому, кто новую свободу
Ввел радостно в свой старый
край;
Тому, кто создал, первый в мире,
Свою Республику Труда, —
И мая Первого на пире
Он вправе первым быть — всегда!*

Что день, исчезают бесследное
Безумства, царившие долго;
Прносятся залпы последние
Над Вислой, над Бугом, над Вол-
гой;
Кончается бред неестественный,
Пять лет всех томивший сурово;
Выходят из пропасти бедствен-
ной
Заветные тени былого;
Вновь людям звучит все держав-
нее:
«Свобода! — Равенство! — Брат-
ство!»
Кровавое время недавнее
Страшит, как в мечтах свято-
татство...

Но лишь единому народу,
Ликуя, можно встретить Май:
Тому, кто новую свободу
Ввел радостно в свой старый
край;
Тому, кто создал, первый в мире,
Свою Республику Труда, —
И мая Первого на пире
Он вправе первым быть — всегда!

Из праха встает, что разрушено:
Селения, фабрики, школы.
Пусть море из слез не осушено:
Жизнь кличет на подвиг тяжё-
лый.
Вот снова машины стогудные
Завыли в казармах стооких,
Воскресли часы многотрудные
Под взорами стражей жестоких;
И, хитро таясь, но уверенно,
Вновь частую сеть капитала
Незримые руки — размеренно
Бросают в толпу, как бывало...

И лишь единому народу,
Ликуя, встретить можно Май:
Тому, кто новую свободу
Ввел радостно в свой старый
край;
Тому, кто создал, первый в мире,
Свою Республику Труда, —
И мая Первого на пире
Он вправе первым быть — всегда!

30 апреля 1919

Труд

*В мире слов разнообразных,
Что блестят, горят и жгут, —
Золотых, стальных, алмазных, —
Нет священной слова: «Труд!»*

*Троглодит стал человеком
В тот заветный день, когда
Он, сошник повел к просекам,
Начиная круг труда.*

*Все, что пьем мы полной чашей,
В прошлом создано трудом:
Все довольство жизни нашей,
Все, чем красен каждый дом.*

*Новой лампы свет победный,
Бег моторов, поездов,
Монопланов лет бесследный,
Все — наследие трудов!*

*Все искусства, знанья, книги —
Воплощенные труды!
В каждом шаге, в каждом миге
Явно видны их следы.*

*И на место в жизни право
Только тем, чьи дни — в трудах:
Только труженикам — слава,
Только им — венок в веках!*

*Но когда заря смеется,
Встретив позднюю звезду, —
Что за радость в душу льется
Всех, кто бодро встал к труду!*

*И, окончив день, усталый,
Каждый щедро награжден,
Если труд, хоть скромный, ма-
лый,
Был с успехом завершен!*

Первый привет

Николаю Минаеву

...а в миг паденья —

Взгляд, лишь взгляд один, без сожаленья!

Urbi et Orbi

Издравле сладостный союз...

Пушкин

Годы делят нас и поколенья:

*Дышишь ты весной, мгновенным
маем, —*

Я последние считаю звенья

Цепи той, что все мы не снимаем.

*Но и ты, как я, на утре чистом,
Зов заветный слышал в полумраке.—*

Голос Музы, — над путем росистым,

Там, где тени, тайны, сон и маки.

*И пока ты — на тропе священной,
И твой взор надеждой вещей блещет, —*

Над тобой скольжу я неизменно,
И в руке моей — венец трепещет.

3 августа 1919

**«Что день, то сердце все
усталей...»**

Что день, то сердце все усталей
Стучит в груди; что день, к гла-
зах —
Тусклей наряд зеленых далей
И шум и смутный звон в ушах;

Все чаще безотчетно давит,
Со дна вставая, душу грусть,
И песнь, как смерть от дум изба-
вит,
Пропеть я мог бы наизусть.

Так что ж! Еще работы много,
И все не кончен трудный путь.
Веди ж вперед, моя дорога,
Нет, все не время — отдохнуть!

И под дождем лучей огнистых.
Под пылью шумного пути
Мне должно, мимо роц тени-

стых,
С привала на привал идти.

Не смею я припасть к фонтану,
Чтоб освежить огонь лица,
Но у глухой судьбы не стану
Просить пощады — до конца!

Путем, мной выбранным одна-
жды,
Без ропота, плетясь, пойду
И лишь взгляну, томясь от жажд-
ды,
На свежесть роз в чужом саду.

У цели

Еще немало перекрестков,
И перепутий, и путей!
Я много схоронил подростков,
В могилу проводил детей.

Летами я не стар, но много
И видно и свершено,
И завела меня дорога
За цель, манившую давно.

Теперь ступил я за пределы
Своей младенческой мечты.
Что впереди? Мне скажут: целый
Мир, полный вечной красоты!

Но все, что будет, неизбежно,
Непрочны краски новизны,
И путнику с вершины снежной
Долины далеко видны.

Быть может, не скудеют силы,
Но повторенья мучат ум;
Все чаще тихий сон могилы
Пленительней, чем яркий шум.

Соблазн — последний срок исчис-
лить
Душе порой неодолим,
И в жажде — не желать, не мыс-
лить,
Я тайно упиваюсь им!

<1919>

**«Сложив стихи, их на год спрятать
в стол...»**

Сложив стихи, их на год спря-
тать в стол
Советовал расчетливый Гораций.
Совет, конечно, не всегда тяжел
И не подходит для импровизаций.
Хотя б поэт был мощен, как орел,
Любимцем Аполлона, Муз и Гра-
ций, —
Не сразу же божественный гла-
гол
Зажжет в нем силу мощных де-
кламации!
Пусть он всю ловкость в рифмах
приобрел
И в выборе картин для декораций;
Пусть он и чувство для стихов

нашел,
Всем нужны образы для иллюстраций:
Диван и лампа иль холмы и дол,
Ряды гранитов иль цветы акаций...
Но я собрал с усердьем мудрых пчел,
Как мед с цветов, все рифмы к звуку «аций»,
Хоть не коснулся я возможных зол
И обошел немало разных наций.
Теперь мне предоставлен произвол
Избрать иную рифму вариаций.

Что скажете, когда возьмусь за ум
И дальше поведу свой стих с любовью?
Поэт, поверьте, не всегда угрюм,
И пишет он чернилами, не кровью.
Но все ж он любит голос тайных дум,
И их не предает он суесловью.
Но мир ведь призрак, объясняет

Юм,
И вот, стихи слагая по условию,
Он смело отдается чувствам
двум:
Веселью и душевному здоровью.
И рифмовать он может наобум
Стих за стихом, не шевельнувши
бровью.
На нем надет охотничий ко-
стюм,
Он мчится на коне в леса, к ста-
новью,
За ним мечта спешит, как вер-
ный грум,
Через изгородь, по пашням или но-
вью,
И метко бьет львов, тигров или
пум,
Гоня оленя к тайному низовью...
Но будет! Этих рифм тяжелый
шум
Терзать придет с упреком к изго-
ловью.

«Мелькают дни, и с каждым новым годом...»

*Мелькают дни, и с каждым новым годом
Мне все ясней, как эта жизнь кратка;
Столетия проходят над народом,
А восемьдесят лет — срок старика!*

*Чтоб все постичь, нам надобны века.
Мы рвемся к счастью, к тайнам и свободам,
И все еще стоим пред первым входом,
Когда слабеет смертная рука.*

*Нам призрак смерти предстает,
ужасный,
Твердя, что все стремления напрасны, —
Отнять намерен горе и печаль.*

*Но нет! Он властен заградить
дыханье,*

Но мысль мою, мои мечты, со-
знание
Я унесу с собой — в иную даль!

<1919>

Знакомый стих

Expositio[20]

*Знакомый стих любимого поэта!
Он прозвучал, и вот душа — ясней,
Живым лучом властительно со-
грета,
Скользнувшим отблеском дале-
ких, милых дней!*

*Слова поэта — магия печали:
В них мир таится мыслей и кар-
тин,
И часто словно разверзает дали
Мечтам — одна строфа иль стих
один.*

*И как в зерне скрывается расте-
нье —
И стебель, и листья, и цветы, и
плод,
Так и в стихе затаено виденье, —*

Как семя, пав, оно в душе растет.

Ехouium[21]

Вслед за картиной движется дру-
гая

И ряд еще, во, сладостно-слита
С мечтой поэта — (раня) и свер-
кая, —

Встает далекой юности мечта!

Я помню тот же стих; к знако-
мой книге

Приникли мы, счастливые, вдво-
ем.

И были полны вкрадчивые миги
Возникшим, как заклятие, сти-
хом.

Он подсказал нам все, что мы та-
или,

Он объяснил, что в нас самих жи-
вет,

Нас подчинил своей чудесной силе,
Как Паоло с Франческой — Ланче-
лот!

Знакомый стих любимого поэта,
С тобой навек сплел эти миги я,

Диван высокий, тайны полусвета
И сладкий миг желанного отве-
та,
Крик радостный души: твоя!
твоя!

1⁹¹⁹

Набросок

Все роковое божественно,
Прав победитель всегда!
Пусть он ступает торжественно

Пей упование стыда!

С ней, с неизменной, с возлюблен-
ной,
Вот он на ложе любви!
Дерзостно с жертвой погублен-
ной
Жгучие нити не рви.

Ты диадемой венчаешься,
Алые розы надень.
Пусть от огней опьяняешься,
Нежит и хмурая тень.

Нежит мученье последнее —

*Плакать растоптанной в прах...
Ты торжествуешь победнее
С черным молением в зрачках.*

1917 или 1919

«Я доживаю полстолетья...»

*Я доживаю полстолетья,
И на события все ясней
Могу со стороны смотреть я,
Свидетель отошедших дней.*

*Мое мечтательное детство
Касалось тех далеких лет,
Когда, как светлое наследство,
Мерцал «Реформ» прощальный
свет.*

*И, мальчик, пережил, как быль, я
Те чаянья родной земли,
Что на последние усилья
В день марта первого ушли.*

*Потом упала ризой черной
На всю Россию темнота,
Сдавила тяжело и позорно
Всех самовластия пята.*

*Я забывал, что снилось прежде,
Я задыхался меж других,
И верить отвыкал надежде,
И мой в неволе вырос стих.*

*О, как забилося сердце жадно,
Когда за ужасом Цусим
Промчался снова вихрь отрадный
И знамя красное за ним!*

*Но вновь весы судьбы качнулись,
Свободы чаша отошла.
И цепи рабства протянулись,
И снова набежала мгла.*

*Но сердце верило... И снова
Гром грянул, молнии зажглись,
И флаги красные сурово*

*Взвились в торжественную высь.
Простой свидетель, не участник,
Я ждал, я верил, я считал...*

«Я выросстал в глухое время...»

*Я выросстал в глухое время,
Когда весь мир был глух и тих.
И людям жить казалось в бремя,
А слуху был ненужен стих.*

*Но смутно слышалось мне в без-
днах
Невнятный гул, далекий гром,
И топоты копыт железных,
И льдов тысячелетних взлом.*

*И я гадал: мне суждено ли
Увидеть новую лазурь,
Дохнуть однажды ветром воли
И грохотом весенних бурь.*

*Шли дни, ряды десятилетий.
Я наблюдал, как падал плен.
И вот предстали в рдяном свете,
Горя, Цусима и Мукден.*

*Год Пятый прошумел, далекой
Свободе открывая даль.
И после гроз войны жестокой
Был Октябрем сменен февраль.*

Мне видеть не дано, быть мо-
жет,
Конец, чуть блещущий вдали,
Но счастлив я, что был мной про-
жит
Торжественнейший день земли.

Март 1920

**«Пусть вечно милы посевы,
скаты...»**

*Пусть вечно милы посевы, скаты,
Кудрявость рощи, кресты церк-
вей,
Что в яркой сини живут, сверкая,
—*

*И все ж, деревня, прощай, родная!
Обречена ты, обречена ты
Железным ходом судьбы своей.*

*Весь этот мирный, весь этот
старый,
Немного грубый, тупой уклад
Померкнуть должен, как в пол-
день брачный
Рассветных тучек узор прозрач-
ный,*

Уже, как громы, гудят удары,
Тараны рока твой храм дробят.

Так что ж! В грядущем прекрас-
ней будет
Земли воскресшей живой убор.
Придут иные, те, кто могучи,
Кто плыть по воле заставят ту-
чи,
Кто чрево пашни рождать прину-
дят,
Кто дланью сдавят морской про-
стор.

Я вижу — фермы под вязью кле-
нов;
Извивы свежих цветных садов;
Разлив потоков в гранитах ярком,
Под легкой стаей моторных ба-
рок,
Лес, возвращенный на мудрых скло-
нах,
Листвы гигантской сгущает
кров.

Победно весел в блистаньи све-
тов,
Не затененных ненужной мглой,

*Труд всенародный, труд хоровод-
ный,
Работный праздник души свобод-
ной,
Меж гордых статуй, под песнь по-
этов,
Подобный пляске рука с рукой.*

*Ступив на поле, шагнув чрез про-
пасть,
Послушны чутко людским умам,
В размерном гуле стучат маши-
ны,
Взрывая глыбы под взмах единый,
И, словно призрак, кидают ло-
пасть
С земли покорной ввысь, к обла-
кам.*

22 июля 1920

Бессонная ночь

За окном белый сумрак; над крышами
Звезды спорят с улыбкой дневной;
Вскрыты улицы темными нишами...
— Почему ты теперь не со мной?

Тени комнаты хищными птицами
Все следят, умирая в углах;
Все смеются совиными лицами;
Весь мой день в их костлявых когтях.

Шепчут, шепчут: «Вот — мудрый,
прославленный,
Эсотерик, кто разумом горд!
Он не гнется к монете заржавленной,
Не сидит он меж книг и реторт!

Юный паж, он в наивной влюбленности
Позабыл все морщины годов,

Старый Фауст, в зеркальной бездонности
Он *das Weiblich*[22] славить готов.

Любо нам хохотать Мефистофелем,
В ранний час поникая во мглу,
Над его бледным, сумрачным профилем,
Что прижат к заревому стеклу!»

— Полно, тени! Вы тщетно насмешливы!
Иль для ваших я стрел уязвим?
Вами властвовать знаю! Не те же ли вы,
Что склонялись пред счастьем моим?

Вновь ложитесь в покорной предельности, —
Тайте робко в улыбке дневной,
Вторьте крику свободной безвольности:
«Почему ты теперь не со мной!»

«Гордись! я свой корабль в Египет...»

*Гордись! я свой корабль в Египет,
Как он, вслед за тобой провлек;
Фиал стыда был молча выпит,
Под гордой маской скрыт упрек.*

*Но здесь мне плечи давит тога!
Нет! я — не тот, и ты — не та!
Сквозь огонь и гром их шла дорога,
Их жизнь сном страсти обвита.*

*Он был как бог входящий принят;
Она, предав любовь и власть,
Могла сказать, что бой он кинет,
—
Гибель за гибель, страсть за
страсть.*

*А мы? Пришел я с детской верой,
Что будет чудо, — чуда нет.
Нас мягко вяжет отсвет серый,
Наш путь не жарким днем согрет.*

Те пропылали! Как завидны

*Их раны: твердый взмах клинка,
Кровь с пирамиды, две ехидны,
Все, все, что жжет нас сквозь ве-
ка!*

*А нас лишь в снах тревожит рана,
Мы мудро сроков тайны ждем.
Что ж даст нам суд Октавиана,
Будь даже мы тогда вдвоем!*

*Прощай! Я в чудо верил слепо...
Вот славлю смерть мечты моей.
И пусть в свой день с другим у
склепа
Ты взнежишь яд священных змей!*

6 августа 1920

Уныние («Уныние! твой берег скал безлесных...»)

*Уныние! твой берег скал безлес-
ных
Глухим прибоем пленных пен
омыт;
Зловеще рыжи срывы стен отвес-
ных,
Сер низкий купол, в жутких тучах
скрыт.*

*К уклону круч, где смутно вход
обещан,
Свой снизив парус, легкий челн
причалъ.
Свистящим ветрам петь из
влажных трещин,
По камням мчатъ, как смерч кру-
тя, печаль.*

*Безлюдье; чаек нет; не взбрызнут
рыбы;
Лишь с вихрем раковин чуть
слышный вздох..
Прянь на утес, стань на нагие
глыбы,*

Ползи, сметая пыль, мни мерт-
вый мох.

В очах темно, дрожь в груди, руки
стынут,
Кровь под ногтями; скользок уз-
кий путь...
Жди, там, с высот, где кряжа гре-
бень минут,
На новый склон, в провал огня,
взглянуть!

Верь, только верь, — есть пламен-
ные доли!
Жди, вечно жди, — там в пальмах
реет зной.
Всходи, всползай, ломай гранит
тяжелый,
Славь сад надежд, вися над кру-
тизной!

24 августа 1920

Паломничество в века

*Как с камней пыль, мгновеньем
свиты
Огни «Лито», темь «Домино».
Крута ступень в храм Афродиты,
Лицо, в знак страха, склонено!*

*Дианы светоч, тих и ярок,
Кидает дождь прозрачных пен
К снам колоннад, к раздумьям
арок,
На гордый мрамор строгих стен.*

*Над зыбью крыш встал Капито-
лий;
Он венчан золотом, недвижим;
По Тибру с ветром негу соли
Вдыхает с моря вечный Рим.*

*Мы тайны ждем, воздев ладони,
Обряд молитв без слов творя.
Тебе, рожденный в светлом лоне,
Наш скромный дар, цвет сентяб-
ря.*

Киприда, ты, чья власть нетлен-

на,
Нас, падших ниц, благослови!
Не мы ль пришли сквозь мрак все-
ленной,
Века пробив тропой любви?

Не числь, благая, в грозной славе,
Людских обид! Взгляни: как
встарь,
Здесь вольный Скиф и дочь Аравии
Чтут, в сладкой дрожи, твой ал-
тарь.

Дней миллион, разгром империй,
Внесенный дерзко к небу крест,
—
Исчезло все! Нам к прежней вере
Путь указал блеск вещей звезд.

Слух напряжен. Смех благосклон-
ный —
Богини отзыв нас достиг...
Спит Рим, Селеной окропленный;
Но третьей стражи слышен
крик.

Пора! Всплывает пар тумана?
Тибр тмится, форум мглой по-

вит.

*Стрельчатый вход к мечтам Тристана,
Струя багряный свет, открыт.*

*Там строй колонн взвел Сансовино,
Здесь дом, где Гретхен длила сон...
Блестя, взнесла нож гильотина...
Встал в свет окна Наполеон...*

*Спешим! веков и миг не метит;
Пусть чары крепки, ночь везде, —
Уже со стен, уголь жуткий, светит
Вязь четких букв: Эс-эр-ка-де.*

28 августа 1920

«Не лги, мечта! былого жгуче жаль...»

*Не лги, мечта! былого жгуче
жаль,
Тех светлых ласк, тех нежных
откровений,
Когда, дрожа в рассветной мгле
мгновений,
Была любовь прекрасна, как пе-
чаль.*

*По нас влечет дыханьем дымным
даль,
Пьяня огнем неверных дерзнове-
ний.
В наш бред воспоминаний и забве-
ний
Вонзает время режущую сталь.*

*В какой стране очнемся мы, кто
скажет?
Гудящий ток разлившейся реки
Меж прошлым сном и настоя-
щим ляжет.*

*И эти дни томленья и тоски
Растают тенью заревых обма-*

нов,
Как там, за лесом, завеса туманов.

4 декабря 1920

Дворец Центромашин

*Из тьмы, из бездн иных столетий,
Встает, как некий исполин,
Величествен в недвижном свете,
Центродворец мотомашин.*

*Сталь ребер он согнул высоко,
До облаков внес два плеча;
Циклопа огненное око
Слепит неистовством луча.*

*Хребет залег, горе подобный,
Стеклянной чешуей повит;
Но днем и ночью жар утробный
Сквозь тело тусклое разит.*

*Растя до звезд, он в глуби вдвинут,
В земные недра тяжело врос,
И горны легких не остынут,
Дыша в просторы гулом гроз.*

Кипит расплавленное чрево,
Дрожит натруженная грудь,
Крутясь, из алчущего зева
Исходит в дымном клубе муть.

Огромной грудой угля сытый,
Дракон бескрылый, не устань!
Над распрями стихий— гуди ты
Призыв на вековую брань!

Вращайтесь, мощные колеса,
Свистите, длинные ремни,
Горите свыше, впрямь и косо,
Над взмахами валов огни!

Пуды бросая, как пригоршни,
В своем разлете роковом,
Спешите, яростные поршни,
Бороться с мертвым естеством!

А вы, живые циферблаты,
Надменно-медленным перстом,
Безумьем точности объяты,
Вносите молча над числом!

Здесь — сердце города, здесь — в
жилы
Столицы льются, вновь и вновь,

*Незримо зиждущие силы,
Ее божественная кровь;*

*Чтоб город жил в огнях оконных,
В пыланы лун на площадях;
Чтоб гром трамваев неуклонных
Не молк на спутанных путях;*

*Чтоб в кино быстрые картины
Сменялись в мерной чередѣ;
Чтоб дружно лязгали машины,
Пот нефтяной струя в труде!*

*Ревя, зверь мощный, множь уда-
ры,
Шли токи воля, не ослабей,
Чтоб город, создатель старьей,
Дышал свободно грудью всей,*

*Чтоб он, тебе придав заботы,
Тобой храним на всем пути,
За грань, сквозь толщу тайн, в
высоты,
Мог мысль победную взнести!*

17 декабря 1920

**«Когда над городом сквозь пыль
поют...»**

*Когда над городом сквозь пыль по-
ют
Глухие сны лимонного заката,
И торсы дряблые сквозь тень сну-
ют, —
В зачахлом сквере жалкая запла-
та.*

*Вновь ненавистны мне и дом и
труд,
Мечта опять знакомой злобой
сжата;
Над дряхлым миром я вершу свой
суд,
И боль моя — за ряд веков распла-
та.*

Бунт

*В огне ночном мне некий дух пред-
рек:*

*«Что значит бунт? — Начало
жизни новой.*

*Объято небо полосой багровой,
Кровь метит волны возмущенных
рек.*

*Великим днем в века пройдет наш
век,*

*Крушит он яро скрепы и основы,
Разверзта даль; принять венец го-
товый,*

*В сиянье братства входит чело-
век.*

*Дни просияют маем небывалым,
Жизнь будет песней; севом зла-
то-алым*

*На всех могилах прорастут цве-
ты.*

*Пусть пашни черны; веет ветер
горний;*

Поют, поют в земле святые кор-

ни, —
Но первой жатвы не увидишь
ты!»

1⁹²⁰

**«Мечта, внимай! Здесь, в полночи
бездонной...»**

*Мечта, внимай! Здесь, в полночи
бездонной,
Где изнемог мрак, пологи стеля,
Как враг врагу, как другу брат
влюбленный,
Тебе кричит, верша свой круг,
Земля:*

*«Довольно, люди, грозных распрь!
устала
Я дым вдыхать, кровь телом
всем впивать!
Иль вам убийств, слав, дележей —
все мало?
К оливе мира длань — вас молит
мать.*

*Взрыт океан огнем эскадр бродя-
чих,*

Поля пальбой дрожат до тучных
недр,
Пожаров буйный блеск слепит
незрячих...
Смиритесь, дети! дар мой будет
щедр.

Грызите грудь мне остро-тяж-
ким плугом,
Вдвигайте в чрево камни строи-
ных стен, —
Но пусть с востоком запад, север
с югом
Признают вновь мой дружествен-
ный плен!»

— Нет, мать-Земля, молчи! ты
миллиарды
Веков жила, чтоб встретить
этот век;
Рождались черви, ящеры и парды,
Но смысл твоих рождений — че-
ловек!

Теперь он встал, чтоб жизнь
твою осмыслить,
Твои дела венчать своим венцом.
Он смеет ныне мыслить, мерить,

числить,
Он во вселенной хочет стать
творцом.

Гул наших битв есть бой святой,
последний,
Чтоб земли все связать в единый
жгут,
Все силы слить в один порыв, по-
бедней
Взнести над миром мудро-друж-
ный труд.

Земля, смотри! упор единой выи
Ввысь всюду взводит светлый ряд
аркад:
Рабы нам воды, ветры, все сти-
хии,
Ты вся — эдем, ты вся — поющий
сад.

Мы челны шлем путем междуп-
ланетным,
Мы учим правде звездных мудре-
цов,
Твой мир несем мы, именем за-
ветным
Твоим крестим мы жизнь иных

миров.

Тебе, Земля, путь устроаем но-
вый,
Твой, мощью знаний, оживляем
прах,
Жуть вечных далей одолев, гото-
вы
От солнца к солнцу плыть в эфир-
ных днях!

<1920>

**«Когда стоишь ты в звездном
свете...»**

Когда стоишь ты в звездном све-
те,
Смотря на небо, не забудь,
Что эти звезды, блески эти
И те, что слиты в Млечный
Путь, —

Все это — солнца огневые,
Как наше солнце, и кругом
Плывут шары земель, — такие,
Как шар земной, где мы живем.

*В просторном океане неба,
Как в жизни нашей, — тот же
круг;
Там тот же бодрый труд для
хлеба,
Та ж радость песен и наук!*

1⁹²⁰

**«Современность грохочет, грозит,
негодует...»**

*Современность грохочет, грозит,
негодует,
Взрезом молний браздит наш
уклончивый путь,
Сон грядущего в зорких зарницах
рисует,
Валит слабых и сильных стре-
мится столкнуть.*

*Но ведь ярусы розы по-прежнему
красны,
Пестры бабочки в поле, легки об-
лака,
Камни мертвых строений упру-
го-бесстрастны.
Быстро миги летят, собираясь в*

века.

Так стройте призраки жизни новой

Из старых камней давних стен.
Меня ж всегда закат багровый
Влечет, как узника, в свой плен.

Пройдут века, над вашим домом
Воздвигнут новые дома, —
Но будут жечь огнем знакомым
Все тот же блеск, все та же
тьма.

Еще священней и чудесней
За ночью ночь воздвигнет храм,
Чтоб в нем по зову Песни Песней
Клонили зной уста к устам!

<1920>

«Не довольны ль вы прошлое нежили...»

*Не довольны ль вы прошлое нежили,
К быломu льнули, как дети?
Не прекрасней ли мир нынешний,
нежели
Мертвый хлам изжитых столетий?*

*Иль незримо не скрещены радио,
Чтоб кричать о вселенской правде,
Над дворцами, что строил Палладио,
Над твоими стенами, Клавдий!*

*Не жужжат монопланы пропеллером,
Не гремят крылом цеппелины.
Над старым Ауэрбах-келлером,
Где пел дьявол под звон мандолины?*

*На дорогах, изогнутых змеями,
Авто не хохочут ли пьяно*

*Над застывшими в зное Помпея-
ми,
Над черным сном Геркулана?*

*А там на просторе, гляньте-ка,
Вспенены китами ль пучины?
Под флотами стонет Атланти-
ка,
Врезают глубь субмарины!*

<1920>

**«С тех пор как я долго в немом
ожидании...»**

*С тех пор как я долго в немом
ожидании,
В тихом веселии,
Качался над пропастью смерти,*

—
*Мне стали мучительны повест-
ования*

*О невинной Офелии,
О честном Лаэрте,
И много таких же золотоволо-
сых
Историй
О любви и о горе.*

Волны у взморий
Стыдливо рокочут;
На зеленых откосах
Кузнечики сладко стрекочут;
Розы в сразовых росах
Влюбленным пророчат,
И та же луна
(О которой пела Ассирия),
«Царица сна»
(И лунатичек),

Льет с высоты
Свои древние, дряхлые чары
На круг неизменных привычек,
На новый, но старый,
Ах, старый по-прежнему свет.
Да, та же луна
Глядит с высоты,
Луна, о которой пела Ассирия,
Нет!
Иной красоты
Жажду в мире
Я.

«Снова сумрак леса зелен...»

Снова сумрак леса зелен,
Солнце жгуче, ветер чист;
В яме, вдоль ее расселин,
Тянут травы тонкий лист.

Сквозь хвою недвижных елей
Полдень реет, как туман.
Вот он, царь земных веселий,
Древний бог, великий Пан!

Здравствуй, старый, мы знакомы,
Много раз я чтил тебя.
Вновь пришел, мечтой влекомый,
Веря, радуясь, любя.

Я ль не славил, в вещиц песне,
Запах листьев, ширь полян, —
Жажду петь еще чудесней:
Милый Пан! я счастьем пьян.

Старый, мудрый, стародавний,
Ты поймешь ли в этот день,
Что восторг любви — державной,
Чем высоких сосен тень?

Что лишь в час, когда ликуем
Мы от новых страстных ран,
Сладко метить поцелуем
Шерсть твою, Великий Пан!

<1920>

Всадник в городе

Дух наших дней свое величество
Являл торжественно и зло:
Горело дерзко электричество
И в высоте, и сквозь стекло;
Людей несметное количество
По тротуарам вдоль текло;

Как звери, в мире не случайные,
Авто неслись — глаза в огне;
Рисую сны необычайные,
Горели кино в вышине;
И за углом звонки трамвайные
Терялись в черной глубине.

И вот, как гость иного времени,
Красивый всадник врезан в свет;
Носки он твердо держит в стре-
мени,
Изящно, но пестро одет:
Ботфорты, хлыст, берет на те-

мени,
Былой охотничий жакет.

Как этот конь исполнен грации!
Его копыт как звучен звон!
Он весь подобен иллюстрации
К роману рыцарских времен.
Но как неверны декорации,
Восставшие со всех сторон.

Здесь, где шумит толпа столич-
ная,
Полна всесилья своего,
Здесь, где, дымя, труба фабрич-
ная
Стоит — немое божество, —
Где стук машин — игра привыч-
ная,
Ты, выходец, искал чего!

Ты нарушаешь тон торжествен-
ный
Всей современности. Гляди:
Толпа, смеясь, на зов естествен-
ный,
Играя, мчится впереди.
Что ж! как кентавр, как миф бо-
жественный,

В былых преданьях пропади!

1⁹²⁰

**В вагоне («Душно, тесно, в окна
валит...»)**

*Душно, тесно, в окна валит
Дымный жар, горячий дым,
Весь вагон дыханьем залит
Жарким, потным и живым.*

*За окном свершают сосны
Дикий танец круговой.
Дали яркостью несносны,
Солнце — уголь огневой.*

*Тело к телу, всем досадно,
Все, как мухи, к стеклам льнут,
Ветер бега ловят жадно,
Пыль воздушную жуют.*

*Лица к лицам, перебранка,
Грубость брани, визгливый крик,
Чахлый облик полустанка,
В дым окутанный, возник.*

Свет надежды; там, быть мо-

жет,
Ковш воды, студен и чист!
Нет, напрасно не треножит
Паровоза машинист!

Прежний дым и грохот старый,
Духота, что раньше, та ж,
Караван в песках Сахары,
Быстро зыблемый мираж.

Все песок, пески, песчаник,
Путь ведет в песках, в песках.
Сон иль явь, ах, бедный странник,
Да хранит тебя Аллах!

Болезнь

*Демон сумрачной болезни
Сел на грудь мою и жмет.
Все бесплодней, бесполезней
Дней бесцветных долгий счет.*

*Ночью сумрак мучит думы,
Утром светы множат грусть,
За окном все гулы, шумы
Знаю, помню наизусть.*

*То, что прежде так страшило,
Стало близким и простым:
Скоро новая могила
Встанет — с именем моим.*

*Что ж! Порвать давно готов я
Жизни спутанную нить,
Кончив повесть, послесловья,
Всем понятного, не длить.*

*Только жаль, мне не дожидаться
До конца тех бурь слепых,
Что гудят, летят, крутятся
Над судьбой племен земных.*

Словно бывши на спектакле,
Пятый акт не досмотреть
И уйти... куда? — во мрак ли,
В свет ли яркий?.. Мысль, ответ!

1⁹²⁰

Возвращаясь

Возвращаясь, мечтать, что завтра,
В той комнате, где свалены книги,
Этих строк непризнанный автор
Опять будет длить повторенные
миги
И, склоняясь у печки к остывающим
трубам,
Следить, как полудетские губы
«Нет» неверно твердят,
Как лукавые веки упорно
Прикрывают наивно-обманнный
взгляд,
А около,
Из-под шапочки черной,
Вьются два маленьких локона.

Возвращаясь, мечтать, что снова
Завтра, под снежным дождем,

Как в повести старой,
Мы пройдем вдоль Страстного
бульвара
Вдвоем,
Говоря о причудах маркиза де Са-
да,
Об том, что мудро таит Ка-
ма-Шутра,
Об чем исступленно кричал За-
хер-Мазах, —
И будет все равно — вечер, день
или утро,
Так как вечность будет идти ря-
дом,
Та вечность, где живы
Каждый лепет счастливый
И каждый вздох.

Возвращаясь, мечтать о про-
стом,
Об том,
Что завтра, маленьким чудом,
Я снова буду, — я буду! —
Тем же и с ней же!
Смейся, февраль, колючий и све-
жий,
В лицо мне,
С насмешкой тверди о моем вче-

ра!

*Ничего не хочу я помнить!
В памяти, умирая, простерты
Все прежние дни и ночи,
И возле,
Окоченели и мертвы,
Все утра и все вечера.
Февраль! Чего ж ты хохочешь,
«А после?» твердя ледяным язы-
ком!
Что будет после,
Подумаем после об том.*

14 февраля 1921

**«Дни для меня незамысловатые
фокусы...»**

*Дни для меня незамысловатые
фокусы,
В них стройность математиче-
ского уравнения.
Пусть звездятся по водам без-
жизненные лилий,
Но и ало пылают бесстыдные
крокусы.
Лишь взвихренный атом космиче-*

ской пыли я,
Но тем не менее
Эти прожитые годы
(Точка в вечности вечной природы)
Так же полны значения,
Как $f(x, y) = 0$.
Богомольно сгибало страдание
страсти,
К золотым островам уводили
наркотики,
Гулы борьбы оглушали симфони-
ей,
В безмерные дали
Провал разверзали,
Шелестя сцепленьями слов, биб-
лиотеки.
Но с горькой иронией,
Анализируя
Переменные мигнов и лет,
Вижу, что миру я
Был кем-то назначен,
Как назначены эллипсы солнц и
планет.
И когда, умиленным безумьем
охвачен
Иль кротко покорен судьбе,
Я целую чье-то дрожащее веко,

Это — к формуле некой
Добавляю я «а» или «b».

26 февраля 1921

**«Еще раз, может быть, в
последний...»**

Еще раз, может быть, в послед-
ний,
Дороги выбор мне дарован,
На высях жизни, здесь, где воздух
Прозрачной ясностью окован,
Где жуть волшебной, заповедней,
Где часто на порфирных скалах
В сны без надежд проснуться —
роздых
Склоняет путников усталых.

Высок бесстрастно купол синий,
Внизу, как змей извивы, тучи,
Под ними грива острых сосен,
Чу! водопад с соседней кручи...
Я ль не над миром, на вершине?
И ропщет ветер с лживой лаской;
Усни! Довольно зим и весен,
Путь завершен, стань вечной
сказкой!

Не верю! Посох мой не сломан,
И тропы вьют к иным высотам,
Через новый лог, былых — огром-
ней,
Где шумен пчел разлет по сотам,
Где легких птиц невучий гомон,
Где высь безмерней, даль бескрай-
ней,
Где, может быть, припасть дано
мне
К твоей, Любовь, предельной тай-
не!

28 февраля 1921

**«В священной бездне мглы
архангел мне предстал...»**

*В священной бездне мглы архан-
гел мне предстал,
В его зрачках сверкал карбункул и
опал.
И вестник вечности сказал мне
строго: «Следуй!»
Я встал и шел за ним. Все стало
сродно бреду.
Мы понеслись, как вихрь, меж ог-
ненных светил,*

Внизу, у ног, желтел водой свя-
щенный Нил,
Где ныне барка Ра уже не гнет па-
пирус;
Потом меж гибких пальм Ганг
многоводный вырос
Но спал на берегу осмеянный фа-
кир;
Мелькнул тот кругозор, где буй-
ный триумвир
Бежал от Августа, в бою палим
любовью;
И арки, давшие мечту средневеко-
вью,
Веселье, что творил свободный
Рафаэль,
Конкистадоров гром и вдохновен-
ный хмель,
Маркиз нарядных сон, под звуки
менуэта,
Когда была вся жизнь беспечно-
стью одета;
Кровавый блеск, где был нож ги-
льотин взнесен,
Твой пламенный пожар меж
битв, Наполеон,
Разгары новых войн и мятежей,
стихии,

Зажегшие векам огни Ресеферши.

*Все в диком хаосе взметалось по-
до мной,*

*И голос слышал я, катившийся
волной:*

*«Внемли! Изведал я все таинства
Изиды,*

*И то, как, бросив храм разящей
Артемиды,*

*Бежали эллины туда, где деял ча-
ры Вакх;*

*Как возбуждал вражду в квири-
тах смелый Гракх,*

*Как с гибеллинами боролись яро
гвельфы*

*В лесах, где при луне играли резво
эльфы;*

*Как, океан браздя, Колумб едва не
сгиб,*

*Как молча созерцал аутодафе Фи-
липп,*

*И был Эскуриал весь дымами оку-
тан,*

*Как в яблоке закон миров прови-
дел Ньютон*

*И в лагере постиг сознанья смысл
Декарт.*

Как в дождевой апрель (по-старо-
му — был март),
В светлице, где сидел недавно
сторож царский,
Стихам Гюго внимал с улыбкой
Луначарский».

Внимая, я дрожал, а вестник мне:
«Гляди!»

И хартии тогда раскрылись впе-
реди.

Гласила первая: я — истина Био-
на,

Чрез меру — ничего! вот правило
закона!

Вторая: не забудь — я мыслю,
ergo sum[23].

Но слишком много слов запута-
ют и ум.

А третья: сам Гюго сказал: мне
рек Всевышний —

Искусство в том, чтоб все зачер-
кивать, что лишне.

3 апреля 1921

«Эй, рабочие мира! ложь — все то сладкопенье!..»

*Эй, рабочие мира! ложь — все то
сладкопенье!*

*Держите к ружьям примкнуты
штыки!*

*Лишь в день, когда лопнет земное
терпенье,*

*С ним цепь милитаризма разле-
тится в куски.*

*Чем орды гудели, даль тряся, при
Саргоне,*

*Чем ухали пушки под топот Ат-
тил, —*

*Нам вчера звенело с аппаратов
Маркони,*

Сегодня говор газет подхватил.

*И бои, где за греком стоит англи-
чанин, —*

*Перезвон под набатом историче-
ских дат:*

*Что и сотый век на земле не при-
чален*

И к войне против войн вызван

красный солдат.

Сентябрь 1922

А.К. Глазунову

*Слава — властителю звуков!
творцу вдохновенному — слава!
Звуками нас ты прославил, мы
звуками славного славим!*

*Стелется вольное Море;
раскинулся Лес на раздольи;
Веет Весна по просторам;
по Волге плывет Стенька Разин;
Чу! Трубадура припевы;
чу! стук костяков, — Пляска
Смерти;
Нет, то Мазурка топочет!
нет, это — Славянская Свадьба!
Западный марш, честь Чикаго...
Причудливость Грез о Востоке...
Радостен взлет Саломеи;
но Песня Судьбы беспощадна.*

*Звуками мир ты прославил, мы
звуками славного славим!
Слава — властителю звуков,
творцу вдохновенному —*

слава!

12 октября 1922

«Странствующий рыцарь, Дон Кихот!..»

Странствующий рыцарь, Дон Кихот!

Чуден был, был вдумчив твой приход.

Двадцать пять столетий ждали мы;

Вдруг пробил Сервантес толщу тьмы.

С толстым Санчо Панса на осле, Тощий, ты поехал по земле

Из родной Ламанчи вдаль и вдаль. Ты поныне едешь, и едва ль

Ехать перестанешь где-нибудь.

Странствующий рыцарь, здесь побудь!

<1922>

«Быть может, у египетских жрецов...»

*Быть может, у египетских жрецов
Учился ты; кой-что познал, быть
может,
Из тайн халдейских; споры в синагогах
Ты слушал; в строки Библии вникал
И много думал о вопросах вечных.
Твой ум был остр, но тесен кругозор
И замкнут гранью тесной Палестины.
Тир и Сидон, с их роскошью увядшей,
Тебе казались образцом богатств,
Лишь по бродячим греческим купцам
Ты знал Элладу, глух к стихам Гомера,
К виденьям Фидия, к мечтам Платона;
Рим — по солдатам, что привел
Пилат,*

Да по монетам, где представлен
«Кесарь».

Шел грозный век, империя твори-
лась,

В горниле римском плавилась
культуры,

А ты в глуши своих родных пу-
стынь,

Сын плотника, в затишьи Назаре-
та,

Мечтал восстать учителем зем-
ли...

Земли?.. быть может... может
быть, и нет.

Как разгадать мечты твои в пу-
стыне,

Где Дьяволом ты искушаем был!

Ты вышел как соперник Иоанна,

Чтоб скромно поучать родной
народ.

Но рыбаки со скал Генисаретских,

—
Простой и грубый, неученый люд,

—
Твоим словам восторженно диви-
лись

И ужасались мудрости твоей.

Ты их учил — и представлял пророком;
Ты исцелял — казался чудотворцем,
И вот, успехом легким опьянен, —
Сначала тайно, после все открытой,
Ты дерзко объявлял себя Мессией,
И рыбаки поверили тебе...
Свою мечту запечатлел ты смертью,
Как тысячи пророков, и пошла
Молва глухая о тебе по свету...
И все бы кончилось глухой молвой.

<1922>

«Люблю в закатном замираньи...»

*Люблю в закатном замираньи
Луча, над блестками зыбей,
На миг немое трепетанье
Пугливых, сизых голубей;*

*Они в предчувствии утраты
Дня, осенявшего их дрожь,
Скользят, — и вот уже трикра-
ты
Я прошептал: «Снов не тревожь!»*

*Те сны! как паутиной нитью
Они над памятью давно,
Кружась, легли, и по нити
Я сам вертел веретено.*

*Вот черный волос, вот багряный,
Зеленый, синий... света сны!
В клубке дыханья нитей пряны,
И ими полночи пьяны.*

*Но здесь, у плахи солнца! в силах
Еще я крикнуть вслух: убей!
Чтоб глубь дрожанья отразила
Пугливых сизых голубей.*

17 января 1923

Ультиматум весны

Каждогодно все так же, из миллионолетия в новые,
В срочный день объявляет весна ультиматум,
Под широтами дальними на время основывая
Царство, где оборона отдана ароматам.

И поэты все так же, новаторы и старые,
Клянутся, что не могут «устоять при встрече»,
И церемониймейстер, с мебели бархат снега спарывая,
Расстилает парчу зелени вдоль поречий.

Каждое эхо, напролет не сутки ли,
Слушает клятвы возобновленных влюбленных,
Даже, глядя на город, в каменной сутолоке

*Око синего неба становится
ослепленным.*

*В этот век — черед мой; по жре-
бию назначенный,
Должен я отмечать маятник
мая,
{Повторять} в строфах, где пере-
иначены,
Может быть, славословья Ат-
лантиды и Майи.*

*Служить не стыдясь Весне, ее ве-
личеству,
Слагаю вновь, мимоходом, в мил-
лионолетиях — году,
С травами, зеленью, небом, со
всем, что приличествует
Придворному поэту, — очередную
оду.*

28 марта 1923

Республика последних снов

*Республика последних снов на гра-
ни,
Где шелест нив и шум лесной к пу-
стыне
Приносят гул надбрежных обми-
раний!*

*Предельные, где скат песков, свя-
тыни!
Убогий храм, прянь пальмовой
колонны,
И нить бойниц, в простом, но
тесном тыне.*

*Там, на крыльце, твой светлый
лик, наклонный
К окну, где свет от светочей Ки-
белы;
Чу! хоры жриц — мне омен благо-
склонный!*

*Там, сзади, край, где, в битвах
огрубелы,
Ввысь вызов мечут журавлям
пигмеи,*

Где склоны гор костями стран-
ных — белы;

Там тяжек путь, пустых ночей
немее,
Самумов зов, за сушью сдвиг ми-
ража, —
А здесь, а здесь! твой взор, — чер-
ты камеи!

Был долгод срок — искать возврат.
Пора же
В тень памяти швырнуть Край
Носорогов.
Слышней наш топот; копыта взно-
сит стража.

Миг, разве миг? Я, пыльный, на по-
рогах,
Мечта, стой здесь! Мечта, в день
не гляди ты!
Что, кроме влажных губ к губам!
С отрогов

Последних снов диск ранней Аффо-
диты.

«Развертывается скатерть, как в рассказе о Савле...»

*Развертывается скатерть, как в
рассказе о Савле,
Десятилетия и страны последних
эпох;
Что ни год, он сраженьем промо-
чен, прославлен,
Что ни дюйм, след оставил сол-
датский сапог.*

*Война на Филиппинах; война в
Трансваале;
Русско-японская драма; гром на
сцене Балкан;
Наконец, в грозном хоре, — был
трагичней едва ли,
Всеевропейский, всемирный крова-
вый канкан!*

*Но всхлип народов напрасен: «по-
торговать бы мирно!»
Вот Деникин, вот Врангель, вот
Колчак, вот поляк;
Вот и треск турецких пулеметов
под Смирной,*

А за турком, таясь, снял француз
шапокляк.

Жизнь, косясь в лихорадке, мно-
жит подсчеты
Броненосцев, бипланов, мортир,
субмарин...
Человечество — Фауст! иль в му-
зеях еще ты
Не развесил вдосталь батальных
картин?

Так было, так есть... неужели
так будет?
«Марш!» и «пли!» — как молитва!
Первенствуй, капитал!
Навсегда ль гулы армий — музыка
будней?
Красный сок не довольно ль поля
пропитал?

Пацифисты лепечут, в сюртуках
и во фраках;
Их умильные речи — с клюквой
сладкий сироп...
Но за рынками гонка — покрепче
арака.
Хмельны взоры Америк, пьяны ла-

Шарманка

Не запела, застонала,
Заскрипела то, что знала,
И забыла, — была иль сон?
Песня — вздохи, пляска — стон.
Скорбный вопль за блеском баль-
ным,
Вальс в напеве погребальном...
Вздрагнет, охнув, ржавый вал,
Кашель старческий обронит, —
И мазуркой вновь хоронит,
Плачем правит карнавал.

Наших бабушек приманка,
Как ты, шамкая, шарманка,
До трамваев дожидала?
Краска с ящика сошла,
Доски гнилы, слева, справа;
Лишь на створке — немец бравый,
В шляпе длинное перо.
Петь ты хочешь дряхлым хри-
пом,
Но, под полинялым трипом,
Ох, скрипит, болит нутро!

*Звуки, словно в стужу, дрогнут.
А старик, над старой согнут,
Вертит, вертит рукоять...
Эй, бедняк! чего стоять!
Все — кто в кино, кто на даче...
Или ты не ждешь подачи,
Нищий мейстер? — что пятак!
Только б стоном удлинненным
Жить в былом, в похороненном:
Плакать можно ведь и так!*

1⁹²³

Германии

1923

*Кошмар! Кошмар опять! Один из
многих,
Историей являемых в бреду:
Сонм пауков, огромных, восьми-
ногих,
Сосущих кровь близ мертвых
клумб в саду.*

*Германия! Да, ты в былом повин-
на
За страшное, но — страшен твой
расчет!*

Раздавлена низринутой лавиной,
Ты знала казнь, вновь казнь, и
казнь еще!

Нет ничего: ни стран — манить
под тропик,

Ни стимеров — дробить в морях
стекло,

Ни фоккеров — кричать, что век
торопит,

Ни шахт, копивших уголь и теп-
ло,

Ни золота, ни хлеба... Да! свиде-
тель

Весь мир, как рок смеялся и каз-
нил:

Твои богатства рвали все, а де-
тям

Нет молока, и в школах нет чер-
нил!

И тщетно те, кто зиждил это
Богатство, те, чей подвиг —
труд,

Встают, чтоб мышцами атлета
Открыть блистанье лучших руд:

Им против — свой земляк-преда-
тель,

Им против — звон чужих мо-

нет...

На Шпрее зажечься ль новой да-
те?

Мечтаешь: да! быть может:
нет...

От Сен и Тибров до Миссурей
Следит строй мировых владык,
И, веря в помощь, твердо в Руре
Стоит француз, примкнув свой
штык.

А те? — Веселятся и пляшут,
ведь раны

Их бойни избытой — не им;

И золото, золото, — пряно, багря-
но, —

Поет им оркестром немым.

Им весело, весело, — золото в
башни

Слагать, вить второй Вавилон.

Что день, их восторг удалей, бес-
шабашней:

Весь мир им достался в полон.

Там черный, там желтый, там
парий, там кули:

Всех — в копи, к станкам, на за-
вод!

«Недаром же в Руре штыки мы

примкнули!» —

Поют, выводя свой гавот.

«Враг сломлен, мы вместе, те-
перь мы посмеем»,

«Нам власть над землей с этих
пор!»

«Над толпами станем, пропля-
шем по змеям»,

«А в фасках фашистов — топор!»

Те пляшут, та исходит кровью,

Мир глухо ропщет под пятой...

Но с трона вдруг поводит бровью
Пугливо идол золотой.

На миг в рядах поющих смута,

И мысль, прожженная огнем,

Кричит невольно и кому-то:

«Не надо вспоминать об нем!»

А он, у грани их веселий,

С земли всходя до звездных сфер,

Стоит; и тучи вниз осели,

Чтоб людям вскрыть СССР.

Да, так. Старуха Клио хмурее

Глядит, как точит кровь земля;

Но внове ль ей? все ж от Лемурии

Был путь до Красного Кремля.

И все равно, опять прольются ли

Такие ж токи в тайну тьмы:
Из бурь войны, из революции
Мир стал двойным: они и мы.
Иных нет сил...

<1923>

На смерть вождя

Пред гробом Вождя преклоняя ко-
лени,
Мы славим, мы славим того, кто
был Ленин
Кто громко воззвал, указуя впе-
ред:
«Вставай, подымайся, рабочий на-
род!»

Сюда, под знаменем Советов,
Борцы из армии Труда!
Пусть умер он: его заветов
Мы не забудем никогда!

Он повел нас в последний
И решительный бой,
И к победе мы, Ленин,
Смело шли за тобой!
Мысль твоя твердо знала,
Где наш путь и какой:

*С Интернационалом
Воспрянет род людской!*

*Мы стали вольны, стали сильны,
Нас к торжеству ведет судьба,
И мы кладем на прах могильный
Борца — его призыв: Борьба!*

*Он громко воззвал, указуя вперед:
«Вставай, подымайся, рабочий на-
род!»
Пред гробом Вождя преклоняя ко-
лени,
Мы славим, мы славим того, кто
был Ленин!*

Реквием
На смерть В.И. Ленина
(Музыка Моцарта)

Все голоса.

*Горе! горе! умер Ленин.
Вот лежит он, скорбно тленен.
Вспоминайте горе снова!
Горе! горе! умер Ленин!
Вот лежит он, скорбно тленен.
Вспоминайте снова, снова!
Ныне наше строго слово:
С новой силой, силой строй со-
мкни!
Вечно память сохрани!*

Сопрано, тенор, бас.

*Вечно память, память
вечно —*

Альт.

*Вечно память
Ленина —*

Сопрано, тенор, бас.

Сохрани!

АЛЪТ.

Храни!

Все голоса.

Память!

24 января 1924

«Свет обмер, тени наклонились...»

*Свет обмер, тени наклонились,
Пространней запах слитых лип;
Последний звон заходит, сисясь
Во тьме сдержатъ надгробный
всхлип.*

*И стала ночь, и снова стало
Пустынно-тихо. Грезит луг,
Спят люди, не вернется стадо,
Реке дано катиться вслух.*

*Века, века, века учили
Земное ночью никнуть в сон,
Мять думы дня в слепом точиле,
Закрыв глаза, пить небосклон.*

*Шныряют совы; шум летучих
Мышей; лет легких мотыльков...*

*Все это — искры звезд падучих,
Чей мертвый мир был далеко.*

*Нам солнца ждать! Нам тьма —
граница,*

*Нам тишь — черта меж гулов
дней.*

*Наш мозг в дыханьях трав гра-
нится,*

Нам в снах вся явь борьбы видней.

18 мая 1924

«Трава весенняя допела...»

*Трава весенняя допела
Свою живую зелень. Зной
Спалил сны мая, и Капелла
Кропит июньской белизной.*

*Вот ночи полночь, полдень года,
Вот вечер жизни, но, во мгле,
Вот утро, жгучий луч восхода,
Не к вышине, а по земле!*

*Зари, еще не возвещенной,
Вино пьяно, и я, взамен,
Готов, заранее прощенный,
Для всех безумств, для всех из-*

мен.

*Пусть вечер! он же — полдень! —
Где-то
Цветам процвести, их пчелам
пить, —
И стебли чьих-то рук воздесть,
Чтоб вечный полюс торопить.*

*Пусть август будет. Плод нали-
тый
Спадет в корзину, мертв и жив.
За десять лет замшеют плиты,
Недавний гроб не обнажив...*

*Но нынче ночь. Кротка Капелла,
Кропя июньской белизной;
Трава сны зелени допела,
И всюду — только свет и зной!*

Dolce far niente[24]

*Под столетним кедром тени...
Tertia Vigilia, 1900 г.*

*И после долгих, сложных, труд-
ных
Лет, — блеск полуденных долин,
Свод сосен, сизо-изумрудных,
В чернь кипарисов, в желчь мас-
лин;*

*И дали моря, зыбь цветная,
Всех синих красок полукруг,
Где томно тонет сонь дневная,
Зоя уснуть — не вслух, не вдруг...*

*Расплавлен полдень; гор аркады,
Приблизясь, шлют ручьи огня...
Но здесь трещат, как встарь, ци-
кады,
И древний кедр признал меня,*

*Щекой припасть к коре шершавой,
Вобрать в глаза дрожанья вод...
Чу! скрипнул ключ, издавна ржа-
вый,*

*Дверь вскрыта в сон былой, — и
вот,*

*Пока там, в море, льются ленты,
Пока здесь, в уши, бьет прибой,
Пью снова *doïce far niente*
Я, в юность возвращен судьбой.*

А *лупка*
8 июля 1924

«Краткими складками взморщи...»

*Краткими складками взморщи,
Ветер, пугливую гладь,
Пленную пену на взморьи
К темным утесам приладь!*

*Ветер! мы вместе взбивали —
Вспомни, верхушки оливок,
Где им любовь напевали
Волны, вбегая в залив;*

*Ветер, — припомни, — пьянели
Вместе мы в снах миндалей,
Ты на лету пел не мне ли:
«Первую кручь одолей!»*

Выше, где смолы сквозь горный

*Воздух плывут, как пары,
Рыли мы древние горны
Гномов третичной поры.*

*После, сронив ароматы,
Прянув за грани скалы,
Мчались мы с бурей косматой
Тмином и мятой яйлы!*

*Ветер с мохнатых магнолий,
Ветер, мой давний свояк,
Прошлое кануть могло ли —
Утром задутый маяк?*

*Ветер, лихой запевало,
Гладь синеватую брось!
Чтоб на яйлу, как бывало,
Нам закружиться не врозь!*

17 июля 1924

Максимилиану Волошину

*Наш Агамемнон, наш Амфитри-
он
И наш Орфей, царь области ру-
бежной,
Где Киммерии знойный Орион
Чуть бросит взгляд и гаснет
неизбежно!*

*Ты, ты изваял этих гор хребет,
Им оградил себя от горьких лав-
ров,
И в тверди глыб, для казни и по-
бед,
Свой лабиринт сокрыл для мино-
тавров,*

*Ряд входов с моря ты открыл в
Аид,
Чтоб доступ к Стиксу прост был;
ты, по мраке,
Там души предков кличешь, но
таит
Тьма недр виденья: голоса и зраки.*

В расщепы гор вложил ты халце-

дон,
И аметист, и сердолик, — но ими,
Твоей волибой, гремит лишь По-
сейдон,
Играя в мяч со скалами нагими.

К себе деревьям путь ты запре-
тил,
Свой мир покрыв полынью и волч-
цами,
Чтоб был над степью ярче ход
светил
В твоих волнах, дробящихся вен-
цами.

Но по желанью смерч ты взво-
дишь ввысь,
Иль тмишь Луну в багровом одея-
ньи,
Иль чарой слов ей вновь велишь:
явись —
Да небеса гласят твои даянья!

И тщетна баснь, что древний Ка-
радаг
Изверженец давно былого мира:
Тобой творен он, и ты рад, о маг,
Скрыть божество в безликий

столп кумира.

17 августа 1924

Портрет женщины

Он в старой раме, с блеклыми то-
нами,
В губах усмешка, взгляд лукав и
строг,
И кажется, везде следит за нами,
Чуть в комнату вступаешь на по-
рог.

Прическа старомодна, но в свер-
каньи
Зрачков — не тайна ль тайн за-
таена?
Чем пристальней глядишь на их
мельканье,
Тем явственней, что говорит она:

«Нет, только нас поистине люби-
ли,
И дать любовь умеем только мы.
Пришла весна, и землю зазнобили
Холодные предвестники зимы.

Вы не любви, вы ищите победы,

Мужскую робость шумом слов
прикрыв.
Каким презреньем встретили бы
деды
Всю вашу страсть, весь жалкий
ваш порыв!»

23 августа. 1924

СОЛОМОН

Что было? Вихрь тысячелетий
Качал весы, играл людьми, —
За ратью рать влачили плети
С полей Ашура в край Хеми.

На краткий век вставал прослав-
лен
Крылатый бык иль коршун Гор.
И вновь металл племен, расплав-
лен,
Шел к новым формам в вечный
горн.

Так с двух сторон мятущий мо-
лот
Дробил, кромсал обломки стран.
Казалось, в прах и в сон размолот,
В дым былей взвеев Ханаан.

Но мир двух сил в противобор-
стве
Сам жег себя, как скорпион,
Пал, ядом черн; и вот, в упорстве,
Сиять над ним ввысь встал Сион.

Простер от моря к морю длани,
С высот к высотам розлил хмель,
Как спрут, провлек сосцы жела-
ний
В блеск Индий, в Пунт, за край зе-
мель.

Гром, чудо, слава Соломона,
Запруды сбив, одна река,
Смыв Вавилон, смыв храм Аммо-
на,
Вся ярость, хлынула в века.

Чтоб в наши дни, врываясь ярко,
Нас спрашивать, нам отвечать,
Горя сквозь вязь колонн San Marco
На Соломонову печать.

25 августа 1924

Крым

*Лестью солнца в лоск обласкан,
Берег вплел в меандр меандр, —
Франт во фраке! скалы — лацкан;
Ал в петлице олеандр;*

*Брижжи пен припали к шее;
Мат магнолий— галстук их...
Старых мод покрои свежее
Новых вымыслов тугих!*

*Солнце льстит; флиртует море;
Ветер — остр, ведет causerie[25]..
Берег, в полдень, спит в изморе.
Кипарисов тень — драпри.*

*Глянет вечер. Белой раной
Вскроет месяц тьму воды;
В лавр и в мирт блеск ресторана
Вдавит плавкие следы.*

*Эх! что тут вам, nereиды!
Мотор бьет: место взято...
Мертв сон пушкинской Тавриды...
И режут, идут авто!*

«Где Мария? Где Зарема?
Кто нас песней обманул?»
Берег-франт к дверям гарема
Свой червонец протянул.

7 сентября 1924

«Вот я — обвязан, окован...»

Вот я — обвязан, окован
Пристальным глазом змеи очко-
вой,
Над былинкой лесная газель;
Вновь тропу преградила Цельь.

Здесь, в стране исканий,
Где века грохочут листвою,
Мысли гениев — реки, и с камней
—
В непостижность водопад роко-
вой;
Где направо — скалы в грядущее,
Где налево — пропасть в прошед-
шее,
Где ветры, над истиной дующие,
Кричат, как сумасшедшие;
В лесу исканий,
Без Энея Асканий,
Лань пред змеей очковой, —

Обвязан, окован.

Иду
По всем тропам;
Рублю топором череду,
Кожа мудрецов — барабан!
Сквозь лианы, шипы
На все тропы,
И будто —
Я Заратуштра, я Будда,
Я Христос, я Магомет,
Я — индейский сашем —
Курю калюмет...
И всюду —
Чудо:
«Почему» превращается странно
в «зачем».
Глазом змеи очковой
Я очарован.

Египетские ночи

(Обработка и окончание поэмы А.
Пушкина)

Поэма в 6-ти главах

1

*Прекрасен и беспечен пир
В садах Египетской царицы,
И мнится: весь огромный мир
Вместился в узкие границы.
Там, где квадратный водоем
Мемфисским золотом обложен,
За пышно убранным столом
Круг для веселья отгорожен.
Кого не видно средь гостей?
Вот — Эллин, Римлянин, Испанец,
И сын Египта, и Британец,
Сириец, Индус, Иудей...*

*На ложах из слоновой кости
Лежат увенчанные гости.
Десятки бронзовых лампад
Багряный день кругом струят;
Беззвучно веют опахала,
Прохладу сладко наводя,
И мальчики скользят, цедя*

Вино в хрустальные фиалы;
Порфирных львов лежат ряды,
Чудовищ с птичьей головою,
Из клювов золотых, чредою,
Точа во глубь струю воды.
Музыка стонет сладострастно;
Дары Финикии прекрасной,
Блистают сочные плоды;
А вдалеке, где гуще тени,
На мозаичные ступени
Теснится толпами народ:
Завидуя, из-за ворот
Глядит на смены наслаждения.

Но что веселий праздник смолк?
Затихли флейты, гости немые;
В сверканьи светлой диадемы,
Царица клонит лик на шелк,
И тени сумрачной печали
Ее прозрачный взор застлали.
Зачем печаль ее гнетет?
Чего еще недостает
Египта древнего царице?
В своей блистательной столице
Спокойно властвует она,
И часто пред ее глазами
Пирьи сменяются пирами;
Она хвалой упоена,

И величавые искусства
Ей тешат дремлющие чувства.
Горит ли африканский день,
Свежеет ли ночная тень,
Покорны ей земные боги;
Полны чудес ее чертоги;
В златых кадилах вечно там
Сирийский дышит фимиам.
Звучат тимпаны, флейты, лира
Певцов со всех пределов мира.
Чего желать осталось ей?
Весь мир царице угождает:
Сидон ей пурпур высылает;
Град Киликийский — лошадей;
Элада — мрамор и картины;
Италия — златые вина,
И Балтика — янтарь седой.
Наскучил город ей? — Вдоль Нила,
Поставив пестрые ветрила,
Она в триреме золотой
Плывет. Ее взволнуют страсти?
Пойдет, с сознанием гордой вла-
сти,
В покои тайные дворца,
Где ключ угрюмого скопца
Хранит невольников прекрасных
И юношей стыдливо-страстных.
И все ж она невесела:

*Ей скучен хор льстецов наемных
И страсть красавцев подъярем-
ных;*

Не сходит тень с ее чела.

*Ей все послушно, все доступно,
И лишь любовью неподкупной
Ей насладиться не дано!*

*И долго, с думою глубокой,
Она сидела одиноко.
И стыло гретое вино.*

2

*Был снова праздник в пышном за-
ле*

Александрийского дворца.

На ложах гости возлежали;

Вокруг, при факелах, блистали

Созданья кисти и резца;

Чертог сиял. Гремели хором

Певцы при звуке флейт и лир.

Царица голосом и взором

Свой пышный оживляла пир.

Сердца неслись к ее престолу.

Но вдруг над чашей золотой

Она задумалась и долу

Поникла дивною главой...

И пышный пир как будто дрем-

лет;
Безмолвны гости; хор молчит;
Но вновь чело она подымлет
И с видом ясным говорит:
«В моей любви для вас блажен-
ство?
Блаженство можно вам купить...
Внемлите мне: могу равенство
Меж вами я восстановить.
Кто к торгу страстному присту-
пит?
Свою любовь я продаю —
Скажите: кто меж вами купит
Ценою жизни ночь мою?»

Рекла, — и ужас всех объемлет.
И страстью дрогнули сердца...
Она смущенный ропот внемлет
С холодной дерзостью лица.
«Я жду, — вещает, — что ж мол-
чите?
Или теперь бежите прочь?
Вас было много, — приступите,
Купите радостную ночь!»
И взор презрительный обводит
Кругом поклонников своих...

Вдруг из толпы один выходит,

Вослед за ним и два других:
Смела их поступь, ясны очи;
Навстречу им она встает.
Свершилось: куплены три ночи,
И ложе смерти их зовет.

Благословенные жрецами,
Теперь из урны роковой
Пред неподвижными гостями
Выходят жребии чредой.
И первый — Флавий, воин смелый,
В дружинах римских поседельный;
Снести не мог он от жены
Высокомерного презренья;
Он принял вызов наслажденья,
Как принимал во дни войны
Он вызов ярого сраженья.
За ним — Критон, молодой муд-
рец,
Рожденный в рощах Эпикура,
Критон, поклонник и певец
Харит, Киприды и Амура.
Любезный сердцу и очам,
Как вешний цвет едва развитый,
Последний — имени векам
Не передал; его ланиты
Пух первый нежно оттенял;
Восторг в очах его снял;

*Страстей неопытная сила
Кипела в сердце молодом...
И с умилением на нем
Царица взор остановила.*

*«Клянусь, о мать наслаждений!
Тебе неслыханно служу:
На ложе страстных искушений
Простой наемницей всхожу!
Внемли же, мощная Киприда,
И вы, подземные цари,
И боги грозного Аида!
Клянусь, до утренней зари
Моих властителей желанья
Я сладострастно утомлю,
И всеми тайнами лобзанья
И дивной негой утолю!
Но только утренней порфирой
Аврора вечная блеснет,
Клянусь, под смертною секирой
Глава счастливцев отпадет!»*

3

*И вот уже сокрылся день,
И блещет месяц златорогий.
Александрийские чертоги
Покрыла сладостная тень.
Окончен пир. Сверкая золотом,*

Идет царица в свой покой
По беломраморным палатам.
За ней — рабов покорный строй
И круг поклонников смущенных,
Вином и страстью утомленных.
Меж них, спокоен и угрюм,
Безмолвно выступает Флавий,
Речей внимая смутный шум...
Его судьбе и горькой славе
Дивятся гости, трепеща.
У всех, под складками плаща,
Сердца дрожат в глухой тревоге.
Но вот царица, на пороге,
Замедлила, и ясный лик
К смущенным лицам обратила:
В ее глазах — какая сила!
Как нежен стал ее язык!

«Я жду тебя, отважный воин:
Исполнить клятвы пробил час!
Я верю: будешь ты достоин
Обета, сблизившего нас!
Приди ко мне, желанный, смелый!
Я этой жертвы жду давно.
Мое прославленное тело
Тебе богами суждено!
С тобой хочу предаться страсти,
Неотвратимой, как судьба,

Твоей я подчиняюсь власти,
Как неподкупная раба!
Всего, чего возжаждешь, требуй:
Я здесь — для сладостных услуг!
Доколь не пробегут по небу
Лучи зари, ты — мой супруг!»

Сказала: и, простерши руки,
В объятия мужа приняла.
Раздались флейт поющих звуки
И хора стройная хвала.
И гости, сумрачны и бледны,
Боясь понять свою мечту,
Глядят, как полог заповедный
Скрывает новую чету.
И каждый, с трепетом желаний,
Невольно мыслит: «Мог и я...»
Но свисли пурпурные ткани,
Гимена тайны затая.

Фонтаны бьют, горят лампы,
Курится легкий фимиам,
И сладострастные прохлады
Земным готовятся богам;
В роскошном золотом покое,
Средь обольстительных чудес,
Под сенью пурпурных завес
Блестит ложе золотое.

Что там? Свежительная мгла
Теперь каким признаньям внемлет,
Какие радости объемлет,
Лаская страстные тела?
Кто скажет! Только водомета
Струя, смеясь, лепечет что-то.

Замолк дворец. Устало спят
Рабы в своих каморках темных;
Безлюдны дали зал огромных;
Лишь сторожа стоят у врат.
В задумчивых аллеях сада —
Молчанье, сумрак и прохлада...
Но кто застыл в беседке роз?
Один, во власти мрачных грез,
Он смотрит на окно царицы,
И будет, молча, ждать денницы,
Прикован взором, недвижим,
Безумной ревностью томим,
Иль плакать вслух, как плачут
дети!
Не он ли, хоть на краткий срок,
Царицы грустный взор привлек,
Не он ли вынул жребий третий?

4

Означились огни денницы;

Рабочий пробудился люд;
По узким улицам столицы
Ряды разносчиков снуют.
Глядяся в зеркала морские,
Встречает день Александрия.
Но тих торжественный дворец,
Еще угрюмый страж-скопец
Не отворял глухих затворов;
Еще, на беспощадный зов,
Во сне счастливый — сонм рабов
Не открывал в испуге взоров.
И лишь на ложе золотом
Царица гордая не дремлет,
Небрежно дальним шумам внем-
лет
И смотрит, с пасмурным челом,
На мужа, кто простерт на ложе.
Ах, не она ль вчера ему,
Всем сладострастьем женской
дрожь,
Как властелину своему,
Вливала в жилы страсть? — И
что же!
Ах, не она ль, среди затей,
Припоминала вдруг лукаво
События недавних дней
И Цезаря с бессмертной славой:
Как миродержец-исполин

Ее ласкал рукой могучей,
И прибавляла, с лестью жгучей,
Что он, пришлец, ей он один
Напомнил Цезаря? — И что же!
За мигом миг казался строже
Взор гостя странного, и он,
Вином как будто упоен,
Вдруг твердо отстранил царицу:
«Довольно, женищина! Пора
Пред дымом смертного костра
Мне сном приветствовать денни-
цу!»

Он лег, заснул, и вот он спит.
Царица сумрачно глядит
На сон бестрепетно-спокойный,
И грудь ее — в тревоге знойной.

«Проснися, воин! близок день!»
И Флавий открывает очи.
Давно исчезла летней ночи
Прозрачно-голубая тень;
Свет, через пурпурные ткани
Проникнув, бродит на полу,
И светлый дым благоуханий,
Виясь, колеблет полумглу.
«Что, утро? Здравствуй, Феб-гу-
битель!»
И, с ложа прынув, пояс свой

Гость надевает. Но, с мольбой,
К нему царица: «Мой властитель!
Еще есть время. Я — твоя!
Ужель и взгляда я не стою?
Я наслаждения утворю,
Пресыщу новой лаской я
Твои последние мгновенья!
Пади на ложе наслажденья,
Где ждет тебя любовь моя!»

Но странный гость, в ответ, сурово,
Бесстрастье гордое храня:
«Ужель ты думаешь, мне ново —
Все, чем прельщаешь ты меня?
Ты прихотлива и затейна,
Но слаще вольная любовь,
В дубравах, за пределом Рейна!
Ты страстью распляешь кровь,
Но в ласке девушки испанской,
В объятьях пленницы британской
Есть больше неги и огня!
Во дни жестокие Фарсала,
Я вспомнил, как и ты, ласкала
Одна фракиянка меня;
Но я забыл ее лобзанья,
Ее приманчивый напев,
Храня всегда воспоминанья

О днях блаженного свиданья
С одной из гордых галльских дев!
Прощай!»
Она дрожит от гнева,
Ее изменены черты.
«Когда тебе любая дева
Милей, чем я, зачем же ты
Мой принял вызов? Посмеяться
Ты надо мной хотел? Тебе
Спокойно с жизнью не расстать-
ся!
Твоей мучительной судьбе,
Твоей неумолимой казни
Все ужаснутся!»

Без боязни
Он смотрит на лицо ее.
«Ты надо мной властна, быть мо-
жет,
И тело бедное мое
Безжалостный палач изложет.
Но все ж я — прав. Что обещал,
Я, в эту ночь, исполнил честно:
С тобой я, как тебе известно,
До третьей стражи разделял
Твои, царица, вожделенья,
Как муж, я насыщал твой пыл...
Что ж! Я довольно в мире жил,

А ты — свершай свои решенья!»

*И он, суровый сын войны,
Клеврет Великого Помпея,
Спокойным взором, не бледнея,
Встречает гневный взор жены.
Безмолвно, ярость подавляя,
Та бьет по меди молотком,
И звуки, стражу призывая,
Звеня, разносятся кругом.
Раскрыты завесы у двери.
Рабы, как на веревках звери,
Вступают в золотой покой;
И, грозной стражей окруженный,
В свое раздумье погруженный,
Проходит воин через строй.
Палач у входа. Но царица
Уже зовет своих рабынь;
Бежит невольниц, вереница,
Неся одежды, пух простынь,
Фиалы тонких умашений...
Бледнеет тень ночных видений...
И вновь, прекрасна и ясна,
На пир готовится она.*

5

*Все ограниченной, короче
Остаток малый новой ночи,*

И снова первый робкий луч
Уже скользит меж завес окон
И трогает, огнист и жгуч,
Царицы сине-черный локон.
Не сонных в спальне луч застал!
Чу! говор, вздохи, поцелуи,
И звонко в искристый фиал,
Опены, сбегают струи.

«Клянуса Вакхом! я — не сыт!
Царица! Ты — Андиомена,
Любимица младых харит!
Мне кажется, морская пена
Доныне с ног твоих бежит.
Дай осушить ее устами!
Пред тем, как Феб, грозя лучами,
Блеснет-, — владычица любви,
Порыв жреца благослови!
Он здесь, коленопреклоненный,
Лобзает, весь горя огнем,
Святыни, спрятанные днем,
И каждый волос благовонный
На теле божеском твоём!»

Он — счастлив, он — безумен
страстью,
Он медлит заклинает тьму,
Чтоб до конца упиться властью,

На срок дарованной ему;
Не признавая утомлений,
Творит хотенье из хотений;
Но, пресыщенно холодна,
На свет зари глядит она.
Довольно! Пробил час. Аврора
Открыла дверь. Помчится скоро
По крутизне лазури Феб.
Она встает...

Но он ослеп,
Он ничего не видит, кроме
Прекрасной груди, рук и плеч,
Он молит, в трепетной истоме,
Опять на мягкий пух прилечь,
О близкой смерти забывая.
Он обречен, но ласки ждет.
И, неохотно уступая,
Как милостыню подавая,
Царица снова предает
Свой стан объятьям распален-
ным;
Но, внемля клятвам исступлен-
ным,
Приемля зной палящих губ,
Она ненужных слов не тратит
И мыслит:
«Он — красив, не глуп,

Он жизнью эту ночь оплатит,
Но почему так чужд мне он?
Простой невольник и Критон,
Мудрец, изнеженный, — меж ними
Какая разница? Своими
Лобзаньями, на краткий час,
Они развлечь умеют нас,
И только. В рощах Арголиды
Он воспринял завет Киприды;
Но той же страстью распалит
На рынке купленный Нумид!
Другие, нашими жрецами
Воспитанные в тайном храме,
Объятий странных новизной
На время изумить способны...
Но все — что листья, все — подоб-
ны,
Для ночи созданы одной!»
Очнулась, поднялась на ложе.
Он снова припадает к ней,
Он смотрит ей в глаза. Но стро-
же,
Чем прежде, взгляд ее очей.
«Настало время расставанья».
«Еще, еще одно лобзанье!»
«Пора. Сияет в окна день».
«Нет! Погляди! Повсюду тень!»
«Конец!» Она встает и властно

Идет, чтоб дать условный знак,
Но он влечется сладострастно
За ней, целуя каждый шаг.
«Помедли! Видишь, я не трачу
Ни мига даром! Пью до дна
Блаженство! Я от счастья плачу,
Что ты была мне суждена.
Что Зевс, с его безмерной силой!
За весь Олимп я не отдам
Того, что есть, того, что было,
И не завидую богам!»

Одета белым покрывалом,
Она стоит перед кимвалом,
Не отвечает и стучит.
Все ближе по порфиру плит
Шаги. «Пока они у двери,
Хоть поцелуй, по крайней мере!»
Молчит. «Хоть раз позволь взгля-
нуть
Мне — на божественную грудь!»
Вошли. Рабы теснятся строем,
Влекут его, но, обратясь,
Он, сладко плача и смеясь,
Любуется ночным покоем...

На двор мощный за дворцом
Из храмины Критон выходит;

Палач с тяжелым топором
Его на лобный камень взводит.
Но юноша в последний раз
К рассвету простирает руки:
«Постой, палач! В свой смертный
час,
За счастье принимая муки,
Хочу приветствовать зарю!
Тебя, о Феб, благодарю!
Ты вовремя на колеснице
Надел лучистый ореол!
Кто эту ночь, как я, провел,
Вдвоем с божественной царицей,
Не может и не должен жить:
Мне больше некого любить!
Пока ты светить в этом мире,
Гласи сияньем, что нельзя
Блаженней быть, чем ныне я!»
И наклонился он к секире.
Палач ударил раз и два;
Упала наземь голова,
И струи алые помчались,
И кровью площадь залита...
Но все ж, казалось, улыбались
У мертвой головы — уста.

6

И третья ночь прошла. Он спит,

Ребенок, страстью истомленный.
Царица, с думой потаенной,
Печально на него глядит.
Так молод! Были так стыдливы
Его невольные порывы,
Так робки просьбы детских глаз!
В ответ на хитрые соблазны,
Он лепет повторял бессвязный,
И вспыхивал, и быстро гас.
Напрасно ласково учила
Она его игре страстей:
Его неопытная сила
Чуждалась пламенных затей.
Он плакал в буйстве наслажде-
ний,
Страшась изысканных забав,
Потом, обняв ее колени,
Молчал, к возлюбленной припав,
И долго, счастьем умиленный,
Смотрел во взор ее бездонный.

Он спит. Но сонные уста
Так чисты! Так ресницы милы!
Ужели эта красота
Сегодня станет прах могилы?
Какая страшная мечта!

Царица вздрогнула невольно,

Как будто вдруг уязвлена,
Ей жутко, ей почти что больно.
Над спящим тихо склонена,
Касаньем ласковым она
Ребенка будит осторожно:
«Проснись, мой мальчик, рассве-
ло!»
И на прекрасное чело
Кладет свой поцелуй тревожно.

Он пробуждается. Уже?
Все вспомнил. Так: чертог, цари-
ца,
И в окна бьющая денница,
И он стоит на рубеже...
Воспоминанья жгучей ласки
На миг лицо зажгли; потом
С его ланит сбежали краски:
Он бледен, страшен он лицом.
И сердце царственной блудницы
Внезапной болью стеснено,
И чувства, спавшие давно,
Оживлены в душе царицы,
И двое на лучи денницы,
Равно дрожа, глядят в окно.
И, голос понижая, словно
Кого-то разбудить страшась,
Лепечет быстро и любовно

Царица, к юноше склонясь:
«Мой мальчик! встань, иди за
мною!
Я тайный путь тебе открою!
Хочу спасти тебя! Беги!
Есть дверь за северной колонной.
Проход выводит потаенный
У Нила, в поле... Чу! шаги!
Нельзя нам медлить. Я не власт-
на
Нарушить грозный свой обет.
Час минет, — и спасенья нет.
Беги!»
Он смотрит. Та — прекрасна;
Божественны ее черты.
И он с волнением ей: «А ты?»
«Что я? Беги, пока есть время!»
«Жить без тебя? Какое бремя!
И дни и годы пустоты!
Беги со мной!» — «Но ты безумен!
Твой зов нелеп и неразумен.
Послушай: дорог каждый миг!
Я всем скажу, что задремала,
Не догадалась, не слыхала,
Что ты в подземный ход про-
ник...»

Она зовет, почти что молит,

Она его войти неволит
В дверь отворенную. Но он,
И слепо счастлив и смущен,
Противится, твердя упорно:
«Беги со мной!» Пред ними ход,
Ведущий вглубь, угрюмый, чер-
ный;

Она туда его влечет:
«Спеши! Иль ты себя погубишь!»
А он: «Нет, ты меня не любишь!»
«Ты позабыл, кто ты, кто я!
Есть у тебя отец, родные.
Живи для них! Сии края
Покинув, удались в чужие...»
И, новой грусти не тая,
Он возражает ей упрямо:
«Не любишь ты! Скажи мне пря-
мо!

И я умру рабом твоим.
Но если... если я любим!
Какое дивное блаженство!
Любовь нам возвратит равен-
ство;
Как боги счастливы, вдвоем
В другие страны мы уйдем!
Иль дорожишь ты багряницей?
Тебя пленяет пышный прах?
Ты будешь для меня царицей

*В моей душе, не на словах!
Что знаешь ты? Притворство ле-
сти,
Обманы! Я, и день и ночь,
С тобой единой буду вместе,
Не отходя ни шагу прочь!
Подумай: видеть, просыпаясь,
Черты любимого лица
И жить вдвоем, не расставаясь,
До возжеленного конца!»*

*Что может отвечать царица
На детский, на бессвязный бред?
А за стеной шумит столица...
Он — обречен; спасенья нет.
Но юноша, не понимая,
Что значит складка роковая
На лбу царицы, шепчет вновь:
«Бежим! Нас позвала любовь!
Я понял: это — воля Рока!
Меня привел он издалека,
Чтоб вывести тебя!» И вот
Мечтатель, взорами сверкая,
Спешит, царицу побуждая
Сойти за ним в подземный ход.*

*Но та безумца отстранила.
Ее чело пробороzdило*

Раздумье тайное. Потом,
Скользнув к своей постели гибко,
Она, с обманчивой улыбкой,
Наполнила бокал вином.
«Ты — прав! Мне вдруг понятно
стало,
Что я тебя лишь ожидала!
Так! Мы бежим из этих зал!
Прочь, золото, ткани и каменья!
Но, уходя, в знак единенья,
Прощальный выпьем мы фиал!»

Он кубок пьет. Она руками
Его любовно обвила
И снова нежными устами
Коснулась детского чела.
Улыбкой неземного счастья
Он отвечает, будто вновь
Дрожит на ложе сладостра-
стья...
Но с алых губ сбегает кровь,
Взор потухает отененный,
И все лицо покрыто тьмой...
Короткий вздох, — и труп немой
Лежит пред северной колонной.

Закрыв ненужную теперь
Над лестницей подземной дверь,

Царица долго любовалась,
Склонясь к недвижному лицу,
И долго странно улыбалась...
И вдруг далеко по дворцу
Пронесся медный звон кимвала.
Заслыша им знакомый звон,
Бегут рабы со всех сторон
И раскрывают опахала;
Рабыни выбрали давно
Наряд для утреннего часа;
Уже разубрана терраса,
Над ней алеет полотно...
Все приготовлено для пира:
Сегодня во дворце своем,
За пышно убранным столом,
Царица встретит триумвира.

И вот идет толпа гостей;
Сверкают шлемы, блещут брони;
И, среди своих друзей,
Привыкший удивлять царей,
К царице близится Антоний.

1914⁻¹⁹¹⁶

Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам (1912–1918)

Предисловия

Ремесло поэта. Вступительная статья [26]

Мое святое ремесло!
Каролина Павлова

I

Едва ли надобно разъяснять, что каждое искусство имеет две стороны: творческую и техническую.

Способность к художественному творчеству есть прирожденный дар, как красота лица или сильный голос; эту способность можно и должно развивать, но приобрести ее никакими стараниями, никаким учением нельзя. Poetae nascuntur... Кто не родился поэтом, тот им никогда не станет, сколько бы к тому ни стремился, сколько бы труда на то ни по-

тратил. Каждый, или почти каждый, за редкими исключениями, может, если приложит достаточно стараний, научиться стихотворству и достигнуть того, что будет писать вполне гладкие и «красивые», «звучные» стихи. Но такие стихи не всегда — поэзия.

Наоборот, технике стиха и можно и должно учиться. Талант поэта, истинное золото поэзии, может сквозить и в грубых, неуклюжих стихах, — такие примеры известны. Но вполне выразить свое дарование, в полноте высказать свою душу поэта — может лишь тот, кто в совершенстве владеет техникой своего искусства. Мастер стиха имеет формы и выражения для всего, что он хочет сказать, воплощает каждую свою мысль, все свои чувства в такие сочетания слов, которые скорее всего находят отклик в читателе, острее всех других поражают внимание, запоминаются невольно и навсегда. Мастер стиха владеет магией слов, умеет их заклинать, и они ему служат, как покорные духи волшебнику.

Что поэзия имеет свою техническую сторону, с этим вряд ли будет кто-нибудь спорить. Но многие склонны думать, что эта техника

стиха или тоже прирожденный дар, как способность к творчеству, или, вне этого, — ограничена немногими, простейшими правилами, включенными в школьные курсы любой «теории словесности». Думающие так полагают, что достаточно будущему поэту узнать основные правила родного стихосложения, и все остальное или будет подсказано «вдохновением», или все равно останется недоступным. Рассуждение, напоминающее известные слова сочинителя од из сатиры И. Дмитриева «Чужой толк»:

*Мы с рифмами на свет, он мыслил, рождены...
...Природа делает певца, а не ученые.
Он, не учась, учен, как придет в восхищенье.*

Странно было бы допустить, что поэзия составляет исключение в ряду других искусств. Почему художники кисти и скульпторы учатся по несколько лет в Академиях художеств или школах живописи, изучая перспективу, теорию теней, упражняясь в этюдах с гипса и с натуры? Почему никому не приходит на

мысль писать симфонию или оперу без соответствующих знаний, и почему никто не поручит строить собор или дворец человеку, незнакомому с законами архитектуры? Между тем, чтобы писать драму или поэму, многие считают достаточным знакомство с правилами грамматики. Неужели техника поэзии, и частности, стихотворства, настолько проще технической стороны в музыке, живописи, ваянии, зодчестве?

Правда, Академий поэзии и консерваторий для стихотворцев еще не существует. Между тем наши великие поэты, Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Фет, Некрасов и др., выказали себя мастерами стиха. Но значит ли это, что они приобрели свое мастерство, не учась ему, что мастерами сделала их «природа, а не уче-нье»? Вовсе нет. Как слаб в техническом отношении первый сборник стихов Фета («Лирический Пантеон», 1840 г.), насколько слабее, технически, ранние стихи Некрасова («Мечты и Думы», 1840 г.), нежели его позднейшие поэмы, или как далеко «Лицейским стихотворениям» Пушкина от технического совершенства его зрелых созданий. И эти истинно «ве-

ликие» поэты, одаренные гениальной способностью к творчеству, достигли технического мастерства лишь путем медленного искусства и долгой, терпеливой работы.

До последнего времени поэтам приходилось быть «самоучками». Каждому приходилось заново «открывать» законы и правила своего ремесла путем внимательного изучения классических образцов литературы, путем поисков почти ощупью, путем тысячи проб и ошибок. Но в чем же и состоит задача науки, которая «сокращает дам опыты быстротекущей жизни»? Не в том ли, чтобы избавиться от отыскания того, что уже найдено раньше? Сколько драгоценного времени и труда было бы сэкономлено, если бы каждый поэт не был принужден вновь, для себя, воссоздавать теорию стиха, а мог бы знакомиться с ней из лекций профессора, как композитор знакомится с элементарной и высшей теорией музыки! «Академии поэтов» — это неизбежное учреждение будущего, ибо в этом будущем, каково бы оно ни было, конечно, найдется свое место поэзии. Эти «Академии», повторяю, будут бессильны создавать поэтов

(как и консерватории не создают Римских-Корсаковых и Скрябиных), но помогут поэтам легче и скорее овладеть техникой искусства.

II

Как аксиому, должно признать, что наука изучает все; все явления вселенной, начиная от движения солнц до строения атомов, от свойств амёб до исторических судеб человечества, составляют объект научного наблюдения. Нет ничего столь малого, чем могла бы пренебречь наука, как и нет ничего столь недостойного, мимо чего она могла бы пройти. Медицина не делает различия между болезнями красивыми и отвратительными, психология — между благородными и неблагородными аффектами, зоология — между животными интересными и неинтересными.

Стих — одно из явлений, занимающее немалое место в духовной жизни человечества. Едва ли не у всех народов во все времена мы находим свои молитвенные гимны; Эллада и Рим, создатели всей нашей европейской цивилизации, высоко чтили стих; Восток упивался стихами; современные дикари

поют стихи, выражая ими и горе и веселье. По-видимому, стих «присущ» человеку, так как, независимо от подражаний, рождался на земле много раз, в различные эпохи, на разных концах мира.

Каким же образом стих может быть исключен из числа объектов, изучаемых наукой? Не явно ли, что должна существовать наука о стихе, которая исследовала бы его свойства и устанавливала бы его общие законы. Рядом со «сравнительным языкознанием» должна существовать «сравнительная метрика». И надо думать, что сравнительное изучение свойств стиха в различных языках и в различные периоды истории даст не менее ценные выводы, нежели дает филология.

Разумеется, зачатки этой «науки о стихе» существуют, входя в системы «эстетик» и «поэтик», от работ Аристотеля вплоть до изысканий новейших мыслителей. Но все эти зачатки еще крайне скудны. «Сравнительная метрика» пока еще в зародыше. Философские обоснования метрики ограничиваются небольшим числом сочинений, иногда остроумных (например, известная теория Вундта),

но почти всегда очень произвольных. Исследования по «частным» метрикам, то есть по стихосложению отдельных языков, сводятся к книгам типа школьного руководства, лишенным истинно научного значения. Наконец имеется небольшое количество чрезвычайно интересных, и порой очень удачных, работ по некоторым отдельным вопросам (вроде книги Кассанья о метрике Бодлера, статей Сент-Бёва, у нас — Андрея Белого и т. п.), но эти работы остаются, как говорится, каплями в море.

Да иначе и не может еще быть, потому что не исполнен необходимый подготовительный черновой труд: не собраны и не систематизованы те факты, на которых могла бы быть основана научная метрика. Нужно еще несколько поколений научных работников, которые пожелали бы посвятить всю свою жизнь на это трудное и неблагодарное дело. Нужно составить словари к отдельным поэтам (помимо словарей к античным авторам, мне известны словари к Данте, Шекспиру, Шелли, и это — почти все); нужно составить таблицы метров, употребляемых всеми зна-

чительными поэтами; нужно систематизовать все особенности их просодии, проследить в их стихах все сочетания звуков, сделать то же самое для рифм и ассонансов и т. д. и т. д. Только тогда явится возможность, на научном основании, то есть на основании систематизованных фактов и наблюдений, писать сначала «частные» метрики и просодии, а затем и общую сравнительную метрику, и общую теорию рифмы и звукописи.

Все это еще настолько чуждо нам, что многие, вероятно, затруднятся назвать те науки, которые изучают и устанавливают свойства и законы стиха. Даже в тех самых «эстетиках» и «поэтиках», которые прямо трактуют этот вопрос, терминология настолько не установлена, что самое именование основных наук далеко не общепринято. В то время как никто не затруднится указать главные науки, выясняющие законы музыки и музыкального творчества, каковы: элементарная теория музыки, гармония, теория фуги и вообще композиция, инструментовка, — большинство, даже среди ученых филологов и философов, не сумеет указать, что этому соответствует в об-

ласти наук о стихе.

По существу, однако, совершенно ясно, что эти науки распадаются на три дисциплины: одна изучает стих, как таковой, то есть собственно стихосложение, — те условия, в силу которых речь становится стихотворной; вторая изучает внутреннее строение стиха, его звуковую сторону, — то, что в разговорном языке называют «музыкальностью» или «певучестью» стиха; сюда же, естественно, относится учение о рифме; третья изучает сочетание стихов между собой, — в строфы и в традиционные формы, каковы: сонет, октава, терцина и т. д. Как бы ни были различны принципы, по которым данный теоретик предполагал бы рассматривать стихосложение, он неизбежно должен прийти к такому делению, лежащему в природе вопроса: учение о стихе, учение о стихотворной речи, учение о сочетании стихов.

Так как терминология, как мы указывали, еще не установилась, мы ничем не связаны в названии этих трех наук и предлагаем называть их в дальнейшем привычными греческими терминами:

1) Учение о стихе вообще может быть названо **метрика и ритмика**, так как оно явно распадается на две части;

2) учение о стихотворной речи может быть названо **евфония**, так как задача состоит в установлении законов «хорошей» («музыкальной», «певучей», вообще отвечающей содержанию) речи; в употреблении уже существует термин «словесная инструментовка» или «звукопись», но он недостаточно широк для предмета; к евфонии, как ее часть, относится и учение о рифме; наконец,

3) учение о сочетании стихов может быть названо **строфика**, так как и все традиционные формы стихотворений должны рассматриваться как состоящие из строф или сами по себе образующие строфу (например, триолет).

Эти три науки, метрика и ритмика, евфония с учением о рифме и строфика, и суть те специальные науки, без изучения которых поэт не может быть признан знающим технику своего искусства, свое ремесло.

Но, очень вероятно, у некоторых еще остается сомнение, если не в необходимости для поэта ознакомиться с теми сведениями, ка-

кие дают эти науки, то, по крайней мере, в том, что это действительно «науки» и что они достаточно сложны. Некоторые, вероятно, готовы думать, что название «науки» слишком громко для собрания технических правил стихосложения, что эти правила не заключают в себе элементов подлинной «научности» и что, во всяком случае, нужно весьма немного времени, чтобы изучить всю эту ремесленную сторону дела, так как она должна сводиться к ограниченному числу указаний, за которой тотчас начинается область пресловутого «вдохновения». Всё это — недоразумения, которые необходимо рассеять.

III

Существуют в разных языках разные метрики. Так, у древних эллинов и римлян было стихосложение метрическое, основанное на счете долгих и кратких слогов; у романских народов принято стихотворение силлабическое, основанное на счете слогов вообще; у северных народов, в том числе у нас, у русских (как у англичан, немцев и др.), ныне господствует стихосложение тоническое, основанное на счете ударных слогов; народная рус-

ская поэзия (былины, песни) пользовалась стихосложением смысловым, основанным на счете значащих образов в стихе; известны еще стихосложения, основанные на параллелизме образов (у древних евреев), на высоте звуков (у китайцев) и т. п.

Наша искусственная поэзия не случайно усвоила себе тоническое стихосложение: оно наиболее отвечает свойствам русского языка. Силлабическая метрика (во многих отношениях стоящая выше, уже потому, что допускает большее разнообразие ритмов) применима только в языках, где слоги (гласные звуки) произносятся отчетливо и где, следовательно, ухо может инстинктивно отмечать их количество в стихе. В языках, где отчетливо звучит только ударный слог в слове или даже в сочетании слов и где слоги неударные произносятся неясно, как в языках английском и русском, силлабическая метрика весьма неудобна; доказательство: неудачные попытки всех слагателей русских «виршей» XVII и XVIII вв. вплоть до Кантемира. Такие языки, естественно, должны опирать свою метрику на счет ударений в стихе.

Известно, что основным элементом русского стиха являются стопы, то есть определенные сочетания ударных и неударных слогов; эти стопы, по аналогии со стопами античного (метрического) стихосложения, носят традиционные названия: ямб, хорей, пиррихий, спондей (двухсложные стопы), дактиль, анапест, амфибрахий, трибрахий, молосс, бакхий, амфимакр, антибакхий (трехсложные стопы), диямб, дихорей, дипиррихий, диспондей, антиспаст, хориямб, ионические стопы восходящая и нисходящая, пеоны 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, эпитриты 1-й, 2-й, 3-й, 4-й (четырёхсложные стопы),дохмий (пятисложная стопа).

Последовательное сочетание этих стоп и образует собою стих. Если стих состоит из одинаковых стоп, он называется чистым (чистый ямб, хорей и т. д.); если из различных, — сложным (например, гексаметр из дактилей и хореев). По числу стоп стихи бывают одно-стопные, двухстопные, трехстопные, четырех-стопные (например, четырехстопный ямб, или ямбический диметр, считая два ямба за одну стопу диямба) и т. д.

Все это — еще довольно просто, хотя и са-

мое построение стиха из стоп ставит длинный ряд вопросов, разрешить которые не так легко. Те, кто отрицает сложность «науки о стихе», действительно, и думают, что она начинается и кончается учением о стопах. Но дело в том, что, если бы свойства стиха обуславливались только сочетанием стоп, наши стихи были бы до крайности, до нестерпимости однообразными. Мы только что перечислили около 30-ти разных стоп. Некоторые теоретики считают их больше, другие — меньше, считая все четырехсложные и пятисложные стопы комбинацией двухсложных. Возьмем наше среднее число — 20; будем иметь в виду, что свыше 8 стоп в стихе почти не употребляется, так как тогда стих неизбежно разлагается на два. Это дает возможность построить только 160 «чистых» метров, из которых многие возможны лишь теоретически, а на практике не употребляются и даже почти не осуществимы. Число возможных «сложных» метров также невелико, так как далеко не все стопы могут сочетаться между собой. Итак, одно «стопосложение» может дать только столько-то десятков, в лучшем случае неболь-

шое число сотен, разных форм стиха.

Какую мучительную монотонность представляла бы поэзия, если бы в ней постоянно повторялись все одни и те же формы стиха! если бы какими-нибудь ста-двумястами или даже тремя-четырьмястами размеров исчерпывались все возможности поэта разнообразить свой напев! Кроме того, какую мучительную монотонность представляло бы каждое стихотворение, если бы в нем все стихи были одинаковы по своему напеву, в зависимости от избранного раз навсегда, то есть на всю поэму, размера! Поистине, при таких условиях предпочтительнее было бы писать прозой, и стихотворцы, действительно, были бы, по выражению одного из героев Карамзина, «людьми, которые хотят притко бегать в оковах»!

По счастью, дело обстоит совсем не так, но вместе с тем и наука о стихе значительно осложняется. Сочетание стоп образует основной размер, но, в сущности, этот размер почти всегда остается только условностью, той отвлеченной схемой (я намеренно не говорю: «тем идеалом»), к которой каждый отдель-

ный стих более или менее приближается, почти никогда с ней не совпадая. Мы говорим, что такое-то стихотворение написано трехстопным хореем или четырехстопным ямбом, но в стихотворении обычно трудно бывает найти стих, который действительно состоял бы из трех хореических или четырех ямбических стоп. На деле каждый стих в стихотворении имеет свое строение, или, говоря терминами, свой ритм. Вот почему учение о стихе вообще и должно называться: метрика и ритмика.

IV

Мы назвали стопы основным элементом стиха. Рядом с ним существуют второстепенные элементы. Они-то и образуют ритм стиха, как стопы образуют его метр или размер. Эти второстепенные элементы суть ипостаса или **замена, цесура** или **пресечение, каталектика** или учение **об окончаниях**. Но далее существуют еще, так сказать, дополнительные элементы стиха, также придающие свой оттенок ритму: **иперметрия и липометрия, синереса и диереса, систола и диастола, синкопа, элидия** и др.

Важнейший из второстепенных элементов есть ипостаса, или замена. Он состоит в том, что в чистом метре (мы будем говорить только о «чистых» метрах, то есть составленных из одинаковых стоп) каждая стопа может быть заменена другой, состоящей из того же количества слогов: например, ямбическая стопа — пиррихием, спондеем или хореем, амфибрахическая — любой из трехсложных стоп и т. п. Такая замена употребляется поэтами «на каждом шагу», и мало бывает стихов, где замены нет, например, в стихе:

Цыгане шумною толпой
(Пушкин),

третья стопа четырехстопного ямба заменена пиррихием; в стихе:

Смерть дочью тьмы не назову я
(Баратынский),

первая стопа заменена спондеем; в стихе:

Ты — тридцати веков кумир
(Пушкин),

первая стопа заменена хореем; в стихе:

*Там ниже мох тощий, кустарник
сухой*

(Пушкин),

вторая стопа четырехстопного амфибрахия заменена антибакхией.

Понятно, насколько разнообразится ритм стиха от таких замен. В стихе может быть то одна, то несколько ипостас; заменяющие стопы могут быть разного характера, например, в ямбе то является пиррихий (наиболее обычно), то спондей, то хорей; заменяющих стоп может оказаться, и это случай вовсе не редкий, больше, нежели стоп основного метра, и т. д. Таким образом, благодаря только одним ипостасам, каждый размер получает множество видоизменений, или ритмов. Например, четырехстопному ямбу одни только ипостасы (без других второстепенных элементов стиха) дают около 40 ритмов.

Но и это число еще весьма невелико; учение о ритме еще гораздо сложнее. Ритм стиха зависит не только от ипостас, но и от цесур. Цесура есть разрез стиха по окончании слова или группы слов, произносимых с одним уда-

рением. Различают цесуры большие в определенном месте размера, например, обычная цесура после 3-й стопы в шестистопном ямбе, обязательные цесуры в гексаметре и т. п., и цесуры малые, делящие каждый стих по числу находящихся в нем слов или групп слов с одним ударением. То или другое положение цесур значительно меняет ритм стиха. Как различны, например, по ритму стихи:

Не спи, казак! во тьме ночной
(Пушкин),

В небесах торжественно и чудно
(Лермонтов).

Мой дядя, самых честных правил
(Пушкин),

стихи, в которых ипостас нет и которые различаются именно цесурами (палыми). Легко сосчитать, что тот же четырехстопный ямб, благодаря одним малым цесурам, может иметь около 20 ритмов.

Сочетание ипостас и цесур есть могущественнейший прием ритма. В сущности, одна ипостаса еще не придает стиху определенно-го ритма: это происходит только через сочетание ипостас с малыми цесурами.[27] Возьмем, как пример, два стиха:

Щит, бурку, панцирь и шелом
(Пушкин).

Тиха украинская ночь
(Пушкин).

По ипостасам они тождественны (пиррихий в 3-й стопе), но различие малых цесур делает их совершенно различными по ритму. То же самое стихи:

Выхожу один я на дорогу
(Лермонтов).

Сестры-птицы громкими хвалами
(Мережковский).

Тем более различны по ритму стихи, где различны и ипостасы и цесуры, например:

*Только ласточки поют в карнизе
(Мережковский).*

*Адмиралтейская игла
(Пушкин).*

*Есть целый мир в душе твоей
(Тютчев).*

Чтобы вычислить приблизительно число ритмов, получаемых от сочетания ипостас и цесур, должно перемножить число вариаций первого рода на число вариаций второго рода. Для четырехстопного ямба это дает около 800 теоретически возможных ритмов, если же допустить ипостасы четвертой стопе (что ранее мы не принимали в расчет), то и более 1000.

Однако вполне определяется ритм только при условии того или другого окончания (кантилексия). Окончания могут быть: мужские (с

ударением на последнем слоге), женские (на предпоследнем), дактилические (на третьем от конца), 4-сложные, 5-сложные и т. д. В русском языке окончания 4-сложные весьма распространены (например, выдержанность, истинами, лиственная, вкрадчивыми, радуется, выбросила), 5-сложные — не редки (радующийся, выброшенная), но встречаются и 6- и 7-сложные (свешивающиеся, отбрасывающимися, свидетельствованиями). Следовательно, каждый ритм имеет еще до семи видоизменений, в зависимости от окончания стиха. Ямб с дактилическим окончанием звучит совершенно иначе, нежели с мужским. Таким образом для четырехстопного ямба мы получим уже несколько тысяч ритмов.

Правда, четырехстопный ямб, размер, который мы брали примером, стих исключительно гибкий. По числу возможных ритмов он превосходит все другие размеры, почему он был и остается любимейшим стихом поэтов, в частности, любимейшим стихом Пушкина. Другие размеры много беднее ритмами, хореи, например, потому, что избегают ипохорей пиррихией во 2-й стопе (кроме трех-

стопных метров), шестистопный ямб потому, что естественно распадается на два стиха (большею частью разделенных постоянной цесурой), трехсложные размеры потому, что неохотно допускают некоторые ипостасы (например, трибрахии и молосс). Вообще с четырехстопным ямбом, по разнообразию ритмов, может соперничать лишь хореодактилический гексаметр, измененный метр античной древности,[28] да отчасти пятистопный ямб. Но все же большинство чистых метров имеют по несколько сот, другие по несколько тысяч ритмов. Так как самих чистых метров, как мы видели, около 160, то, хотя малостопные стихи имеют и мало вариаций, — общее число возможных в русском стихе ритмов должно быть исчислено десятками тысяч, может быть, и свыше 100 000 ритмов.

Но в этом беглом обзоре мы умолчали еще о том, что назвали выше «дополнительными» элементами стиха: иперметрия и липометрия, систола и диастола, синерееа и диереса, синкопа, элидия и др.[29] Некоторые, правда, в русском стихе встречаются крайне редко, как элидия, но другие довольно распростра-

нены, как иперметрия, то есть прибавление лишних слогов к метру, или липометрия, то есть пропуск слогов в метре, также систола и др. Возможность пользоваться этими средствами еще увеличивает число ритмов (вариаций) каждого метра.

После этого становится понятно, что содержание метрики и ритмики достаточно обширно. Чтобы хотя бегло рассмотреть эти 100 000 ритмов, указав на характерные особенности хотя бы важнейших из них, нужно положить достаточно труда и внимания, а, бесспорно, большинство этих ритмов имеет свои индивидуальные особенности. Можно целые страницы посвятить свойству пятистопного ямба с постоянной цесурой и без него, точно так же подобному же различию пятистопного хоря, своеобразным особенностям некоторых двухстопных ритмов, переходу ритмов — одного в другой, и т. д.

Между тем мы ничего не говорили о сложных метрах, которых по аналогии с античной метрикой можно (по крайней мере, теоретически) построить значительное число. Каждый из них тоже будет иметь свои ритмы,

свои вариации. Далее, существуют еще смешанные метры, получившие за последние годы широкое распространение. Мы имеем в виду, во-первых, «свободный стих», а потом так называемые «дольники», метры, близкие по строению к немецкому народному стиху (Knittelvers). И «свободный стих», и «дольники» также — крайне разнообразны и имеют тысячи вариаций. Наконец не говорили мы о складе русских народных песен и былин, — предмет, несомненно относящийся к изучению русской метрики. Склад русских песен и русский былинный стих не менее других, тоических метров, сложны и многовидны.

Из всего сказанного видно, что поэту есть над чем поработать, чтобы усвоить себе в полном объеме те технические знания, которые вытекают из выводов «частной метрики и ритмики».

V

Если евфония не уступает метрике и ритмике по значительности материала, подлежащего ее рассмотрению, то значительно превосходит их по затруднительности ознакомиться с ней. Конечно, русская «частная мет-

рика» еще не разработана, но она имеет много аналогий с другими частными метриками, античной, разработанной великолепно, с немецкой, с английской. Да и по самой русской метрике все же есть ряд заслуживающих внимания работ. Русская звукопись и учение о рифмах русского языка и не разработаны вовсе и почти ни в чем не могут опереться на работы иноязычные, так как произношение русского языка существенно отличается от других языков. Русского стиха в его звуках нельзя даже изобразить иностранными буквами. Попробуйте написать французской азбукой, сохраняя очарование звукописи, стихи Пушкина:

*Шипенье пенистых бокалов
И пунша пламень голубой!*

Основу евфонии составляет собственно звукопись, или словесная инструментовка, учение об том, какими средствами достигается, чтобы звук слов соответствовал их значению и способствовал бы наибольшему впечатлению. Звукопись есть учение об том, как живописать словом. Известно, что величай-

шими мастерами в этом отношении были римские поэты. У Вергилия буквально каждый стих ло звукам строго соответствует тому, что в нем сказано изображает звуками слов то бурю, то скок коня, то свист змеи, то стук мечей о брони. По-русски тоже нетрудно привести примеры яркой звукописи:

*На звонко скачущем коне
(Пушкин).*

*И скакал по камням конь Одинов
(Майков).*

*Знакомым шумом шорох их вершин
(Пушкин).*

*Где луна теплее блещет
В сладкий час вечерней мглы
(Пушкин).*

Чтобы построить теорию звукописи, необ-

ходимо выяснить свойства звуков, то есть сочетаний гласных и согласных букв. Средствами звукописи служат: **аллитерация** внешняя и внутренняя, буквенная **анафора**, **антистрофа**, (**эпифора**), **параномасия**, **антитеса**, **дзевгма** и др. Каждый из этих приемов, — примеры которым нетрудно указать на каждой странице Пушкина, — заслуживает особого рода рассмотрения и изучения. Одно исследование этих средств звукописи уже составляет сложную систему знаний. Как крайний предел звукописи стоит наиболее известный прием — **звукоподражание**, как, например, в изображении мычания вола.

*И мы
Грешны
(Крылов).*

Второй отдел евфонии составляет евритмия, или учение о музыкальности (певучести) стихотворной речи. Разумеется, абсолютных требований в этом отношении быть не может; та или иная задача; поставленная себе поэтом, может потребовать самых неожиданных сочетаний звуков. Понятия о «музыкаль-

ности» и «благозвучии» также могут быть до крайности различны. Но важно, чтобы поэт мог по своей воле давать ту или иную звучность стиху, а не зависел в этом отношении от случая, ибо случайности нет места в искусстве (что, конечно, не исключает элемента бессознательности в творчестве). Поэтому задача евритмии прежде всего предупредить, где возможно, неблагозвучия, какофонию, то есть указывать все сочетания звуков, которые недопустимы. Далее евритмия рассматривает соединения слов между собой, то есть уясняет, какие звуки могут заканчивать одно и начинать другое слово, чтобы при сочетании их получалось «благозвучие». И, наконец, евритмия рассматривает звуковое строение самых слов и их форм по отношению к их звучности (например, особенность причастных окончаний на «вший», глагольных форм на «ал»).

Третий отдел евфонии разрастается в особую науку: учение о рифмах и ассонансах. Область эта более чем обширна и в русском стихосложении почти совсем не исследована. До сих пор не определены еще все виды русской рифмы. Не имеется ни одного, сколько-ни-

будь сносного словаря рифм (хотя бы такого, какие имеются для языков французского, немецкого, английского). Теории рифмы нет и в зачатке. Никто не подумал уяснить, какие изменения падежей и глагольных форм ведут к тем и другим созвучиям. Еще меньше сделано для ассонанса, самое понятие которого до сих пор не определено точно. Таким образом, и области рифмы русскому поэту поневоле приходится быть самоучкой.

Правда и то, что русская рифма — одна из самых сложных, сравнительно с рифмами других языков. Разнообразие ударений в словах, доходящее до седьмого слога с конца, многообразие форм слова (в склонениях и спряжениях), наконец, часто встречающиеся группы согласных перед окончанием — придают русской рифме изумительное разнообразие, до которого далеко, например, французской. Зато и число возможных русских рифм очень велико. Если мы возьмем только рифму с ударной гласной на **а** и следующей согласной **б**, то, допуская все мыслимые окончания (и даже не принимая в расчет опорной согласной) **абб**, **абв**, **абг**, **абд** и т. д., потом

аба, абба, абваабга, и т. д., мы найдем сотни тысяч теоретически возможных окончаний, из которых весьма многие действительно встречаются в языке, притом и из числа наименее ожидаемых, например, сабли (абл), зябнуть (абн), рабствующий (абств), канделябр (абр) и т. д. Какое же число возможных окончаний получим мы, приняв во внимание все сочетания с **а**, то есть, **ав аг, ад** и т. д., и с другими гласными: много миллионов!

Не менее сложный результат получится, если мы подойдем к рифме иным путем, — через изменения слов. Простейшее существительное «дом» рифмуется в именительном падеже: 1) со сходными существительными, как «гром», 2) с родительным падежом множественного числа слов женского рода, например, «истом», 3) с творительным падежом единственного числа мужского рода, например, «моряком», 4) с формой прилагательного, например, «знаком», 5) с местоимениями, например, «о ком», «твоем», 6) с наречьями, например: «нипочем», «вдвоем». Существительное того же склонения с иным окончанием будет иметь иные рифмы, например:

«стол» — «пришел», «меч» — «лечь», «сын» — «один», «дож» — «ложь», «уничтожь» — «кто ж», «палач» — «вскачь» и т. д. Косвенные падежи того же склонения представят ряд совершенно новых родов рифмы, например, «стола» — «мгла» — «пришла» — «колокола», или: «дома» — «истома»; далее: «столу» — «углу», или «ужу» — «тужу», «столов» — «нов» — «обнов» — «зов», «столами» — «ла-мий», «даме» — «нами» и т. д. и т. д. Опять-таки мы сталкиваемся с таким многообразием даже не рифм, а типов рифмы, что становится понятным, почему до сих пор, в сущности, нет русского словаря рифм. Знакомство с рифмой русскому поэту приходится приобретать тяжелой ценой личного опыта. Можно многое возражать против изысканности рифм. Без сомнения, истинно **хороша** вовсе не какая-нибудь непременно редкая, хитрая или новая рифма, а хороши те рифмы, которые естественно стоят на конце стиха и своим созвучием подчеркивают слова, имеющие особое значение в стихе. Это — неоспоримо. Но, с другой стороны, разве естественно и разве достойно оправдания, что у большинства на-

ших поэтов на конце стиха попадают почему-то все одни и те же слова, непременно и «вновь» — «любовь», и «смерть» — «твердь», и «строго — много — тревога» и т. п., а другие слова почему-то упорно прячутся в середине стиха и ни за что не хотят оказаться на конце!

Евфония превращает речь в речь поэтическую. Если стих лишен евфонии, он остается прозой, хотя бы и был безукоризнен по метру. Античные поэты знали рифму лишь как случайную прикрасу; силами одной звукописи они достигали высочайшей музыкальности стихов. Это не значит, однако, что рифма — излишня. Она — новое могучее средство евфонии и, вместе с тем, лучшее средство изобразительности. Пушкин умел придавать исключительную выразительность слову только тем, что ставил его на конец стиха, как рифму. Поэт обязан внимательно изучить законы евфонии, звукопись и учение о рифмах. Только вполне владея их средствами, он становится полновластным хозяином поэтической речи.

Наиболее разработана из наук о стихе — строфика, для всех языков — одна и та же, за малыми видоизменениями, обуславливаемыми той или другой метрикой. Несмотря на то, в русской поэзии строфика все еще остается в пренебрежении. Если простейшие формы, как сонет, терцины, октава, давно вошли в нашу поэзию, то давно ли стали наши поэты пользоваться секстиной, балладой, канцоной, и сколько форм еще ждут своего первого появления в русских стихах!

Строфика — необходимая часть науки о стихе. Каждое стихотворение (если оно не однострочное, примеры чего есть уже у римских поэтов) есть сочетание стихов. Как должно наилучшим образом сочетать стихи, об этом и учит строфика.

Разделяется строфика на два отдела: учение о простых строфах и учение об установленных формах стихотворений; отдельно стоит учение о темах.

Простые строфы естественно могут быть: двустишия или дистихи, трехстишия или терцины, четверостишия или кватрины, пятистишия, шестистишия и т. д. Известны стро-

фы в 9 («Спенсерова»), в 12 («Евгения Онегина»), в 15, 16 и более стихов. Одно расположение рифм и число их может придать этим строфам почти бесконечную разнообразность. Алгебраическая «теория соединений» дает огромные цифры для всех возможных перемещений рифм в строфе из 10–12 стихов. Ограничивая это число условным числом рифм, мы все же получаем сотни возможностей расположить рифмы во многострочной строфе.

Но простые строфы могут быть двоякого рода: состоять из стихов одного размера («чистые» строфы) или из стихов разных размеров («сложные» строфы или собственно «метры»). В последнем случае количество возможных комбинаций почти неисчислимо: теоретически они достигают многих миллионов. Но не все такие комбинации уместны на практике, так как не все размеры способны сочетаться один с другим. Вот почему задача строфики — изучить те строфические построения, которые уже были испробованы выдающимися поэтами, выяснить их относительное достоинство и их характер, а также опреде-

лить допустимость иных, еще не испробованных, комбинаций.

Таковы, например, строфы античной метрики, особенно принятые Горацием, которые почти все могут иметь аналогию по-русски. Таковы «чистые» и «сложные» строфы Спенсера, Пушкина, Эдгара По, Виктора Гюго, Теннисона и др. Построение их столь удачно, из бесчисленного числа возможных комбинаций избраны столь несомненно совершеннейшие, что к этим строфам поэты всегда будут обращаться вновь и вновь. Пока будет существовать поэзия, не перестанут, вероятно, пользоваться и дистихом из гексаметра и пентаметра, и терцинами Данте, и октавами Тассо, и сапфической строфой, и Спенсеровой, и строфой «Ворона» Эдгара По. Трубадуры средневековья считали строфу собственностью того, кто ее изобрел, и не позволяли себе пользоваться чужими строфами. Современность снисходительнее в этом отношении: почему искать уже найденное или пользоваться худшим, когда есть лучшее?

То же самое должно сказать об установленных традицией формах целого стихотво-

рения, каковы: сонет, триолет, секстина, баллада (французская), вириле, рондо, газелла, канцона, дещима, танка (японская) и мн. др. Происхождение их различно. Одни формы пришли к нам из древности, другие из средневековья, третьи от эпохи Возрождения, четвертые — с Ближнего, пятые — с Дальнею Востока... Но все они освящены испытанием веков, признавшим их за совершеннейшие построения из определенного числа стихов и по внешней стройности, и по свойству — наиболее полно выражать известные чувства или раздумья. Как традиционные строфы, так и традиционные формы, конечно, останутся в мировой поэзии навсегда.

Ошибочно думать, что эти формы — только игрушка, головоломная забава, техническая задача для поэта. Можно доказать, что невозможно, например, более совершенным образом расположить 14 стихов, нежели то сделано в сонете; что есть цикл раздумий, который наиболее адекватным образом может быть выражен лишь секстиной, другой — лишь рондо, что маленькая японская танка есть идеальнейшее использование 31 слога и

т. д. Внимательный анализ показывает все значение этих построений не только для внешности стихотворения, но и для его содержания, но выяснение этого важного соображения завлекло бы нас здесь слишком далеко.

Поэт, желающий вполне владеть техникой своего искусства, обязан знать законы этих форм, — законы, которые, конечно, не установлены произвольно, но долгим опытом выведены из наиболее замечательных образцов. С более распространенными формами можно ознакомиться и теоретически, так как существуют, например, довольно подробно разработанные теории сонета, терцины, канцоны... Но, за пределами их, остается еще множество форм, узнать которые возможно лишь по образцам. Так, например, римские поэты III–IV в. по р. X. сделали в этом отношении весьма много, но работа их до сих пор еще не теоретизована. То же относится к многим формам, найденным поэтами арабскими, персидскими, древнеармянскими. Область исследований и наблюдений и в этом отношении очень широка и требует от поэта опять много вре-

мени и труда.

Остается сказать о так называемых «темах» — формах, предусматривающих звуковое строение стихотворений, Темы стоят на границе между строфикой и евфонией. Таковы: акrostих, месостих, телестих, метаграмма, палиндром буквенный и палиндром словесный (по латыни: *versus resurgentes*, по-русски: перевертень), ропалические стихи, шарада и мн. др. Было бы неосторожно обращаться пренебрежительно и к этим техническим задачам. Палиндром, например, то есть стихи, которые можно читать от начала к концу и от конца к началу, безусловно, придает и особый ритм стиху. То же самое — метаграмма, то есть стихи, составленные из тех же букв; ропалические стихи, где каждое следующее слово на один слог длиннее предыдущего; «обращенные» (повторные) дистихи, где первое полустишие первого стиха повторяется как второе полустишие во втором, замечательные образцы чего нам оставил Пентадий; стихотворения, где многообразно комбинируется определенное число основных стихов, например, четырех, образец чего мы находим

у Порфирия; стихи, где все слова начинаются с одной и той же буквы; акrostихи, азбучные стихи и т. д. Все это — приемы, с помощью которых поэт может достичь совершенно неожиданных, новых и глубоких эффектов.

Таким образом строфика оказывается наукой не менее сложной, нежели ее сестры, метрика с ритмикой и евфония с учением о созвучиях. Эти три области знания дают в руки поэта могущественнейшие средства изобразительности и выразительности. При знании технических законов своего ремесла поэт становится, действительно, господином своего языка. «Хочу и не могу», восклицание мудреца в стихотворении Фета, недостойно поэта, который отвечает словами Пушкина:

*О чем, прозаик, ты хлопчешь?
Давай мне мысль, какую хочешь...—*

и т. д.

«О если б без слова — сказатья душой было можно!» — тосковал Фет. Разумеется, навеки останется незаполнимая пропасть между идеей (поэтической мыслью) и словом: слово

навсегда останется не-адекватным переживанию, всегда будет выражать мысли и чувства лишь приблизительно. Но задача поэта — выразить себя именно в слове; поэзия есть искусство, материалом для которого служат слова. Поэтому поэт обязан владеть словом в совершенстве, иметь в своем распоряжении все средства, которые способны до известной степени заполнять эту пропасть между словом и душой.

В конце концов все средства в поэзии хороши, если служат своей цели — усилить выразительность слова, и нет средств «благородных» и «неблагородных». Поэтому неосторожно — высказываемое нередко пренебрежение к «темам». То, что сейчас нам кажется ничтожным, незначительным, под рукой гениального поэта может оказаться неожиданно одним из самых сильных средств — достичь желаемого впечатления. Чем именно воспользуется этот гениальный завершитель, теперь нельзя и предвидеть. Но, в ожидании его, поэты в дружном усилии должны разрабатывать, по возможности, все элементы стиха, все средства изобразительности, все тех-

нические приемы. Только такая совместная работа может раскрыть все тайны поэтической техники и сделать поэтов будущего истинными магами в области слова: их голосу слова будут подчиняться как властным заклинаниям, и осуществится мечта нашего поэта:

*Крылатый сердца звук
Хватает на лету и закрепляет
вдруг
И темный бред души, и трав неяс-
ный запах!*

(Фет)

Валерий Брюсов

От автора

Предпосылая собранию стихов, озаглавленному «Опыты», свою вступительную лекцию, прочитанную в московской «Студии стиховедения», я полагаю, что объясняю тем и назначение самой книги. В своей лекции я хотел бегло обозреть всю сложность поэтической техники и хотя бы только намекнуть на ее значение для искусства поэзии. Очень многих вопросов поэтической техники я не мог

коснуться даже попутно; очень многие ее задачи, — задачи важные и трудные, — обойдены мною молчанием. Все, сказанное мною, только едва приподнимает край завесы над областью словесного мастерства. Тем не менее моя лекция, я надеюсь, показывает, как много еще предстоит сделать для русской поэзии в области стихотворной техники.

Над разработкой этой техники трудились тысячелетия. Величайшие поэты всех веков и народов вносили свой вклад в это дело. Только на то, чтобы изучить совершенное ими, должно посвятить всю свою жизнь. Поэзия античной древности, европейского средневековья, Ближнего Востока, Дальнего Востока, новых литератур, даже народная поэзия полукультурных племен, — представляют множество образцов разного рода технических приемов, способствующих основной цели: победить слово. Иные из этих образцов широко известны; другие — забылись за далью столетий; на третьи — еще никто не обращал достаточного внимания. А сколько еще остается технических возможностей, никем не затронутых, не использованных, не испробован-

ных! Теоретически их число, — как мы видели, — бессчетно: их столько же, сколько можно составить «сочетаний», «перемещений» и «размещений» (говоря языком алгебры) из тысяч элементов по сотням и по десяткам. И число мыслимых метров и ритмов и количество звуковых комбинаций, и ряд возможных строф и форм — несчетны.

Задача каждого поэта, — рядом со своим творческим делом, которое, конечно, остается главной задачей всей жизни, — по возможности способствовать и развитию техники своего искусства. Искать, повторять найденное другими, применяя к своему языку и своему времени, делать опыты, — вот одна из важных задач, стоящая перед поэтом, если он хочет работать не только для себя, но и для других, и для будущего. Такими «опытами», вероятно, воспользуются другие, но они проложат им путь и облегчат им дело. Такие «опыты» — черновой труд, подобный труду инженера, ведущего дорогу в еще неизведанные края, куда за ним явятся пионеры культуры. Нечего добавлять, что такой труд особенно важен именно в русской поэзии, которая в разработ-

ке техники далеко отстала от своих западных сестер и для которой «неизведанными» остаются многие области, уже давно знакомые поэтам Запада и отчасти Востока.

Таково назначение и этой книги. В «примечаниях» я подробнее выясняю отдельные задачи, которые ставил себе. Там я точнее определяю, чему именно в разработке техники пытался содействовать тем или другим своим «опытом». Здесь достаточно сказать, что, сообразно с тремя отделами технических знаний, с тремя «науками» о стихе, книга разделена на три отдела: 1) опыты в области метрики и ритмики, 2) опыты в области евфонии и созвучий (рифм и ассонансов) и 3) опыты в области строфики.

Некоторое число стихотворений взято из моих предшествующих книг: я не видел надобности вторично производить опыт, если в прошлом он мне более или менее удался (все такие стихотворения отмечены в оглавлении).[30] Другие стихотворения перепечатаны из сборников, журналов и газет. Но значительная часть (что также отмечено в оглавлении) появляется в печати впервые. Есть среди

собранных здесь стихотворений — переводы, есть подражания, есть оригинальные пьесы. Но, хотя все стихи, вошедшие в эту книгу, представлены здесь, как образцы тех или иных технических приемов, хотя все они справедливо названы мною «опыты», все же здесь нет ни одного стихотворения, которое не было бы в то же время подлинным выражением моих внутренних переживаний. Если встречаются в книге стихотворения, которые, быть может, не удовлетворят взыскательную критику, то это уже — вина моего дарования или моей оценки, но отнюдь не сознательное с моей стороны допущение. В идеале я стремился к тому, чтобы включить в эту книгу лишь те стихи, которые являются подлинной поэзией. Я мог ошибиться в своем выборе, мог слишком снисходительно отнестись к своему произведению, но ни в коем случае не считал, что одно техническое исхищрение превращает стихи в создание искусства. Знаю, что среди помещенных далее стихотворений есть более слабые и менее удачные, но в каждом из них непременно есть «частица моей души», и мне самому каждое из них, по-

мимо особенностей их техники, напоминает те или другие чувства, глубоко пережитые мною, то или другое раздумье, живо и остро волновавшее меня когда-то.

В заключение я должен оговорить, что в «опытах» отнюдь не предполагал — собрать образцы или примеры **всех**, или хотя бы всех важнейших, технических приемов поэзии. Во-первых, для этого потребовалась бы не книга, а целый ряд томов, во-вторых, я не имею притязания соперничать с теми классическими образцами различных стихотворных размеров и форм, какие даны нашими поэтами за два века русской литературы. «Опыты» — не систематический учебник; в них собраны стихотворения, написанные мною в разные годы, под разными побуждениями, и лишь теперь объединенные с одной, определенной точки зрения. В этой книге — не те примеры, которые должно было бы дать в наше время для читателя, интересующегося стихотворной техникой, а те, которые я мог выбрать среди своих стихотворений последних лет. Это, может быть, придает книге несколько случайный характер, но зато из-

бавляет ее от преднамеренности, для творчества губительной.

Апрель 1918

Валерий Брюсов

Опыты по метрике и ритмике (размеры и напевы)

Пляска дум (Одноstopные хорей)

*Моря вязкий шум,
Вторая пляске дум,
Злится, — где-то там...
Мнится это — к нам
Давний, дальний год
В ставни спальни бьет.
Было то же: мы,
В милой дрожи тьмы,
Ждали страстных мук;
Далей властных звук
К счастью ближе звал,
Страстью движа вал!
В небе рдяный пыл —
Жребий данный был.
Ныне, бездны бед —
Синий звездный свет!*

«Поздно!» — учит час...
Грозно мучит нас
Моря в пене шум,
Вторая смене дум.

1⁹¹⁸

**Вечная весна
(Одноstopные ямбы)**

И ночи — короче, и тени — свет-
лей,
Щебечет, лепечет весенний ручей,

Истомой знакомой пленяет ап-
рель:
Он сладко, украдкой, вливает свой
хмель,

И снова иного не надо! Мечта
С лучами, с ручьями усладой сли-
та,

Нет горя! Не споря с порывом, ду-
ша
Вся — пенье! в волненьи счастли-
вом спеша —

На воле, там, в поле, росточком
восстать,

*На склонах зеленых листочком
дрожать!*

9 января 1918

**Веретена
(Пеон третий)**

*Застонали, зазвенели золотые ве-
ретена,
В опьяняющем сплетеньи упои-
тельного звона.
Расстилагается свободно выраста-
ющая ткань...
Успокоенное сердце! волноваться
перестань!*

*Это — парки. Неуклонно неустан-
ными руками
Довершают начатое бесконечны-
ми веками:
Что назначено, то будет! испол-
няется закон
Под звенящее жужжанье вдохно-
венных веретен!*

1⁹¹⁸

**Буря с берега
(Пеон третий)**

Перекидываемые, опрокидывае-

мые,
Разозлились, разбесились бело-
усые угри.
Вниз отбрасываемые, кверху вски-
дываемые,
Расплетались и сплетались, от
зари и до зари.

Змеи вздрагивающие, змеи взвиз-
гивающие,
Что за пляску, что за сказку вы
затеяли во мгле?
Мглами взвихриваемыми путь за-
брызгивающие,
Вы закрыли, заслонили все фарва-
теры к земле.

Тьмами всасывающими опоясыва-
емые,
Заметались, затерялись в океане
корабли,
С неудерживаемостью перебрасы-
ваемые,
Водозмеи, огнезмеи их в пучину
завлекли.

Чем обманываете вы? не стреми-
тельностью ли

*Изгибаний, извинений длинно-вы-
тянутых тел?
И заласкиваете вы не медлитель-
ностями ли
Ласк пьянящих, уводящих в неизве-
данный предел?*

24 декабря 1914

**На причале
(Ритмы 4-стопного ямба)**

*Удерживаемый причалом,
Не примиряется челнок
Ни с буреломом одичалым,
Ни с вытянутостью осок.*

*Челн рвет узлы: вдруг режет,
вброшен,
Сеть лилий, никнет, полн воды,
Гнет тростники; вдруг прочь,
непрошен,
Летит, — стал, словно вкован в
льды...*

*И прыгнул вновь; вновь, дик, безу-
мен,
Канат натягивает... Но
Ветер свирепствует, безумен...
Что суждено, то суждено!*

*Веревки перервались с треском.
Миг, — челн в просторе водяном!
Вот он, под беспощадным блеском
Небес, уже плывет вверх дном.*

1⁹¹⁸

**Уединенный остров
(Женская цесура в 6-стопном ямбе)**

*Уединенный остров, чуть заметный в море,
Я неуклонно выбрал, — золотой приют,
Чтоб утаить в пустыне и мечты и горе
И совершить свободно над собой свой суд.*

*Немного пальм качалось над песком прибрежий:
Кустарник рос по склонам, искривлен и сер;
Но веял ветер с юга, просоленный, свежий,
Вдали, в горах, прельщала тишина пещер.*

Я с корабля на берег был достав-

лен в лодке;
Как с мертвецом, прощались моряки со мной,
Казались в миг разлуки голоса их кротки,
И каждый стал как будто для меня — иной.

Над палубой взметнулось колыханье дыма,
Над голубым простором прозвучал свисток...
И вот судно помчалось вдаль невозвратно,
И на косе песчаной был я одинок!

О, как я страстно жаждал рокового мига,
Мечтал все пути жизни навсегда порвать...
Теперь природа вскрыта, как большая книга:
Леса на скалах, небо и морская гладь...

Но почему так страшен этот миг разлуки?
Иль я глубоко знаю, что напрасно

жду?
Изменяются лишь краски, арома-
ты, звуки,
Но и в пустыне буду, как в тол-
пе, — в аду!

16 марта 1918

Восход луны[31]
(Ритмы 4-стопного хорей)

*Белых звезд прозрачное дыханье;
Сине-бархатного неба тишь;
Ожиданье и обереганье
Лунного очарованья, лишь
Первое струящего мерцанье
Там, где блещет серебром ка-
мыш.*

*Эта ночь — взлелеянное чудо:
Ночь из тех узорчатых часов,
Зыблемых над спящими, откуда
Рассыпается причуда снов,
Падающих в душу, как на блюдо
Золотое — груды жемчугов.*

*Этот отблеск — рост непобеди-
мой
Мелопеи, ропоты разлук;
Этот свет — предел невыразимой*

*Тишины, стук перлов, мимо рук
Разлетающихся — мимо, мимо,
Луциолами горящих вокруг.*

*Дышат звезды белые — прерывно;
Синий бархат неба — побледнел;
Рог в оркестре прогудел призывно;
Передлунный облак — дивно-бел...
В белизне алея переливно,
Шествует Лунина в наш предел.*

1⁹¹⁷

**Алтарь страсти
(7-стопные хорей и др. ритмы)**

1

Любовь и страсть — несовместимы.

*Кто любит, тот любовью пьян.
Он не действительность, а мнимый*

Мир видит сквозь цветной туман.

*Он близости, а не сближений
С любимой ищет; в жданный миг
Не размеряет он движений
По указанью мудрых книг;
И все равно ему, чем страсти
Последний трепет побежден:*

У темных чувств он сам во вла-
сти,
Но ими не владеет он.
То нежность, то восторг, то рев-
ность
Его смущают и томят,
И сладострастья, во вседнев-
ность
Превращены, теряют яд.

2

Истинное сладострастие — са-
модержавно,
Как искусство, как религия, как
тайный смысл
Вечного стремленья к истине,
единой, главной,
Опирающейся в глубине на правду
числ.

Сладострастие не признает ни в
чем раздела.
Ни любовь, ни сострадание, ни
красота,
Не должно ничто соперничать с
порывом тела:
В нем одном на миг — вся глуби-
на, вся высота!

Дивное многообразие жрецу от-
крыто,
Если чувства все сумеет он пере-
бороть;
Свят от вечности алтарь стра-
стей, и Афродита
Божеским названием святит по-
ныне плоть.

Но святыню сладострастия ищи
не только
В наслаждении сплетенных рук и
сжатых губ;
Пусть объятий триста трид-
цать три и дважды столько—
Их восторг — мгновенец, призра-
чен и слишком груб!

Истинное сладострастие — за
гранью чувства,
В мигах ласк изменчивых всегда
искажено,
Как религия, как смысл наук и как
искусство,
В сфере вечных мировых идей ца-
рит оно!

Как музыка — не эти звуки,
Не этот или тот напев,
Мотив тоски, мотив разлуки,
Хор юношей, детей и дев;
И не — симфония, соната,
Романс иль опера, — не то,
Что композитором когда-то
В гармонию из нот влито!
Как, в музыке, — все исполненья,
Рояль, песнь, скрипка и орган,
Лишь — отраженья, приближе-
нья,
Лишь — созерцанья сквозь туман

Неведомых, непостижимых
Напевов, слышанных в тиши,
В минуты грез неповторимых
Не слухом тела, но души;
Так, в сладострастьи, все земное

Лишь отблеск страсти неземной,
И все дневное, все ночное,
Лобзанья, нега, томный зной,
Сближенья, ласки, быстрый тре-
пет
Объятий гибких формы все, —
Все это — только слабый лепет,
Хотящий подражать грозе!

Искусство гейш и одалисок,
И баядерок и гетер,
Все это — только бледный спи-
сок,
Как звук пред музыкою сфер!

4

Страсть, святыня вечная,
Страсть, священный зов,
Ты — связь бесконечная
Зиждемых миров!

Страсть животворящая,
Древний жезл чудес,
Нас во мгле роднящая
С глубями небес,
Ты — всегда божественна,
Дивна — каждый час,
Ты — во всех тождественна,
В ангелах и в нас!

Сила неизменная
В сменах мировых, —
Держится вселенная
Властью уз твоих!

Страсть, мечту очисти нам!
На своем пути

*Нас вселенским истинам
Тайно причасти!*

8 *апреля 1918*

**Из мениппей Варрона
(Ямбический триметр)**

*Внезапно ночью, близко от полуночи,
Когда прозрачный воздух теплый
пламенно
Далеко в небе хоры звезд показы-
вал, —
Равно холодным кровом тучи
зыбкие
Златую бездну в небесах задерну-
ли,
Струя на смертных воду подзе-
мельную
И с хладной оси ветры вдруг низ-
ринулись,
Неистовые порожденья Севера,
Неся с собою ветки, крыши, осто-
вы...
И мы, бедняги слабые, как аисты,
Чьи крылья пламень молньями
зубчатыми
Спалил, упали на землю в унынии.*

<1917?>

В условный час (Ионический диметр)

«Приходи!» — страстно мечта
стонет,
Но его ль тайный призыв — тро-
нет!
Как ответ, ива чело клонит.

Тишина; речка внизу плачет;
Миновал избранный час... Значит,
—
Для тебя горестный круг начат!

Суждено всем испытать то же:
Пережить сладкие дни дрожи,
Исчерпать страсть на ночном
ложе,

А потом — горечь разлук, вскоре
Наблюдать скорбь в дорогом взо-
ре
И испить, все до конца, горе!

Пред тобой черная здесь веха,
Ты зовешь, плачешь... на плач эхо
Прозвенит легкой волной смеха,

*Лишь с тобой речка внизу плачет.
Роковой час миновал, значит, —
Для тебя горестный круг начат.*

1⁹¹⁸

**Из песен Сапфо[32]
(Античные ритмы)**

1

*Сокрылась давно Селена,
Сокрылись Плеяды. Ночи
Средина. Часы проходят.
А я все одна на ложе.*

2

*Ты кудри свои, Дика, укрась, ми-
лые мне, венками,
И ломкий анис ты заплети сла-
достными руками.
В цветах ты грядешь; вместе с
тобой — благостные Хариты.
Но чужды богам — те, кто при-
дут, розами не увиты.*

3

*Геспер, приводишь ты все, разме-
тала что светлая Эос,
Агнцев ведешь, ведешь коз, но от*

матери дочь уводишь.

4

*Рыбарю Пелагону отец Мениск во-
друзил здесь
Вершу и весло, памятник бедно-
сти их.*

<1914>

**Из Венка[33]
(Дактиле-хореические дистиха)**

1

*Ты не в гробнице лежишь, под
украшенным лирою камнем:
Шумного моря простор — твой
вечнозыблемый гроб.
Но не напеву ли волн твои были
песни подобны,
И, как воды глубина, не был ли дух
твой глубок?
Гимн Афродите бессмертной сло-
жившая, смертная Сапфо,
Всех, кого гонит любовь к морю,
заступница ты!*

2

Где твои стрелы, Эрот, — разив-

шие взором Ифтимы,
Нежные, словно уста Гелиодоры
младой,
Быстрые, словно улыбка Наиды,
как Айя, живые?
Пуст твой колчан: все они в сердце
вонзились мое.

3

Общая мать, Земля, будь легка
над моей Айсигеной,
Ибо ступала она так же легко по
тебе.

<1913?>

В духе латинской антологии[34] (Гендикасиллабы)

Обманули твои, ах! поцелуй,
Те, что ночь напролет я пил, как
струю.
Я мечтал навсегда насытить
жажду,
Но сегодня, как Скиф, без кубка
стражду.
Ты солгал, о Насон, любимец бога!
Нет науки любви. И, глядя стро-
го,
Беспощадный Амбр над тем хохоту.

чет,
Кто исторгнуть стрелу из сердца
хочет.
Должно нам принимать богов ре-
шенья
Кротко: радости и любви муче-
нья.

<1913>

**Памятник («Вековечной воздвиг меди
я памятник...»)**

(1-й асклепиадов стих Горация)

*Вековечной воздвиг меди я па-
мятник,
Выше он пирамид царских строе-
ния,
Ни снедающий дождь, как и бес-
сильный ветер,
Не разрушат его век, ни бесчис-
ленных
Ряд идущих годов или бег времени.
Нет, не весь я умру, большая
часть меня
Либитины уйдет; славой по-
смертною
Возрастать мне, пока по Капито-
лию
Жрец верховный ведет деву без-*

молвную.
Буду назван, где мчит Авфид
неистовый
И где бедный водой Давн был над
сельскими
Племенами царем, из ничего мо-
гущ.
Первым я перевел песни Эолии
На Итальянский лад. Гордость за-
служенно
Утверди и мою голову Дельфий-
ским
Благосклонно венчай лавром,
Мельпомена.

<1912–1918>

Рок (Гексаметры Авсония)

Все непрочное в мире родит, и ве-
дет, и крушит Рок,
Рок, неверный и зыбкий, но манит
нас льстивых надежд рой,
Рой, что с нами всю жизнь, и с
кем разлучит нас одна смерть,
Смерть ненасытная, кою адская
кроет в свой мрак ночь.
Ночь в свой черед умирает, едва
воссияет золотой свет,

Свет, этот дар богов, пред кем
впереди предлетит Феб,
Феб, от кого не укрылся с Кипри-
дой одетый в доспех Марс,
Марс, что рожден без отца; его
чтит фракийцев слепой род,
Род проклятый мужей, что свой в
преступлениях зрит долг,
Долг убивать, как жертву, людей;
таков той страны нрав, —
Нрав свирепых племен, что зако-
нов признать не хотят власть.
Власть, что в мире возникла из
вечных природы людской прав,
Прав благочестия дочерей, прав,
где сказался богов ум,
Ум этот чувством небесным кро-
пит достойный того дух,
Дух подобие мира, всей жизни на-
чало, упор, мощь,
Мощь, бессильная, впрочем: за-
тем, что все — шутка, ничто
все!

1⁹¹¹

**Пророчество мечты
(Ропалические стихи)**

Пусть мечта рыдает горестны-

ми восклицаньями.
Даль горит, сверкает радостны-
ми ожиданиями!
Ты, опять доверясь обольщенью
вековечному,
Жизнь предать согласен сновиде-
нию бесконечному,
Вновь сожмешь объятья, трепет-
ные, обольщенные!
Ах, тая проклятья, истинные,
освященные!
Миг страстей настанет, совер-
шится невозможное,
И любовь обманет, — повторит-
ся непреложное!
Мгла тебя отметит трепетами
сладострастными,
И, губя, приветит лепетами по-
луясными...
Даль — свята, пылает радостны-
ми обещаньями,
Лишь мечта рыдает горестными
восклицаньями.

1⁹¹⁴

Гном о жизни
(Ропалические стихи XIV в.)

Жизнь — игра желаний мимолет-

ных,
Есть — пора мечтаний безотчет-
ных,
Есть, потом, — свершений горде-
ливых,
Скук, истом, томлений прозорли-
вых;
Есть года жестоких испытаний,
Дни суда, глубоких ожиданий;
Страсть везде незримо торже-
ствует,
Льстит в нужде; гонима, знаме-
нует
Дни побед холодным беспристра-
ствием...
Мир согрет бесплодным сладо-
страстьем!

1⁹¹⁸

После скитаний[35]
**(Разложение дактилического гек-
саметра)**

*После скитаний,
далеких и трудных,
вдали заблестали,
В нежном тумане,
лугов изумрудных
знакомые дали!*

*В море шумящем,
под ропоты бури,
манило вернуться —
К зарослям-чащам,
к неяркой лазури, —
над речкой проснуться,
Слыша мычанье
быков и призывы
родимой свирели...
Кончив блужданье,
усталый, счастливый,
вот я — у цели!*

**1⁹¹⁵ Весной («Попискивают птицы...»)[36]
(Двух-трехдольники)**

*Попискивают птицы
В роще березовой;
Сетят листья тень
На песок почти розовый;
Облачков вереницы
Стынут в лазури ясной;
Расцвел пригожий день,
С душой согласный.*

*Эти зеленые травы,
Современницы нашей планеты,
Эта предельная синь,*

Эти весенние светы, —
Исполнены древней отравы,
Пьянящей, от века до века,
Странника мировых пустынь, —
Человека.

1⁹¹⁴

Клинопись[37] (Параллелизм)

Царь, Бил-Ибус, я, это вырезал
здесь,
Сын Ассура, я, был велик на земле.

Города разрушал, я, истреблял
племена,
Города воздвигал, я, строил хра-
мы богам.

Прекрасную Ниргал, я, сделал сво-
ею женой,
Алоустая Ниргал, ты, была как
месяц меж звезд.

Черные кудри, Ниргал, твои, были
темны, как ночь,
Соски груди, Ниргал, твои, были
алый цветок.

*Белые бедра, Ниргал, твои, я в пур-
пур одел,
Благоуханные ноги, Ниргал, твои,
я в золото обул.*

*Когда умерла ты, Ниргал, я сорок
суток не ел.
Когда ушла ты, Ниргал, я десять
тысяч казнил.*

*Царь, Бил-Ибус, я, был велик на
земле,
Но, как звезда небес, исчезаешь
ты, человек.*

1⁹¹³

**Из китайской поэзии[38]
(Параллелизм)**

1

*Твой ум — глубок, что море!
Твой дух — высок, что горы!*

2

*Пусть этот чайник ясный,
В час нежный, отразит
Лик женщины прекрасной
И алый цвет ланит.*

3

*Ты мне дороже, чем золото,
Чем добрый взгляд государя;
Будь любви моей рада,
Как кормщик, к берегу причала.*

4

*Все дни — друг на друга похожи;
Так муравьи — одинаково серы.
Знай заветы — работать, чтить
старших
и голос божий,
Завяжи узел — труда, почтенья,
веры.*

5

*Глупец восклицает: «Ломок
Стебель памяти о заслугах!»
Мудрый говорит: «Буду скромн,
И меня прославят речи друга!»*

16 декабря 1914

Вечер после свиданья (Силлабические стихи.)

*Вода едва качает
Абрисы темных ив;
День, убывая, тает;*

Свет вечерний пуглив.
Словно лестницей длинной,
За ступенью ступень,
Лишь дрожа беспричинно,
Идет ночная тень.
Вот воцарились всюду
Тишина, темнота;
Верит невольно чуду,
Опьянена, мечта.
Кажется, все вернется,
Что было час назад;
Склонится, улыбнется
Близко — желанный взгляд!
И будет миг свиданья
Дивен, сладок вдвойне,
В святом кругу молчанья,
При встающей луне.
Сознавая невольно
Власть ее волшебства,
Качнулась богомольно
Под ветерком трава.
И не жаль, что утрачен
Миром — колдуний дар,
Когда встает, прозрачен,
За лесом лунный шар!

1⁹¹⁸

**Ночная песнь странника
(Свободный стих Гете)**

На всех вершинах —
Покой.
В листве, в долинах,
Ни одной
Не вздрогнет черты...
Птицы дремлют в молчании бо-
ра.
Погоди только: скоро
Уснешь и ты!

<1915>

Друзья[39]
(РИТМ)

Вышел Леший, сел на пенё,
Чует запах деревень,
Палку новую кремнем обтесыва-
ет,
Порой бороду почесывает,
Сидит, морщится,
Уши у него топорщатся,
Видит: узенькой тропой
Идет в гости Домовой.
«Здравствуй, дед! давно не бывал!
А я стар стал, жить устал;
Нет бывалого простора!
Вырубили половину бора.
Куда ни пойдешь, везде мужик.
Инда я гулять отвык!»

Домовой присел меж кочек,
Будто съежился в комочек.
Говорит: «Да, старина,
Пришли худы времена!
Мужики в меня не верят,
То есть как бы вовсе херят.
Не дают мне молока,
Замыкают в два замка
На конюшне лошадей.
Впору помирать, — ей-ей!»
Леший бороду почесывает,
Палку сумрачно обтесывает,
Кремень щёлк да щёлк.
Домовой примолк.
Пень обтянут повиликой,
Пахнет свежей земляникой,
Сосны дюже велики.
Слышен сиплый крик с реки.
Вопрошает Домовой:
«То не дед ли Водяной?»

1⁹¹²

Дождь
(Свободный стих Верхарма)

Как длинные нити, нетихнувший
дождь
Сквозь серое небо, и полон и тощ,
Над квадратами луга, над кубами

рош
Струится нетихнувший дождь,
Томительный дождь,
Дождь...

Так он льет со вчера,
Так он мокрые тянет лоскутья
С тверди серой и черной;
Терпеливый, упорный,
Так он льет со вчера
На перепутья,
Необорный.

По путям,
Что ведут от полей к городам,
По дорогам, безмерно скривлен-
ным,
Шагом сонным,
Монотонным,
Утомленным,
Словно дроги путем похоронным,

Проезжают возы, в колеях,
Для того без конца параллельных,
Что они исчезают в ночных небе-
сах,
И сливаются в далях предель-
ных...

А вода,
Час за часом, струится всегда;
Плачут травы, деревья и дома
В бесконечности краткой исто-
мы...

Перейдя за гнилые плотины,
Разливаются реки в долины
Серой пеной,
И плывет унесенное сено;

Ветер хлещет орешник и ивы;
И, хвостами в воде шевеля,
Стадо черных быков наполняет
мычаньем поля;
Вечер близится; тени — пугливы,
И неслышно ложатся вдоль су-
мрачных роц;
Твердь — все та же;
Так же льется нетихнувший
дождь,
Долгий дождь,
Дождь густой и прозрачный, как
сажа.

Долгий дождь
Нити вытянул ровно и прямо;
Ткет ногтями своими упрямо, —

Петля за петлей, стежок за

стежком
Одеянье,
Закрывая в свой плащ каждый
дом,
Каждое зданье,
В плащ изодранный, жалкий,
Что виснет тряпьем,
Как на палке...
Голубятня под крышей зубчатой;
Слуховое оконце, бумагой заткну-
тое грубо;
Водосточные трубы,
Что крестом стоят над конь-
ком;

На мельницах крылья с заплатой;
Крест над родной колокольней, —
Под долгим дождем,
Непрерывным дождем
Умирают зимой в агонии безболь-
ной...
О, нетихнувший дождь,
В серых нитях, в морщинах, с
большой
бородой

Водяной!
О, нетихнувший дождь

*Старых стран,
Многодневный, седой, облеченный
в туман!*

<1915>

Присловья (Склад народных песен)

1

*Да притихнут щекоты славие,
Да примолкнут говоры галичьи,
Да не грают вороны черные,
Да сороки не стрекочут, пестрые!
Сокол правит путь в поднебесье,
По чистым полям громок кон-
ский скак,
На червлёный щит взвыл голод-
ный волк,
Далеко по земле слышен орлий
клект.*

2

*Высоко, высоко до поднебесья,
Глубоко, глубоко до морского дна,
Кто, богатырь, сошел во глубь
земли,
Кто, ведун, возлетел под облаки?
Чудеса вместил в себя божий
мир,*

Ни сказать, ни спеть, что на свете
есть.

3

Как по морю, морю синему,
Мимо ль острова неведомого,
Выплывали, выгребали в ширь
Ровно тридцать три кораблика,
А на первом на кораблике
На корме беседа — рыбий зуб...

4. Колыбельная

Кто пришел, кто стоит
Там у притолки?
Кто кивнул головой
Нам из сумрака?
Это — сон, он пришел
Да за дитяткой,
Спи, мой милый, усни,
Я баюкаю...

<1918>

Частушки (Склад новонародных песен)

1

Я присела на крылечко,
Вася подарил колечко.

Я прошлася на лужочек,
Федя мне принес платочек.
Я вечер гоняла кошку,
Митрий преподнес мне брошку,
А когда я вышла в сени,
Подзатыльник дал мне Сеня.
Как подарки позабыть?
Буду каждого любить.

2

Мою милку не забуду,
Потому что хороша.
Разопью я с ней посуду,
Гуляй, вольная душа!
Буду верен две недели,
Приходи на сеновал!
Засмеют меня соседи,
Дескать, паренек пропал,
Не хочу только жениться,
Душе воля дорога.
Будешь в омуте топиться,
Туда и дорога!

3

Ворожила мне маменька:
Не быть тебе старенькой,
Слишком милого любишь,
Свою душу загубить.

*Я же маменьке ответила:
Проживу жизнь весело,
Ежели подчас тоскую,
Зато милого целую.
Говорила я маменьке,
Сидя на заваленке,
А сама была не своя:
Бросил милый мой меня.*

18 декабря 1914

Опыты по евфонии (звукопись и созвучия)

Закатный театр (Укороченные рифмы)

*В небе — яркость повечерия:
Реют птиц волшебных перья,
Гривы странного зверья...*

*Словно вырос там, над городом,
Пред владыкой грозно-гордом
Некий дивный ипподром.*

*Как в торжественной базилике,
Всюду — облики и лики,
Толпы дивно велики;*

Все скамьи людьми унизаны;
По одеждам жемчуг ризный
Блещет с темной крутизны.

Ждут ли толпы гладиатора
В рдяной алости театра,
В круге синего шатра?

Вот и он, боец невиданный!
Меч возносит серповидный,
В тучах руки чуть видны...

Решена борьба заранее:
Полетит на стон страданья
Черный облак воронья.

Крыльев, кровью отороченных,
Ляжет взмах, в углах урочных,
Точно сотня створ ночных.

И лишь звезды сквозь расщелины,
Озирая мрак земельный,
Будут искриться, хмельны.

Да вверху над стихшим городом
Будет спать в молчаньи гордом
Нам незримый ипподром.

На пруду (Омонимические рифмы)

*Ты белых лебедей кормила,
Откинув тяжесть черных кос...
Я рядом плыл; сошлись кормила;
Закатный луч был странно-кос.*

*По небу полосы синели,
Вечеровой багрец края;
В цветах черемух и синели
Скрывались водные края.*

*Все формы были строго-четки,
Миг ранил сердце сотней жал...
Я, как аскет сжимает четки,
В руке весло невольно жал.*

*Вдруг лебедей метнулась пара...
Не знаю, чья была вина...
Закат замлел за дымкой пара,
Алея, как поток вина.*

*Была то правда ли, мечта ли, —
Уста двоих слились в одно.
Две лодки, как и мы, мечтали,
Как будто вонзены во дно.*

*Я свято помню эту встречу:
Пруд, берег, неба яркий плат...
Миг тот же если вновь я встречу,
—
И жизнь ничтожная из плат!*

12 декабря 1914

**На берегу[40]
(Омонимические рифмы)**

*Закрыв измученные веки,
Миг отошедший берегу.
О если б так стоят вовеки
На этом тихом берегу!*

*Мгновенья двигались и стали,
Лишь ты царишь, свой свет
струя.
Меж тем в реке — из сизой стали
Влачится за струёй струя.*

*Проходишь ты аллеей парка
И помнишь краткий поцелуй...
Рви нить мою, седая Парка!
Смерть, прямо в губы поцелуй!*

*Глаза открою. Снова дали
Разверзнут огненную пасть.
О если б Судьбы тут же дали*

Мне мертвым и счастливым
пасть!

1⁹¹¹

**Восторг женщины
(Разноударные омонимические
рифмы)**

*Я — под синим пологом
На холме пологом.*

*Все вокруг так зелено;
Шум — в траве зеленой.*

*Вот — ромашка белая;
Как она, бела я.*

*Сосенки! вы в горе ли?
Мы, как вы, горели.*

*Но изжита, минута
Страшная минута!*

*В сердце — радость виденья:
Сгнули виденья.*

*Счастья нужно ль большего?
Будет и большего.*

1914^{, 1918}

**Пожар
(Глубокие рифмы)**

*Рвется ветер одичалый,
Буря знак дала погонь...
С бурен спора, родич алый,
Машет сотней лап огонь.*

*Рамы трески, двери скрежет,
Балок грохот, гуд и рев...
Буря с боя вереск режет,
Гнет стволы в дуги дерев!*

*Страшен ты, Кашей летучий!
Но, как светлый сердолик,
Месяц вниз, сквозь щели тучи,
Клонит милосердо лик.*

1⁹¹⁸

**Она — прелестна...
(Глубокие рифмы)**

*Она прелестна, как весной лился,
Как ель стройна, как серна сложе-
на;
А дряхлый муж, ее плечо лелея,
Лукаво говорит: «Моя жена!»*

Давно ль она, в мечты погружена,
С других кудрей вдыхая хмель
елея,
Дрожая, шептала клятву Галилея:
«Я все ж люблю! я счастьем со-
жжена!»

Тому не быть! что было — мино-
вало,
И больше ей не целовать овала
Того лица, твердя: «О милый
мой!»

Здесь на груди, сокрытое глубоко,
Чтоб на него не посягнуло б око,
Лежит посланье с траурной кай-
мой.

<1918>

На льдинах (Богатые рифмы)

Задумчиво я слушаю
Хруст снега под ногой.
Над морем и над сушею
Мучительный покой.

Иду один вдоль берега,
Везде лишь снег да лед,

*И профилем Тиберика
Далекий холм встает.*

*Мне кажется, смеется он,
Качая головой.
Кончая свой симпозион
Насмешкой роковой.*

*«Как жаль, что не единая
У мира голова!»
Один иду на льдины я.
Пустынна синева.*

*Все тихо. Тщетно слушаю:
Лед хрустнет под ногой, —
И над водой и сушею
Опять глухой покой.*

19 ноября 1914

**Ты — что загадка...
(Семисложные рифмы)**

*Ты — что загадка, вовек не разга-
дывающаяся!
Ты — что строфа, непокорно не
складывающаяся!
Мучат глаза твои душу выведыва-
тельностью,
Манят слова твои мысль непо-*

следовательностями.

Ты — словно нить, до сверканья
раскаливающаяся,

Ты — как царица, над нищими
сжаливающаяся.

Небо полно золотыми свидетель-
ствованиями

Всех, кто твоими был жив благо-
детельствованиями!

Ноябрь 1914

**Ночь («Ветки темным балдахинном
свешивающиеся...»)[41]**

**(Уменьшающиеся рифмы, от 7 сло-
гов до 1)**

*Ветки темным балдахинном све-
шивающиеся,*

*Шумы речки с дальней песней сме-
шивающиеся,*

*Звезды в ясном небе слабо вздра-
гивающие,*

*Штампы роз, свои цветы протя-
гивающие,*

*Запах трав, что в сердце тайно
вкрадывается,*

*Теней сеть, что странным зна-
ком складывается,*

*Вкруг луны живая дымка газовая,
Рядом шепот, что поет, досказы-
вая,
Клятвы, днем глубоко затаенные,
И еще, — еще глаза влюбленные,
Блеск зрачков при лунном свете
белом,
Дрожь ресниц в движении несме-
лом,
Алость губ не отскользнувших
прочь,
Милых, близких, жданных...
Это — ночь!*

5 января 1915

**Холод[42]
(5-сложные рифмы)**

*Холод, тело тайно сковывающий,
Холод, душу очаровывающий...*

*От луны лучи протягиваются,
К сердцу иглами притрагивают-
ся.*

*В этом блеске — все осилившая
власть,
Умирает обескрылевшая
страсть.*

*Все во мне — лишь смерть и ти-
шина,
Целый мир — лишь твердь и в ней
луна.*

*Гаснут в сердце невзлелеянные
сны,
Гибнут цветики осмеянной весны.*

*Снег сетями расстилающимся
Вьет над днями забывающимся,*

*Над последними привязанностя-
ми,
Над святыми недосказанностя-
ми!*

13 октября 1906
**С губами, сладко улыбающимся
(Рифмы 5 и 4-сложные)**

*С губами, сладко улыбающимся,
Она глядит глазами суженными,
И черны пряди вокруг чела;
Нить розоватыми жемчужина-
ми
С кораллами перемежающимся
Ей шею нежно облегла.*

Она как будто не догадывается,
Движеньем легким грудь показы-
вая,
Как странно-мутны взоры всех.
И лишь ее накидка газовая
В причудливые складки складыва-
ется,
Дрожжа под затаенный смех.

Она встает, и зыбко свешивают-
ся
Алмазы, искрами утроенные,
Горящих в локонах серег;
Порывы, у тигриц усвоенные,
С газельей медленностью смешива-
ются
При каждом шаге легких ног.

И меж изгибов, жадно впитываемых
Глазами, жалко не ответственно-
ными,
Безумцев, ведающих страсть,
Нет, что не дышат снами дев-
ственными!
То над толпой рабов испытываемых
Владычица являет власть!

3 января 1916

**Длитесь, мгновенья!
(4-сложные рифмы)**

*Реет река, лиловеющая
В свете зари предвечерней,
Даль, неоглядно темнеющая,
Тянется дивно безмерней.*

*Радости вечера длительного,
Вас всей душой я впиваю!
Яркость заката слепительного —
Двери к последнему раю!*

*Нет, не чета новоявленная
Встала здесь, — Ева с Адамом:
Сзади — дорога оставленная,
Ночь — за торжественным хра-
мом.*

*Путь с его рвами и рытвинами
Пройден: не будет возврата!
Жажду с мечтами молитвенны-
ми
Медлить во храме заката!*

*Длитесь, мгновенья темнеющие!
Даль, разрастайся безмерней!
Струи скользят лиловеющие*

В свете зари предвечерней.

1913

4 января 1915
**Как дельфин (начальные
рифмы)**

*Как дельфин тропических морей...
Вордсворд*

*Как дельфин тропических морей,
Тишь глубин я знаю, но люблю
Выплывать под знойный меч лу-
ча,
Режа гладь морскую на бегу.*

*Хороши сквозь воду светы дня!
Там, в тиши, все — чудо; груди,
стаи рыб
Там плывут, как призрачная
рать;
Страшный спрут, как царь, таит-
ся там;*

*Бел и ал, со дна растет скалой
Там коралл, и тысячью цветов
Анемон гнездится меж камней,
Окружен живым кольцом медуз.*

Но свой взор насытив странным

сном,
На простор спешу я снова
всплыть,
От чудес безмерных глубей я
В глубь небес опять хочу смотре-
ть.

Мир объят пожаром заревым,
И закат кровавит сини вод:
Я, волну чуть зыбля на лету,
Тишину дневную жадно пью.

16 марта 1918

**Реет тень
(Начальные рифмы)**

Реет тень голубая, объята
Ароматом нескошенных трав;
Но, упав на зеленую землю,
Я объемлю глазами простор.
Звездный хор мне поет: аллилуя!
Но, целуя земную росу,
Я несу мой тропарь умиленный
До бездонной кошницы небес.
Не исчез дольний мир. Сердцем
чую
Голубую, как сон, тишину
И весну, воплощенную в мае
Легкой стаей ночных облаков.

Но готов все забыть, всем за-
быться,
Я упитесь хочу тихим сном;
Здесь, в ночном упоеньи над без-
дной, —
К тайне звездной земная сту-
пень...
Реет тень...

29 апреля 1914

**Меж развалин
(Серпантин)**

Я, печален, блуждаю меж знако-
мых развалин,
Где, давно ли, рыдал я от ласка-
тельной боли!
Камни те же, и тот же ветер,
медленный, свежий,
Мглу колышет, и берег маргарит-
ками вышит...
Но иное томленье душу режет в
покое:
Вместо жгучей печали — сон, как
осень, тягучий!
Эти камни так тверды! и уныло
близка мне
Эта башня под мхами, с ее думой
всегдашней

*О далеком, отшедшем, дорогом,
хоть жестоком!*

1⁹¹⁸

**Усни, белоснежное поле! [43]
(Рифма предпоследнего слова)**

*Усни, белоснежное поле!
Замри, безмятежное сердце!
Над мигом восходит бесстра-
стье;
Как месяц, наводит сиянье
На грезы о нежащей страсти,
На память о режущей ласке...
Конец. Отзвучали лобзанья.
В душе ни печали, ни счастья...
Так спят безответные дали,
Молчат многоцветные травы,
Одеты холодным покровом,
Под синим, бесплодным сияньем.
Спи, спи, белоснежное поле!
Умри, безнадежное сердце!*

29⁻³⁰ октября 1914

**Монопланы
(Рифмы дактиле-хореические)**

*Высоко над городом,
В перелете гордом,
Словно птицы странные,*

Реют монопланы.

*А под ними, парами,
Грязным тротуаром,
Словно тени жуткие,
Бродят проститутки.*

*Может быть, воочию,
Этой самой ночью,
Тем же девам — летчики
Поднесут цветочки;*

*И в позорных комнатах
Волю неба вспомнят,
Ах! склоняясь ласково
Над застывшей маской!*

*Первый, в лете сниженном,
Кажется недвижимым...
Не к земной улке ли
Монопланы сникли?*

1⁹¹⁸

**Вечером в дороге[44]
(Рифмы дактиле-хореические)**

*Кричат дрозды; клонясь, дрожат
Головки белой земляники;
Березки забегают в ряд,*

Смутясь, как девы полудикие.

*Чем дальше, глубже колеи;
Вот вышла ель в старинной таль-
ме...*

*Уже прозрачной кисеи
Повисла завеса над далями.*

*Вновь — вечер на лесном пути,
Во всем с иным, далеким, сходен.
Нет, никуда нам не уйти
От непонятно милой родины!*

*Чу! не прощанье ль крикнул
дрозд?
Клонясь, дрожит иван-да-марья.
В просвете — свечи первых звезд
И красный очерк полушария.*

**Две головки[45]
(Рифмы дактиле-хореические)**

*Красная и синяя —
Девочки в траве,
Кустики полыни
Им по голове.*

*Рвут цветочки разные,
Бабочек следят...*

Как букашки — праздны,
Как цветки на взгляд.

Эта — лёнокудрая,
С темной скобкой — та...
Вкруг природы мудрой
Радость разлита.

Вот, нарвав букетики,
Спорят: «Я да ты...»
Цветики — как дети,
Дети — как цветы.

Нет нигде уныния,
Луг мечтает вслух...
Красный блик, блик синий, —
Шелк головок двух!

15 июля 1915

На лыжах[46]

Опьяняет смелый бег.
Овевает белый снег.

Режут шумы тишину.
Нежат думы про весну.

Взглядом, взглядом облелей!
Рядом, рядом — и скорей!

*Твой ли стан склонен ко мне?
Все ль обман и сон во сне?*

*Мир во власти зимних нег,
Миги застит дымный снег.*

1⁹¹⁴

**(Сплошные рифмы)
Мгновенья мгновеннее[47]
(Сплошные рифмы)**

*Черный и упрямый локон вьется
нежно близ меня,
Но упорно в рамы окон льется
снежный отблеск дня.
Тайны ночи побледнели, дали гру-
бы, груб их свет...
Не случайно очи млели! ждали гу-
бы губ в ответ!*

*Ты невольно грудь склонила... Как
тревожно дышишь ты!..
О, как больно! Будь, что было!
Можно все, — услышь мечты!*

*Внемлешь? нет? Упрямый локон с
плеч скатился, соскользнул...
Иль ты дремлешь? В рамы окон,
словно меч, вонзился гул.*

Как неяркие бутоны[48] (Внутренние постоянные рифмы)

*Как неяркие бутоны превращают
лепестки*

*В ярко-радостные розы, ало-крас-
ные цветы, —*

*Так твой ропот затаенный, сто-
ны девичей тоски,*

*Стали — сладостные грезы, жад-
но-страстные мечты!*

*И, как белая лилея, над прозрачно-
стью пруда,*

*Закрывает в лунном свете свой
убор, дыша чуть-чуть, —*

*Так, несмелая, пьянея, в дрожи
брачного стыда,*

*Опускаешь взор, как дети, ты, —
спеши ко мне на грудь!*

*Но, во мгле наставшей ночи, сны
Красавицы Ночной*

*Дышат томно, дышат страстно,
в летней, душной тишине, —*

*Так, опять поднявши очи, чуть
лукавя с темнотою,*

Ты нескромно, ты безгласно —

ждешь, послушна, как во сне!

16 ноября 1914

**Лесные тропинки[49]
(Внутренние постоянные риф-
мы)**

*Лесные тропинки! лесные тропин-
ки! не раз и не два
Вы душу манили под тихие своды
дубов и берез.
Сверкали росинки, качались кув-
шинки, дрожала трава,
И в запахе гнили плелись хорово-
ды блестящих стрекоз...*

*И было так сладко — на землю
поникнуть, лежать одному,
И слушать, как нежно чирикают
птицы напевы свои,
И взглядом украдкой глубоко про-
никнуть, сквозь травы, во тьму,
Где, с грузом, прилежно ведут ве-
реницы домой муравьи.*

*А дятел далекий застукает чет-
ко о высохший ствол,
И солнце в просветы сияние бро-
сит, как утром в окно...*

*Лежишь, одинокий, и думаешь
кратко, что дух — все обрел,
И сердце привета не хочет, не про-
сит, и все — все равно!*

М^{ай 1916}

**Две малайские песни[50]
(Ассонансы)**

1

*Белы волны на побережьи моря,
Днем и в полночь они шумят.
Белых цветов в поле много,
Лишь на один из них мои глаза
глядят.*

*Глубже воды в часы прилива,
Смелых сглотнет их алчная
пасть.
Глубже в душе тоска о милой,
Ни днем, ни в полночь мне ее не
ласкать.*

*На небе месяц белый и круглый,
И море под месяцем пляшет, пья-
но.
Лицо твое — месяц, алы — твои
губы,
В груди моей сердце пляшет, пья-*

но.

12 ноября 1909

2

*Ветер качает, надышавшийся
чампаком,
Фиги, бананы, панданы, кокосы.
Ведут невесту подруги с лампа-
ми,
У нее руки в запястьях, у нее с лен-
тами косы.*

*Рисовое поле бело под месяцем;
Черны и красны, шныряют лету-
чие мыши.
С новобрачной мужу на циновке
весело,
Целует в спину, обнимает под
мышки.*

*Утром уходят тигры в заросли,
Утром змеи прячутся в норы.
Утром меня солнце опалит без
жалости,
Уйду искать тени на высокие го-
ры.*

17 ноября 1909

Две испанских песенки[51] (Романские ассонансы)

1

— Вы бледны, моя сеньора.
Что склонили вы глаза?
— Я, пока вы на охоте,
Убираю волоса.

— Чей же конь заржал так жарко
На конюшне у меня?
— Мой отец прислал в подарок
Вам прекрасного коня.

— Чей же в зале щит повешен?
— Братом прислан он моим.
— Чье копье стоит у двери?
— Сердце мне пронзите им.

2

— Мой товарищ! мой товарищ!
Милой я узнал обман.
Я в Гренаде стану мавром,
Буду резать христиан,

— У меня три дочки дома,
И одна милей другой.
Выбирай любую розу

Иль подругой, иль женой.

*— Не хочу я жить с подругой,
Дом с женою мне не мил,
Так как я ласкать не буду
Ту, которую любил.*

1⁹¹³

**Вербная суббота[52]
(Ассонансы)**

*С вербочками девочки,
Девочки со свечечками,
Вышедши из церковки,
Кроют куцавеечками
(Ветер, ты не тронь!)
Слабенький огонь.*

*Улица оснежена,
Спит высь затуманенная...
Чу! толпа мятежная
Воеет, словно раненая,
Там, где осяян
Светом ресторан.*

*И бредут под блеснами
Злыми, электрическими,
С свечками и ветками
Тени идиллические.*

Трепетен и тих
Свет на лицах их.

17 марта 1912

**Сухие листья[53]
(Звукопись)**

*Сухие листья, сухие листья,
Сухие листья, сухие листья
Под тусклым ветром кружат,
шуршат.*

*Сухие листья, сухие листья,
Под тусклым ветром сухие ли-
стья,
Кружась, что шепчут, что гово-
рят?*

*Трепещут сучья под тусклым
ветром;
Сухие листья под тусклым вет-
ром
Что говорят нам, нам шепчут
что?
Трепещут сучья, под тусклым
ветром,
Лепечут листья, под тусклым
ветром,
Но слов не понял никто, никто!*

*Меж черных сучьев синее небо,
Так странно-нежно синее небо,
Так странно-нежно прозрачна
даль.*

*Меж голых сучьев прозрачно небо,
Над черным прахом синее небо,
Как будто небу земли не жаль.*

*Сухие листья шуршат о смерти,
Кружась под ветром, шуршат о
смерти:*

*Они блестящие, им время тлеть.
Прозрачно небо. Шуршат о смер-
ти*

*Сухие листья, — чтоб после смер-
ти*

*В цветах весенних опять бле-
стеть!*

Октябрь 1913

**Лишь безмятежного мира...[54]
(Перезвучия)**

*Лишь безмятежного мира жаждет
душа, наконец,
Взором холодным окину блеск и
богатства Офира,
С гордым лицом отодвину, мо-
жет быть, царский венец.*

Жаждет душа без желаний лишь
безмятежного мира.
Надо? — из груди я выну прежнее
сердце сердец.
Что мне напев ликований, шум
беспечального пира,
Что обольщенья лобзаний жен-
ских под звоны колец!
Прочь и певучая лира! Больше не
ведать кумира,
Быть обращенным во льдину,
быть обращенным в свинец!
В благостном холоде стыну, пью
из святого потира
Тайну последних молчаний, сшед-
ший с арены борец.
Прошлое прошлому кину! Лишь
безмятежного мира,
Лишь раствориться в тумане
жаждет душа, наконец!

29

августа 1916

**Это — надгробные нени... [55]
(Перезвучия)**

Это — надгробные нени в па-
мять угасших любовей,
Мигов, прошедших в томлении у
роковых изголовий.

*В дни, когда манят видения, в
дни, когда радости внове,
Кто одолел искушения страстью
вскипающей крови?
Благо вам, ложь и мучения, тре-
пет смертельный в алькове,
Руки в святом онемении, болью
сведенные брови!
Благо! Вы мчали, в течении, жиз-
ни поток до низовий...
Но океан в отдалении слышен в
торжественном зове.
Сердце окрепло в борении, дух мой
смелей и суровей;
Ныне склоняю колени я, крест
мой беру без условий...
Так колебался все менее ангелом
призванный Товий.
Это — надгробные нени, память
отшедших любовей.*

1⁹¹⁶

**Утренняя тишь [56]
(Однозвучия)**

*В светлом жемчуге росинок
Чаши бледные кувшинок
Тихо светят меж тростинок,
И несчетный строй былинок,*

*В тех же крупных жемчугах,
Чуть трепещут вдоль тропинок
Желтым золотом песчинок,
Ярко блещущих в полях.*

*Зелень, блески, воздух ранний,
Травы, мирр благоуханней,
Дали, радуг осиянней, —
Что прекрасней, что желанней
Долго жаждавшей мечте?
Сердце — словно многогранней;
Исчезает жизнь в осанне
Этой вечной красоте!*

*Пусть наш мир зеленый минет,
Человек просторы кинет,
Дали стенами задвинет
И надменно в небо хлынет
Высота стеклянных крыш:
Но, куда кровь не стынет,
Сердце счастья не отринет —
Ведать утреннюю тишь!*

1⁹¹⁶

**Последний спор[57]
(Однозвучия)**

*Северным ветром взволнован,
остужен,*

Буйно вздымает валы океан...
Челн мой давно с непогодами дру-
жен.

Близко побережье неведомых
стран;
Вкруг, неприветлив, озлоблен и
вьюжен,
Буйно вздымает валы океан.

Знаю, что путь мой — неверен,
окружен,
Знаю, что смертью грозит ура-
ган:
Челн мой давно с непогодами дру-
жен!

Стелется с берега серый туман,
Пляшут акулы, предчувствуя
ужин...
Буйно вздымает валы океан.

Старый Нептун! если дар тебе ну-
жен,
Бей по корме, беспощаден и пьян!
Челн мой давно с непогодами дру-
жен.

*Ведал он скалы и мелей обман,
Любит борьбу и недаром натру-
жен...
Буйно вздымает валы океан.*

*Что ж! Если спор наш последний
рассужен,
Кану на дно, — но, лучом осиян,
Строй меня встретит подводных
жемчужин!*

1⁹¹⁶

**Мой маяк[58]
Мадригал
(Триолет-анафора)**

*Мой милый маг, моя Мария, —
Мечтам мерцающий маяк.
Мятежны марева морские,
Мой милый маг, моя Мария,
Молчаньем манит мутный мрак.
Мне метит мели мировые
Мой милый маг, моя Мария,
Мечтам мерцающий маяк!*

1⁹¹⁴

**Слово
(СТИХИ С СОЗВУЧИЯМИ)**

Слово — событий скрижаль,
скиптр серебряный созданной сла-
вы,
Случая спутник слепой, строгий
свидетель сует,
Светлого солнца союзник, святая
свирель серафимов,
Сфер созерцающий сфинкс, — сте-
ны судьбы стережет!
Слезы связуя со страстью, сча-
стье сплетая со скорбью,
Сладостью свадебных снов, сказ-
кой сверкая сердцам, —
Слово — суровая сила, старое се-
мя сомнений!
Слыша со стонами смех, сверст-
ник седой Сатаны,
Смуты строитель, снабдивший
сражения скрежетом, Слово
Стали, секиры, стрелы, сумрач-
ной смерти страшней!

1⁹¹⁸

**В дорожном полусне
(Палиндром буквенный)**

Я — идиллия?.. Я — иль Лидия?..
..... * * * * *
Топот тише... тешит топот...

Хорош шорох... хорош шорох...
Хаос елок... (колесо, ах!)
Озер греза... озер греза...
Тина манит...,
Туча... чуть...
А луна тонула...
И нет тени!

....
Еду... сани... на суде...

....
Топот тише; тешит топот;
Хорош шорох; хорош шорох...
Темь опять; я — память!
Ель опять; я — поле!
О, мимо! мимо!
А город? а город? о, дорога! доро-
га!

<1918>

**Голос луны
(Палиндром буквенный)**

Я — око покоя,
Я — дали ладья,
И чуть узорю розу тучи,
Я, радугу лугу даря!
Я — алая,
Я — и лилия,
Веду, Сильвана, в лесу дев,

*Я, еле лелея
Небес эбен.*

1⁹¹⁵

**Шутки
(Палиндромы)**

Я — арка края.

Атака заката.

О, лета тело!

Ала зола.

<1918>

**Виденья былого
(Словесный палиндром)**

*Жестоко — раздумье. Ночное
молчанье*

Качает виденья былого;

*Мерцанье встречает улыбки суро-
во;*

Страданье —

Глубоко-глубоко!

*Страданье сурово улыбки встре-
чает...*

*Мерцанье былого — виденья кача-
ет...*

*Молчанье, ночное раздумье, — жес-
стоко!*

1⁹¹⁸

**Из латинской антологии
(Словесный палиндром)**

*Волн колыхание так наяд побеж-
дает стремленье,
Моря Икарова вал, как пламенею-
щий Нот.
Нот пламенеющий, как вал Ика-
рова моря, — стремленье
Побеждает наяд так колыхание
волн.*

<1918>

**Из латинской антологии
(Стихи обращенные)**

*Нежный стихов аромат услажда-
ет безделие девы:
Кроет проделки богов нежный
стихов аромат.*

<1913?>

(Античные ассонансы)

*Грушу с яблоней в саду я деревца-
ми посадил,*

*На коре пометил имя той, кото-
рую любил.*

*Ни конца нет, ни покою с той по-
ры для страстных мук:
Сад все гуще, страсть все жгучей,
ветви тянутся из букв.*

1911

Характеристика Вергилия (Топология Пентадия)

*Пастырь, орадай, воин, пас, возде-
лывал, низил,
Коз, огород, врагов — веткой, ло-
патою, мечом.*

1⁹⁰⁷

Восточное изречение (Метаграмма)

*Что нам весной или за ней дано?
Одна мечта: знай сон и лей вино!*

1⁹¹⁸

Опыты по строфике (строфы и формы)

Рим (Моностих Авсония)

*Рим золотой, обитель богов, меж
градами первый,*

1⁹¹¹

О императорах (Моностихи его же)

*Первый Юлий раскрыл чертоги
царские Цезарь;
Августу он передал и власть над
градом, и имя;
Правил потом Тиберий, сын его
сводный; за этим
Кай, получивший прозвание Кали-
гулы в лагере ратном;
Клавдий воспринял потом правле-
нье; а после жестокий
В роде Энея последний Нерон; за
ним, не в три года,
Трое: Гальба, старик, напрасно ве-
ривший в друга,
Слабый Отон, по разврату позор-*

ный выродок жизни,
И недостойный ни власти, ни
смерти мужа Вителлий;
Веспасиан, за ними десятый, судь-
бой был поставлен;
Далее Тит, счастливый кратко-
стью власти; последним
Брат его, тот, кого звали римля-
не Лысым Нероном.

О приближении весны (Повторные дистихи Пентадия)

Да, убегает зима! оживляют зем-
лю зефиры.
Эвр согревает дожди. Да, убегает
зима!
Всюду чреваты поля; жары пред-
чувствует почва.
Всходами новых семян всюду чре-
ваты поля.
Весело пухнут луга, листвою оде-
лись деревья.
По обнаженным долам весело
пухнут луга.
Плач Филомелы звучит — пре-
ступной матери пени,
Сына отдавшей во снедь, плач Фи-
ломелы звучит.

Буйство потока в горах стремится
по вымытым камням.

И на далеко гудит буйство пото-
ка в горах.

Тысяча тысяч цветов творит ды-
ханье Авроры.

Дышит во глубинах долин тысяча
тысяч цветов.

Стонет в ущельях пустых ове-
чьим бляньем Эхо.

Звук, отраженный скалой, сто-
нет в ущельях пустых.

Вьется молодой виноград, меж
двух посаженный вязов.

Вверх по тростинкам лозой вьет-
ся молодой виноград.

Клеит под крышей опять говорли-
вая ласточка утром,

Строя на лето гнездо, клеит под
крышей опять.

Где зеленеет платан, в тени,
услаждает дремота;

Там надевают венки, где зеленеет
платан.

Сладко теперь умереть! нити
жизни, сорвитесь с прялки!

В милых объятьях любви сладко
теперь умереть!

1 мая 1907

**Подражание Горацию[59]
(Алкаический метр)**

*Не тем горжусь я, Фебом отмеченный,
Что стих мой звонкий римские
юноши
На шумном пире повторяют,
Ритм выбивая узорной чашей.*

*Не тем горжусь я, Юлией избран-
ный,
Что стих мой нежный губы кра-
савицы
Твердят, когда она снимает
Строфий, готовясь сойти на ло-
же.*

*Надеждой высшей дух мой возно-
сится,
Хочу я верить, — боги позволили,
—
Что будут звуки этих песен
Некогда слышны в безвестных
странах.*

*Где ныне Парфы, ловкие лучники,
Грозят несмело легионарям,*

*Под сводом новых Академий
Будет вращать мои свитки ре-
тор.*

*Где прежде алчный царь Эфиопии
Давал Нептуну праздник торже-
ственный,
Мудрец грядущий с кожей черной
Имя мое благочестно вспомнит.*

*В равнине скудной сумрачной Ски-
фии,
Где реки стынут в льдистом об-
личий,
Поэт земли Гиперборейской
Станет моим подражать напе-
вам.*

**1⁹¹³ К Лидии («Реже всё трясут запертые
двери...»)
(Сапфическая строфа Горация)**

*Реже всё трясут запертые двери,
Вперебой стуча, юноши лихие,
Не хотят твой сон прерывать, и
любит
Дверца порог свой,*

Легкие, в былом двигавшая часто
Петли. Слышишь ты реже все и
реже:

«Ты, пока всю ночь по тебе стра-
даю,
Лидия, спишь ли?»

Дерзких шатунов, жалкая стару-
ха,
Ты оплачешь вновь, в темном пе-
реулке,
Фракийский когда буйствует под
ново —
Лунием ветер.

Пусть тебе любовь ярая и жажда
(Бесятся какой часто кобылицы)
Неотступно жжет раненую пе-
чень,
Пусть ты и плачешь, —

Пылкая, плющом молодежь зеле-
ным
Тешится всегда, как и темным
миртом,
Мертвые листья предавая Эвру,
Осени другу.

5 апреля 1914

**К Лидии («Лидия! мне, во имя...»)
(Сапфический малый метр Гора-
ция)**

*Лидия! мне, во имя
Всех богов, скажи,
Почему
Любо тебе, что сгинет*

*Сибарис наш от страсти?
Стал чуждаться он
Всех арен.
Солнца страшась и пыли,*

*Сверстников между смелых
Он скакать не стал
На коне;
Галльских уздой зубчатой*

*Он скакунов не колет;
Тело в желтый Тибр
Погрузить
Страшно ему; елея*

*Яда виперы словно
Стал он избегать;
На руках*

Стер синяки доспехов

*Тот, кто копье, бывало,
Кто, бывало, диск
Зашвырнуть
Мог через мету ловко!*

*Что он таится? прежде
Как таился сын
(Говорят)
Фетиды, нимфы моря,*

*Чтоб у несчастной Трои,
Мужа вид храня,
Не лететь
В ликийский строй и в сечу!*

1⁹¹⁶

**На брэнность
(Сапфический метр Сульпиция Луперка)**

*Суждена всему, что творит Природа
(Как его ни мним мы могучим),
гибель.
Все являет нам роковое время
Хрупким и брэнным.*

Новое русло пролагают реки,
Путь привычный свой на прямой
меняя.
Руша перед собой неуклонным то-
ком
Берег размытый,

Роем толщу скал водопад, спадая;
Тупится сошник, на полях, желез-
ный;
Блещет, потускнев, — украшенья
пальцев, —
Золото перстня...

7-8 апреля 1911

**Из Андре Шенье
(Александровский стих)**

Заслушались тебя безмолвные на-
яды,
О муза юная, влюбленная в каска-
ды,
У входа в темный грот, что ним-
фам посвящен,
Плющом, шиповником, акантом
оплетен.
Амур внимал тебе в тени листвы
укромной;
Потом приветствовал сирену ро-

щи темной
И, золото волос твоих сдавив ру-
кой,
Сплел гиацинт и мирт с души-
стою косою.
«Твой голос для меня, — сказал
он, — был утешней,
Чем для медовых пчел сок меду-
ницы вешней!»

1⁹¹²

**Умиравший день [60]
7 (Терцины)**

Минувший день, склоняясь голо-
вой,
Мне говорит: «Я умираю. Новый
Уже идет в порфире огневой.

Ты прожил день унылый и суро-
вый.
Лениво я влачил за часом час:
Рассвет был хмур и тускл закат
багровый.

За бледным полднем долго вечер
гас;
И для тебя все миги были скудны,
Как старый, в детстве читанный,

рассказ.

Зато со мной ты путь прошел
нетрудный,
И в час, когда мне — смерть, и
сон — тебе,
Мы расстаемся с дружбой обоюд-
ной.

Иным огнем гореть в твоей судь-
бе
Другому дню, тому, кто ждет на
смене.
Зловещее я слышу в ворожбе

Угрюмых парк. О, бойся их веле-
ний!
Тот день сожжет, тот день тебя
спалит.
Ты будешь, мучась, плакать об из-
мене,

В подушки прятать свой позор и
стыд,
И, схвачен вихрем ужаса и стра-
сти,
Всею телом биться о ступени
плит!

Но день идет. Ты — у него во власти.

Так молви мне: „прости“, как другу. Я —

День без восторгов, но и без несчастий!»

*В смущеньи слушаю; душа моя
Знакомым предвкушением объята*

Безумной бури в бездне бытия...

Как эти штормы я любил когда-то.

*Но вот теперь в душе веселья нет,
И тусклый день жалею я, как брата,*

*Смотря с тоской, что теплится
рассвет.*

28 марта 1915

Сонеты

(Мисака Мицарэнца)

**«В горах, в монастыре, песнь колокола
плачет...»**

*В горах, в монастыре, песнь колокола
плачет;*

Газели на заре на водопой спешат;
Как дева, впившая мускатный
аромат,
Пьян, ветер над рекой и кружит-
ся и скачет;

На тропке караван по склону гор
маячит,
И стоны бубенцов, как ночи песнь,
звучат;
Я слышу шорохи за кольями оград
И страстно солнца жду, что лик
свой долго прячет.

Весь сумрачный ландшафт, —
ущелье и скала, —
Похож на старого гигантского
орла,
Что сталь когтей вонзил в глуби-
ны без названья.

Пьянящий запах мне бесстрастно
шлет заря;
Мечтаю меж деревьев, томлюсь,
мечтой горя,
Что пери явится — венчать мои
желанья!

<1918>

**«Цветы роняют робко лепестки...»
(Сонет с кодою)**

*Цветы роняют робко лепестки,
Вечерний ветер полон ароматом,
И в сердце, грезой сладостной объ-
ятом,
Так сумерки жемчужны и легки.*

*Акации, опьянены закатом,
Льют нежный дух, клоня свои
листки,
К ним ветер льнет, и вихрем бе-
ловатым,
Как снег, летят пахучие цветки.*

*Как гурии неведомого рая,
Сребристых кудрей пряди распус-
кая,
Их белый сонм струится в водо-
мёт;*

*Вода фонтана льется, бьется
звонко,
Чиста, прозрачна, как слеза ре-
бенка,
Но сладострастно песнь ее зо-
вет...*

Чу! осыпается коронка за коронкой...

<1918>

**Николаю Бернеру[61]
(Сонет-акростих)**

*Немеют волн причудливые гребня,
И замер лес, предчувствуя закат.
Как стражи, чайки на прибрежном щебне
Опять покорно выстроились в ряд.*

*Любимый час! и даль и тишь целебней!
Алмазы в небе скоро заблестят;
Юг расцветет чудесней и волшебной;
Бог Сумрака сойдет в свой пышный сад.*

*Есть таинство в сияньи ночи южной,
Роднящей душу с вечной тишиной,
Нас медленно влекущей в мир иной.*

*Есть миг, когда и счастья не
нужно:
Рыдать — безумно, ликовать —
смешно —
У мирных вод, влекущих нас на
дно.*

1⁹¹²

**Oblat[62]
(Рондо)**

*Кто сожалеет о прекрасных днях,
Мелькнувших быстро, тот пе-
чаль лелеет*

*В дневных раздумьях и в ночных
слезах;*

*Былое счастье мило и в мечтах,
И память поцелуев нежно греет,*

*Но о случайном ветерке, что ве-
ет*

*Весенним вечером в речных ку-
стах*

*И нежит нас, свежая пыльный
прах,*

Кто сожалеет?

*Земное меркнет в неземных лу-
чах,*

*Пред райской радостью любовь
бледнеет,
Меж избранных нет места тем,
о снах
Кто сожалеет!*

20 марта 1918

**Ее колени...[63]
(Рондо)**

*Ее колени я целую. Тени
Склоняются, целуя нас двоих.
Весь мир вокруг застенчиво за-
тих.
Мы — вымысел безвестных вдох-
новений,
Мы — старого рондо певучий
стих.*

*Певец забытый! Брат времен свя-
тых!
Ты песне вверил жалобы и пени,
И вот сегодня мне поют твой
стих
Ее колени:*

*«В венке из терний дни мои; меж
них
Один лишь час в уборе из сирени.*

Как Суламифи — дом, где спит
жених,
Как Александру — дверь в покой к
Елене,
Так были сладостны для губ моих
Ее колени».

1⁹⁰⁸

Три символа (Риторнель)

Серо
Море в тумане, и реет в нем ря
ли, крест ли;
Лодка уходит, которой я ждал с
такой верой!

Прежде
К счастью так думал уплыть я.
Но подняли якорь
Раньше, меня покидая... Нет ме-
ста надежде!

Кровью
Хлынет закат, глянет солнце,
как алое сердце:
Жить мне в пустыне отныне —
умершей любовью!

**Ф. Сологубу (триолет)[64]
(Триолет)**

*Зев беспощадной орхидеи —
Твой строгий символ, Сологуб.
Влечет изгибом алчных губ
Зев беспощадной орхидеи.
Мы знаем, день за днем вернее,
Что нам непобедимо люб —
Зев беспощадной орхидеи,
Твой строгий символ, Сологуб!*

1⁹¹³

**Сон мгновенный[65]
(Виланель)**

*Все это было сон мгновенный,
Я вновь на свете одинок,
Я вновь томлюсь, как в узах плен-
ный.*

*Мне снился облик незабвенный,
Румянец милых, нежных щек...
Все это было сон мгновенный!*

*Вновь жизнь шумит, как неиз-
менный
Меж камней скачущий поток,
Я вновь томлюсь, как в узах плен-*

ный.

*Звучал нам с неба зов блаженный,
Надежды расцветал цветок...
Все это было сон мгновенный!*

*Швырнул мне камень драгоцен-
ный
Водоворот и вновь увлек...
Я вновь томлюсь, как в узах плен-
ный.*

*Прими, Царица, мой смиренный
Привет, в оправе стройных строк.
Все это было сон мгновенный,*

*Я вновь томлюсь, как в узах плен-
ный.*

26 декабря 1910
Баллада о женщинах былых времен
[66]
(Баллада Франсуа Вийона)

*Скажите, где, в стране ль теней,
Дочь Рима, Флора, перл бесцен-
ный?
Архиппа где? Тауда с ней,
Сестра-подруга незабвенной?*

*Где Эхо, чей ответ мгновенный
Живил, когда-то, тихий брег,
С ее красою несравненной?
Увы, где прошлогодний снег!*

*Где Элоиза, всех мудрей,
Та, за кого был дерзновенный
Пьер Абеляр лишен страстей
И сам ушел в приют священный?
Где та царица, кем, надменной,
Был Буридан, под злобный смех,
В мешке опущен в холод пенный?
Увы, где прошлогодний снег!*

*Где Бланка, лиши белей,
Чей всех пленял напев сиренный?
Алиса? Биче? Берта? — чей
Призыв был крепче клятвы лен-
ной?
Где Жанна, что познала, пленной,
Костер и смерть за славный грех?
Где все, Владычица вселенной?
Увы, где прошлогодний снег!*

ПОСЫЛКА

**Баллада о любви и смерти[67]
(Баллада)**

Когда торжественный Закат

Царит на дальнем небосклоне
И духи пламени хранят
Воссевшего на алом троне, —
Вещает он, воздев ладони,
Смотря, как с неба льется кровь,
Что сказано в земном законе:
Любовь и Смерть, Смерть и Лю-
бовь!

И призраков проходит ряд,
В простых одеждах и в короне:
Ромео, много лет назад
Пронзивший грудь клинком в Ве-
роне;
Надменный триумвир Антоний,
В час скорби меч подъявший
вновь;
Пирам и Паоло... В их стоне —
Любовь и Смерть, Смерть и Лю-
бовь!

И я баюкать сердце рад
Той музыкой святых гармоний.
Нет, от любви не охраняют
Твердыни и от смерти — брони.
На утре жизни и на склоне
Ее к томленью дух готов.
Что день, — безжалостней, муд-

реней
Любовь и Смерть, Смерть и Лю-
бовь!

Ты слышишь, друг, в вечернем зво-
не:

«Своей судьбе не прекословь!»
Нам свищет соловей на клене:
«Любовь и Смерть, Смерть и Лю-
бовь!»

1⁹¹³

Канцона к даме[68] (Канцона)

Судил мне бог пылать любовью,
Я взором Дамы взял в полон,
Ей в дар несу и явь и сон,
Ей честь воздам стихом и кро-
вью.
Ее эмблему чтить я рад,
Как чтит присягу верный ленник.
И пусть мой взгляд
Вовеки пленник;
Ловя другую Даму, он — измен-
ник.
Простой певец, я недостойн
Надеть на шлем Ее цвета.
Но так гранатны — чьи уста,

Чей лик — так снежен, рост —
так строен?
Погибель мне! Нежнее нет
Ни рук, ни шеи в мире целом!
Гордится свет
Прекрасным телом,
А взор Ее сравню я с самостре-
лом.

Любовь вливает в грудь отвагу,
Терпенья дар дает сердцам.
Во имя Дамы жизнь отдам,
Но к Ней вовек я не прилягу.
Служить нам честно долг велит
Синьору в битве, богу в храме,
Но пусть звенит,
Гремя хвалами,
Искусная канцона — только Да-
ме.

20^{/21} ноября 1909

**Безнадежность[69]
(Секстина)**

Я безнадежность воспевал ко-
гда-то,
Мечту любви я пел в последний
раз.
Опять душа мучительством объ-

ята,
В душе опять свет радости погас.
Что славить мне в предчувствии
заката,
В вечеровой, предвозвещенный
час?

Ложится тень в предвозвещенный
час;
Кровь льется по наклонам, где ко-
гда-то
Лазурь сияла. В зареве заката
Мятежная душа, как столько
раз,
Горит огнем, который не погас
Под пеплом лет, и трепетом объ-
ята.

Пусть тенью синей вся земля объ-
ята,
Пусть близок мглы непобедимый
час,
Но в сердце свет священный не по-
гас:
Он так же ярко светит, как ко-
гда-то,
Когда я, робкий мальчик, в первый
раз,

Склонил уста к устам, в лучах заката.

Священны чары рдяного заката,
Священна даль, что пламенем объята.

Я вам молился много, много раз,
Но лишь опять приходит жданный час,
Молюсь я на коленях, как когда-то,
Чтоб нынче луч в миг счастья погас!

Безвестная Царица! Не погас
В душе огонь священный. В час заката
Душа старинным пламенем объята,
Твержу молитву, что сложил когда-то:
«Приди ко мне, хоть и в предсмертный час,
Дай видеть лик твой, хоть единственный раз!»

Любви я сердце отдавал не раз,
Но знал, что Ты — в грядущем, и

не гас
В душе огонь надежды ни на час.
Теперь, в пыланьи моего заката,
Когда окрестность сумраком
объята,
Всё жду Твоей улыбки, как ко-
гда-то!

1⁹¹⁴

**Песня из темницы[70]
(Строфы с однозвучными рифма-
ми)**

Загорелся луч денницы,
И опять запели птицы
За окном моей темницы.
Свет раскрыл мои ресницы.
Снова скорбью без границы,
Словно бредом огневицы,
Дух измученный томится,
На простор мечта стремится.

Птицы! птицы! вы — на воле!
Вы своей довольны долей,
Целый мир вам — ваше поле!
Не понять вам нашей боли!
День и ночь — не все равно ли,
Если жизнь идет в неволе!
Спойте ж мне, — вы на свободе, —

Песню о моем народе!

*Солнце, солнце! ты — прекрасно!
Ты над миром ходишь властно
В тучах и в лазури ясной.
Я ж все вижу безучастно,
Я безгласно, я всечасно
Все томлюсь тоской напрасной —
Вновь увидеть край желанный!
Озари те, солнце, страны!*

*Ветер, ветер! ты, ретивый,
На конях взвиваешь гривы,
Ты в полях волнуешь нивы,
В море крутишь волн извивы!
Много вас! вы все счастливы!
Ветры! если бы могли вы
Пронести хотя бы мимо
Песнь страны моей родимой!*

*Светит снова луч денницы.
За окном щебечут птицы.
Высоко окно темницы.
Слезы виснут на ресницы.
Нет тоске моей границы.
Словно бредом огневицы,
Дух измученный томится,
На простор мечта стремится.*

Дворец любви[71] (Средневековые строфы)

Дворец Любви не замкнут камен-
ной стеной;
Пред ним цветы и травы пышны
под росой,
И нет цветка такого, что цве-
тет весной,
Который не расцвел бы на лужай-
ке той.

В траве зеленой вьется быстрый
ручеек;
Он, как слюда, прозрачен, светел
и глубок.
Кто из мужчин, раздевшись, вхо-
дит в тот поток,
Становится вновь юным, в самый
краткий срок.

И девам, что умели дань Любви
отдать,
Довольно в светлых водах тело
искупать;
Все, — кроме тех, кто должен
жизнь ребенку дать, —
Становятся невинны, девами

опять.

*На тонких ветках птицы песнь
поют свою.*

*Что песнь — Любви во славу, я не
утаю.*

*И, наклонившись низко к светло-
му ручью,
Подумал я, что грежу я в земном
Раю.*

1⁹¹²

**В ту ночь[72]
(Газелла)**

*В ту ночь нам птицы пели, как се-
ребром звеня,
С тобой мы были рядом, и ты лю-
бил меня.*

*Твой взгляд, как у газели, был
вспышками огня,
И ты газельим взглядом всю ночь
палил меня.*

*Как в тесноте ущелий томит пы-
ланье дня,
Так ты, маня к уладам, всю ночь
томил меня.*

*Злой дух, в горах, у ели, таится,
клад храня.*

*Ах, ты не тем ли кладом всю
ночь манил меня?*

*Минуты розовели, с востока тень
гоня.*

*Как будто по аркадам ты вел, без
сил, меня.*

*Пусть птицы мне звенели, что
близко западня:*

*В ту ночь любовным ядом ты
отравил меня!*

1⁹¹³

Твой взор[73] (Газелла)

*Пылают летом розы, как жгучий
костер.*

*Пылает летней ночью жесточе
твой взор.*

*Пьянит весенним утром расцвет-
ший миндаль.*

*Пьянит сильнее, вонзаясь в темь
ночи, твой взор.*

*Звезда ведет дорогу в небесную
даль.*

*Дорогу знает к сердцу короче
твой взор.*

*Певец веселой песней смягчает пе-
чаль.*

*Я весел, если смотрит мне в очи
твой взор.*

*Забыть я все согласен, чем жил
до сих пор.*

*Из памяти исторгнуть нет мочи
твой взор.*

<1913>

Персидские четверостишия[74]

1

*Не мудрецов ли прахом земля вез-
де полна?*

*Так пусть меня поглотит земная
глубина,*

*И прах певца, что славил вино,
смешавшись с глиной,*

*Предстанет вам кувшином для
пьяного вина.*

2

*Есть в жизни миги счастья, есть
женщины, вино,
Но всем на ложе смерти очнуться
суждено.
Зачем же краткой явью сменя-
ются сны жизни
Для тысяч поколений, — нам ве-
дать не дано.*

3

*Только ночью пьют газели из ис-
точника близ вишен,
На осколок неба смотрят, и в ти-
ши их вздох чуть слышен.
Только ночью проникаю я к тебе,
источник мой!
Вижу небо в милом взоре и в ти-
ши дышу тобой!*

4

Эпитафия Зарифы

*Той, которую прекрасной называ-
ли все в мечтах,
Под холмом, травой поросшим,
погребен печальный прах:
Если ты ее, прохожий, знал в по-
токе беглых лет, —
То вздохни за вас обоих, ибо в*

**Песнь норманнов в Сицилии
(Припев)**

*Здесь в рощах помавают лавры,
Здесь ярки дни и ночи темны,
Здесь флейты ропщут, бьют ли-
тавры, —
Но ты суровый север помни!*

*Здесь белы во дворцах колонны,
Покои пышны и огромны,
В саду — фонтан, что ключ бес-
сонный,
Но ты суровый север помни!*

*Здесь девы гибки, девы статны,
Их взгляды и слова нескромны,
А ночью косы ароматны,
Но ты суровый север помни!*

*Здесь люди дремлют в пьяной
неге,
Ведут войну рукой наемной,
Им чужды вольные набег,
Но ты суровый север помни!*

*Здесь обрели, в стране богатой,
Мы, род скитальный, род бездом-
ный,
Дворцы, коней, рабынь и золото...
Но ты родимый север помни!*

15 декабря 1914
**Армянская песня («Ах, если алым
стал бы я...»)[75]
(Арутюн Туманьян)**

*Ах, если алым стал бы я,
Твоим кораллом стал бы я,
Тебя лобзал бы день и ночь
И снегом талым стал бы я!
Я стал бы алым
Кораллом, лалом,
И снегом талым стал бы я...*

*Ах, если шалью стал бы я,
Твоей вуалью стал бы я,
Тебя лобзал бы каждый день,
Иль бус эмалью стал бы я!
Я стал бы шалью,
Твоей вуалью,
И бус эмалью стал бы я.*

*Ах, если таром стал бы я,
Звучать не даром стал бы я.*

Я разглашал бы гимн тебе,
И милой яром стал бы я!
Я стал бы таром,
Звуча не даром,
Ах, милой яром стал бы я!

<1916>

Джан-гюлюмы
(Армянские народные песни)

1

Белый конь! Тебе ль подкова!
— Роза моя, джан! джан!
Родинка что чернобровой?
— Цветик светлый, джан! джан!
Если милой вижу взоры,
— Роза моя, джан! джан!
Поведу ли разговоры?
— Цветик светлый, джан! джан!

2

Как у нас за домом — старый
склад,
— Роза моя, джан! джан! джан!
Парни были — и пошли назад,
— Цветик светлый, джан! джан!
джан!
Протянула руку и поймала,
— Роза моя, джан! джан! джан!

Стали все вокруг — лалы и кораллы!

— Цветик светлый, джан! джан!
джан!

3

Дождь прошел и просверкал,

— Роза моя! джан! джан!

Ивы лист поколебал,

— Цветик милый! джан! джан!

Вот мой братец проскакал,

— Роза моя! джан! джан!

Алый конь под ним играл,

— Цветик милый! джан! джан!

<1916>

**Армянская песня («Твоих грудей
гранат — что меч!..»)
(Саят-Нова, XVIII в.)**

Твоих грудей гранат — что меч!

Самшит[76] твоих бесценен плеч!

Хочу у двери милой — лечь!

Там прах целую и пою.

Я, твоего атласа звук!

Дай мне испить из чаши рук,

Молю целенья в смене мук,

Люблю, ревную и пою!

*Я не садовник в эту ночь,
Как тайну сада превозмочь?
О — соловей, где роза? «Прочь!» —
Шипу скажу я и пою.*

*Ты — песня! И слова звучат!
Ты — гимн! И я молиться рад!
Саят-Новы ты — светлый сад!
Вот я тоскую и пою.*

**Армянская песня («Я в жизни вздоха не
издам...»)
(Саят-Нова, XVIII в.)**

*Я в жизни вздоха не издам, доколе
джан[77] ты для меня!
Наполненный живой водой златой
пинджан[78] ты для меня!
Я сяду, ты мне бросишь тень, в
пустыне — стан ты для меня!
Узнав мой грех, меня убей: султан
и хан ты для меня!*

*Ты вся — чинарный кипарис; твое
лицо — пранги-атлас;[79]
Язык твой — сахар, мед — уста, а
зубы — жемчуг и алмаз;
Твой взор — эмалевый сосуд, где
жемчуг, изумруд, топаз.*

Ты — бриллиант! бесценный лал
индийских стран ты для меня!

Как мне печаль перенести? иль
сердце стало как утес?
Ах! я рассудок потерял! в кровь
обратились токи слез!
Ты — новый сад, и в том саду, за
тыном из роскошных роз
Позволь мне над тобой порхать:
краса полян ты для меня!

Любовью опьянен, не сплю, но
сердце спит, тобой полно:
Всем миром пусть пресыщен мир,
но алчет лишь тебя оно!
С чем, милая, сравню тебя? —
Все, все исчерпано давно.
Конь-Раш[80] из огненных зыбей,
степная лань ты для меня!

Поговори со мной хоть миг,
будь — милая Саят-Новы!
Ты блеском озаряешь мир, ты
солнцу — щит средь синевы!
Ты — лилия долин, и ты — цветок
багряный среди травы:
Гвоздика, роза, сусамбар[81] и

майоран ты для меня!

<1916>

**Армянская песня любви
(Степаннос, XVII в.)**

*Нежная! милая! злая! скажи,
Черные очи, яр![82] черные очи!
Что, хоть бы раз, не придешь ты
ко мне
В сумраке ночи, яр! в сумраке но-
чи!*

*Много тоски я и слез перенес,
Полон любви, яр! полон любви!
Лоб у тебя белоснежен, дугой
Черные брови, яр! черные брови!*

*Взоры твои — словно море! а я —
Кормщик несчастный, яр! корм-
щик несчастный!
Вот я в тревоге путей не найду
К пристани ясной, яр! к пристани
ясной!*

*Ночью и днем утомленных очей
Я не смыкаю, яр! я не смыкаю.
Выслушай, злая! тебя, как твой
раб,*

Я умоляю, яр! я умоляю!

Все говорят ты — целитель души...

*Вылечи раны, яр! вылечи раны!
Больше не в силах я этот сносить
Пламень багряный, яр! пламень
багряный!*

Ночью и днем, от любви, все — к тебе,

В горести слез я, яр! в горести слез я!

*Злая, подумай: не камень же я!
Что перенес я, яр! что перенес я!*

*Сна не найти мне, напрасно хочу
Сном позабыться, яр! сном позабыться!*

*Плача, брожу и назад прихожу —
Снова томиться, яр! снова томиться!*

*Ночью и днем от тоски по тебе
Горько вздыхаю, яр! горько вздыхаю!*

*Имя твое порываюсь назвать, —
И замолкаю, яр! я замолкаю!*

*Более скрытно я жить не могу,
Произнесу я, яр! произнесу я!
Злая, подумай: не камень же я!
Гибну, тоскуя, яр! гибну, тоскуя!*

*Ах, Степаннос! думал ты, что
умень, —
Все же другим занялся ты, как
видно!
Бога оставил и девой пленен...
Будет на Страшном суде тебе
стыдно!*

<1916>

Японские танки и хай-кай[83]

1

*Устремил я взгляд,
Чуть защелкал соловей,
На вечерний сад;
Там, среди сумрачных ветвей,
Месяц — мертвого бледней.*

2

*Это ты, луна,
Душу мне томишь тоской,
Как мертвец бледна?
Или милый взор слезой
Омрачился надо мной?*

3

По волнам реки
Неустанный ветер с гор
Гонит лепестки.
Если твой я видел взор,
Жить мне как же с этих пор?

4

Вижу лик луны,
Видишь лунный лик и ты,
И томят мечты:
Если б, как из зеркала,
Ты взглянула с вышины!

5

В синеве пруда
Белый аист отражен;
Миг — и нет следа.
Твой же образ заключен
В бедном сердце навсегда.

6

О, дремотный пруд!
Прыгают лягушки вглубь,
Слышен всплеск воды...

7

*Кто назвал Любовь?
Имя ей он мог бы дать
И другое: Смерть.*

12 октября 1913

Треугольник

*Я,
еле
качая
веревки,
в синели
не различая
синих тонов
и милой головки
летаю в просторе,
крылатый как птица,
меж лиловых кустов!
но в заманчивом взоре,
знаю, блещет, алая, зарница!
и я счастлив ею без слов!*

1⁹¹⁸

Терем мечты (Повторные рифмы)

*Как девушки скрывались в терем,
где в окнах пестрая слюда,
В Мечте, где вечный май не вя-
нет,*

мы затворились навсегда.

*Свою судьбу мы прошлым мерим:
как в темном омуте вода,
Оно влечет, оно туманит,
и ложь дневная нам чужда!*

*Пусть за окном голодным зверем
рычит вседневная вражда:
Укор минутный нас не ранит, —
упреков минет череда!*

*Давно утрачен счет потерям,
но воля, как клинок, тверда,
И ум спокойно делом занят
в святой обители труда.*

*Мы пред людьми не лицемерим,
мы говорим: «Пускай сюда
Судьи взор беспристрастный
взглянет,
но — прочь, случайная орда!»*

*Мы правду слов удостоверим
пред ликом высшего суда,
И торжество для нас настанет,
когда придут его года!*

*Мы притязаний не умерим!
Исчезнут тени без следа,
Но свет встающий не обманет,
и нам заря ответит: «Да!»*

*Мы ждем ее, мы ждем и верим,
что в тот священный час, когда
Во мрак все призрачное канет, —
наш образ вспыхнет, как звезда!*

20 марта 1918

**Вечеровое свидание
(Бесконечное рондо)**

*Наступают мгновенья желанной
прохлады,
Протянулась вечерняя тишь над
водой,
Улыбнулись тихонько любовные
взгляды
Белых звезд, в высоте замерцав-
ших чредой,*

*Протянулась вечерняя тишь: над
водой
Закрываются набожно чашечки
лилий;
Белых звезд, в высоте замерцав-
ших чредой,*

Золотые лучи в полумгле зарябили.

*Закрываются набожно чашечки
лилий...*

*Пусть закроются робко дневные
мечты!*

*Золотые лучи в полумгле зарябили,
Изменяя волшебный покой темноты.*

*«Пусть закроются робко дневные
мечты!»*

*Зароптал ветерок, пробегая по
ивам,*

Изменяя волшебный покой темноты...

Отдаюсь ожиданиям блаженно-пугливым.

*Зароптал ветерок, пробегая по
ивам,*

Чу! шепнул еле слышно, как сдержанный зов...

*Отдаюсь ожиданиям волшеб-
но-пугливым*

В изумрудном шатре из прозрач-

ных листков.

Кто шепнул еле слышно, как сдержанный зов!

«Наступили мгновенья желанной прохлады!»

— В изумрудном шатре из прозрачных листков

Улыбнулись тихонько любовные взгляды!

<1918>

Вечерний Пан[84] (Строфы)

*Вечерний Пан исполнен мира,
Не позовет, не прошумим
Задумчив, на лесной поляне,
Следит, как вечер из потира
Льет по-небу живую кровь,
Как берега белеют вновь
В молочно-голубом тумане,
И ждет, когда луч Алтаира
В померкшей сини заблестит.*

*Вечерний Пан вникает в звуки,
Встающие во мгле кругом:
В далекий скрип пустой телеги,
В журчанье речки у излуки*

*И в кваканье глухих прудов.
Один, в безлюдии святом,
Он, в сладком онеменьи неги,
Косматые вздымает руки,
Благословляя царство снов.*

1⁹¹⁴

**Итак, это — сон...[85]
(Строфы)**

*Итак, это — сон, моя маленькая,
Итак, это — сон, моя милая,
Двоим нам приснившийся сон!
Полоска засветится аленькая,
И греза вспорхнет среброкрылая,
Чтоб кануть в дневной небо-
склон.*

*Но сладостны лики ласкатель-
ные,
В предутреннем свете дрожащие,
С улыбкой склоненные к нам,
И звезды, колдуньи мечтатель-
ные,
В окно потаенно глядящие,
Приветствия шепчут мечтам.*

*Так где ж твои губы медлитель-
ные?*

Дай жжать твои плечики детские!
Будь близко, ресницы смежив!
Пусть вспыхнут лучи ослепительные,
Пусть дымно растаю в их блеске я,
Но память о сне сохранив!

1⁹¹²

Городская весна... (Строфы)

Городская весна подошла, растопила
Серый снег, побежали упрямо ручьи;
Солнце, утром, кресты колоколен слепило;
Утром криком встречали тепло воробьи.
Утреню года
Служит природа:
С каждой крыши незримые брызжут кропила.
Шум колес неумолчно поет ектеньи.

Вот и солнце выходит, священник

всемирный,
Ризы — пурпур и золото; крест из
огня.
Храм все небо; торжественен купол сапфирный,
Вместо бледных лампад — светлые
яркие дня,
Хоры содружных
Тучек жемчужных,
Как на клиросах, в бездне лазури
эфирной
Петь готовы псалом восходящего
дня!

Лед расколот, лежит, грубо-темная
груда;
Мечет грязью авто, режет лужи
трамвай;
Гулы, топоты, выкрики, говоры
люда.
Там гудок, там звонок, ржанье,
щелканье, лай...
Но, в этом шуме
Бедных безумий,
Еле слышным журчаньем приветствуя чудо,
Песнь ручьев говорит, что приблизился Май!

1 -2 марта 1918

Закатная алость (Строфы)

Закатная алость пылала,
Рубиновый вихрь из огня
Вращал ярко-красные жала.
И пурпурных туч опахала
Казались над рдяностью зала,
Над пламенным абрисом Дня.

Враги обступили Титана,
В порфире разодранной, День
Сверкал, огнезарно-багряный...
Но облик пунцово-румяный
Мрачили, синяя, туманы
И мглой фиолетовой — тень.

Там плавилась жарко металлы,
—
Над золотом чермная медь;
Как дождь, гиацинты и лалы
Спадали, лучась, на кораллы...
Но в глубь раскаленной Валгаллы
Все шло — лиловеть, догореть.

Взрастали багровые злаки,
Блистая под цвет кумача;
Пионы, и розы, и маки

*Вжигали червонные знаки...
Но таяли в вишневом мраке,
Оранжевый отсвет влача.*

*Сдавались рудые палаты:
Тускнел позлащенный багрец;
Желтели шафраном гранаты;
Малиновый свет — в розоватый
Входил... и червленые латы
Сронил окровавленный жрец.*

*Погасли глаза исполина,
И Ночь, победившая вновь,
Раскрыла лазурь балдахина...
Где рдели разлитые вина,
Где жгли переливы рубина, —
Застыла, вся черная, кровь.*

1⁹¹⁷

**Голос иных миров[86]
(Строфы)**

*Пусть мучит жизнь, и день, что
прожит,
Отзвучьем горьких дум трево-
жит,
И душу скорбь коварно гложет;
Взгляни в ночные небеса,
Где пала звездная роса,*

Где Млечный Путь, как полоса,
Пролег и свет на светы множит;
Вглядись покорно в чудеса, —
И Вечность нежно уничтожит
В тебе земные голоса,
Бессонной памяти положит
Повязку мрака на глаза;
Застынет, не упав, слеза,
И миг в безбрежном изнеможет!

Целит священная безбрежность
Всю боль, всю алчность, всю мя-
тежность,
Смирять властно безнадежность
Мечтой иного бытия!
Ночь, тайн созданья не тая,
Бессчетных звезд лучи струя,
Гласит, что с нами рядом —
смежность
Других миров, что там — края,
Где тоже есть любовь и неж-
ность,
И смерть и жизнь, — кто знает,
чья?
Что небо — только порубеж-
ность
Планетных сфер, даль — колея,
Что сонмы солнц и наше «я»

Влечет в пространстве — Неизбежность!

23 *сентября 1917*
Молитва («Благодарю тебя, боже...»)
(Строфы)

*Благодарю тебя, боже,
Молясь пред распятым,
За счастье дыханья,
За прелесть лазури,
Не будь ко мне строже,
Чем я к своим братьям,
Избавь от страданья,
Будь светочем в буре,*

*Насущного хлеба
Лишен да не буду,
Ни блага свободы,
В железах, в темнице;
Дай видеть мне небо
И ясному чуду
Бессмертной природы
Вседневно дивиться.*

*Дай мужество — в мире
Быть светлым всечасно,
Свершать свое дело,
И петь помощи мне,*

*На пламенной лире,
Все, все, что прекрасно,
И душу и тело,
В размеренном гимне!*

Сентябрь 1917

Примечания

Часть I. Опыты по метрике и ритмике

«Оригинальность, — говорит Эдгар По (в статье „Философия творчества“), — отнюдь не является, как это полагают некоторые, делом простого побуждения или интуиции... Чтобы быть найденной, она должна быть тщательно отыскиваема». Эдгар По говорит это именно об оригинальности ритмов, сказав ранее: «Возможные разнообразия размера и строфы абсолютно бесконечны. Однако же в течение целых столетий ни один человек не сделал или никогда, по-видимому, не стремился сделать в стихах что-нибудь оригинальное». Последнее сказано слишком резко: и до Эдгара По все лучшие поэты и стремились «сделать» и «делали» оригинальное в области ритма: прежде всего — прямые предшественники Эдгара По, романтики на-

чала XIX века, Шелли, Ките, Кольридж, раньше них Блэк, еще раньше Спенсер и мн. др. В двух других своих утверждениях автор «Ворона» прав безусловно: возможные разнообразия стихотворных форм абсолютно бесконечны, но, чтобы найти что-либо оригинальное, надо его искать. Несправедливый упрек, брошенный Эдгаром По поэтам «в течение целых столетий», должно принимать поэтому в следующем смысле: возможно бесконечно разнообразить форму, надо только искать, а вы искать не хотели и довольствовались шаблонами и в размерах, и в построении строф! Известно, что сам Эдгар По в таком грехе неповинен: почти каждое его стихотворение оригинально и по метру, и по строфе.

Оригинальность, в области размеров, может быть двоякая: поэт может пользоваться или новыми элементами, еще не испытанными (или мало распространенными) в поэзии его страны, или новой комбинацией элементов обычных, широко распространенных; то и другое может дать и новые, оригинальные метры, и новые, оригинальные ритмы. Эдгар По, в частности, обращался обычно, как

он и сам признается, ко второму из этих приемов, то есть брал привычные элементы, но комбинирует их по-новому: так построен и метр «Ворона».

Как ни велико число возможных элементов метра (стоп), оно, для стихосложения каждого языка, все же есть величина конечная. Можно построить тысячи разных метров, чистых и сложных, но все же в конце концов все мыслимые сочетания стоп окажутся исчерпанными. Кроме того, оригинальное в этом отношении — относительно Размеры, еще оригинальные для наших дней (так как ранее не пользовались ими), легко могут стать банальными через десятилетия, если ими начнут широко пользоваться. Дактилический гексаметр по-русски был оригинален под пером Н. Гнедича, но для нас это — один из обыкновеннейших метров.

То же самое должно сказать и о совершенно «новых» ритмах, под чем можно разуместь только ритмы нового, еще не испробованного метра. Каждый вновь введенный в поэзию метр приносит с собою огромное количество новых ритмов этого стиха. Гнедич обогатил

русскую поэзию дактилическим гексаметром (как известно, испробованным раньше того В. Тредьяновским и др., но без успеха); гексаметр представляет сотни различных ритмов этого стиха, среди которых многие найдены лишь позже Н. Гнедича. Точно так же введение в русскую поэзию ямбического триметра (Вяч. Ивановым и пишущим эти строки, хотя и у нас были свои предшественники) обогатило русский стих **одним метром и сотнями** его ритмов, которые, в свое время, все были «новыми». И все же число таких «новых» ритмов настолько же конечно, как и число возможных метров.

Другое дело — оригинальность, основанная на новых комбинациях уже знакомых элементов, то есть создание новых ритмов в уже знакомых метрах. Здесь, действительно, открываются математически-бесконечные возможности. Если могут быть исчерпаны, например, все ритмы двухстопного ямба (по нашему счету их, теоретически, около 300), то число ритмов многостопных стихов исчисляется десятками и даже сотнями тысяч; всех вообще мыслимых ритмов в чистых мет-

рах — миллионы, а в сложных — неопределенное количество, ибо никак нельзя исчислить все возможные сочетания из длинного ряда элементов: стона, ипостаса, цесура, каталектика, анакруса, синереса, диереса, систола, диастола, синкопа, элидия и др. Возможностей здесь много больше, нежели возможного распределения фигур при шахматной игре или возможного сочетания карт при игре в вист или винт; иначе говоря, все эти возможности заранее предусмотрены быть не могут, — это область «творчества», индивидуальных исканий поэта.

Пляска дум. (Одностопные хорей). Двухстопные стихи встречаются в русской поэзии сравнительно часто. Таковы двухстопные ямбы у Пушкина («Роза», «Пробуждение», «Адели»), его же двухстопный анапест («Старый муж, грозный муж») и др., двухстопные хорей Полежаева («Вот мрачится...»), его же двухстопные ямбы («Я погибал») и др., двухстопные хорей Фета («Сны и тени...») и т. д. Напротив, одностопные стихи представляют исключение и встречаются только как часть стихотворений, написанных иным размером (у

Пушкина в эпиграммах, в баснях Крылова и т. п.). Причина такого пренебрежения к одно-
стопным стихам, конечно, не в их «трудно-
сти», а в бедности этих метров. Так как при
окончаниях ипердактилических и даже дакти-
лических эти метры теряют свой характер
ямба, хорей, амфибрахия, становясь тожде-
ственными, то число ритмов каждого одно-
стопного метра крайне ограничено. Напри-
мер, одностопный хорей имеет лишь три ос-
новных ритма, характеризуемых стихами: 1)
«Вторя», 2) «Шум», 3) «Где же» (или, более чет-
кий пример, «Жаль мне!»). Впрочем, возмож-
но значительно большее число вариаций
этих ритмов. Соображения типографской эс-
тетики побудили нас соединить в печати
каждые три стиха в один; правильнее было
бы печатать стих за стихом:

*Моря
Вязкий
Шум,
Вторя
Пляске
Дум,
Злится,*

*Где-то
Там... — и т. д.*

Вечная весна. (Одностопные ямбы). См. примеч. к предыдущему стихотворению. Приведенный пример также правильнее было бы печатать стих за стихом:

*И ночи —
Короче,
И тени
Светлей.
Щебечет,
Лепечет
Весенний
Ручей... — и т. д.*

Веретена. (Пеон 3-й). См. примеч. к следующему стихотворению.

Буря с берега. (Пеон 3-й). Пеон — четырехсложная стопа из трех неударных и одного ударного слога, по положению которого различают: пеон 1-й, 2-й, 3-й и 4-й. Следовательно, пеоны по строю очень близки: первый и третий — к дихореям, второй и четвертый — к диямбам. В приведенных примерах строго выдержан пеонический строй. Но было бы ошибкой всегда уклоняться в пеонах от бли-

зости к ямбическим и хорейческим метрам, путем педантичного избегания второстепенных ударений на неударных слогах. Как в ямбах и хорях ошибочно избегать ипостас, то есть замены ямбической или хорейческой стопы пиррихием и спондеем, так ошибочно избегать ипостас и в пеонах; пеонические стопы могут и должны заменяться диямбами и дихорейями, а также другими четырехсложными стопами, без чего пеонические метры были бы лишены ритмического разнообразия.

На причале. (Ритмы четырехстопного ямба). Во вступительной статье сказано, что четырехстопный ямб, по ритмам, самый разнообразный из всех русских размеров. Причины этого следующие: 1) Метры из трехсложных стоп допускают гораздо меньше ипостас, нежели из двухсложных стоп. 2) В хорейческих метрах первая стопа почти всегда требует ипостасы, чем число их ритмов уменьшается. 3) Ямбы одно-, двух— и трехстопные естественно имеют меньшее число ритмов, нежели четырехстопный. 4) Ямб пятистопный неизбежно разлагается на два стиха:

двухстопный и трехстопный или четырехстопный и одностопный. 5) Ямб шестистопный также разлагается на два стиха, обычно на два трехстопных ямба. 6) Тем более надо это сказать о ямбах семистопных и высших по числу стоп: эти метры обязательно разлагаются на два (или три) стиха. Это объясняет, почему четырехстопный ямб всегда был наиболее распространенным русским стихом, которым, предпочтительно пред всеми другими размерами, писал Пушкин. По той же причине четырехстопный ямб особенно применим к длинным стихотворным произведениям (поэмам), в которых большинство других размеров звучат слишком однообразно. В приводимом стихотворении («На причале») представлено, разумеется, лишь небольшое число ритмов четырехстопного ямба, который имеет их (теоретически) свыше 100 000.

Уединенный остров. (Женская цесура в шестистопном ямбе). Ямб шестистопный неизбежно распадается на два стиха (как все многостопные стихи, которые не могут быть произнесены с одним ударением). Исторически утвердился тип шестистопного ямба с по-

стоянной цесурой после третьей стопы, как писались и русские александрийские стихи XVIII–XIX вв. Возможны, однако, и иные типы этого метра, как с постоянной цесурой иного положения (после второй стопы, после четвертой, после пятой и тому подобное), так и с передвигной цесурой (в последнем случае размер, на практике, теряет обычно свое единство). В приведенном примере выдержана постоянная цесура после тесиса четвертой стопы, что делает метр как бы сложным, состоящим из двух полустиший: ямбического и хореического.

Восход луны. (Ритмы четырехстопного хорея). См. выше примеч. к стихотворению «На причале».

Алтарь страсти. (Семистопный хорей и др. ритмы). См., что сказано выше в примеч. к стихотворению «Уединенный остров». Исторически у нас утвердился тип семистопного хорея с женской цесурой после четвертой стопы, разлагающей метр как бы на два хореических стиха: четырехстопный и трехстопный. При таком делении стих теряет свое единство. Семистопным хореем с передвигной це-

сурой написано другое стихотворение того же автора — «Конь блед» (в сборнике «Венок») и одно стихотворение А. Блока. В приведенном примере выдержана постоянная цесура после тесиса пятой стопы, что делает метр как бы сложным, состоящим из двух полустиший: пятистопного хорей и двухстопного ямба.

Из Менипшей Варрона. (Ямбический триметр). Ямбический триметр есть метр, образованный четырехсложной стопой: диямбом, повторенной три раза. Поэтому строение ямбического триметра существенно отлично от строения шестистопного ямба. Теория ямбического триметра подробно разработана метриками античной древности, для которой этот ритм служил обычным размером диалога в трагедиях. Между прочим, ямбический триметр избегает цесуры после шестого слога и предпочитает в последней стопе замену диямба вторым пеоном. По-русски первые образцы ямбического триметра были даны Холодковским в переводе второй части «Фауста», потом Вяч. Ивановым в трагедии «Тантал» и пишушим эти строки в трагедии «Протесилай умерший». Желательно, чтобы пере-

водчики античных трагедий передавали диалогические части именно этим метром, вполне применимым на русском языке.

В условный час. (Ионический диметр). Ионическая восходящая стопа состоит из двух неударных слогов, за которыми следуют два ударных, или, иначе, из соединения пиррихия с спондеем. Так как в одном слове рядом двух ударений стоять не может, то ионическая стопа может быть построена, по-русски, лишь искусственно: после третьего слога непременно должна находиться цесура. Это придает метру однообразие и закрывает ему широкое распространение.

Из песен Сапфо. (Античные ритмы). Приведенные образцы переданы размером подлинника также В. Вересаевыми Вяч. Ивановым в их переводах песен Сапфо.

Из Венка. (Дистихи). Элегическим дистихом называется строфа, состоящая из двух (по-русски) сложных метров; дактиле-хореического гексаметра и такого же пентаметра. См. Вступительную статью. Личное мнение автора этих строк, — что русский гексаметр и пентаметр не обязаны подчиняться теориям

античного стиха, ввиду разности языков и их свойств.

В духе Катулла. (Гендекасиллаб). Фалехов гендекасиллаб есть сложный пятистопный метр из четырех хореев' и одного дактиля, занимающего второе место. Этот стих, широко распространенный в античной поэзии, излюбленный размер Катулла, вполне применим на русском языке. Античная метрика требовала в фалеховом гендокасиллабе большой постоянной цесуры после арсиса третьей стопы, что выдержано в приводимых примерах. Порусски этот стих получает гораздо больше свободы, если большая цесура стоит в нем перед арсисом третьей стопы; но тогда метр обращается как бы в два трехстопных хорая, приближаясь по ритмам к стихам К. Павловой:

*Кольхается океан ненастный,
Высь небесную кроет сумрак се-
рый, —*

и т. д.

В духе Луксория. (Гендекасиллаб). См. примеч. к предыдущему стихотворению.

Памятник. (Первый асклепиадов стих). Античные метрики строили первый асклепиадов стих из двух полустиший, как сложный метр. На русском языке этому вполне соответствует сложный метр из двух анапестов, за которыми следуют два дактиля.

Рок. (Гексаметр Авсония). Тип гексаметра, в котором последний слог образован односложным словом, начинающим следующий стих. Так как такие слова имеют самостоятельное ударение, стих получает в последней стопе как бы ипостасу хорей спондеем, придающую метру своеобразный ритм.

Пророчество мечты. Гном о жизни. (Ропалические стихи) Ропалические стихи относятся скорее к темам, но, вместе с тем, придают и особый ритм метру. Сущность ропалического стиха в том, что в нем каждое слово длиннее предыдущего на один слог. Лучшие образцы даны Авсонием (поэт IV в. по р. X.).

После скитаний. (Разложение гексаметра). Каждые три стиха образуют один полный дактиле-хореический гексаметр; рифмы усиливают цесурное деление на третьестишия. Стихотворение перепечатывается из сборни-

ка «Семь цветов радуги».

Весной. (Двух-трехдольники). См. Вступительный очерк. Стихотворение — из того же сборника.

Клинопись. (Параллелизм). См., что сказано во вступительном очерке о системах стихосложения. Система параллелизма состоит в том, что каждое двустишие образует одно целое, причем второй стих состоит из образов, параллельных образам первого. Так, между прочим, сложена «Калевала» и многие песни скандинавского Севера. Приведенный образец — перевод ассирийской надписи.

Из китайской поэзии. См. примеч. к предыдущему стихотворению. Вечер после свиданья. (Силлабические стихи). Во Вступительном очерке объяснено, что силлабическое стихосложение свойственно языкам, где все гласные выговариваются одинаково отчетливо. По-русски силлабические стихи можно строить из слов, имеющих такое же произношение. Преимущество силлабических стихов в том, что каждый стих может иметь свой, индивидуальный метр.

Ночная песнь странника. (Гете). Стихи,

известные по недостигаемо-прекрасному переводу Лермонтова: «Горные вершины». В приведенном переводе сделана попытка сохранить ритм подлинника. Более определенно пользовался Гете свободным стихом в отрывке «Прометей» и некоторых других стихотворениях. Приемы Гете у нас были повторены Андреем Белым в стихах книги «Золото в лазури»; в последнее время в той же манере развивают свободный стих наши футуристы, В. Маяковский и др. Этот стих существенно отличается от французского свободного стиха (*vers libre*), как он был основан М. Крысинской, Лафоргом и др., и мастерски развит Э. Верхарном, Ф. Вьеле-Гриффином и др. Во французском *vers libre* каждый стих сохраняет свою ритмическую целостность; в немецком (также у Андрея Белого и футуристов) отдельные стихи — лишь элементы ритма, образуемого всем стихотворением или его частями. От свободного стиха должно отличать вольные стихи, то есть определенного метра, но разных стон; так, «в простоте и вольности», слагал свою «Душеньку» И. Богданович и басни — И. Крылов.

Друзья. (Ритм). Дождь. (Свободный стих). Силлабическое стихосложение имеет мерою стиха число гласных, цесуру и рифму, независимо от ритма стих' в. Только при таком строе и возможны подлинные «свободные стихи», то есть стоящие между собою по величине в произвольных отношениях. При тоническом стихосложении, где стопы метра являются в то же время мерой стиха, свободный стих переходит или 1) в сочетание неравностопных стихов, или 2) в сочетание стихов разного метра, чистых и сложных. Приведенный пример — перевод поэмы Верхарна и перепечатывается из второго издания «Собрания стихов» Э. Верхарна в переводе автора этой книги. Стихи «Друзья» были ранее напечатаны в «Сборнике Сирина» и в «Русской мысли».

Присловья. Частушки. (Склад народных песен). См. Вступительный очерк. Русское древненоародное стихосложение основано на числе образов (значимых выражений) в стихе. Склад новых народных песен (частушек) — почти тонический, но со смелыми ипостасами, анакрусами, синересами и т. д., переходящий иногда в склад двух— и трех-

ДОЛЬНИКОВ.

Часть II. Опыты по евфонии

Евфония русского стиха — наименее разработанная область науки о стихе. Небольшое число, весьма неполных и весьма несовершенных, «словарей рифм», несколько глав в книге Н. Шульговского «Теория и практика поэтического творчества» (СПб., 1914 г.) да разрозненные замечания Андрея Белого, С. Боброва и других теоретиков — вот все, что сделано в этом направлении.

Все же более разработанной оказывается, в евфонии, теория рифмы, видимо, в силу потребности в практических пособиях. Однако существующие «словари» вряд ли содержат и 1/10 всех русских созвучий. Во Вступительном очерке показано, почему составление полного словаря русских рифм — задача почти неисполнимая. Но если и невозможно собрать все рифмы, то вполне достижима другая цель: выяснить все типы русской рифмы. Во Вступительном очерке показано, например, как изменяются типы рифмы для существительных муж. рода склонения на *ъ*, с ударением на последнем слоге (*oxytona*), при из-

менениях по падежам. Таблицы таких изменений для разных склонений, для спряжений глаголов, для степеней сравнения прилагательных и тому подобное, оказали бы огромную пользу технике стихотворства. Обратим, например, внимание на таблицы рифм для существительных с ударением (в имен. падеже) на предпоследнем слоге. Такие слова муж. рода на **ъ** рифмуют в зависимости от 1) конечной согласной, 2) совпадения ударной гласной и промежуточных (между ней и флексией) согласных. Так, слова **надъ, ть, то** есть на **едъ, етъ, адъ, ать (ядъ, ять), удъ, уть (юдъ, ють)** и т. д. рифмуют с глагольной формой наст. и буд. времени, третьего лица, ед. и мн. числа; на **ель, аль, улъ** и т. д. — с формой прошедшего времени; кроме того — на **едъ, одъ, анъ** и т. д. с формой причастия. Пример первого типа: «кречеть — мечеть», «скрежетъ — режетъ», «скаредъ — варить», «лепетъ — сцепить»; второго типа: «дьяволь — плаваль», «идоль — выдалъ», «дятель — утратиль», «петель — заметиль»; третьего типа: «саванъ — оплаванъ», «ладапъ — угаданъ», «холодъ — расколотъ», «городъ — распоротъ».

Такие же слова жен. рода на ь рифмуют с неопред. наклон. глаголов. Независимо от того, все эти слова имеют свои «естественные» рифмы, то есть рифмуются со словами того же типа, например: «холодъ — голодъ», «городъ — воротъ», и имеют рифмы разных других типов, например, рифмуют со словами жен. рода, в их род. падеже мн. числа и др., например, «иголь — прыгаль», «ворогъ — сорокъ», «воронъ — сторонъ», «голосъ — полость» и т. д. Наконец, при изменении этих слов получают новые типы рифм, дактилических и иных, например: «пажити — ляжете», «саване — гавани», «падали (от „падалъ“) — задали» и т. д. Еще другие таблицы необходимы для выяснения типов рифм, происходящих от флективных приставок, как **б, бы, ли, ж, же** а др. Такие и подобные таблицы типов рифм будут гораздо полезнее и для выработки теории русской рифмы, и даже для практических надобностей, нежели обычные «Словари», где бессмысленно и бессистемно подобраны ряды созвучий. Затем одной из очередных задач теории рифмы является установление точной терминологии. Мы в дальнейшем

пользуемся определенными терминами, которые поэтому и считаем нужным объяснить здесь. Рифмы можно делить: 1) по их отношению к стиху (с метрической точки зрения), 2) по их взаимному отношению (с евфонической точки зрения), 3) по их положению в строфе (со строфической точки зрения). Такое деление дает три типа рифм.

I. Метрически рифмы бывают: 1) по числу слогов в окончании: а) мужские, б) женские, с) дактилические, d) ипердактилические, то есть четырехсложные, пятисложные и т. д.; 2) по форме: а) открытые (кончающиеся на гласную), б) смягченные (на и) и с) закрытые (на согласную).

II. Евфонически рифмы бывают; 1) собственно рифмы или вообще верные рифмы, которые разделяются на: а) точные и приблизительные (в зависимости от того, насколько совпадает написание и произношение слов); б) сочные и обыкновенные (в зависимости от совпадения опорной согласной и других звуков, предшествующих ударной гласной); особый вид сочных составляют рифмы глубокие, с) составные и простые (первые — составлены

из двух или более слов); d) богатые и бедные; особый вид бедных составляют рифмы флективные; e) естественные (слова в одинаковой грамматической форме); f) коренные (рифмующие корень слова); g) омонимические (при одинаковом написании разных по значению слов); h) тавтологические (при рифмовке двух одинаковых слов в несколько измененном значении); особый вид тавтологических составляют рифмы повторные (слова, различающиеся лишь приставками); i) укороченные. От собственно рифм (верных) отличаются: 2) ассонансы двух типов: а) романского (где тождественны лишь ударные гласные) и б) нового (вообще сходные по произношению слова); 3) диссонансы — созвучия, где одинаковы конечные согласные, но различны ударные гласные; 4) полу рифмы. — созвучие слов до ударной гласной (как написаны некоторые песни скандинавов). Наконец, стихи без конечной рифмы называются белые.

III. Строфически рифмы бывают: 1) по месту положения в стихе: а) конечные, б) начальные, с) срединные, d) внутренние двух видов: постоянные и случайные; 2) по месту

положения в строфе: а) смежные (стоящие рядом), б) перекрестные (чередующиеся через одну), с) тернарные (через две) и охватные (если два средних стиха рифмуются между собой), кватернарные (через три) и т. д., а также двойные, тройные и т. д. (в зависимости от того, сколько раз повторяется одно созвучие).

Примеры почти всех этих типов и видов рифмы включены в эту книгу и объяснены в дальнейших примечаниях к отдельным стихотворениям.

Закатный театр. (Укороченные рифмы). Укороченными рифмами называются созвучия, имеющие неодинаковое число слогов после ударной гласной. При этом возможна рифмовка окончаний: мужского с женским, женского с дактилическим, дактилического с четырехсложным и т. д., а также рифмовка через два-три и т. д. слога, то есть односложного с трехсложным, двухсложного с четырехсложным или пятисложным и т. д. Разумеется, рифмы такого рода приближаются к ассонансу, отличаясь от него, однако, точностью совпадения рифмующихся слогов. Один из первых примеров укороченных рифм был

дан автором этих строк в книге «Все напевы».

На пруду. (Омонимические рифмы). Омонимические рифмы имеют одинаковую форму слова при разном содержании (омонимы). Примеры таких рифм есть еще у Пушкина:

*А что же делает супруга
Одна в отсутствии супруга?*

(«Граф Нулин»),

*Будет вам по калачу...
А не то — поколочу.*

(«Утопленник»),

А. также еще: «слезы точит — нож точит» («Жених»), «по лбу — полбу» («Сказка о Балде»), «мира — мира» («Безверие» и «Руслан и Людмила»), Стихотворение, сплошь написанное с омонимическими рифмами, дано было автором этих строк в книге «Все напевы» и перепечатано здесь («На берегу»). От омонимических рифм должно отличать тавтологические, в которых повторяется одно и то же слово, хотя бы в измененном значении, например, у Пушкина:

*Вот на берег вышли гости,
Царь Салтан зовет их в гости.
(«О царе Салтане»),*

*— Женка, что за сапоги?.. —
Где ты видишь сапоги?*

(«Сцены из рыцарских времен»).

Также: «до них — их» («Евгений Онегин») и др.

На берегу. (Омонимические рифмы). См. примеч. к предыдущему стихотворению.

Восторг женщины. (Разноударные омонимические рифмы). Особый тип омонимических рифм составляют созвучия, тождественные по написанию, но имеющие ударение на разных слогах. В приведенном примере, являющемся, кажется, первым в русской поэзии, использованы между прочим и рифмы составные («белая — бела я»), образцы которых есть у всех наших поэтов (например, у Пушкина: «разбирай-ка — хозяйка» и выше приведенный пример: «по калачу — поколочу»).

Пожар. (Глубокие рифмы). Согласная, предшествующая ударной в рифме, называется

опорной (*consonne d'appui*). Рифмы, в которых тождественна (или сходна по произношению) опорная согласная, называются сочными. В мужских открытых рифмах совпадение опорной согласной необходимо для того, чтобы рифма была точной, например: «любви — зови», «они — огни», хотя даже у Пушкина встречаются такие рифмы с различными опорными согласными, как «колеи — земли», «она — сошла» и т. п. (см. мою статью «Стихотворная техника Пушкина», в VI т. сочинений Пушкина, под ред. Венгерова). Некоторое исключение составляют такие рифмы на ю и я, потому что это звуки йотированные, и j (йот), звучащий перед окончанием (ja, ju), как бы заменяет опорную согласную, чем и объясняются рифмы Пушкина, как: «меня — моя», «пою — молю» и т. п. В мужских рифмах смягченных, то есть на и, совпадение опорной согласной также менее обязательно, но все же весьма желательно; подлинно точными рифмами будут: «зной — волной», «чей — ручей», но не; «зной — пустой», «чей — огней», хотя у Пушкина есть даже рифма: «землей — пустой», а у Андрея Белого попытки рифмовать

смягченное мужское окончание с несмягченным (как бы, например, «мглой — могло», что приближается к рифмам укороченным). Образцов сочных рифм немало у Пушкина и других поэтов, особенно в глагольных рифмах («забывает — открывает» и т. п.). Почти исключительно сочными рифмами писал Херасков. Если в рифмах тождественны (или сходны по произношению) не только опорная согласная, но и предшествующие слоги, то рифма называется глубокой.

Она — прелестна... (Глубокие рифмы). См примеч. к предыдущему стихотворению.

На льдинах. (Богатые рифмы). Богатыми рифмами (*la rimeriche, die reiche Reime*) называются созвучия, образованные словами разных грамматических видов и форм: глагола с именем, имени с предлогом, союзом, существительных в разных падежах и т. д. Примеров богатой рифмы много у Пушкина («Гарольдом — со льдом», «лапоть — капать»); пристрастие к богатым рифмам было у К. Павловой.

Ты — что загадка... (Семисложные рифмы). На дактилические рифмы указывал еще

Кантемир, но они редко применялись раньше Жуковского; даже у Пушкина их немного. Есть у Пушкина, как исключение, и четырехсложные рифмы («покрюкивает — вскакивает», «библейского — монархического» и др.); позднее пользовался ими Я. Полонский («Старая няня»), еще позже — Ф. Сологуб, автор этой книги и др. Ипердактилические рифмы с окончанием более, чем в четыре слога, пока — очень редки; между тем в русском языке слов с ударением на пятом слоге от конца немало.

Ночь. (Уменьшающиеся рифмы). Приведенный пример написан со смежными рифмами, постепенно уменьшающимися от семисложного окончания до мужского. Стихи перепечатываются из сборника «Семь цветов радуги».

Холод. (Пятисложные рифмы). См. выше. Стихотворение перепечатывается из сборника «Все напевы».

С губами, сладко улыбающимся. (Рифмы). Стихотворение написано с тернарными рифмами, то есть чередующимися через два стиха. Примеры такой рифмовки есть уже у

Пушкина («Не розу пафосскую...»).

Длитесь, мгновенья! (Четырехсложные рифмы). См. выше.

Как дельфин. (Начальные рифмы). Начальными рифмами называются созвучия, стоящие в начале стиха. При этом стих может или оставаться без рифмы на конце (белые стихи), как в приведенном примере, или иметь самостоятельную рифму. В последнем случае начальная рифма становится просто постоянной внутренней рифмой (примеры см. ниже.) Образцы начальных рифм дала З. Гиппиус.

Реетень. (Начальные рифмы). Особый тип начальной рифмы представляет созвучие конца стиха с началом следующего (или одного из следующих). Точно выдержанная, такая рифмовка дает, так называемые, «бесконечные» (или «змеиные») строфы («серпантин»), как в приведенном примере.

Меж развалин. (Серпантин). См. примеч. к предыдущему стихотворению.

Усни, белоснежное поле! (Рифма предпоследнего слова). Стихи перепечатываются из сборника «Семь цветов радуги».

Монопланы. Вечером в дороге. Две головки. (Рифмы). См. выше. Два последних стихотворения — из того же сборника.

На лыжах. Мгновенья мгновенное. Как неяркие бутоны. Лесные тропинки. (Сплошные и внутренние постоянные рифмы). Стихами со сплошными рифмами называются те, где рифмуется каждое слово; с постоянными внутренними рифмами те, где внутренние рифмы стиха стоят на определенном месте, например, в полустипциях, перед постоянными цесурами и т. д. Пример постоянных внутренних рифм представляют переводы Пушкина из Мицкевича. Кроме последнего, другие три стихотворения — из того же сборника.

Две малайских песни. Две испанских песенки. Вербная суббота. (Ассонансы). См. выше об ассонансах. «Песни» были напечатаны в «Сборнике Сирина», «Вербная суббота» — в сборнике «Семь цветов радуги».

Сухие листья. (Звукопись). См. выше. Из того же сборника.

Лишь безмятежного мира... Это — надгробные нении... Утренняя тишь. Последний спор. (Перезвучья). Примеры различного

размещения конечных и срединных рифм. Стихи были ранее напечатаны в «Русской мысли» и «Летописи».

Мой маяк. Слово. (Анафоры). Форма анафоры, стихов, где все слова начинаются с одной и той же буквы, относится к так называемым темам. «Темы» приближаются к «формам», так как определяют строение всего стихотворения, но в то же время дают и своеобразие его звуковой стороны, почему могут рассматриваться и как приемы евфонии. Анафоры были сравнительно обычны в поэзии последних периодов Рима и монастырской средневековой. Стихи «Мой маяк» — из сборника «Семь цветов радуги».

Июльская ночь. (Азбука). Как бы особый вид анафоры составляют стихи, где каждое слово начинается или кончается определенной буквой. Образцы такого рода стихов были даны в те же периоды, как анафоры.

В дорожном полусне. Голос луны. (Палиндром буквенный). Палиндромом называется стихотворение, которое можно читать от начала к концу и от конца к началу, по буквам (буквенный палиндром) или по словам

(словесный). Известны палиндромы Порфирия Оптациана (IV в. по р. X.) и, у нас, Державина:

Я иду с мечем, судия.

(Другой известный палиндром: «А роза упала на лапу Азора»). В последнее время писал палиндромы В. Каменский («переверт-ни»).

Виденья былого. Из антологии. (Палиндромы словесные). См. примеч. к предыдущему стихотворению. Второй пример — точный перевод с латинского.

Из латинской антологии. (Стихи обращенные и др.). Римская поэзия III–IV вв. по р. X. представляет много образцов мастерски выполненных тем в поэзии Пентадия, Порфирия, Авсония и др. По приведенным примерам (переводы) ясно видны задачи отдельных тем. «Эпитафия Вергилия» намекает на три его основных труда: «Буколики», «Георгики», «Энеиду». Поэт, как пастырь, пас коз веткой, как оратай, возделывал огород лопатой, и как воин, низил врагов мечом. Ср. стих Пушкина:

Швед, русский колет, рубит, ре-

Восточное изречение. (Метаграмма). Метаграммой называются слова или стихи, составленные из одних и тех же букв, но в различном порядке.

Некоторые др. темы см. в отделе «Опыты по строфике».

Часть III. Опыты по строфике

Рим. (Моностих Авсония). Моностихи (стихотворения в одну строку) встречаются в греческой и латинской антологиях. Приведенный образец — перевод моностиха Д. М. Авсония (IV в. по р. X.) — был напечатан в «Русской мысли» и в брошюре «Великий ритор», М., 1911, как и др., следующие далее, переводы стихов Авсония.

О императорах. (Моностихи Авсония). См. примеч. к предыдущему стихотворению.

О приближении весны. (Повторные дистихи Пентадия). Элегический дистих — сочетание гексаметра и пентаметра, любимая форма античных элегиков. Повторным называется дистих, в котором первое полустишие гексаметра повторяется, как второе полустишие пентаметра. Приведенный образец — пе-

ревод повторных дистихов Пентадия (III в. по р. X.) — был напечатан в «Русской мысли», как и другие, следующие далее, переводы стихов Пентадия.

Подражание Горацию. (Алкеев метр). Алкеев метр, или алкеева строфа — четверостишие, в котором третий стих — чистый четырехстопный ямб, а остальные три стиха — сложные метры: первый и второй — два ямба с женским окончанием перед цесурой и два дактиля, четвертый — два дактиля и два акаталектических хорей (логаедический метр). Такой характер алкеева строфа принимает в русской метрике, в античной — характер ее несколько иной. Вообще, по условиям русской метрики, античные сложные метры (логаеды и др.) в русской поэзии подвергаются различным изменениям, выяснять подробно которые здесь — не место. В русской поэзии есть длинный ряд попыток воссоздать сложные античные метры в переводах и подражаниях: А. Востокова, Вяч. Иванова, В. Вересаева, М. Гофмана, Семенова-Тяншанского, пишущего эти строки и др.

К Лидии. (Сапфическая большая строфа). К

Лидии. (Сапфическая меньшая строфа). На бренность. (Сапфическая строфа Сульпиция-Луперка). См. примеч. к предыдущему стихотворению. Два первых образца — переводы од Горация, которые были напечатаны в журнале «Гермес», 1916–1917 гг.; третий — перевод оды Сульпиция Луперка (III в. по р. Х.), напечатанный там же.

Из Андре Шенье. (Александрийский стих). Александрийский стих, во французской поэзии, — двустишия (дистихи) с чередующимися смежными рифмами, женскими и мужскими. Условие принято передавать французский двенадцатисложный стих — шестистопным ямбом, хотя характер этих двух метров далеко не одинаков.

Умирающий день. (Терцины). Терцин — итальянская форма трехстиший (трестихов), наиболее распространенная. Теория терцин — общеизвестна. Их преимущество в связности строф порядком рифм. Условно принято итальянский десятисложный стих, в терцинах, передавать по-русски пятистопным ямбом, впрочем, близким по характеру метра.

Сонеты. Теорию сонета, подробно разработанную итальянскими и французскими теоретиками, можно найти во всех популярных руководствах по стихосложению. В идеальном сонете содержание должно быть расположено сообразно с внешним построением стихотворения: первая кватрина — вводит основную мысль; вторая кватрина развивает ее; первая терцина — противопоставляет основной мысли новую; вторая терцина дает синтез обеих мыслей. Ввиду такого построения, сонеты с кодою (с «хвостом», то есть с добавочными стихами), обращенные сонеты (где терцины стоят раньше кватрин) и тому подобное являются извращением идеи сонета. Сонет-акростих, стр. 516, есть видоизменение акростиха вообще и, следовательно (как телестих и месостих, в которых определенный смысл дают крайние, последние, или средние буквы), относится столь же к «формам», как и к «темам».

Oblat. Ее колени. (Рондо). Теорию рондо см. там же, где теорию сонета. Сущность рондо — трижды повторенный припев: в начале, в середине и в конце стихотворения, причем

традиция предпочитает в рондо две рифмы. Развитие идеи рондо приводит к сложным рондо и тому подобное. Рондо «Ее колени» взято из сборника «Все напевы».

Три символа. (Риторнель). **Ф. Сологубу.** (Триолет). **Сон мгновенный.** (Виланель). Риторнель, триолет и виланель — «формы», дошедшие из старофранцузской, староитальянской и провансальской поэзии, где зародились рондо и сонет. Поэтому теории этих форм также достаточно разработаны и помещаются во всех учебниках стихосложения. Менее других известна риторнель, обычно — трехстишия, где два стиха, более длинных, развивают мысль первого, более короткого. Триолет был написан уже Карамзиным, а К. Фофанов прославил «царевича Триолета» триолетами же; позже Ф. Сологуб дал целую книгу триолетов. Достоинство триолета, конечно, в том, чтобы повторяющиеся стихи (два первых в конце, как седьмой и восьмой, и первый еще, как четвертый) не были только припевом, но появлялись каждый раз с видоизмененным значением. Форма виланели следует из приведенного образца. — Триолет

Ф. Сологубу (ответ на его триплет, обращенный к автору) взят из сборника «Семь цветов радуги».

О женщинах былых времен. (Фр. Вийона).

О любви и смерти. (Баллады). Термин «баллада» имеет два значения. Немецкие романтики называли так небольшую эпическую поэму в строфах; эта форма хорошо у нас известна по балладам Шиллера и Гете, в переводах Жуковского, гр. А. К. Толстого, новых — С. Соловьева и др. Автор этой книги написал две баллады такого рода: «Похищение Берты» («Сборник Сирина», II) и «Прорицание» («Одесский листок» 1914 г.). В старофранцузской поэзии термин «баллада» имел иной смысл: так называлось лирическое стихотворение из трех строф по восьми стихов с заключительной «посылкой» (envoi) в четыре стиха, при трех рифмах на всю пьесу, из которых одна встречается четырнадцать раз, другая — восемь, третья — шесть, и с повторением одного и того же стиха (припева) в конце всех строф, не исключая «посылки». Достоинство баллады в том, чтобы повторяющийся

стих естественно входил в состав строфы. В последние годы ряд баллад был написан М. Кузминым, Н. Гумилевым и др. Баллада «О женщинах» (перевод баллады Франсуа Вийона) была напечатана в «Сборнике Сирина», II, а баллада «О любви и смерти» взята из сборника «Семь цветов радуги».

К Даме. (Канцона). Канцона, — любимая форма провансальских и староитальянских поэтов, — лирическое стихотворение в строфах, построение которых предоставлялось изобретательности поэта. (См. Вступительную статью) Лучшие канцоны на русском языке написаны Вяч. Ивановым. Канцона «К Даме» была напечатана в «Сборнике Сирина», II.

Безнадежность. (Секстина). Секстина — стихотворение из шести строф по шести стихов каждая, причем конечные слова первой строфы (которые могут между собою рифмовать, по могут и не рифмовать) повторяются во всех строфах на заранее определенных местах, осуществляя все возможные алгебраические «перемещения» шести элементов. Достоинство секстины — в естественности этих по-

вторений и в том, чтобы повторяющиеся слова появлялись каждый раз в видоизмененном значении. Едва ли не первая, по-русски, секстина была написана Л. Моем; позже ряд секстин был написан М. Кузминым и др. Секстина «Безнадежность» взята из сборника «Семь цветов радуги».

Песня из темницы. (Строфы). Род канцоны (см. выше).

Дворец Любви. (Строфы). Перевод французских стихов XIV в. Метр — шестистопный ямб с женской цесурой

В ту ночь. Твой взор. (Газеллы). Газелла — двустишия персидской поэзии, где особенности этой формы были вызваны свойствами языка. Сущность газеллы (правильнее — газели) — в повторении заключительных слов первого стиха в конце второго стиха и в конце каждого двустишия; все остальное — украшения, которые для данной формы не обязательны. Достоинство газеллы — в том же, как и в других формах с повторением слов (рондо, триолет, баллада, виланель, секстина и др.). Ряд газелл, — переводы Гафиза, — дал А. Фет; много газелл написано М. Кузминым, Вяч.

Ивановым и др. Газелла «В ту ночь» была напечатана в «Сборнике Сирииа», II.

Персидские четверостишия. Свойства языков персидского и арабского побудили поэтов Ближнего Востока (в том числе староармянских и др.) употреблять многостопные стихи, разделенные постоянной цесурой на два самостоятельных полустихия. В передаче на европейские языки каждый такой стих разлагается на два. Так называемые «персидские четверостишия» (зародыш, из которого развилась газелла) суть, собственно, двустишия с постоянной внутренней рифмой перед первой большой цесурой; вот почему третий стих (в сущности — полустихие) остается без рифмы. «Персидские четверостишия» были напечатаны в «Сборнике Сирина», II.

Песнь норманнов. (Припевы). О припевах см. выше.

Армянские песни. (Народные, Саят-Новы и др.). Армянская поэзия восприняла многие приемы, обычные во всей восточной поэзии: персидской, арабской и др. Эти приемы мастерски применены авторами монастырской лирики XV–XVII вв. и позднейшими «ашуга-

ми» (народными бродячими певцами), среди которых талантливейшим был Саят-Нова (XVIII в.). Припевы, обязательные повторения слов, много раз повторяющаяся рифма и тому подобное, все это, только изредка встречающееся в европейской поэзии, разработано староармянскими поэтами, как основные приемы музыкальности стихов. Так как вместе с тем армянская лирика XV–XVII вв. достигает предельных высот искусства, содержит истинные перлы мировой поэзии, то изучение этой лирики обязательно для каждого поэта, наравне с провансальской поэзией, с античной и т. под. Подробнее об этом см. наши статьи в книгах: «Поэзия Армении с древнейших времен» (под ред. Валерия Брюсова, изд. М. Армянского комитета, М., 1916 г.), откуда взяты и приводимые здесь образцы, и Валерий Брюсов, «Летопись исторических судеб армянского народа от VI в. до р. X. по наше время» (изд. того же комитета, М., 1918). Джан-гюлюмы — народные весенние обрядовые песни.

Танки и хай-кай. Танка, любимая форма старояпонских поэтов, стихотворение в тридцать

дать один слог, расположенных в пяти стихах, по характеру японского языка — без рифм. Хай-кай — как бы укороченная танка, ее три первых стиха. Японские поэты умели вкладывать в тридцать один слог танки выражение сложных и многообразных чувств. Для европейца танка кажется вступительным стихом к ненаписанному стихотворению... Г. А. Рачинский остроумно указал, что тридцать один слог танки совпадают с тридцать одним слогом античного элегического дистиха; первые три стиха (пять, семь и пять слогов) образуют семнадцать слогов полного гексаметра, два последних стиха (семь и семь слогов) — четырнадцать слогов пентаметра. Много танок и хайкай, по-русски, написано К. Бальмонтом. Приводимые здесь были напечатаны в «Сборнике Сирина», II.

Треугольник. Стихотворения, которые расположением стихов образовывали разные фигуры, были распространены уже в римской поэзии III–IV вв. по р. X. Само собой понятно, что такое расположение придает и своеобразие ритмам стихов. «Фигурные» стихотворения должно отнести поэтому к разряду «тем».

Вечеровое свидание. (Бесконечное рондо). Бесконечное рондо — форма, в которой каждая следующая строфа повторяет, как стихи первый и третий, стихи второй и четвертый предыдущей строфы. Известный пример бесконечного рондо дан Ш. Бодлером.

Терем мечты. (Повторные рифмы). **Вечерний Пан** и др. (Строфы). Образцы различного построения строф, с внутренними постоянными рифмами и без таких рифм. Число возможных построений строфы, как указано во Вступительном очерке, — бесконечно. В частности, в стихах «Итак, это — сон...» использованы четырехсложные рифмы, в стихах «Закатная алость» — все выражения, означающие оттенки красного цвета, и под.

В. Брюсов

Примечания

Помни о смерти (*лат.*).

[^^^]

2

Классическая Вальпургиева ночь (нем.)

[^^^]

К звездам (*лат.*).

[^^^]

4

Весталки и развратника (*лат.*).

[^^^]

Ничто (*лат.*)

[^^^]

6

Где бы статья (*др. — греч.*).

[^^^]

Экспресс (нем.).

[^^^]

У алтарей (лат.).

[^^^]

И СЫН (нем.).

[^^^]

Правъ, Британія! (*англ.*)

[^^^]

Сверхчеловек (*нем.*).

[^^^]

Вторая империя (*фр.*).

[^^^]

Обломки (*фр.*).

[^^^]

С точки зрения вечности (*лат.*)

[^^^]

Голос народа (*лат.*)

[^^^]

Рассказы (*англ.*)

[^^^]

Сколь приятно должно быть послание (*лат.*)

[^^^]

Спальный вагон (*англ.*)

[^^^]

Умереть (*лат*)

[^^^]

Тема (лат.)

[^^^]

Развязка (*лат.*)

[^^^]

Женственность (нем.)

[^^^]

Следовательно, существую (*лат.*)

[^^^]

Сладкое безделье (*ит.*)

[^^^]

Беседа (*фр.*)

[^^^]

Вступительная лекция к курсу стихотворной техники в московской «Студии стиховедения», прочитанная 18/5 апреля 1918 г.

[^^^]

Это чрезвычайно важное обстоятельство было упущено из виду Андреем Белым во всех его работах по ритму. Такое существенное упущение лишает, к сожалению, эти работы, во многих отношениях весьма замечательные и ценные, — решающего значения. Особенно это относится к выводам Андрея Белого, которые вес оказываются неправильными, так как неверна их исходная точка. Оценивая ритмы, Андрей Белый «подсчитывал» статистически только ипостасы, устраняя влияние на них цесур: через это в подсчетах оказались занесенными в одну рубрику ритмы совершенно различные, и вообще все разнообразие ритмов ускользнуло таким образом от внимания наблюдателя. Подробнее об этом см. мою статью в «Аполлоне» 1910 г.

[^^^]

Античный гексаметр был чистый дактилический метр с ипостасами дактиля равнозначащей (по числу «мор») стопой спондея. Русский гексаметр, каким его создали Гнедич, Дельвиг и др., есть сложный метр, образуемый 3-сложными стопами дактиля и 2-сложными стопами хорей. Явно, что метр изменен в самом своем существо.

[^^^]

В русской метрике эти термины имеют иной смысл, нежели в античной, но выяснение их завело бы нас здесь слишком далеко в подробности. (Прим. Брюсова.)

[^^^]

В данном издании под строкой указано, в каком томе помещены эти стихотворения.

[^^^]

См. сб. «Девятая Камена»

[^^^]

См. сб. «Сны человечества».

[^^^]

См. сб. «Сны человечества» под заглавием «Из Александрийской антологии»

[^^^]

См. сб. «Сны человечества», под заглавием «В духе Катулла».

[^^^]

См. сб. «Семь цветов радуги».

[^^^]

См. сб. «Семь цветов радуги».

[^^^]

См. сб. «Сны человечества».

[^^^]

См. сб. «Сны человечества».

[^^^]

См. сб. «Сны человечества».

[^^^]

См. сб. «Зеркало теней».

[^^^]

См. сб. «Семь цветов радуги»

[^^^]

См. сб. «Все напевы».

[^^^]

См. сб. «Семь цветов радуги».

[^^^]

См. сб. «Семь цветов радуги»

[^^^]

См. сб. «Семь цветов радуги»

[^^^]

См. сб. «Девятая Камена».

[^^^]

См. сб. «Сны человечества»

[^^^]

См. сб. «Сны человечества» под заглавием
«Испанские народные песни».

[^^^]

См. сб. «Семь цветов радуги».

[^^^]

См. сб. «Семь цветов радуги».

[^^^]

См. сб. «Девятая Камена»

[^^^]

См. сб. «Семь цветов радуги»

[^^^]

См. сб. «Сны человечества» под заглавием
«Ода в духе Горация».

[^^^]

См. сб. «Семь цветов радуги»

[^^^]

См. сб. «Семь цветов радуги».

[^^^]

Oblat — молодой послушник, человек, готовящийся стать монахом.

[^^^]

См. сб. «Все напевы».

[^^^]

См. сб. «Семь цветов радуги».

[^^^]

См. сб. «Сны человечества», под заглавием «Виланель».

[^^^]

См. сб. «Сны человечества», под заглавием
«Баллада о женщинах былых времен».

[^^^]

См. сб. «Семь цветов радуги», под заглавием
«Баллада о любви и смерти».

[^^^]

См. сб. «Сны человечества», под заглавием
«Канцона к Даме».

[^^^]

См. сб. «Семь цветов радуги», под заглавием «Секстина».

[^^^]

См. сб. «Сны человечества».

[^^^]

См. сб. «Сны человечества».

[^^^]

См. сб. «Сны человечества», вместе с стихотворением «Пылают розы, как жгучий костер» под общим заглавием «Газели», № 1.

[^^^]

См. сб. «Сны человечества», «Газели», № 2.

[^^^]

См. сб. «Сны человечества».

[^^^]

См. сб. «Сны человечества», под заглавием «Армянская народная песня».

[^^^]

Самшит— род сосны, обычное сравнение для плеч и рук.

[^^^]

Джан — слово, означающее и душу и тело, вообще нечто самое дорогое, любимое.

[^^^]

Пинджан — особый сосуд, фиал.

[^^^]

Пранги-атлас— фряжский, заморский атлас.

[^^^]

Конь-Раш — конь Рустема из персидской эпопеи.

[^^^]

Сусамбар — пахучая трава.

[^^^]

Яр — милая, возлюбленная (см. выше).

[^^^]

См. сб. «Сны человечества»

[^^^]

См. сб. «Семь цветов радуги».

[^^^]

См. сб. «Семь цветов радуги», без заглавия
(«Итак, это — сон, моя маленькая...»)

[^^^]

См. сб. «Последние мечты».

[^^^]